

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Австро-венгрия и славяно- германские отношения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Dorothy Cheever & Jim
Dorothy Cheever & Jim
of Brown &
Dorothy Maryburg at
about Blytheville

Moselle
1965~

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Австро-венгрия
и
славяно-
германские
отношения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

Редакционная коллегия:
B. Д. Королюк (ответственный редактор),
H. Д. Ратнер, A. И. Рогов, B. M. Турок

СТАТЬИ

Б. Н. Флоров

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИМИ ЗЕМЛЯМИ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В XVI в.

(Чешские, моравские и силезские сукна
на русском рынке)

Рубеж XV—XVI вв. явился временем больших и резких изменений в развитии европейского сукноделия. Старые, традиционные сукнодельческие районы, ранее снабжавшие своей продукцией всю Европу, теряют свое значение, вступают в полосу кризиса — напротив, начинает бурно развиваться ряд новых районов, продукция которых ранее не имела большого значения в европейской экономической жизни.

К числу этих новых районов относился и ряд областей Центральной Европы, входивших в то время в состав империи Габсбургов, а именно — Силезия и Чехия. Сукна этих областей на протяжении позднего XV—раннего XVI в. распространялись на огромной территории от Прибалтийского побережья на севере до Адриатического на юге¹. Появились они в XVI в. и на русском рынке.

А. В. Флоровский был первым исследователем, поставившим вопрос о связях чешского и силезского сукноделия XVI в. с русским рынком в своих работах по истории торговых связей Силезии и Чехии с рынками Восточной Европы².

¹ См. для более раннего времени: Gr. G r a u s. Český obchod se suknyem ve 14 a počátkem 15 století. Praha, 1950. О вывозе чешских сукон на юг в XVI в. см.: F. K a v k a. Český a slovenský obchod s textilními výrobky v rumunských zemích (do poloviny 17 století). «Historický sborník», t. V. Praha, 1957.

² A. V. Fl o r o v s k i j. Česko-moravské a slezské soukenictví a východoevropský trh. «Československý časopis historický», Z. 46, 1940, str. 1—49. Эта же работа А. В. Флоровского вышла затем отдельным изданием. См.: «České sukno na východoevropském trhu» (Praha, 1947); о н и ж е. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století). Praha, 1954, str. 125—127.

Заслугой А. В. Флоровского был прежде всего сам факт установления таких связей: в источниках, на которые ранее не обращалось внимания, он обнаружил сведения о бытованиях в России XVI в. целого ряда силезских и чешских сукон. Однако целый ряд источников, тогда неопубликованных, остался недоступным для исследователя; о существовании других, как, например, белорусских таможенных книг начала XVII в., до последнего времени вообще не было известно, поэтому ряд вопросов темы остался неосвещенным в работах А. В. Флоровского. Это обстоятельство и позволяет вновь обратиться к поставленному А. В. Флоровским вопросу, чтобы спохватить его на основе всей совокупности известных в настоящий момент источников.

Если в Польше и Великом княжестве Литовском чешские и силезские сукна уже в начале XVI в. широко продавались и покупались, то упоминания об этих сукнах в русских источниках относятся к гораздо более позднему времени, к 30-м—40-м годам XVI в.³ Можно было бы объяснить это просто неполнотой дошедших до нас русских источников, но такое решение вопроса оказывается, как увидим, не вполне верным. Известно, какую роль в русской экономике XVI в. играла прибалтийская торговля. Через балтийские порты Ригу и особенно Таллин (Ревель) Россия первой половины XVI в. получала значительную часть нужных ей товаров. Между тем в посвященном ревельской торговле первой половины XVI в. обстоятельном исследовании Г. Миквитца чешские и силезские сукна даже не упоминаются в перечне основных видов ввозившихся в это время в Ревель сукон. Больше всего сукон и наиболее часто ввозились из голландского города Наардепа («nerdsche laken»). Часто упоминаются в источниках сукна фландрских городов (Туркуэна и Попперинга) и городов прирейнской Германии (Дортмунд), Ганновера (Геттинген), Гессена (Оберурсель)⁴. Все эти сукна ввозились в Россию и раньше, во второй половине XV в.⁵ На рубеже XV—XVI вв., следовательно, резких изменений в ревельской торговле сукном не произошло. Позднее положение изменилось, и в середине XVI в. чешские и силезские сукна ввозились в Прибалтику в значительных размерах.

³ Силезские «рославские» (т. е. «вроцлавские» — об этом термине см. ниже) сукна упоминаются в документе, который датируется 1533—1538 гг.: Н. П. Ли х а ч е в. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. М., 1895, стр. 6. Чешские («четырикье») сукна первый раз упоминаются в приходо-расходных книгах Новгородского Софийского Дома 1547—1548 гг. в засиси от 20 ноября 1547 г.; См.: Б. Д. Г р е к о в. Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 77.

⁴ G. M i c k w i t z. Aus Revaler Handelsbüchern. Helsingfors, 1938, S. 59.

⁵ А. Л. Х о р о ш к е в и ч. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 183, 189, 191—192, 194—195.

Таким образом, сравнительно позднее проникновение чешских сукон на русский рынок следует считать установленным.

Причины этого явления выясняются при изучении общих условий распространения чешских и силезских сукон на рынках Европы. К сожалению, в оценке этих условий между исследователями нет единодушия. Если еще С. Кутшеба связывал распространение чешских и силезских сукон в Польше с прекращением связей этой страны с Нидерландами, то А. В. Флоровский с ним не согласен. По его мнению, «судьба нидерландских сукон на польском рынке не могла, вероятно, иметь решающего влияния на вывоз чешских и моравских сукон». Дорогие фландрские сукна не могли конкурировать с дешевыми чешскими, различия между ними были слишком велики⁶. Однако приводимые самим А. В. Флоровским данные о продаже силезских сукон под видом фландрских свидетельствуют как раз о существовании соперничества между фландрскими и силезскими суконщиками. Сведения о ценах на сукно в конце XV—начале XVI в. в Польше также свидетельствуют, что в этом отношении между дешевыми фландрскими сукнами и чешскими не было существенных различий. Так, в 1504 г. постав⁷ «трикунгского» сукна (из фландрского города Туркуэна) стоил 3 копы грошей литовских, а постав «чешского» сукна в эти же годы — 3,3 копы грошей литовских. Постав «порского» сукна (из голландского города Наардена) стоил в 1520 г. 6,5 золотых, а постав силезского «горлицкого» сукна — 5,5 золотых: дешевле, чем все остальные сукна, в том числе и чешские⁸.

Для того чтобы завоевать восточноевропейский рынок, необходимо было вытеснить с него голландские и фландрские сукна. Между тем в ревельской торговле первой половины XVI в. именно эти сукна преобладали, что является наиболее убедительным доказательством отсутствия силезских и чешских сукон на русском рынке первых десятилетий XVI в. в сколько-нибудь значительных размерах.

Можно предложить различные объяснения этого явления: сыграли, вероятно, свою роль и традиционные связи фландрских суконников и ливонского купечества, и русско-литовские войны конца XV—начала XVI в., несомненно, затруднившие русско-литовскую сухоштучную торговлю.

Быстрый рост ввоза чешских и силезских сукон в Познань — главный центр торговли с Белоруссией с 30-х годов XVI в., возможно, и связан с широким проникновением центральноевропей-

⁶ A. V. Florovskij. Česko-ruské obchodní styky..., str. 99.

⁷ Постав — кусок ткани, спаятый целиком с одного ткацкого стана.

⁸ R. Rybarský. Handel i polityka handlowa w Polsce w XVI stuleciu, t. II. Poznań, 1929, str. 301—304.

ских сукон на русский рынок⁹, начиная именно с этого времени¹⁰.

Период широкого обращения чешских сукон на русском рынке оказался, однако, довольно непродолжительным. Во второй половине XVI в. чешские сукна были вытеснены с восточноевропейского рынка моравскими. В таможенных книгах Познани 1584 г. и Кракова 1585 г. чешские сукна не отмечены вовсе, в то время как моравского сукна через Краков прошло 2 кипы 1998 поставов, а через Познань — 1878 поставов¹¹. Таково же было положение и в начале XVII в.; через Брест в 1605 г. прошло 923 постава моравского и 2½ постава чешского сукна, через Гродно в том же году соответственно 696 и 3 постава¹². Падение вывоза сукон на внешний рынок сопровождалось сильным упадком сукноделия Чехии во второй половине XVI в.¹³ О полном прекращении экспорта сукон из Чехии говорить все-таки затруднительно: под именем «моравских», возможно, продавались и чешские сукна¹⁴.

Отрывочные упоминания чешских и моравских сукон в русских источниках второй половины XVI в. в общем соответствуют сложившейся на восточноевропейском рынке ситуации: на два упоминания о чешских сукнах¹⁵ приходится семь упоминаний моравского сукна¹⁶.

⁹ В 1519/1520 г. в познапских таможенных книгах отмечены 2 кипы 22 постава силезского «горлицкого» сукна, в 1531/2 г. — 25 кип 61 постав, в 1534 г. — 49 кип 22 постава; для чешских сукон цифры за соответствующие годы: 1519/1520 г. — 8,5 кипы 104 постава, 1531/2 г. — 283 постава, 1533 г. — 10,5 кипы 392 постава, 1537 г. — 28,5 кип 63 постава, 1538 г. — 45 кип 95 поставов. См.: R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 58—59 (табл. 16).

¹⁰ Перечень чешских городов (главным образом северо-восточной Чехии), экспортавших свое сукно на восточноевропейский рынок, см.: A. V. Floryovskij. Česko-ruské obchodní styky., str. 101—102.

¹¹ R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 110, 204.

¹² З. Ю. Конысский. Из истории торговых связей городов Белоруссии с городами Польши. «Исторические записки», т. 72. М.—Л., 1962, табл. 5, 10.

¹³ О сокращении производства и других признаках упадка городов, связанных с восточным рынком, см.: J. Janáček. Řemeslná výroba v českých městech v 16 století. Praha, 1961, str. 97 и далее. Характерно, что южночешские города, вывозившие свое сукно в Венгрию и Румынию, не испытывали экономических затруднений вплоть до начала Тридцатилетней войны (там же, стр. 101).

¹⁴ Из 1878 поставов «моравского» сукна, прошедшего в 1584 г. через Познань, 1012 поставов пришло из чешских городов Рихнова и Костельце — крупных центров чешского сукноделия XVI в. (R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 110).

¹⁵ «Русско-белорусские связи (сб. документов)». Минск, 1963, стр. 11 (1580 г.), стр. 28 (около 1593 г.).

¹⁶ «Русско-белорусские связи», стр. 40 (1568 г.); «Сборник Русского Исторического общества» (далее — Сб. РИО), т. 71, СПб., 1882, стр. 750 (1570 г.); «Русско-белорусские связи», стр. 11 (1580 г.); «Сборник Археологического института», т. 6. СПб., 1898, стр. 13 (1583 г.); «Русско-белорусские связи», стр. 28, 38, 47 (около 1593 г. и 1593 г.).

Самое раннее свидетельство об отправке моравских сукон в Литву и Белоруссию, обнаруженное А. В. Флоровским, относится к 1566 г.¹⁷, а уже в 1568 г. «моравские сукна» были куплены царской казной у оршанского купца Семена Тинкова¹⁸. Это говорит о том, что торговые связи сукноделия Центральной Европы с русским рынком были к этому времени очень прочно наложены. Ввозили «моравские» сукна в Россию через Смоленск белорусские купцы, главным образом из Орши и Могилева. Кроме того, моравские сукна попадали в Россию и через порты Прибалтики: во всяком случае, они упоминаются среди сукон, покупавшихся русскими в Нарве, в русском торговом руководстве второй половины XVI в. — так называемой «Торговой книге»¹⁹.

Силезские сукна появились на русском рынке раньше, чем чешские. В русском документе 1533—1538 гг., завещании Василия Ларионова — ясельничего Василия III, упоминается «рословское» сукно, за которое нужно было уплатить 10 алтын²⁰. В «Торговой книге» отмечается, что «рословские» сукна «по-немецки» называются «герлосхе лакенен»²¹, т. е. *Görlische laken* — сукно из Горлицы²², крупнейшего центра сукноделия не только Силезии, но и Центральной Европы в целом. В начале XVI в. сукноделие в Горлице вступило в полосу расцвета. «По размерам продукции Герлиц в то время во много раз превосходил средневековые Кельн и Страсбург и стоял на одном уровне с крупнейшими центрами текстильной промышленности средневековой Европы: Флоренцией, Генуей, Венецией, Ульмом и Аугсбургом»²³. Размеры производства сукна в Горлице в начале XVI в. достигали 30 тыс. поставов в год²⁴. «Рословский» — это искаженное

¹⁷ A. V. Fl o g o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 106—107 (партия моравских сукон отправлена из Познани в Вильнюс).

¹⁸ «Русско-белорусские связи», стр. 40.

¹⁹ «Торговая книга» цитируется по тексту, подготовленному к изданию И. Н. Шмелевой, но, к сожалению, до сих пор не напечатанному: И. Н. Шмелева. Русская торговая книга XVI века (канд. дисс., машинопись). Л., 1948. Приложение, стр. 75. Раздел руководства с записями о торговле сукном может быть датирован 60—70-ми годами XVI в. См.: Б. Н. Флория. Торговая книга XVI века (дипломная работа). МГУ, 1960; стр. 90—93.

²⁰ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 6. К этому же времени относится и упоминание о горлицком сукне в письме ревельского купца, торговавшего с Россией (G. M i c k w i t z. Указ. соч., стр. 160).

²¹ И. Н. Шмелева. Указ. соч., стр. 75.

²² A. V. Fl o g o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 134—135.

²³ В. В. Стоклицкая-Терешкова и ч. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 55. С работой H. Jecht'a по истории сукноделия Горлицы (*Beiträge zur Geschichte des Ostdeutschen Waidhandels und Tuchmachergewerbes*). — «Neues Lausitzer Magazin», XCIX, Lausitz, 1923) мне, к сожалению, ознакомиться не удалось.

²⁴ J. Япачек. Указ. соч., стр. 102. В наиболее крупном из чешских центров сукноделия — Брумове, вырабатывалось в год около 12 тыс. поставов (там же, стр. 101).

«вроцлавский». Ткачи Горлицы были подчинены купцам из Вроцлава, снабжавшим их шерстью и вайдой и сбывавшим готовую продукцию. Естественно, что на далеком русском рынке горлицкие сукна, попадавшие туда при посредничестве вроцлавских купцов, были известны именно под таким названием.

В середине XVI в. рословские сукна покупались русскими в Нарве, как об этом сообщает «Торговая книга». О широком размахе торговли этим сукном свидетельствует то, что, говоря о других сукнах, автор указывает цену постава, т. е. одного куска сукна, а для рословских отмечается цена «кипы», состоявшей из 25 поставов²⁵.

Это наблюдение подтверждается и более поздней торговой практикой: в составе нескольких партий товаров, описанных в источниках конца XVI—начала XVII в., фигурируют кипы рословских сукон и отдельные поставы сукон других сортов²⁶.

О широком распространении «рословских сукон» в России середины XVI в. говорит и определение размера пошлины на них в Новгородской таможенной грамоте 1586 г.²⁷, формуляр которой был составлен, по-видимому, также в середине XVI в.²⁸

Во второй половине XVI в. «рословские» сукна неоднократно упоминаются в посольских делах и приходо-расходных книгах. В Россию «рословские сукна» в конце XVI—начале XVII в. попадали несколькими путями: сухопутным (через Белоруссию) и морским (через порты Прибалтики²⁹ и Архангельск³⁰).

«Рословские» сукна делились на два сорта: «однопечатное» и «двоепечатное» сукно. Эти сукна, по-видимому, не отличались друг от друга по размерам, но резко различались по качеству. Кипа «двоепечатного» сукна стоила в Нарве 140 ефимков, а кипа «однопечатного» сукна в Москве, где парская цена, несомненно, должна была повышаться, 25 руб., т. е. 75 ефимков (по курсу, указанному в самой «Торговой книге» — «по 3 ефимки емлют за московский рубль»). Одно сукно было, таким образом, почти в два раза дороже другого. Можно, конечно, предположить, что именно Горлица производила сукна разного качества, но более

²⁵ И. Н. Шмелева. Указ. соч., стр. 74, 75.

²⁶ Так, в партии товаров, отправленной в 1585 г. из Гамбурга в Архангельск, было 40 кип (т. е. 1000 поставов) рословского сукна и около 200 поставов сукна других сортов (Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, стр. 229).

²⁷ «Акты, собранные Археографическою экспедициою Академии Наук», т. I, СПб., 1836, № 331, стр. 399 («с рословского с постава по денги»).

²⁸ См.: Б. Н. Флоря. Из истории русско-фландрских торговых связей в XVI в. Сб. «Средние века», вып. XXVI, стр. 97—103. О большом распространении горлицких сукон в России говорит и приводимое А. В. Флоровским свидетельство немецкого автора: А. В. Flórovskij. Českoruské obchodní styky..., str. 133.

²⁹ В фрагменте дерптской таможенной книги (декабрь 1589 г.) имеются записи о покупке горлицких сукон московскими купцами (R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 264).

³⁰ ЦГАДА, ф. 38. Сношения России с Англией, д. 41, 1604 год, лл. 12, 14.

вероятно другое объяснение. В польских таможенных книгах наряду с «горлицкими» неоднократно упоминаются «вроцлавские» сукна. Эти сукна были значительно дешевле горлицких³¹. Так как вроцлавские купцы наряду с горлицкими сукнами скупали продукцию у сельских ремесленников, то возможно, что именно их более грубые изделия и были известны под именем рословских «однопечатных» сукон.

Горлицей и Вроцлавом круг силезских городов, продукция которых поступала на русский рынок, не ограничивался.

Наряду с рословскими сукнами в «Торговой книге» упоминаются «свищицкие» сукна³². Это сукна из силезского города Свидница. На протяжении XVI в. они постоянно ввозились в Польшу, правда, в очень небольших количествах³³. Большую роль в восточноевропейской торговле играли «шебединские» сукна из города Сьвебодзина (Swiebodzin) в северной Силезии. О ввозе этих сукон в Россию имеется известие, относящееся к 1580 г.³⁴

А. В. Флоровский обратил внимание на таможенную грамоту Михаила Федоровича городу Тотьме 1622 г. с ее перечнем ввозившихся в Россию сукон. Наряду с «рословскими» и «шебединскими» в ней упоминаются сукна «глотцкие», «жеганские» и «синегорские»³⁵. «Глотцкие» — это сукна из силезского города Кладска (нем. Glatz), которые упоминаются в польских таможенных книгах второй половины XVI в.³⁶ «Жеганские» — сукна города Жеган в Нижней Силезии — в 1604 г. покупали русские купцы в Архангельске³⁷. «Синегорские» сукна привозили в 1583 г. в Москву купцы из Могилева³⁸.

В конце XVI—начале XVII в. в Белоруссию ввозилось много сукон еще трех силезских городов: «ганские» — из Хайнова (нем. Hainau)³⁹, «зеленогорские» — из Зеленой Гуры (нем. Grünberg) и «глоговские» — из Глогова⁴⁰, но о связях этих городов

³¹ Так, в 1520 г. постав «горлицкого» сукна стоил 5,5 золотых, а «вроцлавского» — 3,12 золотых (R. R u b a g s k y. Указ. соч., стр. 300—302).

³² И. Н. Шмелева. Указ. соч., стр. 75: «А в свищицких с рословскими одна мера».

³³ Свидницкие сукна упоминаются и в белорусских таможенных книгах конца XVI—начала XVII в. (З. Ю. Копысский. Указ. соч., стр. 160).

³⁴ «Русско-белорусские связи», стр. 11. Кроме того, «сукно шебединское голубое» упоминается в описи имущества Бориса Годунова 1589 г. (П. И. Савватов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, СПб., 1865, стр. 201).

³⁵ «Сборник Муханова», СПб., 1866, стр. 547.

³⁶ R. R u b a g s k y. Указ. соч., стр. 303; в белорусских и украинских источниках известно, как «Khlockoje» (A. V. F l o r o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 133).

³⁷ ЦГАДА, ф. 38, д. 41, л. 5.

³⁸ «Сборник Археологического института», т. 6, стр. 13.

³⁹ О происхождении «ганских» сукон см.: A. V. F l o r o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 106.

⁴⁰ З. Ю. Копысский. Указ. соч., табл. 4, 5, 9.

с русским рынком ничего не известно. Сукна всех этих городов (за исключением «зеленогорских» и «ганских») вывозились сравнительно небольшими партиями: главную массу чешско-силезского экспорта на восток составляли моравские и горлицкие сукна⁴¹.

Большинство упоминаний о моравских и силезских сукнах в русских источниках второй половины XVI в. связано с посреднической торговлей белорусских купцов, ввозивших эти сукна в Россию через Смоленск. Этот путь был главным⁴², но не единственным.

Определив удельный вес этих сукон в белорусской торговле, мы тем самым сможем в какой-то мере представить себе и их роль на русском рынке. Задача значительно облегчается тем, что материалы белорусских таможенных книг XVI—начала XVII в. обработаны в виде таблиц З. Ю. Копысским. Основываясь на этих данных, получаем следующие цифры: из 1747 поставов сукна, прошедших через Брест в 1583 г., 1382 постава, т. е. более 70%, были чешско-силезского происхождения, для Бреста в 1605 г. получаем соответственно 2556 и 1211 поставов, т. е. 50%, для Гродно в 1605 г. — 4589 и 3425 поставов, т. е. тоже около 70%⁴³. На белорусском рынке конца XVI—начала XVII в. чешско-силезские сукна, таким образом, преобладали.

Полученные данные интересно сопоставить с данными «Выписки» о торговле в Архангельске в 1604 г.⁴⁴ В этом году на английских и голландских кораблях было привезено 3837 поставов, 281 аршин и 47 поставцов сукна: среди них, однако, «муравьиных» сукон не было вовсе, а силезские сукна (8 кип, т. е. 200 поставов, «рословского» и 114 половинок «жеганского» сукна) составляли крайне незначительную часть (менее 10%).

Интересная попытка определить роль русского рынка в белорусской торговле сукном была предпринята З. Ю. Копысским. При сопоставлении данных таможенных книг Бреста 1583 г. и 1605 г. оказалось, что за один и тот же период времени в 1583 г. через Брест прошло в 2½ раза больше сукон, чем в 1605 г. Это падение ввоза З. Ю. Копысский справедливо объясняет тем, что с осени 1604 г. до июля 1605 г. русско-литовская граница была закрыта в связи с авантюной Лжедмитрия I⁴⁵. Сама торговля сукном, по его наблюдениям, сосредоточивалась в руках

⁴¹ В Гродно в 1605 г. было ввезено 2514 поставов моравского и горлицкого сукна и 816 поставов сукна других сортов.

⁴² В письме от 3 августа 1584 г. английский купец советовал своему компаньону торговать английскими сукнами, указывая, что «рословских с литвой много пришло» (Сб. РИО, т. 38, стр. 246).

⁴³ З. Ю. Копысский. Указ. соч., табл. 4, 5, 9.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 38, д. 49, лл. 5—34, 49—53 («Роспись заморским кораблем и товаром»).

⁴⁵ З. Ю. Копысский. Указ. соч., стр. 148.

тесно связанных с русским рынком купцов из городов Восточной Белоруссии (Орша, Копыс, Могилев и др.)⁴⁶.

О сравнительной стоимости моравских, силезских и других западноевропейских сукон на русском рынке позволяют судить записи «Торговой книги». Раздел о сукнах состоит из записей о размерах и ценах в немецких талерах («ефимках») сукон, продававшихся в Нарве. Он заключается выразительной записью — «а иным сукнам имян не знаем, и в лавках нет». Можно думать поэтому, что перечень охватывает, по-видимому, все основные сукна, поступавшие в Россию через Нарву. Сведения «Торговой книги» о ценах на сукно представлены ниже в виде следующих данных:

Сукно	Цена постава в талерах	В переводе на русские деньги
Настрофиль	40	13 руб. 30 коп.
Колтырь	30	10 руб.
Влоское	30	10 руб.
Лягчина	25	8 руб. 30 коп.
«Аглинская меньшая»	20	6 руб. 70 коп.
Муравское	16	5 руб. 30 коп.
Мышенское («поставец»)	15½	5 руб.
Еренга большая	15	5 руб.
Еренга меньшая	12	4 руб.
Лимбарское	8	2 руб. 70 коп.
Новоеское	8	2 руб. 70 коп.
Рословское двоепечатное	4,8—6	1 руб. 60 коп. — 2 руб.
Рословское однопечатное	3	1 руб.

Ряд сукон, ввозившихся в Россию во второй половине XVI в., такие, как «багрец», «шарлат», «скорлат», «порниян», в таблице (и в «Торговой книге») отсутствуют. Эти сукна, ввозившиеся редко и в не очень больших количествах, вероятно, не заинтересовали автора записей о сукнах. Стоили они очень дорого: аршин «порнияна» в 1561 г. — 40 коп.⁴⁷, аршин скорлата в 1535 г. — рубль⁴⁸, аршин «шарлата» во второй половине XVI в. оценивался в 2½ руб.⁴⁹. На эти деньги можно было купить 60 аршин «однопечатного» рословского сукна. Цены этих сукон, таким образом, лежат как бы за верхней гранью таблицы.

Даже учитывая, что размеры постава различных сукон были неодинаковы, ясно, что «муравские» сукна были сравнительно недорогими, а «рословские» сукна, бесспорно, самыми дешевыми из продававшихся в Нарве западноевропейских сукон. Цены дру-

⁴⁶ Там же, стр. 174.

⁴⁷ «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. А. Федотов-Чеховский», т. I, Киев, 1860, стр. 274.

⁴⁸ «Владимирский сборник», М., 1857, стр. 130.

⁴⁹ «Русско-белорусские связи», стр. 40.

гих силезских сукон по русским источникам неизвестны. Собранные Рыбарским сведения о ценах на сукно в Польше показывают, что «шебединские», «глотцкие» и «жеганские» сукна были в два раза дешевле моравских и близки по цене к горлицким⁵⁰, а свидницкие сукна даже дешевле последних⁵¹.

К сожалению, по имеющимся данным невозможно проследить динамику цен на сукно в России на протяжении всего XVI в. В документе 30-х годов XVI в. упоминается «рословское» сукно-цепой в 10 алтын, но размер его неизвестен. Более конкретны сведения о «чешском» сукне. В Новгороде в 1547 г. аршин этого сукна стоил 4 алтына 3 ден. Однако сведениями о ценах на «чешское» сукно во второй половине XVI в. мы не располагаем. Поэтому имеющуюся запись можно сопоставлять лишь с ценами на моравское сукно. Поставы чешского и моравского сукна были обычно размерами от 30 до 40 локтей (польский локоть — 54,94 см), т. е. около 25—33 аршин. Постав чешского сукна, следовательно, стоил около 3 руб. 30 коп.—4 руб. 40 коп. По «Торговой книге» постав «муравского» сукна стоил 5 руб. 20 коп. Так как «муравское» сукно было примерно на 20% дороже чешского, то можно предполагать, что постав «чешского» сукна стоил в 60-х—70-х годах XVI в. около 4 руб. 80 коп. Таким образом, если повышение цен и имело место, оно должно быть сравнительно небольшим.

Для второй половины XVI в. нельзя отметить даже и этого. В 1593 г. украденные в Смоленске 9 поставов «муравского» сукна были оценены в 45 руб., т. е. по 5 руб. постав⁵², дешевле, чем в 60-х—70-х годах XVI в. В ту же цену оценивались «муравские» сукна в Москве в 1611 г.⁵³

Постав «рословского» «однопечатного» сукна стоил в 60-х—70-х годах XVI в. 1 руб., постав «двоепечатного» сукна — 1 руб. 60 коп.—2 руб., аршин стоил, соответственно, 8 ден. и 12,8 — 16 ден.⁵⁴

На Казенном дворе в 1584/85 г. «рословское» сукно оценивалось в 13 алтын 2 ден. и 20 алтын, аршин — в 20 ден. и 15 ден.⁵⁵ Разницу цен можно объяснить тем, что на Казенном дворе были «рословские» сукна разных сортов — «однопечатные» и «двоепечатные».

⁵⁰ В конце 70-х годов постав «моравского» сукна стоил 17 золотых, «глотцкого» («Kladzkie») — 8, «шебединского» — 6,45, жеганского — 4,5 золотых (R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 303—304).

⁵¹ В 1520 г. постав горлицкого сукна стоил 5,5 золотых, а постав свидницкого и вроцлавского сукна — 3,12 золотых (R. Rybarsky. Указ. соч., стр. 300, 302, 304).

⁵² «Русско-белорусские связи», стр. 40.

⁵³ «Русская Историческая библиотека», СПб., т. II, стр. 237.

⁵⁴ Дающие «Торговой книги». См. табл. Постав рословского сукна равнялся 25 аршинам.

⁵⁵ «Дополнения к Актам Историческим», т. I, СПб., 1846, стр. 193, 196, 198.

печатные». К 80-м годам XVI в. цена на «рословское» сукно поднялась, следовательно, в 1,5—2 раза.

В 1589 г. аршин «рословского» сукна был куплен в Апдоме (село у южного берега Онежского озера) за 60 ден.⁵⁶, т. е. почти в четыре раза дороже, чем «двоепечатное» рословское сукно в 60-х—70-х годах⁵⁷. Таким образом, наиболее высоко поднялись цены на дешевое сукно. Правда, мы сопоставляем сведения об оптовых и розничных ценах, поэтому действительный рост цен мог быть меньшим, чем здесь представлено.

Уже А. В. Флоровский сформулировал как задачу исследования изучение движения цен на сукно по мере его перемещения от производителя к потребителю, однако и он должен был признать, что на данном этапе эта задача вряд ли разрешима в полном объеме⁵⁸.

Имеющиеся источники позволяют все же сделать одно любопытное сопоставление. В сохранившемся письме английского купца Валентина Намера от 9 мая 1585 г. последний уведомляет своего корреспондента, что он купил в Гамбурге 40 кип «рословских» сукон и погрузил их на судно, идущее в Архангельск («а куплены по 98 ефимков кипа»)⁵⁹. Сорт сукна в письме, к сожалению, не указан. Зная цену аршина «рословского» сукна в 1584/85 г. на Казенном дворе, можно попытаться определить разницу цен в этом случае. Так как известно количество поставов в кипе и количество аршин в поставе, можно определить цену аршина сукна в Гамбурге, которая равняется примерно 10 ден. Если было куплено «однопечатное» сукно, то разница цен составит 50%, если «двоепечатное», то 100%.

Такую разницу цен для этого времени следует, по-видимому, считать обычной⁶⁰.

А. В. Флоровский был первым исследователем, поставившим вопрос о том, какие слои населения были потребителями чешских и моравских сукон. Изучив большое количество украинских и белорусских источников, он пришел к выводу, что эти сукна покупали и носили шляхтичи, приходские священники, мещане, слуги панских дворов⁶¹.

⁵⁶ А. Г. М а н ь к о в . Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 207 (табл. 36). Тогда же в Апдоме был куплен и аршин «черненого» «рословского», по-видимому, однопечатного сукна за 14 ден. (там же).

⁵⁷ В 1604 г. кипа «рословских» сукон продавалась в Архангельске за 40 руб. Та же цена кипы рословских «двоепечатных» сукон указана в «Торговой книге», однако данные нельзя сопоставить, так как в «Росписи» сорт сукна не указан.

⁵⁸ A. V. Fl o r o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 120.

⁵⁹ Сб. РИО, т. 38, стр. 229.

⁶⁰ М. М. Г р о м ы к о . Нидерландско-русская торговля на Мурманском берегу в XVI в. Сб. «Средние века», т. XVII, 1960.

⁶¹ A. V. Fl o r o v s k i j. Česko-ruské obchodní styky..., str. 123.

Данные русских источников и в этом случае неполны и отрывочны. Однако то, что можно установить, в целом совпадает с наблюдениями А. В. Флоровского, хотя круг потребителей сукон в России был, как увидим ниже, несколько более широким.

Так, купленные в ноябре 1547 г. для Новгородского Софийского Дома 6 «участков» чешского сукна раздали конюхам «ко Псковскому поезду и к велику дни»: это был, таким образом, подарок владыки своим конюхам на пасху. Купленные в декабре 1547 г. 6 аршин чешского сукна отдали «халдею Новику на юпу»⁶². В царском хозяйстве, судя по «Расходным книгам» Казенного двора, «рословское» сукно использовалось на разного рода «черных работах»: «на обертки», «на метлы», «на отирку», «на ошивку» лубянных коробьев, в которых хранилась царская казна⁶³. Это сукно давалось также в виде жалованья охотникам и поварям⁶⁴.

Всего на Казенном дворе в 1584/85 г. было выдано 57 «сукон» (отрезов на платье), 3 половинки и 99½ аршин «рословского» сукна. В царском хозяйстве, таким образом, «рословских» сукон имелось довольно много.

Сведения об иностранных сукнах встречаются и в немногочисленных документах конца XVI—начала XVII в., описывающих имущество крестьян. У ограбленных литовцами в 1608 г. крестьян Порецкой волости Смоленского уезда было «две однорядки да два кафтана настрафильных»⁶⁵. В 1609 г. у крестьянки Троицкого монастыря Настасьи Парfenовой захватили однорядку женскую суконную «страфил синия»⁶⁶. В челобитной, поданной 11 сентября 1611 г. в осажденном Смоленске, смоленский помещик Игнатий Мещерин требовал передать ему имущество своего крестьянина, умершего в осаде, и в том числе «две однорядки настрафилы синия»⁶⁷. «Однорядки» из настрафила упоминаются и в крестьянской «рядной» 1612 г. из архива Спасо-Прилуцкого монастыря⁶⁸. «Настрафиль» — сукно английского происхождения⁶⁹, стоило значительно дороже чешских и силезских сукон⁷⁰. Таким

⁶² Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 77, 80.

⁶³ «Дополнения к Актам Историческим», т. I, стр. 193, 201, 205.

⁶⁴ Там же, стр. 199.

⁶⁵ «Памятники обороны Смоленска в 1609—1611 гг. Под ред. и с предисл. Ю. В. Гольце. «Чтения ОИДР», кн. 1, за 1912 год, стр. 8.

⁶⁶ Там же, стр. 10.

⁶⁷ «Памятники обороны Смоленска . . .», стр. 98.

⁶⁸ «Акты Юридические». СПб., 1838, № 395, стр. 419.

⁶⁹ В «Торговой книге» указано, что по-немецки «настрафиль» называется «пордярс ангелс». Английские купцы во второй половине XVI в. покупали это сукно в Англии (Сб. РИО, т. 38, стр. 218—219).

⁷⁰ В Архангельске в 1604 г. постав самого дешевого сорта «настрафили» — «меньшей» продавался по 8 руб. При размере постава в 32 аршина аршин «меньшей» настрафили стоил, следовательно, 50 ден., т. е. в три раза дороже, чем аршин рославского сукна в том же 1604 г. (13 ден.).

образом, последние были, бесспорно, доступны широким кругам населения: горожанам, мелким дворянам, зажиточному крестьянству.

Степень распространения иностранных тканей не нужно, впрочем, преувеличивать: изделия из этих тканей редко встречались в крестьянском имуществе, из них шилась парадная одежда, обычно лежавшая в сундуках и одевавшаяся по праздникам. Основные потребности широких масс в одежде по-прежнему удовлетворялись свиточным и сермяжным сукном местного производства. Это сукно было значительно дешевле самых дешевых иностранных сукон⁷¹.

⁷¹ Аршин «однопечатного» рословского сукна в 1584/1585 гг. стоил 15 ден., а аршин «можайского» сукна — 7 ден. Самые дорогие из сукон местного производства — «троицкие», стоили во второй половине XVI в. 10 ден. за аршин.

A. I. P o g o s

РУССКО-АВСТРИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
XVII в.

В исторической литературе неоднократно отмечались постоянные мирные отношения между Австрией и Россией в XV—XVII вв. В основе этих отношений лежала необходимость противостоять общей угрозе — турецкой агрессии в Европу, начавшейся в XV в. и особенно усилившейся во второй половине XVII в. Австрийская дипломатия старалась привлечь к этой борьбе и Речь Посполитую, над которой также нависла турецкая угроза. Между тем серьезные русско-польские противоречия затрудняли заключение такого аптитурецкого союза. Они были разрешены в основном только к 1686 г., когда и был заключен «Вечный мир». В течение же XVII в. Австрия неоднократно выступала в качестве посредника в переговорах между двумя странами. Этому была посвящена значительная часть австрийских посольств в Москву и русских посольств в Вену¹. Сохранилось и издано несколько описаний австрийских посольств, в том числе знаменитого посольства Мейерберга 1661 г. с альбомом зарисовок, сделанных в России, и статейные списки русских слов о пребывании их в Вене². Эти описания свидетельствуют о том, что взаимные связи двух стран далеко не ограничивались одними дипломатическими отношениями. Не говоря об экономических связях России с землями габсбургской империи, история которых могла бы явиться темой самостоятельного исследования, остановимся на вопросе о культурных связях между двумя странами. Помимо описаний посольств и статейных списков, данные по вопросу русско-австрийских культурных связей содержатся также в документах Посольского приказа (в Австрийских делах³ и среди документов о выездах

¹ О русско-австрийских отношениях XVI—XVII вв. см. в предисловии к кн. Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами (трактаты с Австрией)», т. I. СПб., 1874.

² Напомним здесь, что австрийский посол С. Герберштейн оставил одно из самых полных описаний России.

³ ЦГАДА, ф. 79. Материалы этого фонда за XVII в. опубликованы в издании «Памятники дипломатических спошений древней России с державами иностранными», т. II—X. СПб., 1852—1871 (далее — «Памятники...»).

иностранцев из России⁴), в произведениях русской переводной литературы XVII в. и, наконец, в памятниках русского искусства этого времени, когда столь усилился интерес России к западноевропейской культуре. Правда, нельзя не отметить, что все имеющиеся данные очень незначительны и отрывочны. Вероятно, этим объясняется то, что вопрос о русско-австрийских культурных связях XVII в. не только не раскрыт в литературе, но даже и не затронут. Если имеется целый ряд исследований, посвященных культурным связям России с Англией, Пруссией и другими германскими землями, с Голландией, Чехией и особенно Польшей в XVII в., то к Австрии или даже, беря шире, ко всей габсбургской империи (как ее называли русские источники, к «Цесарской земле») внимание исследователей в этой связи не обращалось. Однако при всей отрывочности материалов и некоторой их односторонности (нами не использованы документы венских храмилищ) первый опыт работы, посвященной русско-австрийским культурным связям, представляется все же возможным.

Одним из важных факторов, которые не могли не способствовать русско-австрийским контактам и вместе с тем сами являлись показателем таких контактов, было присутствие в России, в первую очередь в Москве, довольно большого количества иностранцев — выходцев из «Цесарской земли».

В состав империи входили в XVII в., как известно, далеко не одни этнографически австрийские земли. Опа простиралась от Северного моря до Адриатического и от Карпат до Рейса и включала также некоторые южнославянские народы, Венгрию, Чехию, Нидерланды, немецкие земли. Поэтому было бы опрометчиво принимать всех жителей «Цесарской земли» за австрийцев. Приходится выделять их по каким-либо данным, свидетельствующим о приезде иностранцев в Россию именно из Австрии (чаще всего, если не исключительно, из Вены), и в крайнем случае по фамилиям, сознавая, впрочем, всю условность этого приема.

Здесь же необходимо иметь в виду, что сама австрийская культура формировалась под огромным влиянием культур славянских народов, входивших в состав империи. Не случайно, что среди приезжавших в Россию «цесарцев» немало лиц со славянскими фамилиями. Знание такими людьми одного из славянских языков облегчало общение с русскими, подобно тому как это было еще в начале XVI в. с австрийским послом Сигизмундом Герберштейном, словенцем по происхождению.

Выходцы из «Цесарской земли» — австрийцы — в России XVII в. не являлись редкостью. Здесь мы не будем затрагивать вопроса о военных наемниках-австрийцах, как не имеющего прямого отношения к нашей теме, хотя и эти австрийцы были

⁴ ЦГАДА, ф. 150.

не малочисленны. Среди других профессий следует особо выделить врачей. Довольно значительную часть врачей-иностранных в России XVII в. составляли австрийцы. Уже в 1600 г. мы встречаем в документах доктора, приехавшего из «Цесарской земли» и желавшего служить царю. К сожалению, он не известен по имени, по рекомендовавший его Бендиц Инц из Риги отзывался о нем как об «отличном дохтуре, который изведен во всех государствах, искушен и дохтурству в леках подлинно научен и доволен»⁵. Впрочем, вероятно, этот врач пробыл недолго в Москве, потому что уже в 1601 г. Борис Годунов искал в Австроии нового «доктора медицины»⁶.

Нам ничего не известно о других врачах — выходцах из Австроии в первой половине XVII в., однако не подлежит сомнению, что в Москве были чрезвычайно требовательны приглашении врачей. Так, когда в 1666 г. в Вене был приглашен на русскую службу врач Яган Кустериус, гостью Ягану Фалигорну было поручено «про дохтура Ягана Кустера проведать подлинно и разсмотреть, прямо ли он дохтур и дохтурскому делу научен ли, и где дохтурскому делу учился, и во Академии он был ли, и свидетельственные грамоты у него есть ли»⁷. И только после того, как Кустер подал все эти свидетельственные грамоты, он был принят на службу⁸. Такой факт является свидетельством того, что квалификация врачей-австрийцев в России была достаточно высокой.

Иногда подбор новых врачей поручался уже находившемуся в Москве врачу-австрийцу. Так, врач Симон Зоммер, имевший «искусство не токмо ко внешним, но и ко внутренним болезням», в 1684 г. был отпущен в «государство цесарского величества Римского и винные»⁹ с тем, чтобы, как говорилось в царском указе, «будучи в тех государствах, призвать в нашу, царского величества, службу искусного и в дохтурской науке свидетельствованного дохтура»¹⁰. В 1686 г. Зоммер вернулся, привезя с собой «иноzemца Крестьяна Шпер»¹¹. Зоммер вез с собой в Россию также лекарства¹². Другой врач с дипломом «философии магистера» Григорий Карбонарий, приехавший в Россию из Вены в 1685 г., привез с собою «орудия», т. е. медицинские инструменты. Вместе с Карбонарием в Москву прибыл аптекарь Иоанн Пирезинский¹³. В 1698 г. Карбонарий вызвал из Вены еще одного аптекаря —

⁵ «Русская историческая библиотека», т. VIII. СПб., 1884, стр. 102.

⁶ Н. Н. Балтыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 1. М., 1894, стр. 16.

⁷ ЦГАДА, Дела о выездах иностранцев, ф. 150, 1666, № 2, л. 4.

⁸ Там же, л. 10.

⁹ Там же, 1684, № 5, л. 1, 33.

¹⁰ Там же, л. 51.

¹¹ Там же, л. 161.

¹² Там же, л. 162.

¹³ Там же, 1685, № 7, л. 21, 43.

Ягана Нагеля¹⁴. Помимо этих аптекарей, в 80—90-е годы в Москве подвизались еще два аптекаря из «Цесарской земли»: Григорий Яган¹⁵ и Христиан Ехлер¹⁶. Интересно, что второй из них в 1687 г. просил отпустить его сына в «Цесарскую землю» для обучения аптекарской науке, обещая, что «как тот ево сын Крестьян аптекарскому делу изучится, тогда буде он из-за моря к Москве и учнет великим государем служить аптекарем»¹⁷.

Пока неизвестны факты, которые свидетельствовали бы, что русские ученики обучались медицине в Вене, по несомненно, что у австрийцев-врачей, служивших в Москве, такие ученики были. Об этом говорят документы, касающиеся изучения некоторыми служащими Аптекарского приказа «латинского и цесарского (!) языка». Обучаться этим языкам были отданы в 1678 г. Семен Ларионов и Левко Апанин, а в 1679 г. Прохор и Тихон Петровы¹⁸. Характерно, что в документах в данном случае немецкий язык называется цесарским, т. е. имеется в виду язык, на котором говорили выходцы из австрийских земель.

Австрийцы также со своей стороны проявляли интерес к русскому языку. С целью его изучения в 1692 г. в Москву был послан сын бывшего австрийского посланника в России Курца. Он должен был «по указу цесарскому жити на Москве многие годы для науления совершенного русского языка, дабы потом был переводчик цесарской на русский язык»¹⁹. Интересно, что извещение о выезде Курца в Москву было послано преподавателю Славяно-греко-латинской Академии в Москве Иоакиму Лихуду. Не означает ли это, что Курц должен был учиться в Москве в Академии? К сожалению, в сохранившихся документах мы не находим сведений о пребывании Курца в Москве, если он, действительно, сюда приехал. В 1693 г. в Москву прибыл еще один австриец Антоний Плейер «для науки русского языка». 27 октября 1693 г. его встретили в Смоленске²⁰. Но опять-таки неизвестно, как долго Плейер пробыл в Москве и насколько успешными были его занятия языком.

Помимо врачей и аптекарей, о которых шла речь выше, довольно значительный контингент австрийцев, служивших в России, составляли «рудознатцы». Приглашение австрийцев в Россию для оказания помощи в разработке недр объясняется высоким развитием горнодобывающей промышленности в габсбургских землях, богатых полезными ископаемыми (особенно в районах Штирии, Каринтии и Верхней Австрии). Показательно, что по-

¹⁴ Н. Новомбергский. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907, стр. 169.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 150, 1693, № 6.

¹⁶ Там же, 1685, № 1.

¹⁷ Там же, л. 15.

¹⁸ Н. Новомбергский. Указ. соч., стр. 229.

¹⁹ «Памятники...», т. VII. СПб., 1864, стб. 965.

²⁰ Там же.

сланные в 1621 г. в ряд западноевропейских стран русские посланники Юрий Родионов и Андрей Кекерлин ищут «рудознатцев и иных мудрых и ремесленных людей» именно в «Цесарской земле»²¹.

Австрийские «рудознатцы» работали в России в самых отдаленных уголках страны. Так, «цесарские земли иноземцы рудознатцы Самойлко Фрыч да Анцко Арольст», по их словам (1628 г.), «были . . . на . . . царьской службе, для ради отыскания руды всякие в Перми Великой, и на Мещене, и по морю Муромонскому, и на Пустоозера, и на Печеры, и в виных многих местех». В 1628 г. мастера перебирались на Тerek и в связи с этим просили разрешения на проезд в империю племянника Фрича Яна Шмоля для приобретения необходимых инструментов. «А то, государь, — писали в своей челобитной Фрыч и Арольст, — на твое государево дело к рудознатному делу руды золотые и свинцовы и иные, государь, всякие снасти, что пригодитца здесь на Москве к рудознатному делу»²².

Отправленному в 1673 г. в ряд европейских стран, в том числе и в Австрию, Павлу Менезию было поручено искать, между прочим, «у цесаря» «рудознатных мастеров, которые знают золотую и серебреную руду и плавильщиков человек дву или трех, или четырех»²³. Приехали ли такие мастера из Австрии, мы пока не знаем.

В Россию приезжали и австрийцы — знатоки артиллерии. В 1648 г. в Москве в найме у пушечного мастера служил «цесарец» Данила Стрейх²⁴. В это же время другой «цесарец» Альбрехт Витсель обучал «государевых людей . . . фетильному делу»²⁵.

Описанные выше примеры русско-австрийских связей касаются научно-технического общения двух стран, причем общения одностороннего порядка. Связи в области литературы и искусства в полной мере являются обходными и взаимными. Правда, и здесь нам приходится иметь дело главным образом с отдельными фактами и явлениями таких контактов, в целом несравненно более редких, чем известные нам случаи русско-польских или русско-немецких контактов. Начать с того, что в настоящее время можно указать только одну книгу австрийского происхождения, переведенную в XVII в. в России. Это дошедшее до нас в трех списках «Родословие» Лаврентия Хурелича (1673 г.), очевидно, славянина по происхождению, посвященное русской истории²⁶. Полное

²¹ ЦГАДА, Австрийские дела, ф. 79, 1621, № 1. Упоминание об этом посольстве имеется в кн.: Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 19.

²² ЦГАДА, ф. 150, 1628, № 2, л. 2.

²³ «Памятники . . .», т. IV. СПб., 1856, стб. 800.

²⁴ ЦГАДА, ф. 150, 1648, № 12.

²⁵ Там же, № 15.

²⁶ Перечислим списки перевода сочинения Хурелича: а) ЦГАДА, Государственное древлехралище, ф.135, V отд., руб. 2, № 12. В 1°, на 39 листах, полууставом XVII в., лицевая (об имеющихся в рукописи изображениях

название книги в переводе таково: «Родословие пресветлейших и велможнейших великих московских князей и прочая и вся России непобедимейших монархов особым тщанием и радением из розных печатных и рукописных авторов и из иных веры достойных памятствованей собранное Лаврентием Хуреличем, священного цесарского и королевского величества Леопольда I советником и священным Римского государства героальдом». Никаких сведений о венском издании сочинения Хурелича нет. А. И. Соболевский полагал, что книга так и не была напечатана в самой Вене²⁷. Не дошел до нас и ее рукописный оригинал. В Москву «Родословие» было послано самим автором через Павла Менезия на следующий год после его завершения, т. е. в 1674 г. «Прислал к великому государю тое книгу из Вены цесаря Римского гербар Курелич с маеором Павлом Менезиусом в прошлом во 182 году, на латинском языке» — говорится в одной из выписок Посольского приказа²⁸. Из этой выписки мы узнаем, что в подлиннике книга была написана на латинском языке.

Само содержание книги свидетельствует о том, что она писалась специально для России. Книга имеет посвящение Алексею Михайловичу — «непобедимейшему монарху» и посит характер открыто панегирический по отношению к царю и его династии, воцарившейся, по словам Хурелича, «с неизреченою пародов радостию и ликострованием...»²⁹ Вторая важная особенность книги — ее антитурецкая направленность. Уже в «Посвящении» Хурелич говорит, что он желает видеть русского царя в Константинополе («во Византии, где Константинопольском поклонительными очесы зреши»)³⁰. В разделе, посвященном царствованию Алексея Михайловича, Хурелич недвусмысленно замечает, что видит цель его царствования в «изкоренении мохометанской ереси»³¹. Эта же мысль проводилась Хуреличем и в стихах, помещенных под портретом царя:

«Здравствуй долголетней, Алексий, велий царю,
Побеждай магометаны, славный государю»³².

см. ниже). Далее все ссылки даются на этот список; б) ГИМ, Царск. 609 (Ув. 383), сборник. В 4°. «Родословие» на л. 1—31, полууставом XVII в.; в) ГБЛ, Рум., ф. 256, № 466. В 1°, на 39 листах, полууставом XIX в. Представляет собой копию со списка ЦГАДА. А. Е. Викторов в «Описании рукописей в книгохранилищах Северной России» (СПб., 1890) отмечает еще два списка «Родословия» Хурелича в собрании Ниловой Столбенской пустыни (№ 78, 79), которые в настоящее время в указанном собрании, находящемся в ГБЛ, отсутствуют.

²⁷ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 100.

²⁸ ЦГАИ, т. VI, стр. 199 (споска).

²⁹ Хурелич. Родословие, л. 13.

³⁰ Там же, л. 3 об.

³¹ Там же, л. 13 об.

³² Там же, л. 32.

В связи с отмеченными особенностями книги не случайным кажется тот факт, что она была передана именно с посольством Менезия. Павел Менезий, пробывший в Вене шесть недель, вел переговоры как раз по вопросу о русско-австрийском союзе против Турции³³. Характерно, что в Вене далеко не были уверены в позиции России по этому, столь жизненно важному для Австрии вопросу³⁴, так как еще в конце 60-х годов Россия стремилась урегулировать напряженные отношения с Турцией дипломатическим путем (посольства В. М. Тяпкина, А. Нестерова, В. Даудова в 1673 г.)³⁵. Желая активизировать антитурецкую деятельность русского правительства, в действительности и без того уже видевшего неизбежность войны с Турцией и искавшего союзников, австрийское правительство использовало и средства литературного воздействия через панегирическую книгу такого официального правительственный лица, каким являлся герольдмейстер императорского двора.

При изучении направленности сочинения Хурелича пельзя не приходить во внимание еще и того обстоятельства, что он как, по всей видимости, славянин по происхождению (серб или хорват) мог в какой-то мере в своей книге отражать чаяния славян, своих современников, томившихся под властью Турции и возлагавших надежды на помочь как Австрии, так и России³⁶, тем самым еще более усилив антитурецкую направленность «Родословия».

В Посольском приказе «Родословие» было сразу же оценено как книга, из которой можно получить сведения, «откуда их, великих государей, род произыде и с которыми окрестными великими государи родословопись»³⁷. Ведь именно такого рода сочинения особенно интересовали Посольский приказ во второй половине XVII в. Напомним такие книги, выпущенные приказом, как «История» дьяка Посольского приказа Федора Грибоедова (1669 г.) или «Титулярица» (1672 г.), содержащий родословие («Корень») царей, титулы «окрестных великих государей», их генеалогию и справки о сношениях с ними России. Характерно, что перевод «Родословия» Хурелича был поручен тем же лицам, которые трудились над составлением текста «Титулярица», — переводчику Посольского приказа Николаю Спафарию и подьячему Петру Долгову³⁸.

³³ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб., 1906, стр. 31.

³⁴ Там же.

³⁵ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. «Ученые записки МГУ», вып. 94, 1946, стр. 114—118, 120.

³⁶ См. об этом: И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа. М., 1963, стр. 232.

³⁷ И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа. «Книга», вып. VIII. М., 1963, стр. 205.

³⁸ Там же, стр. 185, 205.

«Родословие» Лаврентия Хурелича состоит из двух частей: собственно родословия русских государей, начиная от Владимира Святославича до Алексея Михайловича, и так называемого «Зрелища царской чести и крови», описывающего родственные отношения царя с девятью королями других стран. В труде Хурелича мы не найдем почти никаких новых и оригинальных сведений по русской истории. Пожалуй, единственным таким известием является упоминание Хурелича о том, что потомки князя Полоцкого Изяслава Владимировича — Серотини — «в Чешской земле еще пребывают»³⁹. Источником этого известия Хурелича, вероятно, является какое-то фамильное предание одной из чешских дворянских фамилий. Герольдмейстер империи Габсбургов, в состав которой входила и Чехия, естественно, был осведомлен в подобных преданиях и легендах. Едва ли можно считать более чем очередной генеалогической легендой известие о родопачальнике фамилии Серотини, т. е., вероятно, знаменитом моравском доме Жеротинов, ведущем свое начало через русское звено от византийских императоров⁴⁰. Однако само бытование легенды о происхождении чешского дворянского рода из России не может не обратить на себя внимание с точки зрения сохранения традиций чешско-русских связей (в том числе и династических) в эпоху средневековья. Заметим в связи с этим, что и ряд представителей других чешских фамилий в своих генеalogиях проводили идею о русском происхождении (Рожмберки, Плихты и др.)⁴¹.

Среди других источников, которые использовал Хурелич, можно назвать сочинение пемецкого историка XVI в. Ильи Рейспера «Генеалогия императоров», издапшое во Франкфурте в 1599 г.⁴² На него имеются две прямые ссылки Хурелича (при описании правления Владимира Святославича и Всеволода Ярославича). По всей вероятности, Хурелич был знаком и с «Записками о московитских делах Сигизмунда Герберштейна». Об этом свидетельствует, во-первых, характерная ошибка, допущенная в «Родословии» вслед за Герберштейном: Борис и Глеб получили христианские имена Роман и Давид уже после своей смерти⁴³. О знакомстве Хурелича с Герберштейном говорит и та подробность, что Дмитрий Шемяка в «Родословии» назван так же, как и у Герберштейна, — Семечка⁴⁴. Упоминает Хурелич в своем сочинении

³⁹ Хурелич. Родословие, л. 4.

⁴⁰ C. de Magenbourg. D. F. Virtus Leonia. Viennae, 1683, str. 16—17.

⁴¹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 71—72; он же. Чешско-русские торговые отношения X—XIII вв. Сб. «Междупарные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 68.

⁴² E. Reisner. Genealogiam Imperatorum ducum etc. Frankfurt, 1599. К сожалению, ни в одном из московских хранилищ нет этой книги.

⁴³ Ср. Хурелич, л. 3 об., 4 об. и С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1910, стр. 10.

⁴⁴ Ср. Хурелич. Родословие, л. 9 об. и С. Герберштейн. Записки..., стр. 12.

и каких-то «русских писателей» и летописцев. Так, говоря о Калите, он замечает: «о нем же русские писателие ничто же памятного в летописи не написаху»⁴⁵, примерно то же читаем и о Все-володе Большое Гнездо: «ничего достойно возпоминанию о нем летописцы не пишут»⁴⁶. И та, и другая ссылка на русские летописи вызывает большое недоумение: и об Иване Калите, и о Все-володе русские летописи пишут достаточно подробно. Остается предположить, что Хурелич случайно получил в свое распоряжение какие-то местные летописи, например, новгородские, псковские, в которых общерусская часть была сильно сокращена. Впрочем, и такое предположение оставляет загадку неполнотью решеной. Ведь Хурелич был в самом, как он пишет в «Посвящении», «славнейшем граде Москве—великих князей столице»⁴⁷, а не где-нибудь в провинции.

Подробный анализ книги Хурелича не является задачей настоящей статьи. Он вполне может быть темой отдельного исследования. Только в результате него станут ясны все источники, использованные Хуреличем, а вместе с тем и степень знакомства австрийской официальной историографии XVII в. с историей России. Нам бы хотелось только отметить, что «Родословие» просто изобилует всякою рода ошибками и историческими несообразностями, требует к себе чрезвычайно строгого критического подхода. Достаточно упомянуть такие известия в «Родословии», как то, что Аниа, жена французского короля Генриха I, была дочерью не Ярослава Мудрого, а его сына Игоря «князя московского (!) и смоленского»⁴⁸; Андрей Боголюбский был сыном Все-волова Большое Гнездо⁴⁹. Хронология в сочинении Хурелича также чрезвычайно перепутана. Так, оказывается, что Владимир Мономах умер в 1054 г.⁵⁰ (вместо 1125 г.), а Василий III — в 1575 г.⁵¹ (вместо 1533 г.) и т. д.

Несколько слов об оформлении лицевого, «царского» экземпляра перевода «Родословия» Хурелича. Оно, согласно царскому указу от 1 августа 1675 г., должно было воспроизводить оформление австрийского оригинала: «И написав тое книгу добрым уставным письмом с золотом и съ его великого государя персоною и з заставици и короны во всем против той латинской книги»⁵². Так как австрийский оригинал книги до нас не дошел, то, конечно, трудно судить, насколько точно этот указ был выполнен. Хранящийся в ЦГАДА царский экземпляр «Родословия» имеет: 1) пышный титульный лист с рамкой в виде триумфальной арки, укра-

⁴⁵ Хурелич. Родословие, л. 8 об.

⁴⁶ Там же, л. 6 об.

⁴⁷ Там же, л. 5 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 7

⁵⁰ Там же, л. 6.

⁵¹ Там же, л. 11 об.

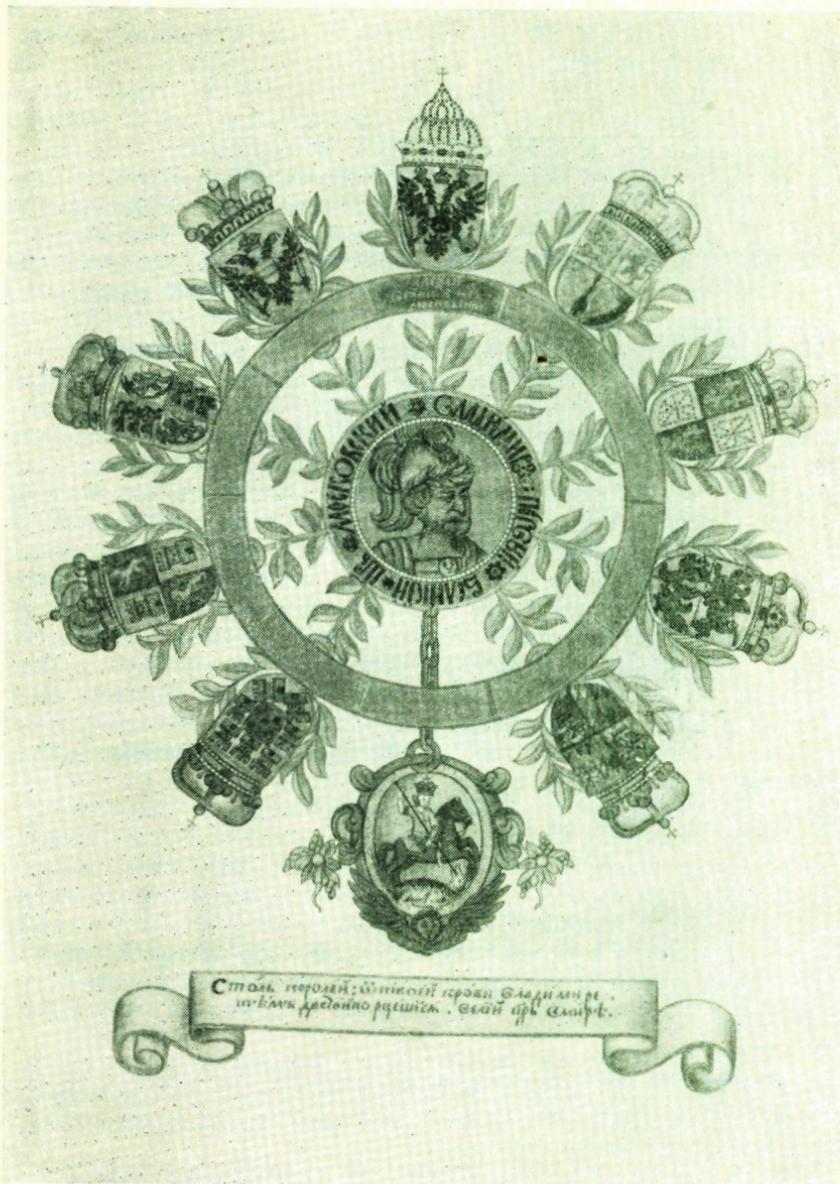
⁵² И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 205.

«Родословие» Лаврентия Хурелича в древнерусском переводе (1673 г.).
Титульный лист.

«Родословие» Лаврентия Хурелича в древнерусском переводе (1673 г.).
Изображение Владимира Святославича в окружении гербов Русского
и иностранных государств.

«Родословие» Лаврентия Хурелича в древнерусском переводе (1673 г.).
Портрет Алексея Михайловича.

шеппой знаменами и гербами (изображения двуглавого орла и Георгия Победоносца); 2) изображение князя Владимира Святославича (исполнено тушью по золотому фону), украшенное цепью гербов как двух русских княжеств, так и восьми западноевропейских, 3) портрет царя Алексея Михайловича, очень близкий к изображению его в «Титулярнике»⁵³ и, безусловно, независимому от австрийского оригинала. В «Титулярнике» (трех его списках XVIII в.)⁵⁴ портреты Алексея Михайловича принадлежат кисти Ивана Максимова⁵⁵. Им же, между прочим, выполнено и изображение австрийского императора Леопольда I, представляющее собой, по мнению А. С. Косцовой, изучившей миниатюры «Титулярика», переработку какой-то гравюры⁵⁶.

Историки русской журналистики уже не раз отмечали, что основную массу иностранных газет, доставлявшихся в Москву в XVII в. и переводившихся здесь на русский язык, составляли венские (или «цесарские») газеты⁵⁷. Это объясняется в какой-то мере, может быть, тем, что в Вене в это время вообще выходило более газет, чем в любом другом европейском городе. Но главная причина — особое внимание венских газет к вопросам, связанным с войной с Турцией. Для Австрии это был самый важный вопрос ее внешней политики. Большую значимость приобретает он, как уже говорилось выше, в XVII в. и для России, в особенности во второй его половине. Правда, первые известия о венских газетах, появившихся в Москве, относятся еще к 1621 г. Это, собственно, и есть первые иностранные газеты, переведенные в Москве в виде так называемых курантов или вестовых писем. Огромное количество их, как и оригиналов «цесарских» газет, составляют в настоящее время целый фонд в ЦГАДА — Фонд № 155. До учреждения в 1665 г. почты куранты выпускались в Москве перегуляриро, однако после 1665 г. они стали составляться до двух раз в месяц⁵⁸. Куранты переписывались всего в двух экземплярах: для царя и для Посольского приказа. Ошибочным было бы поэтому говорить об их сколько-нибудь значительной распространенности в таком виде в России в это время⁵⁹. Однако впоследствии куранты переписывались в разные сборники литературного и исторического содержания, естественно, утрачивая

⁵³ Эта близость была отмечена еще Д. Ровицким («Подробный словарь русских гравированных портретов», т. I. СПб., 1886, стб. 262, примечание).

⁵⁴ Хранятся в ЦГАДА, Государственной Публичной библиотеке в Лейпциге и в Государственном Эрмитаже.

⁵⁵ А. С. Косцова. «Титулярник» собрания Государственного Эрмитажа. «Труды Государственного Эрмитажа», т. III. Л., 1959, стр. 33.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См. А. Покровский. К истории газеты в России. В кн.: «Ведомости времени Петра Великого», вып. II. М., 1906, стр. 5.

⁵⁸ С. Марлинский. Первая допетровская рукописная газета. «Исторический журнал», 1945, кн. 5, стр. 174.

⁵⁹ Там же.

значение свежих политических новостей; они получали известную популярность наряду с теми литературными памятниками, которые входили в состав упомянутых сборников. Характерно, что иногда при переписке опускалась даже сама дата описываемого события. Таково, например, описание одного из боев между турецкими и австрийскими войсками, попавшее в сборник конца XVII—начала XVIII в. из собрания Ундорского в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. «Хотя в начале дело показалось зело худо, — сразу начинается интересующая нас статья сборника, — а потом бог милостиво на нас призрил па Тисе реке близ места именемуемого Сента, идеже бог нам преизобильно даровал победу превеликую против турков»⁶⁰.

Свидетельством большого интереса русского общества к борьбе с Турцией и позиции Австрии по этому вопросу является возникший во второй половине XVII в. как публицистическое произведение легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям и ответы ему. Цикл содержит и переписку султана с императором Леопольдом I, который называет султана «сыном погибели, дедичем вечного осуждения, мужем гнилым». И готов «его капища вконец разорити». Интересно, что эти вымышленные грамоты находятся как в хронографах третьей редакции⁶¹, так и в сборниках, содержащих статьи из курантов. При этом грамоты напоминают по своей форме статьи из курантов, а заглавия их почти совпадают с заглавиями статей, извлеченных из курантов, например, «Список турского салтана к цесарю римскому з грамоты 1663-го г.». Так, фантастическим грамотам для большего их воздействия придавалась видимость достоверности⁶².

Любопытной страницей в истории русско-австрийских культурных связей является тот постоянный взаимный интерес к культурным памятникам и достопримечательностям, который проявляли посольства обеих стран. Русские послы Потемкин и Черницов в 1674 г. с большим интересом знакомились с произведениями прикладного искусства, хранившимися в Имперском казпохранилище в Вене. «Да казначай же показывал посланникам многие венцы дорогие, — писали об этом послы в своем Статейном списке, — запаны алмазные великие и рукомон золотые ж, купки и стопы, и чаши великие, розные хрустальные, и карабли и иными обрасцами судов хрустальных и каменных из дорого каменья много. Да показывали посланником крушки костяные точеные с резью,

⁶⁰ ГБЛ, Упд. 635, л. 40.

⁶¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II. М., 1869, стр. 227—229.

⁶² М. Д. Каган. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XV, М.—Л., 1958, стр. 225—250.

а сказывал он, что, де, те крушки делали цесари Римские, и Леопольдуса цесаря крушку, и цесаревны Фердинандуса цесаря и пышнейшей цесаревны Клавдии их Цесарского Величества дела»⁶³.

Цитируемый Статейный список содержит и описание находившегося на расстоянии 1 мили от Вены зоопарка или, как его называют русские послы, «Потешного двора, где его Цесарского Величества звери». Послы перечисляют увиденных зверей: львы («два льва да молодой лев»), бобры, рыси, медведи и волки. Пояснение особенно заинтересовало, что львы плодятся «на том Потешном дворе»⁶⁴. Едва ли интерес, проявленный к Венскому зоопарку, был совсем праздным: ведь в это время под Москвой в Измайлове создается зверинец, в котором также держали львов⁶⁵.

Венский зверинец являлся своеобразным мемориальным памятником неудачной осады Вены с 27 сентября по 14 октября 1529 г. «Потешной двор зделан для того па память, как приходил салтан турецкой с великими воинскими людми под город Вену», — замечают послы⁶⁶. Строения зверинца воспроизводили, по словам послов, лагерь турецкого султана под Веной («против того же строеп, как у салтана турецкого, город был зделан полотняной и башии вместо обозу, и конюшии полотняные, и всякое строение»)⁶⁷. Сделано это было по замыслу императрицы Изабеллы, жены Карла V, желавшей, по-видимому, чтобы потомки помнили о «зверином обличье» турок. Русским послам, ведущим переговоры с венским двором о совместной борьбе с Османской империей, подобные исторические памятники были вполне понятны.

Внимание австрийских послов в Москве особенно привлекало «восьмое чудо света» — село Коломенское. Посетивший его в 1675 г. член австрийского посольства Лизек описывает как достопримечательность приемный зал знаменитого деревянного коломенского дворца⁶⁸. А побывавшие 2 сентября 1678 г. австрийские послы Ботопи и Терлингерен «в селе Коломенском па дворе на приезде . . . всякое строение похваляли и говорили, что то село па самом высоком и красном месте построено зело хорошо и ни у которого государя так и из дерева построить не умеют»⁶⁹. Ботопи и Терлингерен, помимо Коломенского, осматривали государственный полотняный двор, т. е., вероятно, Кадашевский Ха-

⁶³ «Памятники. . .», т. IV. СПб., 1856, стб. 1243.

⁶⁴ Там же, стб. 1243.

⁶⁵ И. М. Снегирев. Село Измайлово. М., 1869, стр. 33—34; В. Круглов. Измайлово. М., 1959, стр. 31—32.

⁶⁶ «Памятники. . .», т. IV, стб. 1244.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского-Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 г.» ЖМНП, 1837, № 11, стр. 354.

⁶⁹ «Памятники. . .», т. V. СПб., 1858, стб. 158.

мовный двор, крупнейший центр русского текстильного производства⁷⁰.

В 1658—1661 гг. на Кадашевском дворе был возведен ряд построек из камня⁷¹. Австрийские посланники, как об этом записали в Посольском приказе, «тот двор зело похваляли и в нем были, и мастерства и строения, смотря, наипаче похваляли»⁷².

Эти же послы интересовались и архитектурой Ново-Спасского и Симонова монастырей и «похваляли церковные и городовое строение»⁷³, т. е. храмы и крепостные сооружения этих замечательных ансамблей древнерусской архитектуры, в основных чертах к 1675 г. уже вполне сложившихся⁷⁴; архитектурой московских храмов восхищался и цитировавшийся выше Адольф Лиэзек. «Нельзя выразить, — писал он, — какая великолепная представляется картина, когда посмотришь на эти блестящие главы, возносящиеся к небесам»⁷⁵.

В области музыкальной и театральной культуры XVII в. можно также отметить русско-австрийские контакты. Сохранилось несколько документов, связанных со службой в России австрийских музыкантов. Согласно одному из докладов, посланных в Посольский приказ, в 1672 г. полковник Николай фон Штаден привез «к Москве одного человека трубача Цесарские земли Яна Валдона»⁷⁶. Имя Валдона встречается в документах вплоть до 1674 г.⁷⁷

По-видимому, музыкант из Австрии произвел хорошее впечатление в Москве, потому что в 1673 г. Павлу Менезию было поручено искать музыкантов и «у Цесаря». «Сыскав приговорить великого государя в службу дву человек труbach самыx добрых, которые б ученье свидетельствованы на высокой трубе танцы играть», — говорилось в наказе Менезию⁷⁸. Какие-то австрийские музыканты служили при дворе и в 1692 г. О них упоминал в Посольском приказе австрийский посланник Яган Курц 15 сентября

⁷⁰ Там же, стб. 305.

⁷¹ А. А. Мартынов. Государев хамовный двор. ЧОИДР, 1895, кн. 2.

⁷² «Памятники...», т. V, стб. 305.

⁷³ Там же, стб. 157.

⁷⁴ В Новоспасском монастыре уже были построены Преображенский собор (1645—1647 гг.), Покровская церковь (1673—1675 гг.), шатровая колокольня (1620 г.), ограда монастыря с башнями (1630—1642 гг.). (См.: И. Д. Дмитриев. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1909). Симонов монастырь украшал Успенский собор (1397—1404 гг.) и ограда с грандиозными башнями (вторая четверть XVII в.). См.: Т. Кацельсон. Апсамбль Симонова монастыря в Москве. Сб. «Архитектурное наследство», вып. 6. М., 1956, стр. 87—106.

⁷⁵ «Сказание Адольфа Лиэзека...», стр. 387.

⁷⁶ С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, стр. 6.

⁷⁷ См. там же, стр. 18 и 35.

⁷⁸ «Памятники...», т. IV, стб. 800.

этого года ⁷⁹. Австрийские музыканты служили и у частных лиц вне Москвы. Тот же Курц просил отпустить «к Москве из Белагорода у боярина Бориса Петровича Шереметева музыкантов же двух человек и из двора его боярского их уволнить и жить бы им на Москве» ⁸⁰.

О каком-либо участии выходцев из Австрии в первых спектаклях русского театра 1672—1676 гг. нам ничего не известно. Но мы знаем о том взаимном интересе, который проявляли послы обеих стран к театральным зреющим. В 1674 г. посланники Петр Потемкин и Яков Черешков, приехав в Вену и «не быв на посолстве, смотрели комедии» ⁸¹. Австрийские же посланники Антибал Францишек Боттони и Яган Кароль Терлингерен 1 сентября 1676 г. смотрели на Соборной площади Московского Кремля «действо нового лета» и сумели, несмотря на все своеобразие такой формы театрального зреимца — литургийной драмы, высоко оценить его. Отзывалась об участниках этого действия, послы говорили, что они «зело поступают изрядно», добавив, что «нигде, де, они, посланники, того действия стройного не видали, разве, де, такое действие у древних греческих благочестивых царей и патриархов бывало» ⁸². В 1675 г. австрийский посол Адольф Лизек с большим вниманием следил за действием поволетия. Его особенно интересовал самобытный характер русского хорового пения. «Хор пел русским напевом без всяких музыкальных тактов», — отмечает Лизек в своем «Сказании» ⁸³.

В истории русско-австрийских культурных связей одной, может быть, из самых ярких фигур является знаменитый русский живописец и теоретик искусства XVII в. — Иосиф Владимиров.

Историки русского искусства, хотя и не посвятили его творчеству ни одной не только монографии, но даже и статьи, не раз отмечали его выдающуюся роль в формировании новых воззрений в России на искусство, его цели и средства их достижения ⁸⁴. «Трактат о живописи» Иосифа Владимира — выдающийся памятник прогрессивной для своего времени русской эстетической мысли той эпохи, когда во всех сферах русской культуры, в том числе и в живописи, шла борьба нового со старым, зарождалось русское реалистическое искусство ⁸⁵. Иосиф Владимиров занимал почетное место среди русских «изографов» XVII в. Ему было до-

⁷⁹ «Памятники . . .», т. VII, стб. 908.

⁸⁰ Там же, стб. 909.

⁸¹ Там же, т. V, стб. 96.

⁸² Там же, стб. 130.

⁸³ «Сказание Адольфа Лизека . . .», стр. 348.

⁸⁴ «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 50—54, 388—389; К. В. Шохин. Очерк истории развития эстетической мысли в России. М., 1963, стр. 103—104.

⁸⁵ Текст его издан Е. С. Овчинниковой в сб. «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 24—61.

верено участвовать в таких ответственных работах, как роспись Успенского (в 1642 г.) и Архангельского (в 1652 и 1660 гг.) соборов в Московском Кремле, Успенского собора в Ростове (в 1659 г.)⁸⁶. Между тем до сих пор никто не пытался проследить формирование его художественных взглядов, выяснить, кто были его учителя. Свет на этот вопрос проливает хранящийся в австрийских делах Посольского приказа документ об обучении Иосифа Владимира, входящий в число материалов, посвященных пребыванию в России в 1661—1662 гг. посольства Мейерберга, и опубликованный с некоторыми искажениями еще в 1856 г. в IV томе издания «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными». Приведем текст этого документа. «Был целом великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу... книгопечатного дела знаменищик Оска Владимиров: по указу, де, великого государя отдан он учиться мастеру живописцу Янушу Томану (точнее Пюнману. — A. P.), который приехал с цесарским послом, и тому, де, он мастерству не доучился и, чтоб великий государь пожаловал его, велел для ученья отпустить с цесарским послом до Смоленска. И великий государь пожаловал его, Оску, велел отпустить для ученья до Смоленска, а о проезде дать свою государеву грамоту из Посольского Приказу»⁸⁷.

К сожалению, все наши попытки найти какие-либо сведения о Януше Пюнмане не увенчались успехом. И это не позволяет конкретно выяснить, что именно мог почерпнуть Владимиров у Пюнмана. Правда, в литературе известно только одно произведение, приписываемое этому мастеру: портрет царя Алексея Михайловича в альбоме рисунков австрийского художника Иогана Рудольфа Сторна, посвященных путешествию Мейерберга, в котором принимал участие и Пюнман⁸⁸. Предположение об этом первым высказал Д. Ровинский, склонный приписать Пюнману еще и портрет царицы Марии Ильиничны. К сожалению, Ровинский не мотивировал своей точки зрения. Однако его предположение, по-видимому, справедливо. Действительно, два названных портретных изображения ощущимо отличаются по своему стилю из остальных рисунков всего альбома⁸⁹. Они выполнены в мелкой пунктирной технике, тогда как другие рисунки сделаны более широкими штрихами.

⁸⁶ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 52—53.

⁸⁷ «Памятники...», т. IV, стб. 333. Этот документ был известен еще до его опубликования Ф. Аделунгу, воспользовавшемуся сведениями из него в одном из примечаний к своей книге «Барон Мейерберг и путешествие его по России» (СПб., 1827, стр. 24, прим. 2). Аделунгом правильно была прочтена фамилия художника — Пюнман.

⁸⁸ См. Д. Ровинский. Подробный словарь..., стб. 262.

⁸⁹ «Альбом Мейерберга». СПб., 1903, стр. 42, рис. 80 и 82.

С другой стороны, большие препятствия при разрешении интересующей нас проблемы составляет и то обстоятельство, что нам известно только одно подписанное произведение Иосифа Владимира — икона «Сошествие святого духа на апостолов», хранящаяся в настоящее время в Государственном историческом музее (в Москве). Правда, даже в этом единственном произведении Владимира заметны некоторые черты западного искусства. Дело не только в стремлении к светотеневой объемной моделировке человеческого лица, что свойственно наиболее передовым русским художникам XVII в. вообще, но и в самой иконографии памятника. На иконе Владимира Богоматерь сидит среди апостолов. Так было принято изображать этот сюжет на Западе, тогда как в России посредине композиции всегда находился Космос — мирозданье (в виде седобородого старца на фоне темной пещеры) ⁹⁰. Едва ли было бы справедливым видеть в отмеченной особенности произведения Владимира непременно влияние самого Пюнмана или австрийской школы живописи в целом, но в то же время нельзя пройти мимо того, что занятия Иосифа с австрийским художником Пюнманом не могли не способствовать интересу Владимира к западноевропейской живописи. В своем «Трактате» Иосиф Владимиров не раз возвращается к мысли о том, что если есть что хорошее и у иноверцев, не подлежит то ругать. Особенно привлекает Владимира, что западные изображения реалистичны, «подобны живым». Это, впрочем, не порождало у Владимира презрения к отечественной живописи, в которой он также видел «хорошие образы». Но он восстал против подражания тому, что «исстари омрачено или обветшало», и вместе с иностранцами готов был смеяться «плохописанию и нерассмотрению истины». Владимиров выступал за изображение не только красоты духовной, но и физической, за красоту и «светлость лиц». «Обычай премудрого художника» Иосиф Владимиров формулирует так: «Что видит или... слышит, тако и во образех, рекше в лицах, пачертывает и противу слуху и видения угодобляет» ⁹¹.

О связях Иосифа Владимира с австрийской художественной культурой свидетельствует изданное в 1663 г. в Вене гравированное изображение Нерукотворного Спаса. Гравюра эта получила довольно широкое распространение и в России.. Она была скопирована и в Сийском иконописном подлиннике в качестве образца для русских иконописцев ⁹². На обороте гравированного листа имеется надпись на польском языке, которая в Иконописном подлиннике передана русскими буквами: «Сей образ Христов за много лет иезувит и от голомуцяя пелегрипата в Риме преведен презенты пергамип с самого синдона Авгарева изыском зуграфа

⁹⁰ «История русского искусства», стр. 389.

⁹¹ «Древнерусское искусство. XVII век», стр. 58.

⁹² Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. II. СПб., 1896, стр. 51—52.

Иосифа Владимира московита выдан до друку в Вене в лето 7171»⁹³. Если учесть, что гравюра по рисунку, исполненному Владимирами по западному образцу, была напечатана в тот же год, когда посольство Мейерберга вернулось в Вену⁹⁴, то какое-то участие в этом Пюпмана представляется весьма вероятным.

Рассмотренный эпизод в истории русско-австрийских художественных связей, несмотря на ряд остающихся в нем пеясностей, чрезвычайно интересен. Ведь влияние австрийской художественной школы испытал на себе человек, которому паряду с его другом Симоном Ушаковым суждено было стать главой нового направления в русской живописи. Значение этого направления в истории русского искусства трудно переоценить. Мы вовсе не хотим сказать о каком-то определяющем и решающем влиянии Запада на Россию. Пути русского искусства были обусловлены собственными потребностями общего развития страны, вступившей, по определению В. И. Лепнина, в «новый период» своего развития⁹⁵. Контакты же с мастерами западной живописи могли только способствовать, а подчас и давать толчок продвижению русских мастеров по пути развития нового искусства.

В данной статье мы только наметили основные контуры русско-австрийских культурных связей. Многое еще может быть дополнено и уточнено при обращении к австрийским архивохранилищам, библиотекам, художественным коллекциям. Однако и теперь уже можно смело сказать, что культурное общение Австрии и России в тот период, когда в России чрезвычайно возрос интерес к культуре западноевропейских стран, было полезным и плодотворным. И нельзя не отметить, что общение это было вполне взаимным. Австрийцы также проявляли интерес к России, восхищались ее архитектурой и театральными зрелищами, изучали ее историю.

⁹³ Польский текст см.: Д. Ровинский. Русские пародийные картинки т. III. СПб., 1881, стр. 431, № 1062.

⁹⁴ Это произошло 22 февраля 1663 г. (см.: Ф. Аделунг. Указ. соч., стр. 15).

⁹⁵ В. И. Лепнин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

B. I. Фрeйдoн

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ХОРВАТИИ**

(Деятельность Евгения Кватерника в 1858—1867 гг.)

Значение Кватерника в истории Хорватии третьей четверти XIX в. определяется выдвинутым им требованием национальной независимости, борьбой за осуществление принципа национального суверенитета. В деятельности Кватерника оказались характерные черты национально-буржуазного радикализма.

Хорватское национальное движение, набиравшее силу в 30-х—40-х годах XIX в. (иллиризм), достигло кульминации во время революции 1848—1849 гг., но тогда же потерпело неудачу. Возглавленное австрославистскими элементами, оно было использовано абсолютизмом для разгрома революции и — неизбежно — для подавления освободительных устремлений самих хорватов. Венгерское национально-освободительное движение 1848—1849 гг. было разбито в геройской борьбе с контрреволюцией. Противники же австрийского абсолютизма в югославянских землях империи (ядром их была Хорватия) потерпели поражение в результате сотрудничества с династией. Либералы-австрослависты, сторонники сильной федеративной Австрии, увидели, что история пошла по пути, отличному от их надежд, и что в результате их политики решающим фактором в империи оказались те самые централистско-германизаторские и консервативные силы, от которых они хотели избавиться. Горечь разочарования испытали приверженцы всех политических течений в Хорватии.

К середине 50-х годов цели и методы австрийского правительства полностью определились: бюрократическая централизация всего управления, безграничное господство полиции, беспощадное пресечение всякого протеста, последовательная германизация аппарата власти, просвещения и культуры в неавстрийских областях, клерикальная реакция.

Третья четверть XIX в., когда действовал Кватерник, — период в истории Хорватии послереволюционный и пореформенный. Основы феодализма в империи были подорваны 1848 годом,

но общественные противоречия, свойственные ушедшей эпохе, еще серьезно ощущались. Особенно это относится к отсталым национальным окраинам Австрии, в том числе Хорватии-Славонии, в 50—60-х годах XIX в. являвшейся еще полуфеодальной областью. Здесь антагонизм между крестьянами и крупными помещиками еще сохранял исключительную остроту, но вместе с тем крестьянство уже превращалось в массу мелких товаропроизводителей, и процесс его разложения постепенно ускорялся.

В 50-х годах правительство с учетом требований крупного землевладения и капитала осуществляло крестьянскую реформу, ликвидировало юридические ограничения в промышленности, внутригосударственные таможенные перегородки, форсировало железнодорожное строительство. Постепенно формировались классы промышленной буржуазии и пролетариата. Австрийский капитал, банковский, торговый и промышленный, стремился использовать новые возможности для эксплуатации масс. Его проникновение в национальные окраины получило невиданный ранее размах.

Но если в развитых областях империи промышленный переворот приводил к замене традиционного способа производства машинной индустрией, то на экономике Хорватии на раннем этапе, в особенности в 50-х годах, в большей степени проявилось его разрушительное действие: разорение мелких производителей, кризис мануфактур, ремесла, транспорта и, наконец, торговли — важнейшей сферы приложения капитала местной буржуазии. В 50-х — 60-х годах и здесь появлялись новые усовершенствованные предприятия, но число их было незначительным, а положение — перед лицом австрийской конкуренции — крайне неустойчивым¹.

Хорватскую буржуазию представляли в основном торговцы и мелкие производители — владельцы предприятий ремесленного характера (большая часть новых более значительных предприятий принадлежала инонациональной буржуазии).

Ликвидация феодальных повинностей за выкуп сопровождалась внереакомическими методами экспроприации крестьянства (штрафы, конфискация части общих земель, землеустройство в интересах помещиков и т. п.), многократным увеличением налогов, ростом роли денег в крестьянском хозяйстве, расцветом ростовщичества, обеднением массы крестьян. В деревне прочь сохранились пережитки феодальных отношений, разворачивалась напряженная классовая борьба. Несмотря на многочисленные привилегии, дворянство, обложенное теперь поземельным налогом и лишенное труда зависимых крестьян, с трудом решало проблему ведения хозяйства. Большинство помещиков разорялось.

¹ Более благоприятной была обстановка для развития мукомольной, лесной и других отраслей промышленности, перерабатывающих сырье на экспорт.

Такая обстановка способствовала кристаллизации оппозиционных по отношению к Вене настроений в разных слоях общества и осмыслению причин недавней национальной трагедии.

Недовольство народных масс существующим режимом, их сочувствие идеям национальной самостоятельности открывали возможности для организации национально-освободительной борьбы, но еще не свидетельствовали о политической зрелости крестьянства, о его готовности к революционным выступлениям широкого масштаба.

Военная Граница и после 1848 г. сохранила устройство, сковывавшее ее развитие и обрекавшее население на бесправное существование. Это, а также тяжелые потери 1848—1849 гг. и обнищание граничар способствовали распространению недовольства австрийской властью на Границе².

Выводы, сделанные из урока 1848—1849 гг. хорватскими политическими деятелями, прежде всего были связаны с интересами представляемых ими общественных слоев. Так, в Хорватии, хотя вражда к австрийской политике была почти всеобщей, лишь небольшая группа мелкобуржуазных радикалов — представителей того слоя общества, положение которого после 1848 г. стало особенно неустойчивым, — в 50—60-х годах открыто сформулировала антиавстрийскую политическую программу. Это — «праваши» — деятели «партии права» (Евгений Кватерник, Антон Старчевич и др.). Их партия окончательно сформировалась в конце 60-х годов.

Либеральная буржуазия и ее национально-либеральная партия («пародияки») видели выход из положения в преобразовании Австрийской империи в федерацию равноправных наций и мечтали о «славянизации» государства. Заинтересованность в имперских рыночных связях и оспортунизм имущих слоев определяли эту линию буржуазии. Однако национальные интересы, вражда к австрийскому господству побуждали ее требовать широкой автономии страны, объединения хорватских земель; среди буржуазных политических деятелей были популяры идеи югославянского единства и создания объединенного государства вне или в составе габсбургской монархии. Интересы дворянства и части буржуазии представляла провенгерская группировка (унионисты). Под гнетом абсолютизма 50-х годов разлогасия между оппозиционными течениями существовали в скрытом виде.

Трудное внешнеполитическое и внутреннее положение Австрии после Крымской войны способствовало оживлению надежд на успех национального движения ее угнетенных народов.

² Подробнее см.: В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-х—начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы). «Уч. зап.» Ин-та славяноведения АН СССР, т. XXVI. М., 1961.

* * *

Евгений (Эвген) Кватерник родился в Загребе в 1825 г. в семье преподавателя высшей школы («академии»). Прослушав двухгодичный курс на философском отделении, он «по желанию родителей определился в духовное сословие», изучал богословие в городе Сене, а затем «ввиду обнаруженных способностей был послан сеньской епископией в главную семинарию при университете в Пеште»³. «Убедившись, что не имею желания стать священником, я оставил это сословие, в том же Пештском университете посвятил себя юридическим наукам и окончил курс с похвальным свидетельством». Одновременно Кватерник получил диплом воспитателя. «Лишеннный родителями средств для завершения юридического курса в Пештском университете ввиду разрыва с духовным сословием», он стал воспитателем детей в дворянских семьях в Венгрии, позднее — в Хорватии. «Имеющиеся свидетельства ясно доказывают, что я успешно трудился на этой нелегкой стезе и имел возможность получить солидный опыт... В 1847 г., вернувшись на родину, я встретился с бешеною борьбою партий (речь идет об иллирийской и венгерофильтской группировках. — В. Ф.), от которой устранился, поступив в качестве воспитателя и нотариуса к первому и самому образованному хорватскому публицисту Мирко Андрию Винковичу...» Вскоре, сдав экзамены по юриспруденции, Кватерник стал нотариусом хорватского суда. В это время «ради обеспечения своего будущего» он еще успел сдать «строгий экзамен, прописанный для учителей», экзамен по торговому делу, а несколько позднее добился диплома адвоката.

«Наступил бурный 1848 год, когда началась моя открытая политическая деятельность и агитация. Как представитель города Вараждина я поехал в Вену с хорватской делегацией, посланной с требованиями хорватского народа, и, вернувшись обратно, по призыву бана вместе с 22 молодыми людьми направился в Нижнюю Хорватию (Славонию. — В. Ф.), в жупании Пожегскую и Вировитицкую, где мы подняли парод к оружью, обучая его и противодействуя венгерскому элементу, распространенному в лице эмиссаров среди простого народа. Результатом этого трудного предприятия была организация в одной Пожегской жупании 6000 добровольцев мобильной национальной гвардии, немало содействовавшей занятию Осиека. Выполнив эту трудную задачу, я вернулся в Загреб и был назначен на службу при тогдашнем самостоятельном национальном правительстве — Банском вече,

³ Рукопись автобиографии, представленной Е. Кватерником И. И. Срезневскому в Петербурге 7 июня 1858 г. В связи с намерением поступить на русскую службу Кватерник решил «по возможности обстоятельно, по кратко изложить свойства своей личности». Мы здесь и ниже цитируем этот документ, хранившийся в ЦГАЛИ, ф. 436, д. 1475.

где в должностях конциписта и регистратора трудился весьма похвально до распуска Банского веча немецким правительством». Таким образом, в 1848—1849 гг. Кватерник активно участвовал в борьбе на стороне иллирийской партии. Наступила реакция. «Не желая принять дальнейшую немецко-политическую службу и с целью всесторонней подготовки к деятельности и работе адвоката и умложения знаний и опыта, я принял предложенную мне в 1850 г. службу по фискальной части...» В 1853—1854 гг. австрийское правительство предприняло решительные шаги в целях германизации аппарата власти во всех районах империи («немецко-венское правительство вопреки богу и закону уничтожило последний след нашей конституции и права, и были введены немецкие законы и право»). Кватерник, не желая служить абсолютистскому режиму, перешел «на поле исключительно адвокатской деятельности», «как единственного в современной Австрии свободного сословия».

Политика абсолютизма вызвала у Кватерника, как и у большинства деятелей иллиризма, глубокое возмущение: «В нашу страну ворвались варвары, чтобы вознаградить нас за неслыханные жертвы 1848—49 гг. . . . , все наши национальные права и свободы были попраны, даже сам хорватский язык искоренялся во имя швабства», — вспоминал Кватерник в 1871 г. Он писал, что, когда всыпнула русско-турецкая война, «мои симпатии, как и всех патриотов того времени, были решительно в пользу России, так как. . . я считал, что в результате этой войны родина воспрянет и сбросит ненавистное ярмо. Симпатии эти я выражал открыто и без всякой сдержанности. . . Это и вызвало ко мне лютую ненависть и месть швабов. . . »⁴ У Кватерника было отнято право адвокатуры.

С этого времени начинается его непрерывная политическая деятельность. Следуют одна за другой эмиграции (1857—1860, 1863—1867 гг.), между ними и после них — несколько лет острой политической борьбы на родине (1861—1863, 1868—1871 гг.) и, наконец, обреченная на неудачу попытка поднять восстание за национальную независимость (1871 г.).

* * *

В переломный период истории Хорватии, когда разрушалась старая феодальная экономика страны, Кватерника интересовали экономические проблемы. Уже в 50-х годах он считал, что экономический подъем Хорватии возможен лишь в условиях национальной независимости. В этом проявилась защита Кватерником тех слоев хорватских собственников, интересы которых подвергались

⁴ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 5, Zagreb, 1871.

наибольшей угрозе в условиях австрийского господства, прежде всего мелкой буржуазии и небогатых обуржуазывающихся элементов города и деревни. Но вместе с тем Кватерник представлял общие интересы национальной буржуазии, добиваясь наиболее благоприятных условий для развития экономики Хорватии.

Главный тормоз в развитии Хорватии в прошлом Кватерник видел в феодальном строе.

Он выступал за развитие всех отраслей экономики, в том числе промышленности, за прогресс разделения труда, денежного обращения. Но он не понимал антагонистического характера противоречий капиталистического строя.

Ввиду того, что земледелие было основой хозяйства Хорватии, Кватерник уделял ему основное внимание. Наиболее выгодным он считал мелкое и среднее интенсивное хозяйство, противопоставляя их полуфеодальным латифундиям помещиков. Мелкое хозяйство привлекало внимание Кватерника потому, что в Хорватии прежде всего именно оно было подлинно национальным. Кватерник выступал против сохранения привилегий дворянства — наследия феодализма. Всю экономику страны он считал необходимым развивать так, чтобы ее плодами могли воспользоваться не только благородные господа, но и «плебеи», т. е. массы. Но Кватерник не представлял интересы массы крестьян. Его социально-экономические проекты — ликвидация за выкуп остатков феодальных повинностей крестьян — не выходили за рамки либерализма. Кватернику были присущи и элементы консерватизма: он требовал торможения распада задруг, так как в мелкой собственности видел оплот хорватской национальности. Главным звеном в подъеме экономики Хорватии в 60-х годах XIX в. он считал укрепление мелкой сельской собственности, т. е. в сущности — сельской буржуазии. Кватерник мечтал о капитализме без социальных конфликтов. Выход из противоречий он искал в христианской морали. Но его критика феодализма была прогрессивна, а выступления против гнета полуфеодального государства, против национального гнета соответствовали интересам народа.

Во всем этом получили выражение противоречия идеологии Кватерника. Его социальный протест против господства кучки богатых был протестом идеолога мелкой буржуазии, защитника частной собственности.

Существенно сказалось на идеологии Кватерника еще более тягостное, чем в гражданских областях Хорватии, положение мелкой буржуазии Военной Границы.

Итак, если взгляды Кватерника отразили определенный этап формирования идеологии хорватской буржуазии вообще, то писательской средой для них явились прежде всего условия жизни мелкобуржуазных или буржуазно-демократических слоев, занятых в торговле, сельском хозяйстве, промышленности (т. е. глав-

ным образом в ремесле), и, по-видимому, части обуржуазивающегося небогатого дворянства.

Кватерник не боялся массового народного движения, но ограниченность его социальных взглядов ослабляла значимость его тактических принципов. Хорватское дворянство в 60-х годах не было революционным в национальном вопросе, и боязнь оттолкнуть помещиков от национально-освободительного движения радикальной социальной программой свидетельствовала о слабости позиции Кватерника. Что же касается Военной Границы, то Кватерник выдвинул радикальную программу устранения австрийских эксплуататоров и передачи всех богатств области народу.

В целом общедемократические политические взгляды Кватерника (он был сторонником «самых либеральных учреждений») не подкреплялись требованиями соответствующего социального преобразования Хорватии. Но значение Кватерника не в его социальных взглядах, а в его национальной программе.

Программа федерализма, идеи австрославизма соответствовали интересам более богатых либеральных слоев буржуазии⁵. Их в основном придерживалась служилая интеллигенция. Кватерник же был убежден в том, что историческое развитие ведет к созданию независимых государств.

Он считал, что всякое реальное объединение хорватов с более сильнойнацией чревато для них опасностью уже потому, что нация с более мощной экономикой поработит хорватов. Поэтому он — противник всякой федерации. Это — последовательная идеология национального радикализма. Опыт современных ему международных взаимоотношений убедил Кватерника, что в тогдашнем мире господствовал национальный эгоизм, и он как буржуазный деятель проповедовал эти же принципы. Когда ему казалось, что Россия идет к конфликту с Австрией, он ориентировался на Россию, в конце 50-х годов нарастали франко-австрийские противоречия, и он ждал помощи от Наполеона III; главной угрозой Хорватии Кватерник всегда считал германский «натиск на Восток», поэтому после образования Германской империи он пропагандирует идею франко-русского союза. Правящие приветствовали всякую активизацию в России антигерманских кругов, осуждали правительенную политику сближения с Германией (Пруссии) и Австрией.

Ввиду слабости национального движения хорватов правящие решавшее значение для освобождения Хорватии придавали внешнеполитическим конфликтам. Ориентация на государство, враждебное Австрии, — одна из основ политики правящей. В 50—60-х годах бонапартизм в целях установления гегемонии

⁵ Речь идет о программе буржуазии в рамках Австро-венгерской империи. В этой же среде развивалась идея объединенного южнославянского государства, которое мыслилось либо как часть федеративной империи Габсбургов, либо как независимое государство (в случае распада империи).

в Европе использовал национальный принцип, т. е. признание прав народов на воссоединение и независимость.

Поэтому правящие возлагали большую надежду на Францию. Но никакой разгром Австрии, понимал Кватерник, не поможет Хорватии, если хорваты не проникнутся идеей независимости.

Либеральная хорватская буржуазия (ее национально-либеральная партия) стремилась к союзу с сербским, словенским, болгарским национальным движением, имея в виду, в конечном счете, объединение всех южных славян в едином государстве. Такое объединение в сущности понималось народняками как результат компромисса между буржуазными кругами разных народов. Мелкая буржуазия наиболее чувствительно относилась не только к ущемлению национальных прав и интересов в Австро-Венгерской империи, но и к возможности такого ущемления в югославянском государстве. Объединение южных славян, сторонниками которого являлись правящие, должно гарантировать гегемонию хорватов — вот в сущности позиция идеологов партии права. Мелкая буржуазия — самая радикальная в национальном вопросе, по и самая националистическая прослойка. Правящие считали, что теория «югославизма», развивавшаяся народняками (идея солидарности южнославянских «племен» и теория единого народа, состоящего из южнославянских «племен»), не обеспечивает интересов хорватов. Поэтому они объявили югославян (хорватов, сербов и словенцев) хорватами. Это была шовинистическая теория. Панхорватизм не мог не способствовать розни между югославянскими народами и затруднял их объединение. Это стремились использовать правящие круги империи Габсбургов. Правящие в принципе выражали горячие симпатии делу свободы всех народов, но подойти к собственной югославянской проблеме с демократических позиций не могли. Однако для деятельности правящей, и в частности Кватерника, в 60-х—начале 70-х годов XIX в. решающее значение имела не великохорватская теория, а национально-революционная пропаганда, борьба за национальный суверенитет хорватского народа.

Характерная черта идеологии правящей — аргументирование своих требований «историческим правом» хорватов, т. е. зафиксированными в документах правами Хорватского королевства. Кватерник и правящие использовали это «право» для защиты идеи национального суверенитета, т. е. буржуазно-демократического требования. Вместе с тем «историческое право» было поставлено ими на службу панхорватизма: они отрицали национальные права других югославянских народов, заявляя претензии на любые территории, когда-либо входившие в состав Хорватии.

Другой основной взглядов Кватерника был «национальный принцип», или «естественное право» всех народов на суверенитет — прогрессивный буржуазно-демократический принцип. Лозунг правящей «Бог и хорваты» аналогичен лозунгу Маджины «Бог и

парод». Это — типичный лозунг радикального национализма: никто, кроме самого парода, не смеет решать его судьбу. В условиях монархии Габсбургов это был революционный лозунг⁶.

* * *

После Крымской войны 1853—1856 гг. отношения России с Австрией ухудшились. Поэтому Кватерник решил направиться в Россию, поступить там на службу и действовать в пользу освобождения хорватов. В конце 1857 г. он покинул Хорватию.

Политическая обстановка в России не была ему ясна. Целью А. М. Горчакова был выход из внешнеполитической изоляции (последствие крымского поражения), с тем чтобы в дальнейшем подготовить отмену тяжелых условий Парижского мира. Укрепления позиций России царское правительство первоначально искало в сближении с Францией и, что весьма важно, в определенной поддержке национальных требований южных славян Турции.

В 1857—1858 гг. возник Московский славянский комитет, в основном дворянская организация, находившаяся под покровительством властей и поставившая задачу укрепления связей с зарубежными славянами. Активность русской дипломатии и славянофилов вызвала оживление надежд на помощь России среди национальных буржуазных деятелей в южнославянских землях.

Однако царское правительство не намеревалось ввязываться в пазревавшие в Европе конфликты. На его позицию влияла необходимость осуществления внутренних реформ. Хорватский эмигрант, прибывший в начале февраля 1858 г. в Петербург, убедился, что не следует рассчитывать на скорый конфликт между Россией и Австрией. Хотя в правящих кругах России антиавстрийские настроения были значительными, здесь превалировала тенденция к компромиссу с Австрией.

Кватерник заручился рекомендательными письмами из Праги и Варшавы (от Ганки и Мацеёвского). Он посетил ученых-славистов И. И. Срезневского, П. П. Дубровского, познакомился с историком В. И. Ламацким, ученым-славистом А. Ф. Гильфердингом, имевшим опыт службы в Министерстве иностранных дел, академиком А. А. Куликом, паконец, М. П. Погодиным⁷ и другими представителями чиновного и научного мира Петербурга и Москвы, деятелями славянофильского и панславистского на-

⁶ Размеры настоящей статьи, к сожалению, вынуждают ограничиться этим перечислением социально-политических принципов Кватерника. Значение взглядов Кватерника и прававшей для хорватского национального движения очень велико. Их анализ представляет научный интерес.

⁷ Получив совет обратиться к Погодину, Кватерник записал: «Кто это и чем мне может [быть полезен], не знаю». См.: Ch. Šegvić. Prvo progostvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, str. 57.

правлений. В панслависте М. П. Погодине Кватерника привлекала враждебность к Австрии.

Благодаря поддержке этих лиц Кватерник был принят петербургскими чиновниками — от ничем не примечательных до известного поэта, дипломата и влиятельного цензора Ф. И. Тютчева, одного из высших сановников России графа А. Д. Блудова, генерала Е. П. Ковалевского, директора Азиатского департамента МИД.

Кватерник мечтал о дипломатической службе. В связи с этим он подчеркивал свое знание Венгрии и Хорватии и писал, что, живя в разных краях Хорватии и Венгрии и общаясь с народом, «я прилично узнал обычай, наречия, желания, стремления и иные обстоятельства народа венгерского и хорватского», а также «близко познакомился» с «выдающимися и пользующимися влиянием на народ людьми» в Венгрии, «людей же, имеющих влияние на хорватский народ, можно сказать, знаю до сердца», «имею также близкое знакомство с некоторыми хорватами мусульманской веры...». Что эти обстоятельства могли бы иметь большую важность, мне ничего много доказывать...» Наконец, Кватерник упомянул о своих связях с граничарами (это, как увидим, он не раз делал и в дальнейшем, когда пытался добиться поддержки): «Я имею и знаю ключ (способ. — В. Ф.), с помощью которого лишь за 24 дня можно было бы поднять до 30 000 хорошо вооруженных граничарских хорватов, оказав им поддержку питанием и небольшими деньгами, а что разъяренный хорватский народ в Австрии и Турции в течение 1—2 месяцев поднялся бы рядом с этой массой — более чем обеспечено»⁸. Таким образом, мысль о восстании на Военной Границе занимала его уже в 50-х годах.

К огорчению Кватерника, его католическое вероисповедание оказалось препятствием для занятия дипломатической должности⁹. Однако вопрос об отношении России к славянам-католикам имел для Кватерника значение по другой причине. От него, по мнению Кватерника, зависела возможность ориентации хорватского национального движения на Россию.

Кватерник стремился ознакомить русское дворянско-буржуазное общество с положением на Балканах и в Австрии и ратовал за такое изменение политики России, которое, как он считал, обеспечило бы ей успех и национальное освобождение народов Балкан и Австрии. Кватерник сетовал на ограниченность политики царского правительства, стремившегося опираться только на православных. Эту политику Кватерник считал «обскурантской», вредной самой России и противопоставлял ей «славянскую политику», т. е. направленную на поддержку славянских народов

⁸ ЦГАЛИ, ф. 436, д. 1475.

⁹ Сл. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 30, 33, 41.

независимо от их церковной принадлежности. В последнем случае «авторитет России в глазах цивилизованного мира поднялся бы вдвое выше»¹⁰. Кватерник стремился показать, что в интересах России — опора на хорватское национальное движение¹¹.

Свой идеи Кватерник изложил в записке «Pencées d'un emigré austroslave-croate», которую прочитали многие представители правящих, а также славянофильских кругов. Те же мысли нашли выражение и в его письме к Погодину (который оказал Кватернику денежную помощь). В этом письме Кватерник, напомнив о переданных ранее «Pencées», вновь подчеркивал ошибочность курса на исключительную поддержку православия. Он писал, что «ошибочные предубеждения» в отношении намерений России имеются и среди православных, несмотря на то, что им русская политика оказывала предпочтение «за счет хорватской нации». Кватерник выдвигал идею русско-хорватско-венгерского сотрудничества против Австрии и создания при поддержке России независимых государств — Венгрии и Хорватии. Россия должна шире смотреть на возможность приобретения союзников.

К письму Кватерника приложил экземпляр венгерской газеты времен Парижского мирного конгресса 1856 г. Там была помещена статья, благоприятная для России. «Не следует ли серьезно вникнуть в венгерские дела?» — писал в связи с этим Кватерник, — ибо «настроения венгров более, чем когда-либо, склонны стать дружественными России». Далее он сетовал на свой горький опыт общения с представителями правящих кругов в Петербурге: всюду фанатизм и предрассудки, и если так будет продолжаться, то нечего ждать от будущего, кроме «несчастья, несчастья, несчастья — для славян»¹². По утверждению Кватерника, Погодин признавал его правоту¹³.

После отъезда из России Кватерник долгое время поддерживал связь с русским послаником в Вене В. П. Балабиным и другими русскими представителями за границей. Балабин, опытный дипломат, мечтал о более гибкой политике: «его убеждения, — писал Кватерник, — шли столь далеко, что он защищал даже принцип освобождения поляков, чтобы потом всем вместе установить фронт против враждебной Европы».

В марте 1859 г. Кватерник представил Балабину программу мер, которые, по его мнению, обеспечили бы преобладающее влияние России на хорватское общество, а вместе с тем укрепление хорватской экономики и внутринациональных связей хорватов. Он имел в виду установление широких торговых связей

¹⁰ Ch. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 96.

¹¹ См., например: E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 6, 1871.

¹² E. Kvaternik — M. P. Погодину 22 мая 1858 г. ГБЛ, Отдел рукописей, ф. М. П. Погодина.

¹³ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 6, 1871.

России с Хорватией, финансирование хорватских газет, материальную помощь граничарам, активизацию деятельности русских консульств в области экономики и культуры¹⁴. Кватерник стремился согласовать политические интересы России с задачами национального развития хорватов. В ноябре 1859 г. он вновь «послал пространное письмо другу Балабину в Вену с большим и обширным планом, которого Россия должна придерживаться, если хочет добиться успеха в своих намерениях с помощью хорватов и венгров. . .»¹⁵

В Петербурге после нескольких месяцев ожидания Кватернику (при содействии Срезневского, Погодина, Купика и др.) была предложена служба в «Российской компании пароходства и торговли» миллионера Новосельского, связавшей со многими государствами. Фактически в обязанности Кватерника входила информация о политическом положении в Австрийской империи. Осенью 1858 г. Кватерник, перейдя в русское подданство, выехал в Пешт.

Несколько месяцев он исполнял свои новые обязанности, т. е. писал отчеты о положении в стране, по продолжал критически отзываться о «православной политике», что, конечно, не могло благоприятно отразиться на его службе за границей. В марте 1859 г. Кватерник отказался вернуться в Петербург, где ему предлагалось место чиновника¹⁶.

* * *

Об установлении контакта с властями западных государств Кватерник думал уже в Петербурге¹⁷. В 1859 г., пакануне войны Франции и Пьемонта против Австрии, Кватерник уехал в Турин, а затем в Париж. На Западе в это время он видел больше возможностей для деятельности.

Решающим для поступка Кватерника было резкое обострение франко-австрийских противоречий. Но поворот Кватерника к «Западу» в силу объективных обстоятельств означал ориентацию не только на правящие круги Франции и Пьемонта, но и на национально-освободительное движение итальянского народа, а в дальнейшем привел его к сотрудничеству с революционной эмиграцией других угнетенных народов Европы. В этом повороте отра-

¹⁴ Этим вопросам будет посвящена подготавливаемая нами публикация о Е. Кватернике.

¹⁵ E. K v a t e r n i k. Gorke uspomene. «Hèrvatska», № 8, 1871.

¹⁶ Там же, № 7, 1871.

¹⁷ Ch. Š e g u i č. Prvo progonstvo..., str. 52. В письме к Погодину от 28.V 1858 г. Кватерник заявил, что если ему не удастся получить русскую службу, он «будет вынужден предпринять несчастный шаг» — отправиться на Запад, так как его «физические, материальные и даже морально-политические силы окончательно истощились» (ГБЛ, Отдел рукописей, ф. М. П. Погодина).

зились социально-политические интересы радикальной мелкой буржуазии Хорватии.

После отъезда в Турин и Париж Кватерник еще более года продолжал поддерживать связи с русскими представителями в Австрии, Италии и Франции. Примечательно то, что сама поездка на Запад была предпринята по согласованию с Балабином. «... Кватерник, — докладывал Ковалевскому Балабин 22.IV—4.V 1859 г., — изъявил мне намерение отправиться в Париж и там напечатать брошюру о кроатах и их народном начале. Зная, что во Франции, да отчасти и у нас на кроатов смотрят исключительно как на доблестных солдат Радецкого, я не мог не одобрить его намерений и сподбил его на это некоторыми указаниями»¹⁸. Это свидетельство дополняет представление об отношении Балабина к деятельности Кватерника и о причинах теплых отзывов Кватерника о Балабине. Балабин делал все возможное, чтобы сохранить связь с Кватерником в надежде на возникновение антиавстрийской коалиции с участием России.

В Турине — столице Сардинского королевства — Кватерник сблизился с ветераном итальянского национально-освободительного движения Никколо Томаззео, оказавшим ему большую помощь. Он предложил Томаззео стать во главе Хорватского государства в случае успеха национального восстания¹⁹. Кватерник был принят Кавуром, который интересовался революционными элементами в Австрии. «К сожалению, — заметил Кавур, — у нас еще не умеют отличать хорватов от Австрии»²⁰. В апреле 1859 г. Кватерник впервые приехал в Париж и в дальнейшем действовал как во Франции, так и в Италии.

Пропаганда «хорватского дела» за границей приобретала важное значение, так как походы войск Елаича в 1848—1849 гг. способствовали укреплению в либеральных и буржуазно-демократических кругах разных стран антихорватских чувств. Как писал Кватерник, «мир запал хорватов лишь как кровожадных исполнителей палаческой деспотической воли и стремлений Австрии»²¹. И он поставил себе задачу убедить общественное мнение Франции и других стран Европы в том, что в среде хорватов господствует недовольство австрийским гнетом и они могут стать союзниками Франции и Пьемонта. Благодаря рекомендации Томаззео и Кавура Кватерник завязал знакомства в политических и журналистских кругах Франции и Италии. Он следил за русской, немецкой, итальянской, французской, английской и бельгийской печатью, отмечая все относящееся к Хорватии, писал статьи и посыпал опровержения в газеты, выступления которых, по его мнению, наносили ущерб интересам Хорватии, отстаивал

¹⁸ АВПР, Главный архив, Политический отдел, 1859 г., д. 4, л. 3.

¹⁹ Ch. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 120.

²⁰ E. Kvaternik. Gorki uspomene. «Hèrvatska», № 8, 1871.

²¹ Там же, № 7, 1871.

право хорватов на суверенитет. Появлявшиеся в итальянской печати претензии в отношении славянских земель Австрии, а также проекты соглашения Италии с Австро-Венгрией вызывали бурную реакцию Кватерника. Ему приходилось выступать с доказательствами славянского характера Истрии и Далмации; он с торжеством отмечал высказывания газет, в которых признавалась принадлежность к Хорватии той или иной области²².

Действительно, положение политического деятеля, поставившего себе целью в 50-е годы XIX в. отстоять права хорватов от возможных посягательств, было не простым. Австро-Венгерский генерал, подавлявший политическую жизнь на родине, претензии венгерских господствующих классов на Хорватию, рост германской угрозы, административная и экономическая раздробленность хорватских земель, слабость национальной буржуазии и ее оппортунизм, оторванность национального движения от крестьянских масс — все это не вселяло уверенности в благополучии для хорватов исходе международных осложнений. О подозрительности Кватерника в отношении всех соседей Хорватии свидетельствуют его дневники: он опасался, как бы в ходе международного кризиса более сильные соседи не решили все проблемы в ущерб хорватам. Понимая необходимость сотрудничества с другими народами против Австро-Венгрии, Кватерник беспокоился, как бы те не опередили хорватов. В национальных взаимоотношениях того времени появился порок, присущий буржуазному национальному движению: идеология национализма всегда сеяла недоверие и затрудняла сотрудничество между народами.

Во время войны 1859 г. Кватерник с ведома Кавура написал листовку к гравюрам²³, которая была распространена в расположении австро-венгерской армии. Наконец, в 1859 г. Кватерник выпустил анонимную брошюру, задуманную еще на русской службе²⁴. В ней он рассказал об истории хорватов, об их роли в отражении турецких нашествий и отстаивал право хорватского народа на объединение своих земель и государственную самостоятельность. Обрушиваясь на австро-венгерскую политику после 1848 г., Кватерник делал вывод, что Габсбурги потеряли законные права на Хорватию, и подчеркивал, что освобождение Хорватии совпадает с интересами Италии и Европы вообще, так как оно пресечет возможность австро-венгерского реванша. В брошюре проявилось характерное для правашей стремление связать вопрос освобождения Хорватии с решением волнующих Европу проблем. Отношения между южными славянами Кватерник, как обычно, трактовал с великохорватской точки зрения (Хорватия — «до Нересты и Дрипы»).

²² См., например: Ch. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 125, 137 (здесь речь идет о морском побережье «от Пулы до Котора»).

²³ Ch. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 152.

²⁴ «La Croatie et la confédération italienne», Paris, 1859.

Появление брошюры было значительным явлением в хорватской публицистике: впервые представитель хорватского национального движения выступил с требованием полной независимости своей страны. Это — первая опубликованная декларация принципов будущей партии права²⁵. Деятельностью и сочинением Кватерника интересовался Кошут²⁶. Позднее Кватерник считал своей заслугой то, что в Италии впервые упоминали хорватов без проклятий, хотя еще недавно итальянцы вели себя так, словно война (1859 г.) шла «не с Австроией, а с хорватами»²⁷.

Конец франко-итало-австрийской войны не означал, конечно, прочного мира. Венецианская область оставалась в руках австрийцев, а в самой Италии сохранилось несколько государств. Вскоре успехи гарibalдийцев подняли национально-освободительное движение на новую ступень. Развертывалась освободительная борьба в югославянских землях Турции. В Австрийской империи царило возбуждение. В конце 1859 и в 1860-м году новые международные осложнения казались неминуемыми. Поэтому Кватерник продолжал рассчитывать на восстание на Военной Границе и в Хорватии-Славонии. Но после Виллафранкского перемирия (июль 1859 г.) Франция сблизилась с Австроией. «Национальный принцип» был забыт, а Италии предложено вести сдержанную политику. В этой обстановке попытки Кватерника заинтересовать французское и итальянское правительства судьбой хорватов терпели неудачу.

Свои надежды Кватерник возлагал на беседы с принцем Жеромом Бонапартом. Он составил записку о хорватской проблеме. В ней доказывалось, что восстановление Хорватии — в интересах Франции, которая приобрела бы тем самым верного союзника. Записка предназначалась для Наполеона III. Кватерник добился аудиенций у принца (23 и 30 марта 1860 г.) и изложил ему содержание своей записки, добавив, что в случае французского покровительства «хорватский народ» предложил бы принцу «престол объединенного хорватского королевства»²⁸. Он сказал также о «240 000 человек», которые Хорватия способна выставить (имелась в виду Военная Граница). На восклицание Жерома: «Если бы это было правдой!» — Кватерник напомнил о событиях 1848 г.²⁹. Как и в России, стремясь получить поддержку, он утверждал,

²⁵ В России с отзывом на книгу выступил в 1860 г. А. Гильфердинг. Он называл сочинение Кватерника «замечательным» выступлением в защиту национальных прав хорватов, но критиковал его за характер аргументации (освобождение Хорватии — в интересах Италии) и за великохорватские взгляды. См.: «Собрание сочинений А. Гильфердинга», т. II. СПб., 1868, стр. 153—165.

²⁶ M. N e h a j e v. Rakovica—Djela, sv. VII. Zagreb, 1944, str. 244.

²⁷ E. K v a t e r n i k. Gorké uspomene. «Hèrvatska», № 7, 1871.

²⁸ Там же, стр. 137.

²⁹ Там же.

что недовольные граничары готовы к восстанию, и преувеличивал численность граничарского войска. Принц говорил о необходимости объединения хорватов с венграми против Австрии. Кватерник признал возможность сотрудничества, но отстаивал независимость Хорватии³⁰. В заключение принц заявил, что в настоящих условиях постановка хорватского вопроса невозможна. 13 апреля Кватерник вновь встретился с принцем, передал ему записку для Наполеона III и вновь просил денег на организацию восстания: сначала миллион франков, в дальнейшем — в зависимости от хода восстания³¹. Но Жером держался холодно. «Я не знаю вас, — заявил он огорченному Кватернику, — вы в прошлом году написали хорошее сочинение, но ничего более мое о вас не известно»³².

Безуспешными были и переговоры в сардинском посольстве, где Кватерник также доказывал осуществимость восстания в Хорватии. «Восстание наших 400 000 вооруженных людей против Австрии придало Европе другой облик. Венеция могла бы освободиться». Он просил миллион франков для подготовки восстания и для его поддержки — по 4 миллиона ежемесячно в течение трех месяцев³³.

Как видим, деятельность Кватерника в 1859—1860 гг. была направлена прежде всего на пропаганду «хорватского дела» в Европе и на убеждение правящих кругов Франции и Италии в важности для них хорватского вопроса. Слабость национального движения в Хорватии и неблагоприятная международная обстановка после войны 1859 г. предопределили неудачу Кватерника. Эмигрант-одиночка, не имевший широких связей со страной, прочной опоры и средств, был обречен на обивание порогов приемных французских вельмож.

Итак, в 1859—1860 гг. Кватерник обращался к правящим и славянофильским кругам России, к правящим и либеральным кругам Франции, Италии. По своим взглядам буржуазный конституционалист, он не видел иных сил, способных содействовать национальному освобождению Хорватии. Но верность национально-революционной программе в дальнейшем побудила Кватерника обратиться к лагерю международной революционной эмиграции. Деятельность Кватерника в 1858—1860 гг. не прошла бесследно: он познакомился с политической обстановкой за рубежами Австрии, публично выступил с национально-освободительной программой.

После военного поражения 1859 г. австрийские правящие круги поняли невозможность проведения прежнего впредвили-

³⁰ Там же, стр. 135.

³¹ Там же, стр. 144.

³² Там же, стр. 143.

³³ Там же, стр. 151—152.

тического курса. Финансовый кризис уже нельзя было преодолеть с помощью очередного взвинчивания налогов. Возмущение народа угрожало взрывом, да и австрийская буржуазия требовала решающего участия в законодательстве и управлении. Перепуганной придворной клике мерецился новый 1848 год. Франц-Иосиф был вынужден пообещать изменение режима. Вскоре чиновники абсолютистского режима стали покидать Хорватию.

Венгерские помещичье-буржуазные политики, требуя патиопальпных прав для Венгрии, заявили притязания на Хорватию, с XII в. вплоть до 1848 г. входившую в состав земель венгерской короны (в качестве территории с особыми правами). В Хорватии недовольство австрийским господством усилило провенгерские настроения. Подавляющая часть дворянства и буржуазии склонялась к союзу с Венгрией в составе империи, чтобы обезопасить страну от восстановления хозяйственника «баховых пиратов» (так называли чиновников абсолютистского правительства А. Баха), безудержного роста налогов и эксплуатации страны. Большинство национальной буржуазии предпочитало федерализацию Австрии, а блок с Венгрией на основах равноправия рассматривало как способ спастись от австрийского централизма. Часть же буржуазии и чиновничества не хотела никакого союза с Венгрией и стремилась к объединению хорватских земель в составе Австрии.

Лишь небольшая группа правашей выдвигала программу независимости Хорватии, считая, что пребывание Хорватии в составе империи несовместимо с ее национальными интересами. Кватерник опасался, что непавильность к Австрии побудит хорватов пойти на безоговорочное присоединение страны к Венгрии. Он стремился к тому, чтобы в условиях кризиса Австрийского государства Хорватия добилась свободы рук, т. е. национальной самостоятельности.

В 1860 г., когда Кватерник потерпел неудачу за границей, а в Австрийской империи развернулась политическая борьба, которая должна была определить устройство империи, хорватский эмигрант стремился вернуться на родину. На основе сопротивления униюизму он сблизился с теми либералами (пародияками; эта группировка оформилась после краха абсолютизма), которые питали надежды на перестройку империи в австрославянском духе (Й. Штросмайер, Ф. Рачкий и др.)³⁴. Штросмайеру он послал свое обширное сочинение — «Политические исследования»³⁵, направленное прежде всего против слияния Хорватии

³⁴ Позднее Кватерник утверждал, что, желая в 1860 г. вернуться на родину, он исходил из необходимости бороться против оппортунизма либералов — политики, выгодной Вене. См.: Е. К в а т е р н и к. Gorke usporene. «Hrvatska», № 9, 1871.

³⁵ Е. К в а т е р н и к. Politički razmatranja na razkriju hrvatskog naroda, I. Zagreb, 1861.

с Венгрией. Под ширмой преданности «хорватскому королю» (Габсбургу) ³⁶ и борьбы против венгерофильтства Кватерник писал о «нашем суверенно-независимом королевстве», стремился все-сторонне обосновать право хорватов на национальный суверенитет. Это имело значение для борьбы и с австрийскими централистскими планами. Кроме того, Кватерник выступил с апопимской брошюрой о хорвато-венгерских отношениях, где на основе «исторического права» вновь защищал самостоятельность Хорватии ³⁷.

У либералов (пародияков) и Кватерника в это время были общие непосредственные задачи: утвердить автономию Хорватии, доказать, что она не является простой составной частью земель венгерской короны, и т. д. В борьбе за их решение Кватерник сотрудничал с либералами. Так, он приветствовал деятельность Штросмайера в имперском совете («усиленный рейхсрата») в 1860 г., когда тот отстаивал объединение хорватских земель ³⁸.

В сущности Кватерник, как и группировка Штросмайера, пытался использовать противоречия между Австроией и Венгрией для укрепления самостоятельности Хорватии. В связи с этим он в своих публичных выступлениях допускал компромисс с идеями народияков. Но между взглядами Кватерника и пародияков уже имелись до времени скрытые серьезные расхождения.

В новой обстановке Кватерник решил обратиться к австрийскому правительству с планом реформ. Уже раньше он заявлял, что Австроиа может сохраниться лишь опираясь на свои национальности, предоставив последним широкие права ³⁹. В июне 1860 г. Кватерник изложил австрийскому посланнику в Риме «основу системы, которой Австроиа следует держаться в отношении хорватов» ⁴⁰. Вена, более всего встревоженная венгерским национальным движением, стремилась для преодоления кризиса империи использовать испытанное средство — национальное движение не-венгерских народов ⁴¹. Сам министр иностранных дел Рехберг согласился изучить предложения хорватского эмигранта. В июле 1860 г. Кватерник направил ему записку, в которой проводил мысль, что выход — в создании Хорватии «от Сочи до Петрова-

³⁶ Кватерник считал возможным союз хорватов с Габсбургами при условии суверенитета Хорватии (см.: E. K v a t e r n i k. Politički razmatrajanja..., str. 28—29, 60—61).

³⁷ «Das historisch-diplomatische Verhältnis des Königreiches Kroatiens zu der ungarischen St. Stephans Krone». Agram, 1861. Обе книги были изданы на средства Штросмайера.

³⁸ Ch. Š e g v i č. Prvo progonstvo..., str. 204; E. K v a t e r n i k. Gorke uspomene. «Hèrvatska», № 11—12, 1871.

³⁹ Ch. Š e g v i č. Prvo progonstvo..., str. 162.

⁴⁰ Там же, стр. 171.

⁴¹ Кватерник разбирался в маневрах властей. Позднее он писал, что правительство надеялось использовать его против венгров (E. K v a t e r n i k. Corke uspomene. «Hèrvatska», № 11, 1871).

радина и Бояны», румынского, чешского, словацкого, польского и немецкого государств под жезлом Габсбургов⁴².

Общими для всей империи были бы финансы, оборона, государь. Кватерник считал необходиым: гарантию политических свобод, создание в Хорватии национальной армии, реформы на Границе, передачу гражданского управления Границей в ведение хорватского правительства. Он выразил готовность после осуществления реформ поддержать созыв общеимперского парламента. «Австрия национальностей, свободных и независимых друг от друга, просуществует столетия».

На первый взгляд все это мало отличалось от австрославистской концепции народников. Однако различие, как мы увидим, состояло в степени требуемых от Вены уступок. Но все же в проекте видно отступление от принципов правящей, так как он предусматривал сохранение экономической общности частей империи и даже предполагал единый парламент. Сам Кватерник признавал недостаточность проекта с точки зрения национального суверенитета⁴³. Но этот проект, копечно, был испытанием для правящих кругов Австрии. По существу Кватерник ради «сохранения Австрии на столетия» предлагал подорвать власть Вены над пародами империи⁴⁴. Из Вены ответили, что предложенную программу «невозможно рассматривать в качестве основы для серьезного разговора»⁴⁵. Но правительство не оставило надежды привлечь Кватерника к сотрудничеству.

Национально-революционные настроения Кватерника во время этих переговоров несомненны. В сентябре 1860 г. он выписал в дневник заявление английской газеты, что славянские пароды Австрии и Турции ожидают успеха Гарибальди для начала восстания, и сопроводил его замечанием: «дай бог, чтобы это было правдой и проклятые швабы были свергнуты». На другой день в связи с высказыванием французской газеты, что триумф Гарибальди «явился бы сигналом к восстанию во всех районах Далмации, которому сопутствовало бы всеобщее движение в Хорватии», он заметил: «С пими бы поднялась и Босния и Герцеговина»⁴⁶.

Получив ответ из Вены, Кватерник подумал о возможности возвращения на русскую службу. Но вскоре был опубликован так называемый Октябрьский диплом (1860 г.), обещавший введение

⁴² I.j. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima hrvatsko politike u šezdesetim godinama XIX st. «Radovi filozofskog Fakulteta. Historijska grupa», 1, Zagreb, 1959, str. 68.

⁴³ Там же, стр. 69.

⁴⁴ В 1865 г. Кватерник так объяснял свою тактику: соглашаясь признать Габсбургов, мы хотим «убить» единство империи (Ch. Šegvić. Drugo progonstvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, str. 198).

⁴⁵ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 12, 1871; I.j. Kuntić. Kvaternik prema..., str. 70.

⁴⁶ Ch. Šegvić. Prvo progonstvo..., str. 198—199.

конституционного строя в Австрийской империи. Восстали местные представительные учреждения. Последовавший за ним Февральский патент (1861 г.) обеспечивал преобладание австрийских помещиков и буржуазии в рейхсрате и свидетельствовал о намерении правящих кругов продолжать централистскую политику конституционными средствами.

В конце 1860 г. Кватернику с помощью Штросмайера удалось вернуться в Хорватию; он был избран депутатом сабора, открывшегося в мае 1861 г. Власти попытались непросту подкупить его: в мае 1861 г. бан Шокчевич предложил Кватернику от имени правительства перстень в знак признания его «литературных трудов». Он отклонил этот дар. Небольшая группа правашей составила легкое крыло сабора.

В саборе царили антиавстрийские настроения. Попытка Вены добиться поддержки Хорватией февральской конституции провалилась. Даже наиболее умеренные австрослависты не решились открыто настаивать на признании рейхсрата. Народники, в принципе стремившиеся к реформе империи на базе федерализма, но опасавшиеся венских централистов, хотели до более благоприятных времен обеспечить Хорватию от этой угрозы и провели проект объединения с Венгрией в случае признания последней равноправия Хорватии и воссоединения Хорватии-Славонии с Далматией. Почти все радикально пасторепные депутаты ввиду угрозы централизма поддержали идею объединения с Венгрией при гарантии прав Хорватии⁴⁷.

В саборе Кватерник был одним из наиболее активных депутатов. В речи 18 июня 1861 г. он обосновал концепцию национальной самостоятельности⁴⁸. Опровергая опасения ораторов, будто Хорватия самостоятельно не сможет просуществовать (эти депутаты представляли чиновничество, помещиков и часть буржуазии), Кватерник доказывал, что национальный суверенитет выгоден хорватам с экономической точки зрения: где будет центр хорватской государственности, «там сконцентрируются все наши ремесленники, все наши предприниматели, все деятели искусства, все промышленники, а разве не лучше, чтобы мы хорватский сапожник сшил сапоги... , чем венец или венгр из Пешта? Не лучше ли поддержать своего корчмаря или хозяина постоянного двора, чем везти деньги за границу?»⁴⁹ «А наши торговцы? Торговля пойдет лучше, если законы и торговые договоры будут заключать наш сабор и только он будет влиять на их содержание, чем если

⁴⁷ Lj. Kuntić. Kvaternik prema..., str. 72—73; V. Bogdanova. Uloga vojne krajine i njenih zastupnika u hrvatskom saboru 1861. Zagreb, 1960.

⁴⁸ См. M. Polić. Parlamentarna povjest kraljevine Hrvatske, Slavonije i Dalmacije, I. Zagreb, 1899, str. 40—42.

⁴⁹ «Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu god. 1861», u Zagrebu, 1862, str. 193.

их будет кроить венгерский сейм». Совместное с Венгрией законодательство, даже при равноправии сторон, не обеспечит интереса хорватов: «если у венгров больше миллионов, чем у хорватов, то какие бы договоры мы совместно ни заключили, факта, что 10 миллионов дороже, чем 5 или 2, не изменить; мощь денег важнее, и всегда сильный будет давить слабого...»⁵⁰ Эти рассуждения еще в большей степени были применимы к отношениям Хорватии к Австрии.

Кватерник выдвинул проект устройства империи: общим для Хорватского королевства с остальной Австрией должен был быть лишь государь: Хорватия — независима от каких-либо австрийских или венгерских властей; делами государства ведает правительство Хорватии (внутренним управлением и полицией, церковными и школьными делами, путями сообщения и армией), дела, касающиеся всей империи, глава хорватского правительства обсуждает с государем; решения по вопросам войны и мира санкционирует представитель хорватского сабора; национальная армия Хорватии не будет участвовать в войнах за интересы Германского союза; никакие общепротекторские финансовые меры не могут осуществляться помимо согласия Хорватии, например, глава национального правительства, ответственного перед сабором, санкционирует торговые договоры; налоги устанавливаются лишь с согласия сабора; наконец, Хорватия отказывается от уплаты доли имперского государственного долга, возникшего после 1848 г. — в период абсолютизма. В целом проект 18 июня — один из вариантов идей Кватерника о самостоятельности Хорватии. Но он сделал исключение: обязательства казны перед помещиками, установленные патентом 1853 г. в связи с ликвидацией феодальной зависимости крестьян, сохраняют силу. Социальная позиция буржуазного радикала нашла в этом факте выразительное проявление. Верхи торгово-ростовщической буржуазии и дворянство и думать не смели о независимости Хорватии, в частности ввиду заинтересованности в обеспечении выкупных платежей помещикам. Кватерник пытался сделать свой проект приемлемым для эксплуататорских классов...

В своем выступлении Кватерник опровергал австрославизм. Он страстно доказывал, что «единая и сильная Австрия» явилась бы главной опасностью для хорватов, в связи с чем напоминал о роковых ошибках большинства хорватских политиков в 1848 г. Когда в саборе 1848 г., сказал он, разлагались политики о единой Австрии как «оплоте славянства» (против пангерманизма и Венгрии. — В. Ф.), с галереи раздался возглас: «Язык вам надо вырывать, если вы за эту идею»; и не большинство, а этот человек оказался прав... Защита Австрии привела к восстановлению абсолютизма и жестокой германизации.

⁵⁰ Там же, стр. 194.

Кватерник предложил заключить с Венгрией договор о взаимной помощи — военной и политической — в случае угрозы свободе каждой стороны (имелась в виду политика Австрии!). Но более обширная унион с Венгрией не в интересах Хорватии. Желательна была бы гарантия хорватской конституции европейскими державами.

В 1862 г. во время суда над ним Кватерник эту систему «рельской независимости» Хорватии назвал триализмом⁵¹. Таким образом, он говорил об образовании трех суверенных политических единиц: Австрии, Венгрии и Хорватии, включающей в себя другие югославянские области.

Ценой за «соглашение» с Австрией был фактический развал Австрийского государства. Поэтому о соглашении «с Австрией» у Кватерника не было и речи, дело шло о соглашении с династией Габсбургов. Кватерник упорно отстаивал мысль, что либо династия предоставит народам (венграм и хорватам, по крайней мере) суверенитет и удовлетворится личной унией трех стран, либо вообще погибнет. Он «согласился» отвести Габсбургам роль могильщика единой монархии. . .

Этот проект — «легальный» лишь при сугубо формальном его рассмотрении, — т. е. выражавший словесную лояльность Габсбургам как хорватским королям, можно оценить как абсолютно несовместимый с интересами австрийских господствующих классов. Но династия Габсбургов была плоть от плоти австрийских магнатов и финансистов. Конечно, проект полностью не отражал позицию правящей как идеально-политического течения, отступая от нее в существенном: сохранялась империя как единый экономический организм. Но при осуществлении проекта Хорватия приобрела бы решающие позиции для достижения независимости.

Решающее отличие проекта Кватерника от планов сторонников триализма в начале 1900-х годов заключалось в стремлении последних укрепить мощь Австрии, тогда как Кватерник и прававшие 60-х годов XIX в. боролись за ослабление связей между ее частями, за ликвидацию империи. Это отличие является следствием социально-экономической эволюции в последней трети XIX в.: в основе политической линии правящей начала XX в. (в особенности франковцев) находились прежде всего требования хорватских средних и мелких аграриев, тесными узами связанных с Австрией, Кватерник же отстаивал интересы национального (главным образом мелкого) производства против австрийского крупного капитала, против Австрии.

Кватерник доказывал осуществимость своего проекта с помощью обычного аргумента правящей: Австрия окажется в таком трудном внешнеполитическом положении, что вынуждена будет уступить, если хорваты будут твердо отстаивать свои интересы.

⁵¹ М. Нехаев. Указ. соч., стр. 173.

Его выступление надо рассматривать в связи с национально-революционной пропагандой, проводившейся Кватерником до и после сабора 1861 г.⁵²

Позднее, в 1863 г., Кватерник записал: «Никто не может ее (династии. — В. Ф.) спасти. Только объединенное Хорватское королевство, имеющее собственную армию и конституционным путем присягнувшее королю, могло бы осуществить дело спасения»⁵³. Это свидетельствует, что аналогичные проекты выдвигались Кватерником не только с пропагандистской целью. Вероятно, он считал предлагаемый путь наиболее благоприятным для хорватов. Военный разгром Австрии таил для него много неизвестного. Он сомневался, удастся ли в момент краха Габсбургов отстоять хорватские претензии перед другими державами и национальными движениями. Понимая, что Вена не пойдет на требуемые им решающие уступки, Кватерник согласился с мнением Старчевича: «Жалок тот, кто ныне надеется на помощь государя»⁵⁴. Он на практике вел революционную деятельность и стремился заручиться поддержкой врагов Австрии, но при всем том не оставил мечты о договоренности с династией. В этом — слабость его идеальной позиции, но слабость, не имевшая первостепенного значения для его деятельности⁵⁵.

Уже в ходе сессии сабора 1861 г. обнаружилось отличие политики Кватерника и Старчевича от линии лидеров народников. Кватерник, как ранее Старчевич, убедился, что если основное внимание хорватов сосредоточивается на неурегулированности хорватско-венгерских отношений, то выгоду получает правительство (как это случилось в 1848—1849 гг. и чего добивалось оно в 1860—1861 гг.). Уже его выступление в саборе было направлено против Австрии. В дальнейшем принципом лидеров правящей стало: не следует давать властям возможностей использовать хорватов против венгров, натравливать эти народы друг на друга. На саборе правящи, ввиду того что проект Кватерника не имел шансов собрать большинство, проголосовали за предложение венгерофила А. Стояновича не обсуждать вопроса о каких-либо общих делах Хорватии с Австрией. В ноябре 1861 г. сабор был распущен⁵⁶.

Стремление сабора укрепить автономию страны было охарактеризовано в императорском рескрипте как феодальная тенденция. Австрийские либералы и вместе с ними проправительственное

⁵² Невозможно согласиться с М. Нехаевым, считавшим, что позиция Кватерника на саборе 1861 г. не выходила за рамки конституционности. См.: М. Н е х а ё в . Указ. соч., стр. 166.

⁵³ Ch. Š e g v i ē. Drugo progonstvo..., str. 38.

⁵⁴ Там же, стр. 41.

⁵⁵ Ипою дело — правящи (триалисты) 900-х годов. Задача договориться с династией определяла их тактику.

⁵⁶ M. P o l i c . Указ. соч., стр. 72—73, 93—106; J. H o g r a t . P o l i t i c k a povišest Hrvatske, I. Zagreb, 1938, str. 246.

крыло хорватских австрославистов изображали борьбу за широкую автономию пережитком феодализма, тем более, что защитники автономии ссылались на средневековую конституцию Хорватии. Оппозиция с негодованием отклоняла обвинение в реакционности. Рескриптом, записал Кватерник, паносится оскорбление нашей чести, так как нам злостно приписывается стремление восстановить феодализм, о чём сабор и не помышлял⁵⁷.

После сабора Кватерник не скрывал своей враждебности к централистскому режиму; он подготовил к печати второй выпуск «Политических исследований», антиавстрийская направленность которого была явной. Недовольства хорватов достаточно для торжества французов над Австрией в новой войне, уверял здесь Кватерник. Он лишь слабо завуалировал свой призыв к хорватам содействовать противнику Австрии: «Где она, та черная душа какого-нибудь венского государственного деятеля, немецкого или хорватского, которая могла бы упрекнуть хорватов, если лишенные своих священных прав, доведенные гнетом до голода, они будут с ледяным равнодушием взирать на высадку иноzemных войск на территории, которая сейчас даже по названию им не принадлежит (речь идет о Хорватском приморье. — В. Ф.). Какой хорват станет противиться, если в самом крайнем приморском хорватском селе будет воскрешен хорватский или венгерский (если так вздумается победителям) престол?» В результате надвигающегося конфликта хорваты обретут свободу. «Физический штеппель самосохранения» побуждает хорватов воспользоваться этим конфликтом, так как «вся масса хорватского простого народа от Дуная до Будвы крестит нынешнюю австрийскую действительность несносным ярмом»⁵⁸.

Сочинение Кватерника было конфисковано, а сам он отдан под суд. Во время разбирательства Кватерник отказывался признать, что он подстрекал к бунту, паоборот, он доказывал, что австрийские власти влечут империю в пропасть. «Пусть сегодня пеприятель высадится в Сельцах или другом месте и объявит: отныне вы будете платить половину налога, и — естественное дело — народ его поддержит»⁵⁹. Кватерник был приговорен к полутора месяцам тюремного заключения «за нарушение порядка» и к высылке из империи как . . . иностранец (русский подданный, что, впрочем, не помешало ему стать депутатом сабора, когда власти рассчитывали на него).

* * *

В январе 1863 г. в Польше началось восстание. Международная обстановка вновь осложнилась. Положение в Хорватии тоже,

⁵⁷ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo . . . , str. 7.

⁵⁸ Цит. по: M. Nehajev. Указ. соч., стр. 172—173.

⁵⁹ Там же, стр. 175.

казалось, благоприятствовало смелым планам. Хорваты вновь испытывали крах австрославистских надежд; политический гнет и налоговый пресс усиливались. Кризис, постигший экономику страны, с трудом приспособливавшейся к пореформенным условиям, питал широкое недовольство народа и имущих слоев. В это время Кватерник записал: «масса хочет того же, что и мы»⁶⁰. Аптиавстрийские настроения охватили средне- и мелкопоместное дворянство. Классовые интересы побуждали его склоняться к провенгерской ориентации, но среди него некоторое сочувствие находили и праваша. Хорватские радикальные провенгерские элементы отставали максимум независимости Венгрии (вместе с Хорватией) от Австрии. Вражда к Австрии сближала их с правашами. О настроениях части хорватских дворян говорит тот факт, что «подстрекателя» Кватерника в 1863 г. хорошо принимали в дворянских домах. В 1863 г. ему выразил сочувствие барон Д. Кушлан, иллирийский деятель, в 1849 г. добивавшийся союза хорватов с венгерской революцией. Радикализм в это время был свойственен некоторым народнякам: предприниматель и купец А. Якич, к радости Кватерника, признал, что «нам, хорватам, нормальным (т. е. «законным». — *B. Ф.*) путем нет спасения, что этого мнения придерживаются многие люди»⁶¹. Буржуазия таких торговых центров, как Карловац и Сисак, в это время сочувствовала Кватернику⁶². Позднее, однако, национально-радикальные настроения здесь ослабели⁶³.

Кватерник оценивал все события в Хорватии с точки зрения борьбы за разрушение Австрийской империи. Так, когда в 1863 г. в Хорватии с санкций властей отмечалась память Кирилла и Мефодия, он утверждал, что «торжествами хотят заглушить стоны страны», что именно в связи с возрастанием недовольства «царская швабская банда начинает якобы народные хорватско-славянские торжества»⁶⁴. Национально-либеральная партия, находившаяся в оппозиции режиму, стремилась воспользоваться юбилеем славянских просветителей для национальных манифестаций. Кватерник же не мог удовлетвориться этим и подчеркивал другую сторону подобных фактов: возможность их использования австрийской властью. Он критиковал либералов за то, что участием в манифестациях они способствуют замазыванию остроты противоречий между Хорватией и властями. Уже разгон сабора 1861 г. Кватерник расценивал как удар по проавстрийским иллюзиям: «с этого дня начинается новая, более счастливая фаза в хор-

⁶⁰ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 24.

⁶¹ Там же, стр. 24.

⁶² E. Kvaternik. Gorce uspomene. «Hrvatska», № 10—11, 1871.

⁶³ См. например: «Pisma Bogoslava Šuleka Petru Preradoviću. Građa za povijest književnosti hrvatske», 19, Zagreb, 1950, str. 46.

⁶⁴ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 26.

ватской истории»⁶⁵. В 1863 г. он считал, что новый созыв сабора был бы отдушиной для недовольства, а срыв созыва сабора — фактом, благоприятным для борьбы за свободу⁶⁶. Именно поэтому Кватерник не делал различия между орудием австрийских властей — хорватским чиновничеством — и австрославистами разных толков, мечтавшими о соглашении с Веной, о свобододом «сообществе австрийских народов». Однако различие между первыми и вторыми имелось: вслед за правашами в 1863—1864 гг. подверглись преследованиям и народяки.

В июле 1863 г. Кватерник уехал в Париж. Он стремился быть в центре политических событий, и решение суда о его высылке лишь способствовало этому. В Париже кипели политические страсти. В некоторых газетах доказывалась важность восстания Польши для интересов Франции, демократические круги сочувствовали борьбе польского народа за свободу. Кватерник был решительно на стороне борющейся Польши. Он стремился увязать польский вопрос с хорватским и стал подчеркивать, что для Франции целесообразно восстановление в Польши и Хорватии. Он надеялся, что Австрия вновь будет втянута в международный конфликт.

Вновь, как и в 1859—1860 гг., Кватерник стал добиваться приема у Наполеона III и принца Жерома и с этой целью составил записку о «польско-хорватском» вопросе. В ней говорилось о возможности успешной высадки французов в Далмации с последующим продвижением в сторону Польши, обещалось присоединение к ним хорватов и румын. На приеме 17 августа 1863 г. он стремился убедить Жерома, что большинство хорватов составляют приверженцы радикальной антиавстрийской оппозиции. Разговор с Жеромом вновь окончился безрезультатно. Но сами беседы Кватерника с Бонапартом свидетельствовали о заинтересованности французских правящих кругов в связях с эмигрантами из Австрии.

Польское восстание было с энтузиазмом встречено национально-революционными кругами и демократами Европы. Венгерская эмиграция связывала с успехом восстания активизацию борьбы против австрийского господства. Но в начале восстания Австрия повела двусмысленную политику, оставляя у повстанцев надежду на свое содействие делу восстановления Польши. Поэтому умеренные лидеры восстания вопреки наставлениям Кошути отказывались распространить движение на Галицию⁶⁷. Но по мере выявления антипольской политики Австрии руководители восстания стали налаживать связи со всеми силами, враждебными Габсбургам.

⁶⁵ Там же, стр. 7.

⁶⁶ Там же, стр. 56—57.

⁶⁷ E. Kovacs. L'Insurrection polonaise de 1863 et l'emigration hongrois. «Etudes historiques publiées par la Comission Nationale des Historiens Hongrois», II. Budapest, 1960, p. 142—144.

Наряду с венграми такой силой было национальное движение югославии и румын. Представители повстанческих кругов во Франции и Италии добивались сглаживания противоречий между этими разнородными элементами.

Из иностранных государств только Италия была непосредственно заинтересована в войне с Габсбургами, владевшими Венецианской областью. Венгерские эмигранты выдвинули проект организации в Италии венгерского легиона для вторжения в Австро-Венгрию вместе с итальянскими войсками и отрядами Гарибальди.

В такой обстановке Кватерник понял необходимость установления связей с польской и венгерской эмиграцией. В этом ему помог Йозеф Вацлав Фрич, находившийся тогда в Париже. Испытав влияние идей А. И. Герцена, Фрич выступал против австро-славизма Палацкого и мечтал об организации на развалинах империи Габсбургов демократической федерации народов. Кватерник сразу же «сказал ему, что их (чехов. — В. Ф.) обязанность — добиваться независимости чешской короны и отречься от бессмыслицы федерации»⁶⁸.

В марте 1864 г. Й. Фрич ввел Кватерника в среду польской эмиграции. Здесь хорватский эмigrant обсуждал условия своего сотрудничества с польскими революционерами. Рассматривалась перспектива участия хорватов в ожидавшейся австро-итальянской войне. Было решено добиваться согласия итальянских властей на организацию хорватского военного отряда, для чего Кватернику надлежало выехать в Италию, наладить распространение прокламаций среди хорватских солдат австрийской армии. Польский деятель З. Милковский, с которым вел переговоры Кватерник, соглашался с его требованием, чтобы венгерские воинские силы в случае высадки в Далмации и Хорватском приморье не вмешивались в дела Хорватии, как и хорватские — в дела Венгрии и что Италия должна отречься от претензий на Далмацию и Истрию. («Мы, хорваты, — говорил Кватерник, — не можем отказаться ни от пяди своей земли»). «Как только войска высадятся в Хорватии, будет провозглашена независимость королевства и свобода народа». Договорились об установлении связи с находившимся в Сербии Анте Орешковичем, бывшим граничарским капитаном, имевшим влияние на граничар, и с другими офицерами хорватами и рядом хорватских деятелей⁶⁹. Тогда же Кватерник сочинил прокламацию к граничарам, которую Фрич вскоре отпечатал в Женеве.

В результате переговоров в Париже Кватерник, которому представителями польской эмиграции была предоставлена финансовая помощь, 7 марта 1864 г. подписал следующее обязательство: «Обязуюсь всеми своими силами служить объединению всех на-

⁶⁸ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 49.

⁶⁹ Там же, стр. 66—67.

родов против австрийского господства, объединению, основанному на политической и гражданской свободе каждого народа. Особенно обязуюсь делать все, что в моих силах, для объединения моего отечества Хорватии с Польшей, Италией, Венгрией, Чехией и всеми национальностями, угнетенными общим врагом, и целеустремленно добиваться их общего освобождения»⁷⁰. 14 марта Кватерник приехал в Турин. Отныне вся его деятельность в 1864 г. осуществлялась под руководством польской эмиграции, ее деятелей — Пшибыльского, Милковского, Бухгольца, Орденги и др.

Сблизившись с польской эмиграцией, Кватерник по своему обыкновению составил записку (май 1864 г.), приспособив аргументацию к задаче польско-хорватского сотрудничества под покровительством Франции⁷¹. Указав на экспансионистские устремления Италии и особенно Германии («стремление проникнуть через наше тело до Адриатики и поглотить важнейшие земли Хорватии»), на поддержку России Сербии, он подчеркивал, что славяне Балканского полуострова охотно призывали бы Польшу центром славянского мира (Кватерник здесь присоединился к своеобразному панславизму ряда польских национальных деятелей. Аналогичные идеи развивались Адамом Мицкевичем и М. Чайковским). Достичь такого положения Польша могла бы лишь опираясь на Хорватию («восемь миллионов хорватов, включая сербов»). Этот союз обеспечил бы и гегемонию Франции в Европе.

Установление Кватерником связей с польской эмиграцией знаменовало важный шаг в его политической эволюции. Он присоединяется к европейскому революционному лагерю. Не будучи революционером-демократом, не сочувствуя социалистическим учениям, Кватерник, поскольку он стал ожидать помочь делу освобождения Хорватии от успехов революционного движения, стремился установить контакт с революционерами разных направлений. Поэтому в ноябре 1863 г. он попытался познакомиться с М. А. Бакуниным. В Париже Кватерник посетил квартиру Бакунина, но не застал его⁷².

Весной 1864 г. руководство польской эмиграции решило послать агентов в Белград и Загреб для выяснения возможностей выступления против Австрии. З. Милковский в своих мемуарах

⁷⁰ H. Batowsk i. Dyplomatyczna misja Miłkowskiego, w r. 1864. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», № 7, Historia, z. 2, Kraków, 1956, str. 183—184.

⁷¹ «Promocija princa Jérôme Napoleonu» была опубликована Ф. Бучаром (Zagreb, 1936). Профессор Г. Батовский выдвинул предположение, что записка предназначалась польским повстанческим властям. Но в ней большое место удалено попытке заинтересовать Францию хорватскими делами. Аргументацию Кватерника могли использовать польские деятели в Париже. Документ хранился в архивах польской эмиграции.

⁷² Ch. Segvic. Drugo progonstvo..., str. 51.

утверждал, что идея координации антиавстрийских сил принадлежала хорватам⁷³. В марте 1864 г. в Белград выехал Милковский, а в Загреб — Кароль Бенни. После возвращения из Загреба Бенни доложил, что ему удалось создать подпольный комитет, связь с которым возможна через Вену.

Бенни встречался с А. Старчевичем, Д. Кушланом, М. Боговичем⁷⁴, И. Кукулевичем-Сакцинским⁷⁵. Кушлан и Богович первоначально отнеслись к проекту создания нелегальной организации скептически. Это вызвало возмущение Кватерника. Лишь заверениями в неизбежности войны Бенни удалось склонить хорватов к созданию комитета⁷⁶. Эта организация должна была подготовить взятие власти в Хорватии в случае краха Австрии. Кватернику были переданы полномочия на представительство комитета за границей.

Общее впечатление Бенни не обнадеживало: «Немедленное восстание в Хорватии, — писал он в своем отчете, — по мнению комитета и по наблюдениям, которые я мог сделать, невозможно». Оно может быть следствием только мощного восстания в Венгрии или высадки Гарибальди»⁷⁷. «На сам город Загреб, что касается денежных ресурсов, прочной организации, типографии и т. д., рассчитывать нельзя» из-за террора и шпионажа властей... «Члены комитета торопили меня с отъездом ввиду того, что мое присутствие их компрометирует без всякой пользы и не позволяет им действовать»⁷⁸. В маленьком Загребе, городе мещан и чиновников, каждый политический деятель был на виду у полиции. О дальнейшей деятельности комитета неизвестно ничего.

Бенни убедился, что центром движения в югославских землях Австрии может быть Военная Граница: «Вооруженный отряд под руководством Орешковича, Павы, Тайковича, бывших австрийских офицеров, находящихся в Белграде и хорошо известных Военной Границе, должен пополнить знамя восстания в среду своих бывших солдат на Военной Границе, распространяя там прокламации загребского комитета». Редактирование и издание прокла-

⁷³ Н. Batowskij. Указ. соч., стр. 168.

⁷⁴ О Кушлане см. выше. М. Богович — драматург, поэт и журналист. За выступления против абсолютизма в 50-х годах был заключен в тюрьму. Кушлан и Богович, настроенные антиавстрийски, в 60-х годах были сторонниками объединения Хорватии и Венгрии. Цели борьбы против Австрии сближали с правапами такого униюнистского деятеля, как граф Юлий Инкович, о взглядах которого Бенни отозвался положительно.

⁷⁵ Последние Кукулевича, в это время загребского великого жупана, предусматривалось с целью дезориентации полиции (Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 98). Впрочем, Кукулевич в конце 50-х годов (а вероятно и позднее) был готов тайно сотрудничать с антиавстрийскими силами.

⁷⁶ «... наши в Загребе ни о чем и знать не хотели, пока не получили обещания, что война вспыхнет в течение месяца» (Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 99).

⁷⁷ Н. Batowskij. Указ. соч., стр. 185.

⁷⁸ Там же.

маций поручалось Кватернику⁷⁹. «В среде граничар можно сделать очень много, но нужны деньги», — заключал Бенни.

В результате поездки Бенни стало ясно неудовлетворительное положение среди радикалов Хорватии, их малочисленность, неспособность к активным действиям. Впрочем, в это время и в Венгрии положение было немногим лучше. Миссия Милковского в Белград также не имела успеха: сербские власти не отказывались от выступления против Австрии в благоприятный момент, но и о проявлении какой-либо инициативы с их стороны не могло быть и речи.

Однако Кватерник встретил сообщение о поездке польского агента в Загреб с воодушевлением. Летом 1864 г. надежда на итало-австрийскую войну еще сохранялась в эмигрантских кругах. Поэтому вместе с Пшибыльским и Фричем он набросал проект конституции⁸⁰ и административного деления будущего Хорватского государства, а также присяги. Фрич (последнее, в соответствии с пожеланиями Кватерника) создал рисунок хорватской государственной печати: наряду с хорватским гербом на ней были помещены альпийский орел (символ словенских земель) и надписи: «Национальное правительство» и «Равенство, свобода, независимость». Были также сделаны рисунки печатей «комиссаров Национального правительства» в каждом районе государства, охватывавшего земли от Котора до Горицы и Каринтии, а также печати будущего МИД'а. Печать правительства была изготовлена, и Кватерник хранил ее вплоть до восстания 1871 г.

Трудной задачей польских повстанцев было сплочение представителей различных национальных движений. В начале 60-х годов венгерские буржуазно-помещичьи круги, возглавляемые Ф. Деаком, предпочитали борьбе за независимость компромисс с Веной, позволявший им упрочить свое господство над народами земель венгерской короны и миллионами венгерских трудящихся.

С другой стороны, национально-революционные элементы, находившиеся в эмиграции, сделав определенные выводы из уроков 1848—1849 гг., выдвинули программу сотрудничества с соседними народами в целях борьбы с Веной. Кошут с 1851 г. стал выдвигать идею Дунайской конфедерации равноправных государств: Венгрии, Хорватии, Сербии и Румынии. Уже в 50-х годах он подчеркивал важность признания суверенитета Хорватии и считал, что необходима борьба против елаичевской политики в Хорватии, т. е. тенденций, выступающей под флагом национальной свободы, но способствующей превращению Хорватии в австрийскую провинцию (этот принцип совпадал с принципом Кватерника). Кошута озабочивала гарантия свободы транзита венгерских товаров

⁷⁹ Ch. Šegváć. Drugo progonstvo..., str. 98; N. Batowskij. Указ. соч., стр. 186.

⁸⁰ По свидетельству Ф. Бучара, этот документ в 30-х годах хранился в Национальной Библиотеке в Варшаве. См.: «Promemorija...», str. 74.

через Хорватию к Адриатическому морю. В случае несогласия хорватов на таможенный союз он предлагал удовлетвориться означенной гарантией и сохранением Риеки в руках Венгрии (формально — в результате плебисцита). Таким образом, Кошут соглашался на отказ от непосредственного политического господства Венгрии над Хорватией. В 1862 г. он выступил с проектом конституции конфедерации. Проект конфедерации не учитывал национальных прав других народов Венгерского королевства. Несмотря на половинчатость, предложения Кошути были встречены в штыки дворянством и буржуазией Венгрии и имели популярность лишь в среде радикальных элементов. Но даже среди эмигрантов в этом отношении не было единства.

Сотрудничество между национальными движениями венгров и других народов Австрии против гнета Габсбургов имело решающее значение для успеха их национально-освободительной борьбы. На это указывал Н. Г. Чернышевский. Критикуя австрославизм и ориентацию лидеров национального движения славянских народов Австрии на Вену, он отстаивал союз народов против общего врага.

Кватерник, несмотря на свое недоверие к идеям межнациональных объединений, положительно отнесся к проекту Кошути, ибо он открывал возможность венгеро-хорватского революционного союза. Кватерник заявил Фричу о своей готовности «действовать совместно против общего заклятого врага», так как при равноправии сторон венгеро-хорватский союз «был бы весьма естественным делом»⁸¹.

8 марта 1864 г. между польской и венгерской эмиграцией было заключено соглашение о совместной борьбе. Хотя соглашение Кланка—Орденга не принесло существенных результатов, оно все же заняло достойное место в традиции прогрессивных связей между народами. В нем нашел отражение и хорватский вопрос. Можно полагать, что в этом сыграла роль деятельность Кватерника. Венгерская сторона признала автономию Хорватии и возможность хорвато-венгерской федерации⁸². Милковский сообщает, что Кватерник «весьма обрадовался» соглашению⁸³.

Вскоре Кватерник при посредничестве своих польских товарищ сблизился с крупными деятелями венгерской эмиграции: генералом Кланкой и полковником Купой. Кватерник, Фрич, Пшибыльский и Клапка в Турине обсуждали проблему будущих взаимоотношений обоих народов. Кватерник соглашался на конфедерацию суверенных государств. Клапка выражал готовность признать независимость Хорватии, но вместе с тем и надежду на учреждение хорвато-венгерского союза⁸⁴. Если Кватерник охотно

⁸¹ Ch. Šegn ić. Drugo progonstvo..., str. 50.

⁸² См.: Е. Kovacs. Указ. соч., стр. 160.

⁸³ H. Batowski. Указ. соч., стр. 172.

⁸⁴ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 79.

шел на военный союз, то Клапка имел в виду, что Венгрии «нужно море» и сотрудничество с Хорватией по «некоторым торговым и таможенным делам»⁸⁵. Различия во взглядах Кватерника и Клапки были ясны обоим, но они были не столь существенны, чтобы помешать их сотрудничеству. Клапка согласился в случае восстания в Венгрии провозгласить, что повстанцы желают союза Венгрии с Хорватией, но будут чтить волю хорватского народа⁸⁶. В результате бесед Клапка составил положительное мнение о позиции Кватерника: «Я рад, что Кватерник присоединился к общему делу, — писал он в 1864 г. в одном письме. — Его взгляды относительно прав и требований Хорватии не находятся ни в каком противоречии с программой партии действия в Венгрии. Наступательный и оборонительный союз с целью защиты от общего угнетения — вот почва, на которой мы должны стоять»⁸⁷. Он остался при мнении, что «конечной целью должна быть сильная Дунайская Федерация от Карпат до Балкан»⁸⁸. Эти принципы Кватерник позднее назвал «прекрасными»⁸⁹.

Установление контакта с венгерскими эмигрантами в целях совместной борьбы свидетельствовало о новом сдвиге в политической позиции Кватерника. Хотя уже будучи в России (см. его письмо М. П. Погодину) Кватерник выдвигал идею хорвато-венгерского сотрудничества, все же он в 1860—1861 гг. с удовлетворением встречал действия австрийских властей, направленные против венгерского национального движения, ибо опасался националистических претензий его лидеров. Но позиция Комута и Клапки и политический опыт 1859—1863 гг. способствовали изменению его взглядов, хотя недоверие Кватерника к целям венгерских буржуазии и дворянства не ослабело.

Немалые препятствия мешали сотрудничеству Кватерника с итальянским национальным движением. Ему впопыхах приходилось преодолевать антипатию к хорватам и отстаивать национальные права хорватов. Как и Жером Бонапарт, итальянские власти выражали недоверие к его сведениям о положении в Хорватии, о возможности там восстания и сомневались в целесообразности затраты средств на организацию «хорватского легиона». Представитель итальянского МИД'а Черутти интересовался, созданы ли в Хорватии повстанческие комитеты. В 1848 г., говорил Черутти, его обманули Елаич, Рајачич и белградские власти, к которым он был послан для переговоров: «Они обещали выступить против Австрии, когда собирали добровольцев в Сербии, а ударили по венграм». Кватерник отвечал, что положение с тех

⁸⁵ Там же, стр. 102.

⁸⁶ Там же, стр. 103.

⁸⁷ Цит. по: E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hèrvatska», № 13, 1871.

⁸⁸ M. Nehajev. Указ. соч., стр. 264.

⁸⁹ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hèrvatska», № 13, 1871.

пор изменилось и «ныне слуги венского двора, аристократы, не имеют авторитета в народе»⁹⁰.

В Турии Кватерник познакомился с гарибальдийцами. Здесь он встретил сочувствие. Гарибальди стремится к союзу с Хорватией и Далмацией — так заявил ему соратник славного революционера Б. Кайроли. Хорваты имеют право на независимое развитие, как и всякий народ⁹¹. Гарибальдийцы соглашались с тем, чтобы войска в случае высадки на хорватском берегу действовали под хорватским флагом.

Наиболее крупным препятствием к сотрудничеству с итальянцами были планы итальянских националистов в отношении Истрии, Далмации и Приморья. В гарибальдийской газете «Диритто» Кватерник указывал, что эти области заселены славянами. Ему удалось получить от правительственный кругов заверение в том, что Италия не намерена посягать на Далмацию⁹². Но редакция «Диритто» под градом нападок заявила, что «не только Истрия, но и Далмация и вся Иллирия географически, исторически, этнографически и филологически — итальянские провинции», статьи же Кватерника печатались ради ознакомления с иными идеями. Это было для него тяжким ударом. Кватернику казалось, что возможности сотрудничества исчезают.

Однако выступление «Диритто» вызвало протест самого Гарибальди и близких ему деятелей. Наибольший интерес представляют отношение Гарибальди к проблеме хорвато-итальянских отношений. Он интересовался национально-освободительным движением народов Балканского полуострова не только потому, что события на восточном берегу Адриатического моря имели значение для судьбы его народа, но и как революционер, сочувствовавший освободительной борьбе каждого народа. Имя Гарибальди в 60-х годах стало широко известным среди югославянских народов Австрии и Турции. Известия об успехе экспедиции гарибальдийцев в 1860 г. облетели города и села. Радикальная интеллигенция видела в тактике Гарибальди образец для подражания. Планы национального освобождения балканских народов стали связывать с его новыми успехами. В 1863 г. Гарибальди готовил экспедицию в Дунайские княжества, в 1864 г. проектировался десант в Далмацию. Оба плана не были осуществлены как ввиду разногласий в среде революционеров, так и препятствий, чинимых итальянскими властями.

С помощью польской, венгерской и чешской эмиграции, вспоминал Кватерник, «я вступил в отношения с первым итальянцем, генералом Гарибальди, который тогда был душой и сердцем итальянских стремлений»⁹³. Кватерник обратился к Гарибальди

⁹⁰ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 86.

⁹¹ Там же, стр. 77.

⁹² Там же, стр. 84.

⁹³ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», № 13, 1871.

с проникнутым чувством уважения к знаменитому революционеру письмом, в котором сотовал на то, что Гарибальди уделяет недостаточное внимание пародам за Адриатикой⁹⁴. Цель письма, как подчеркивал Кватерник, обратить внимание на то, что неразумно «игнорировать Хорватию, хорватскую народность, населяющую территорию от Сочи до Дуная и Дрины, от Бояны в Албании до Норических Альп, компактную народность почти в 6 млн. чел., расположенную между Италией и Венгрией, и отделяющую их друг от друга на всем протяжении морского побережья и 60 географических лье суши славянскую народность, полную; наконец, решимости жить собственной национальной жизнью независимо и уверенно, желающую жить в дружбе и добром соседстве с Италией, . . . пытающую одни и те же надежды, имеющую общих с Италией врагов. Нет, разумно и справедливо, что выдающийся человек, носящий имя «Гарибальди» не должен игнорировать такую народность. . .» Географическое положение, организация (речь идет о Военной Границе. — В. Ф.) и воинская слава хорватов дают им возможность выполнить своей патриотический долг, и они полны решимости сделать это, — писал Кватерник. Перед Хорватией — альтернатива: победить своих вековых врагов или погибнуть навсегда. «Наш народ гостеприимен, прост в обращении, но способен на большие дела: таков, господин генерал, народ, ожидающий Вас с нетерпением и распластертыми объятиями». Пока общий враг итальянцев и хорватов находится за Бреннером и Норическими Альпами, «нет нам ни отдыха, ни национальной безопасности». Мы, заключал Кватерник, останемся добрыми соседями, противостоящими врагу, яростно стремящемуся к Адриатическому морю.

В письме Кватерника воплотилась вся система его национальных взглядов: главный враг — Австрия и германский «патиск», югославияне (хорваты — по Кватернику) не уступят ни пяди земли на северо-западе; здесь также вновь нашли выражение великохорватские взгляды. Как и обычно у правшей, они сочетаются с высказыванием демократических принципов национальных взаимоотношений, в сущности противореча им. Наконец, здесь вновь проявилась существенная черта идеологии правшей в 60-х годах: положение Хорватии в Австрии — социал-политическое и политическое — столь опасно, что решительная борьба за свободу необходима.

Гарибальди ответил Кватернику 8 июня 1864 г. из Капрезы. «Его письмо, — вспоминал Кватерник, — дышало самыми благородными мыслями по отношению к нашему народу»⁹⁵. Он писал о верности знамени свободы всех народов, о том, что он бы предал

⁹⁴ A. P. Campanella. Lettere inedite della cospirazione Kyaternik—Garibaldi per la liberazione della Croazia nel 1864. «Le Risorgimenti», Milano, ottobre 1961, p. 123—125.

⁹⁵ E. Kvaternik. Gorke uspomené. «Hèrvatska», № 13, 1871.

веру всей своей жизни, отказавшись от этого знамени: «Хотя имя хорватов связано с наиболее печальными воспоминаниями из истории Италии, нельзя смешивать янычар коварного деспотизма, с колыбели предназначенных военной службе, с простым и мужественным народом, обитающим между Изонцо и Дриной, Нориком и Горицией. . .» Итальянцы и хорваты протянут друг другу руки в борьбе против Габсбургов ⁹⁶. «Исходя из этих принципов. . . я считаю, что Италия и Хорватия — сестры». Кватерник подчеркивал значение этих слов: «Что Хорватия — „сестра“ Италии, никто из итальянцев не написал бы из страха, что за это богохульство ему вырвут язык» ⁹⁷. Великий итальянец вопреки националистической волне твердо отстаивал дружбу народов.

Фрич и Пшибыльский договорились с гарибальдийцами, что в случае высадки десанта будет издана прокламация с признанием прав хорватов на их земли, а командование десантом будет формально подчинено хорватскому правительству. . .⁹⁸

Кватерник просил итальянские власти заготовить 50 тыс. ружей и амуницию для граничар, которые бы примкнули к экспедиционному корпусу, и организовать подготовку выступления в Хорватии. Были осуществлены некоторые первоначальные меры: для выпуска прокламаций были отлиты отсутствовавшие в Италии буквы хорватского алфавита ⁹⁹. Кватерник сделал набросок обращения к хорватским солдатам. Уделив внимание аграрным отношениям, он предлагал провозгласить снижение налогов, ликвидацию оставшихся феодальных повинностей, урегулирование права крестьян на пользование лесом. Очевидно, он в определенной мере учел требования, выдвигавшиеся крестьянами в ходе волнений в Загребской жупании весной 1864 г. Во всяком случае, Кватерник повел речь с Пшибыльским о социальных отношениях в хорватской деревне, когда до него дошли известия о волнениях ¹⁰⁰.

Но идея создания на юге Австрийской империи особого театра военных действий не была осуществлена. Франция искала сближения с Австрией, а на создание хорватского отряданичего было и рассчитывать также и потому, что хорватской революционной эмиграции почти не существовало ¹⁰¹.

Заверения гарибальдийцев и официальных итальянских представителей об уважении прав хорватов не могли заслонить от Кватерника экспансионистской пропаганды в Италии. Поэтому он добивался реальных шагов в формировании хорватской воин-

⁹⁶ A. Campanella. Указ. соч., стр. 126.

⁹⁷ E. Kvaternik. Gorke uspomene, «Hèrvatska», № 13, 1871.

⁹⁸ «Promemorija. . .», str. 20.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo. . ., str. 114, 115, 120.

¹⁰¹ «Один я хорват за границей. Без меня бы все наше дело пропало», — записал Кватерник. (Ch. Šegvić. Drugo progonstvo. . ., str. 131).

ской части и подготовке вооружения для граничар. Хотя он сотрудничал с гарибальдийцами, К. Бенни сообщил, что Кватерник «тормозил» подготовку десанта, боясь итальянских притязаний на Далмацию и Истрию¹⁰².

Летом 1864 г. Кватерник с тревогой следил за положением в Польше: он записал, что неудачи повстанцев — удар и по хорватскому делу¹⁰³. Исчезли надежды и на военное выступление Италии. Эмигранты пали духом. В эмигрантской среде распространялось уныние. Демократические круги польской и венгерской эмиграции разоблачали культ Бонапарта. Это повлияло и на Кватерника: «О Наполеоне, — писал он Старчевичу, — поскольку он допустил гибель поляков, начинаю иначе мыслить, чем раньше»¹⁰⁴.

К концу 1864 г. связи Кватерника с поляками и венграми прервались. Эмигранты, испытывавшие финансовые трудности, прекратили его поддерживать, многие из них покинули Турин. Кватерник продолжал убеждать Черутти в возможности организации восстания на Военной Границе. В отличие от Польши, где борьбу вело дворянство, утверждал он, в Хорватии поднимется народ, — в этом сила национального протesta на Границе¹⁰⁵. Черутти отвечал, что Италия не может взять на себя организацию восстания, но в случае успеха последнего объявила бы Австрии войну...

В таком духе относились к выступлению различные стороны, принимавшиеся в расчет в антиавстрийских политических комбинациях в 1863—1864 гг. Италия ожидала восстания, Сербия — разгрома австрийцев в результате войны и восстания в Венгрии и на Границе, но последнее было невозможно без поражения Австрии в новой войне. Никто не был в состоянии начать борьбу. Кватерник же отстаивал взгляд, что восстание на Границе может послужить сигналом для других выступлений.

К началу 1865 г. Кватернику удалось собрать небольшую группу хорватов—дезертиров из австрийских гарнизонов в Италии. Среди австрийских солдат хорватской национальности находились люди, настроенные в национально-революционном духе. Национальный подъем Италии способствовал развитию их политического сознания. Одним из таких людей был Анте Ракияш, сын отставного капитана, воспитанный в антиавстрийском духе. Ракияш стал верным сторонником Кватерника и вскоре привел к нему еще одного беглого солдата. Этую группу затем пополнили еще двое солдат. Ракияш стремился к активной деятельности, и Кватерник поручил ему вести пропаганду и организовать, если возможно, восстание в Далмации и Лике. В начале 1865 г. Ракияш, снаб-

¹⁰² См. Н. Batowskij. Указ. соч., стр. 188 (док. № 7).

¹⁰³ Ch. Segvić. Drugo progonstvo..., str. 78.

¹⁰⁴ Там же, стр. 147.

¹⁰⁵ Там же, стр. 169.

женный прокламациями, побывал в Сплите, Сине и Книне, по ус-
нека не имел, был выдан властям, подвергнут экзекуции за дезер-
тирство и брошен в тюрьму¹⁰⁶.

Круг замкнулся, и Кватерник вновь стал думать о возвращении на родину. В конце 1864 г. в Австрии был создан рейхсрят, а вскоре было объявлено о созыве местных сеймов. Централистский режим оказался не в состоянии обеспечить внутриполитическую устойчивость империи, и в Вене усилилось влияние сторонников компромисса с венгерскими буржуазно-помещичьими кругами. Спад национально-революционной борьбы и события в Австрии побудили Кватерника добиваться разрешения на въезд в страну. Это ему не удалось. Тогда в декабре 1865 г. Кватерник самочинно возвратился в Загреб, однако был выслан как русский подданный. Власти видели в нем непримиримого противника и в дни, когда вновь был поставлен вопрос о признании Хорватией рейхсрата (1865 г.), стремились не допустить его участия в политической борьбе¹⁰⁷.

В это время взгляд Кватерника на сущность событий в Австрийской империи был остро критическим. Он не верил австрийскому правительству Белькреди, которое в сентябре 1865 г. отменило централистскую конституцию. Если у федералистов в Хорватии этот акт вновь пробудил надежды, то Кватерник считал, что цель правительства — «выковать новые цепи народам». Вместе с тем он осуждал тех патриотических и ранее радикальных хорватских деятелей, которые из вражды к Австрии склонялись к унионизму. В связи со снятием с поста хорватского канцлера И. Мажуранича, проводника прежней австрийской политики, и назначением его в верховный суд в Загребе Кватерник записывает: «Наш хорватский верховный суд будет прибежищем обанкротившихся бюрократов», последние в безопасности, пока их охраняют австрийские штыки, но «им следует бояться победы хорватского национального дела»¹⁰⁸. Пропасть, отделявшая Кватерника от политических деятелей, лояльных Австрии, становилась все шире.

Изгнанный из Хорватии, Кватерник вновь оказался в Италии. В 1865—1867 гг. его активность была невелика. В 1866 г. во время новой войны Италии с Австрией итальянские власти интересовались главным образом настроениями в Венгрии и Сербии.

В 1867 г. в связи с австро-венгерским соглашением была объявлена амнистия политическим эмигрантам, и Кватерник смог вернуться на родину. Начался последний период его политической деятельности. В конце 60-х — начале 70-х годов Кватерник в борьбе за национальную свободу сотрудничал с немногочисленными в Хорватии социалистико-демократическими элементами,

¹⁰⁶ См.: F. Šišić. E. Kvaternik. Zagreb, 1926, str. 15; Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 228.

¹⁰⁷ Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 214, 215.

¹⁰⁸ Там же, стр. 216.

хотя расходился с ними в общественно-политических взглядах. Этот период завершился попыткой организации восстания на Военной Границе против австро-венгерского господства (1871 г.).

Это важнейшее событие в жизни Кватерника и вместе с тем единственное во второй половине XIX в. вооруженное организованное выступление в Хорватии-Славонии против Габсбургов за национальную независимость достойно отдельного сообщения.

Не только по целям, но и по методам борьбы Кватерник был революционером. Он не боялся восстания масс, предполагая направить его в русло движения за национальную независимость. Учитывая опыт 1848—1849 гг. и особенно польского восстания 1863—1864 гг., он пытался увязать национальное движение с некоторыми социальными требованиями крестьян. Что касается граничар, то Кватерник выдвигал программу полной ликвидации реакционного строя Военной Границы. Во всем этом проявились черты демократизма в его взглядах, однако ограниченного и не-последовательного. Но богатые слои буржуазии не могли согласиться и с этим. С другой стороны, Кватерник не принимал материальные интересы масс за основу своей деятельности. Он питал тщетные надежды на помощь иностранных государств.

Кватерник не изменял взгляды на цели своей деятельности, но обстановка и опыт борьбы побуждали его видоизменять свою ориентировку и методы. Выйдя из среды иллирийского движения, он начал с надежд на царское правительство и славянофилов, затем переориентировался на более агрессивные бонапартистские круги, на национал-либералов Италии, а в Хорватии — временно сотрудничал с народниками-либералами. Подъем национального движения в Италии в начале 60-х годов и польское восстание 1863—1864 гг. привели к серьезному сдвигу в его ориентации, он сближается с революционной эмиграцией разных народов. В результате деятельности Кватерника хорватское национальное движение установило связи с общеевропейским революционным движением 60-х годов. После возвращения в Хорватию он сотрудничал в борьбе за национальную свободу с немногочисленными социалистико-демократическими элементами. Вместе с ними Кватерник попытался организовать восстание граничар за независимость Хорватии.

И. Г. Сенкевич

РЕАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИИ НА БАЛКАНАХ В 60—70-х ГОДАХ XIX в.

60—70-е годы XIX в. ознаменовались на Балканском полуострове бурными событиями. Народы, населявшие европейские провинции Османской империи и страдавшие под тяжестью турецкого феодального гнета, вели в эти годы борьбу за свое освобождение, не раз поднимаясь на вооруженные восстания.

Рост освободительного движения на Балканах встречал ожесточенное противодействие турецкого правительства, стремившегося при помощи кровавых мер удержаться на Балканах. Англия, Франция и Австро-Венгрия поддерживали турецкое правительство в его борьбе против освободительного движения балканских народов. Созданный западноевропейской дипломатией пресловутый принцип сохранения «статус-кво» на Ближнем Востоке и Балканском полуострове означал, по глубокому определению Ф. Энгельса, для народов Балканского полуострова «увековечение их угнетения Турцией»¹.

В настоящей статье показана реакционная политика Австро-Венгрии по отношению к освободительной борьбе на Балканах в 60—70-е годы XIX в. и, в частности, противодействие австрийской дипломатии сближению и объединению сил албанского и славянских народов в освободительной борьбе. Статья написана на основе неопубликованных архивных материалов Архива внешней политики России, Центрального Государственного архива Октябрьской революции и Государственного архива Австро-Венгрии² (последние были использованы автором в микрофильмах).

В 1866 г. положение в Европейской Турции и на всем Балканском полуострове осложнилось. На о. Крите вспыхнуло восстание против турок. Греческое правительство поддерживало восставших. Восстание на Крите было встречено балканскими народами с сочувствием. Население Европейской Турции не только пассивно поддерживало восстание, но и само поднялось на активную вооруженную борьбу против турецкого гнета.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 31.

² Haus-Hof und Staatsarchiv (далее — HHStA), фонд «Politische archiv».

Сербский князь Михаил, занявший княжеский престол в 1860 г., стремился возглавить антитурецкий союз на Балканах. Балканский союз создавался при поддержке русского правительства. Русские дипломаты, служившие в Европейской Турции и соседних странах, способствовали укреплению союзнических отношений между балканскими народами³.

В сентябре 1866 г. Сербское княжество заключило союз с Черногорией, в августе 1867 г. — с Грецией, в январе 1868 г. — с Румынией. В эти же годы в Бухаресте шли переговоры представителей сербского правительства с болгарской эмиграцией.

Руководители сербской внешней политики — министр иностранных дел Илья Гарашанин и военный министр Миливое Блазнавац — значительное место в своих военных планах отводили Албанию. Интересные новые архивные материалы о переговорах сербского правительства с албанцами в 1867—1868 гг. приводят югославский историк профессор Климент Джамбазовский⁴. В разгар подготовки Балканского союза в январе 1867 г. в Албанию и Македонию был послан сербским военным министерством с секретной миссией некий Стефан Бинички. Ему поручалось, кроме сбора сведений о турецких войсках в этих провинциях, установить связи с влиятельными албанцами и склонить их к союзу с другими балканскими народами.

По-видимому, миссия Стефана Бинички была достаточно успешной, так как через год несколько албанских представителей приехали в Белград для личных переговоров с военным министром Блазнавацем. Это были албанские паша и беи из пограничных с Черногорией районов Северной Албании, а также из Мати и Дебара. В своем дневнике Блазнавац писал: «... В декабре 1867 года в Белград приехал Джеладин — паша Албапский... С ним была заключена „беса“ (соглашение. — И. С.) о совместной войне против турок, для того, чтобы христиане и арнауты⁵ освободились от османлисов»⁶.

Русская дипломатия, покровительствовавшая Балканскому союзу, поддерживала переговоры Сербии с албанцами. Деятельным сторонником, а возможно и автором, плана вовлечения албанцев в этот союз был Н. П. Игнатьев, русский посол в Турции⁷. Еще в октябре 1866 г. он в одном из своих писем к А. М. Горчакову писал о той важной роли, которую будет играть Албания в ближайших событиях на Балканах⁸. В своих инструкциях рус-

³ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, стр. 154.

⁴ К. Чамбазовски. Културно-опшествените врски на македонците со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960, стр. 70.

⁵ Арнауты — здесь в смысле «албанцы-мусульмане».

⁶ К. Чамбазовски. Указ. соч., стр. 71.

⁷ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 285.

⁸ ЦГАОР-и, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), д. 531, л. 8.

ским консулам, служившим в Европейской Турции, Н. П. Игнатьев в 1866—1867 гг. не раз подчеркивал «значение албанского племени в будущих событиях Балканского полуострова»⁹.

Н. П. Игнатьева поддерживали и другие русские дипломаты: М. А. Хитрово, занимавший в эти годы пост русского генерального консула в Константинополе, А. И. Ионин, консул в Яине¹⁰, и др.

По мнению русских дипломатов, выступление албанского и славянского населения Дебара и Косово могло оказать важную помощь Сербии и Черногории в случае военного выступления Балканского союза против Турции¹¹.

Русская политика, направленная на сближение балканских народов, в течение 1866—1867 гг. достигла значительных результатов. Н. П. Игнатьев писал в своих воспоминаниях: «Соглашение между греками, черногорцами, сербами и даже албанцами подвигнулось в течение осени и зимы 1866 и 1867 гг. настолько, что можно было с уверенностью рассчитывать на общее восстание христиан в Турции, если только Критское восстание продержится успешно и Россия будет оказывать ему нравственную поддержку, обеспечив полное невмешательство других европейских держав, в особенности же Австро-Венгрии, в эту борьбу»¹².

Но позиция Австрии в этот момент была глубоко враждебна освободительному движению балканских народов. Австрийское правительство препятствовало образованию Балканского союза под покровительством России¹³. Апдраши, занявший в 1867 г. пост министра иностранных дел, предложил сербскому князю Михаилу поддержку в мирном присоединении Боснии к Сербскому княжеству при условии, если Михаил откажется возглавлять Балканский союз против Турции.

Франция, ранее поддерживавшая военные приготовления Сербии, после австро-пруссской войны сблизилась с Австрией и с лета 1867 г. заняла в вопросе о Балканском союзе позицию, аналогичную австрийской¹⁴.

Под дипломатическим давлением Австрии и Франции князь Михаил отказался от плана войны против Турции, в ноябре 1867 г. Илья Гарашанич, деятельный сторонник Балканского союза, был уволен в отставку. Со смертью князя Михаила в мае 1868 г. союз фактически распался, и осенью 1868 г., когда Греция

⁹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. СПб. Главный архив, IV-2, д. 6, л. 4—5.

¹⁰ ЦГАОР-и, ф. 939, л. 130.

¹¹ АВПР, ф. СПб: Главный архив, Политический отдел, д. 1, 1866.

¹² Н. П. Игнатьев. Записки. «Исторический вестник», июль 1914, стр. 59.

¹³ А. Н. Бутковский. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе, т. II. СПб., 1888, стр. 100; С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе, т. II. М., 1896, стр. 146.

¹⁴ К. Цамбазовский. Указ. соч., стр. 81, 83.

была на грани войны с Турцией, Сербское княжество не оказалось ей военной поддержки¹⁵.

Австрийские агенты, действовавшие в западных провинциях Европейской Турции — в Македонии и Албании, в годы организации Балканского союза стремились всеми способами помешать объединению черногорцев с албанцами и славянским населением Македонии.

В 1866—1867 гг. в районе Призрена (Битольский вилайет) албанское население готовило антитурецкое восстание в союзе с Черногорией. К албанцам Призрена присоединились горцы из района Шкодры. Турецкое правительство после неудачной карательной экспедиции пошло на уступки, снизив налоги и дав некоторые льготы албанским горцам¹⁶.

Сближением албанцев с Черногорией были напуганы австрийские дипломаты. Австрийский консул в Шкодре Петеленц обратился с письменным протестом к русскому консулу Е. Тимаеву, обвиняя его в покровительстве союзу черногорцев и албанцев. Австрийское министерство иностранных дел поспешило установить наблюдение над районами Северной Албании и Македонии; с этой целью в ноябре 1867 г. в Призрене было открыто австрийское дипломатическое агентство, превращенное вскоре в вице-консульство¹⁷.

Ревностной помощницей австрийской дипломатии на Балканах была католическая церковь. Искусно используя неприязнь православного населения Европейской Турции к шовинистической греческой церкви и высшему духовенству, сотрудничавшим с турецким правительством, католическое духовенство во второй половине XIX в. при поддержке правительства Австро-Венгрии вело активную деятельность на Балканском полуострове — особенно в Македонии, Албании, западных районах Болгарии¹⁸. «Римско-католическая пропаганда, — отмечалось в одном из русских дипломатических документов 50-х годов XIX в., — в последнее время чрезвычайно усилила деятельность свою, и австрийское правительство не щадит издержек для заведения католических школ, постройки церквей и прибавки жалования духовным лицам и учителям. Водворившиеся в Рагузе иезуиты готовят множество миссионеров для прилегающих турецких областей»¹⁹.

¹⁵ E. Driault, M. Lhéritier. *Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours*, t. III, Paris, 1925, p. 274—275; С. Жованович. Влада Милана Обреновића (1868—1878), кн. прва. Београд, 1934, стр. 127.

¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Константино поле, д. 2068, л. 48; ф. СПб. Главный архив, IV-2, д. 6, л. 105, 112.

¹⁷ АВПР, ф. СПб. Главный архив, IV-2, д. 6, л. 106, 128.

¹⁸ Ј. Радоњић. Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950, стр. 686.

¹⁹ АВПР, ф. СПб. Главный архив, V-А₂, д. 525, л. 97. Копия инструкции русского консула в Рагузе управляющему русским консульством в Сараеве от 7/19 мая 1857 г.

В период создания Балканского союза, в 60-х годах XIX в., оружие австрийской католической пропаганды было направлено против сближения православной Черногории с католическим населением Боснии, Герцеговины и Албании. Союз босняков, герцеговинцев и албанцев с Черногорией, с точки зрения австрийской дипломатии, означал расширение влияния России на Балканах, поэтому австрийская дипломатия и католическая церковь стремились подорвать союз балканских народов, помешать их совместной борьбе против турецкого правительства.

Особое внимание в 60—70-е годы XIX в. австрийская дипломатия уделяла Албании, которую стремилась превратить в зону своего влияния²⁰. Рост антитурецкого движения среди албанцев и особенно сближение албанцев с Черногорией препятствовали экспансиионистским планам Австро-Венгрии. Попытки же северных албанцев подготовить вооруженное восстание против Турции при поддержке Черногории неизменно встречали сопротивление со стороны Австро-Венгрии.

В марте 1871 г. около 20 вождей албанских горцев приезжали в Цетинье к князю Николаю с планом восстания. Однако они не получили поддержки от князя и были вынуждены вернуться на родину. Вскоре почти все они были арестованы турецкими властями, и только вмешательство русского посла Н. П. Игнатьева спасло их от ссылки²¹.

Летом того же года в Шкодре начались волнения из-за попытки турецких властей собрать рекрутов среди мусульманского населения города и ввести новые прямые налоги. Одновременно турки объявили о разоружении горского, главным образом католического, населения окрестных районов. Вслед за горожанами Шкодры поднялись и горцы. Силы мусульман и католиков объединились, и волнения вылились в вооруженное восстание всего албанского населения против турецкой администрации.

Восстание в Шкодре продолжалось около двух недель. Турецкий гарнизон был осажден в городской крепости. В городе фактически не существовало никакой власти, кроме субординации горожан, на которые они сходились ежедневно по мечетям и площадям в двенадцати кварталах города. Восстание было связано с другими районами Албании²². Один из очевидцев событий писал, что албанское восстание окажет влияние на Черногорию, Боснию и Сербию, «которая через Нови-Базар может протянуть руку и к черногорцам, и к албанцам»²³.

²⁰ W. Schinnerer. Der österreichisch-italienische Gegensatz auf dem Balkan und an der Adria von seinen Anfängen bis zur Dreibundkriese 1875—1896. Stuttgart, 1936, S. 68.

²¹ М. Вукчевич. Црна Гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876. Цетинье, 1950, стр. 33.

²² М. Вукчевич. Указ. соч., стр. 34.

²³ ЦГАОР-и, ф. 730, д. 842, л. 224—225.

Австрийские агенты в Шкодре старались помешать албанскому восстанию. Их целью было прежде всего не допустить союза албанцев с Черногорией. Объединение албанцев-мусульман с католиками означало бы в конечном счете, что в сферу влияния Черногории попадало и мусульманское население Северной Албании. Австрийские агенты пытались направить недовольство мусульман—горожан Шкодры против католиков-горцев и Черногории²⁴.

Турецкое правительство отправило в Шкодру большую военную экспедицию. Турецкая власть в Шкодре была восстановлена²⁵. Опасаясь, что восстание захватит другие районы страны, турки на время прекратили свои попытки провести сбор рекрутов и разоружение в Северной Албании.

Летом 1875 г. в северо-западной части Балканского полуострова — в Герцеговине и Боснии — вспыхнуло восстание против Турции. Весной 1876 г. антитурецкое движение распространялось на Болгарию. Летом 1876 г. Сербия и Черногория, поддерживавшие восстание в Боснии и Герцеговине, вступили в войну с Турцией.

Подъем национально-освободительного движения на Балканах вызвал усиление борьбы европейских держав за раздел Турецкой империи и привел к развитию ближневосточного кризиса 1875—1878 гг., кульминационным моментом которого явилась русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Национально-освободительное движение балканских народов представляло опасность не только для господства Турции на Балканах, но и для Австро-Венгрии, под гнетом которой жили миллионы славян. Австро-венгерское правительство старалось задержать освобождение южных славян. Вместе с тем австрийские военно-феодальные круги вынашивали планы территориальных захватов на Балканском полуострове и стремились помешать усилению там русского влияния.

Утратившая в значительной степени свое влияние на Балканах и Ближнем Востоке после поражения в Крымской войне, Россия приняла активное участие в событиях на Балканском полуострове. К этому ее побуждало стремление восстановить свой престиж на Балканах и Ближнем Востоке. Царская Россия тайно поощряла повстанцев Боснии и Герцеговины, а также воюющих против Турции Сербию и Черногорию, рискуя при этом вызвать конфликт с европейскими державами и прежде всего с Австро-Венгрией. Чтобы предотвратить конфликт с Австро-Венгрией, русское правительство 20 июня 1876 г. в Рейхштадтском замке в Чехии во время встречи русского императора Александра II и канцлера А. Горчакова с австрийским императором Францем-Иосифом и министром иностранных дел Андраши, заключило с ней тайное

²⁴ Там же.

²⁵ М. Вуччиевич. Указ. соч., стр. 35.

соглашение о скоординированных действиях в связи с сербо-турецкой войной²⁶. По Рейхштадтскому соглашению Россия и Австро-Венгрия обязались придерживаться «принципа неймешательства» и в случае победы Турции в войне потребовать восстановления статус-кво в Сербии. Если же победительницей оказалась бы Сербия, державы должны были не оказывать содействия образованию большого славянского государства²⁷.

В январе 1877 г. Россия, готовясь к войне с Турцией, подписала в Будапеште секретную конвенцию. В обмен за свой нейтралитет в русско-турецкой войне Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину. По дополнительной конвенции, подписанной в марте 1877 г., Австро-Венгрии гарантировалось приобретение Боснии и Герцеговины, кроме Ново-Базарского санджака, России — возвращение Юго-Западной Бессарабии. Будапештская конвенция подтверждала Рейхштадтское соглашение о недопущении «образования большого славянского или иного государства» на Балканах²⁸.

Обещая России, согласно Будапештской конвенции, свой нейтралитет и гарантуя себе определенные выгоды в случае победы России в войне против Турции, Австро-Венгрия одновременно принимала меры для того, чтобы как-то уменьшить шансы России на победу, лишить ее союзников. Она старалась вырвать Черногорию из сферы русского влияния. Во время переговоров о Будапештской конвенции министр иностранных дел России А. Горчаков писал русскому послу в Вене Новикову: «Если прибавить к этому (боязни русского влияния на Балканах. — И. С.) старания австрийских агентов побудить Черногорию отделиться от общего дела восточных христиан, то нельзя восторгаться настоящей политикой Венского кабинета»²⁹.

Австрийский военный агент в Черногории Тёммель в начале 1877 г. склонял князя Николая к сепаратному миру с Турцией, убеждая его, что Россия сама не начнет войны и не поддержит Черногорию в случае возобновления военных действий на турецко-черногорском фронте³⁰.

Связи Черногории с албанцами, а тем более их планы совместной борьбы против Турции расценивались Австро-Венгрией как явления, благоприятствующие росту русского влияния. Восстание в Северной Албании накануне русско-турецкой войны ослабило бы Турцию и увеличило шансы России на военную победу, что опять-таки не было в интересах Австро-Венгрии. Поэтому она

²⁶ Текст Рейхштадтского соглашения был записан в двух (русском и австрийском) различающихся между собой вариантах.

²⁷ «Русско-германские отношения. Секретные документы». Отдельный оттиск из первого тома исторического журнала «Красный архив», за 1922 год. М., 1922, стр. 31.

²⁸ Там же, стр. 61.

²⁹ С. Горяинов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, стр. 303.

³⁰ АВПР, ф. Капщелярия, 1877, д. 113, л. 67—68.

осенью 1876 г. принимала меры для предотвращения албано-черногорского союза, а также для укрепления своих позиций в Северной Албании.

С началом войны Черногории и Сербии против Турции, летом 1876 г., в северной Албании возродились надежды на успех антитурецкого восстания в союзе с Черногорией. Посетивший в ноябре 1876 г. турецко-черногорский фронт известный деятель славянского освободительного движения Г. Веселитский-Божидарович в докладе на заседании Петербургского славянского благотворительного комитета рассказывал о результатах черногоротурецкой кампании (с июня 1876 г. до заключения перемирия в начале ноября 1876 г.). Одним из важнейших результатов Веселитский-Божидарович считал разрыв между северными албанцами и турецким правительством. «Недовольство турками и вид их постоянных поражений, — заявил он, — побудили албанские племена отозвать свои контингенты из турецкой армии, и турки должны были перенести это, не пытаясь даже противиться. Чтобы только предупредить готовящееся восстание албанцев и их соединение с черногорцами, они даровали могущественным мирдитам (жителям горной области Мирдита. — И. С.) право вовсе не приводить войска им на помощь и полное самоуправление, не требуя даже платежа трибуута»³¹.

Русский консул в Рагузе А. Ионин сообщал в октябре 1876 г.: «Успехи Черногории с этой стороны давно уже предотвратили опасность присоединения албанского населения к турецкой армии»³².

Враждебная по отношению к турецкому правительству позиция северных албанцев затрудняла действия турецких войск на черногорском фронте. Тыл турецкой армии, действующей на этом фронте, был ненадежен, и половину своих войск в Албании Турция вынуждена была держать внутри страны, так как боялась албанского восстания³³.

Центром антитурецкого движения в Северной Албании была Мирдита, вокруг нее объединялись соседние горные районы: Дукагипи, Ктела, Люра, Шиуба э Лекэс. Эмиссары повстанцев действовали и в горных районах у Шкодры — Хоти, Кельмепди, Шкрели, Шаля, Шоши и др.

Руководитель повстанцев — Пренк Биб Дода — вел агитацию за создание автономного княжества Северной Албании. «Пренк, а, главное, приближенные к нему албанские патриоты (. . .) успели посеять довольно уже глубоко семена будущей независи-

³¹ Г. Веселитский-Божидарович. О современной борьбе черногорцев с турками. СПб., 1876, стр. 5.

³² АВПР, ф. СПб. Главный архив, V-A₂, д. 749, л. 265.

³³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2408, л. 97; S. Goprechti. Der Krieg Montenegros gegen die Pforte im Jahre 1876. Wien, 1877, S. 131.

мости Албании. Эти семена созреют как раз к возобновлению военных действий на границе Черногории (...). Албанцы вообще, а мицдиты в частности решатся, паконец, выступить на сцену истории восточного вопроса в случае войны России с Турцией», — писал русский консул в Шкодре И. Ястребов³⁴.

Агитация Пренка Биб Доды встречала поддержку и у населения Шкодры. Как сообщал И. Ястребов, богатые купцы города, «будучи увлечены идеей о независимости албанского княжества..., обещали секретно большие средства»³⁵. Планы албанцев были связаны с возобновлением военных действий на турецко-черногорском фронте. Кроме того, большие надежды возлагались на войну России против Турции. Албанцы надеялись, по выражению И. Ястребова, «выгнать из Албании османлисов (турок. — И. С.) под пушечные выстрелы на Дунае»³⁶.

В конце декабря 1876 г. истекал срок двухмесячного перемирия между Черногорией, Сербией и Турцией. Рассчитывая приурочить начало своего выступления к возобновлению военных действий Черногории против Турции, албанские повстанцы в начале января 1877 г. заняли позиции у перевала Кяфа э Малит, перерезав путь из Призрена в Шкодру. Одновременно в Мицдите они задержали в горах в качестве заложников несколько турецких чиновников. Требованием восставших была автономия Северной Албании во главе с капитаном Мицдиты Пренком Биб Додой³⁷.

Боясь распространения волнений на другие районы Албании, турецкое командование прежде всего приняло меры к тому, чтобы изолировать восставших. Войска были посланы в Задриму, Лежу и Дуррес. Дервиш-паша, присланный в Шкодру специально для замирения албанцев и обеспечения их поддержки или хотя бы пейтранитета на случай возобновления войны с Черногорией, добивался того, чтобы горцы отказались признать власть Пренка Биб Дода. Дервиш-паша запретил горцам появляться на базарах Шкодры и Лежи. Этот запрет обрекал восставших и их семьи на голод³⁸.

Тем временем Пренк Биб Дода установил связь с руководителями горцев-мусульман района Мати. Военный союз с Мати позволял Пренку Биб Доде поддерживать связь со Шкодрой и Призреном, что значительно увеличивало его шансы на успех восстания³⁹.

³⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2408, л. 138.

³⁵ АВПР, ф. СПб. Главный архив, V-A₂, д. 886, л. 105.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, д. 887, л. 12; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2409, л. 25.

³⁸ ННСtА. Донесения австрийского генерального консула в Шкодре Липпича от 12 и 20 марта 1877 г.

³⁹ АВПР, ф. СПб. Главный архив, V-A₂, д. 887, л. 4.

Русский консул в Шкодре И. Ястребов писал послу России в Константиноце Н. П. Игнатьеву в середине января 1877 г.: «Дела в Мирдитии принимают грозное для турок направление»⁴⁰.

Но решительных действий албанские повстанцы не предпринимали, их удерживали известия о мирных переговорах Черногории с Турцией. Черногорский князь, на помощь которого горцы прежде всего рассчитывали, строго придерживался условий перемирия. Немалую роль в этом сыграла австрийская дипломатия, склонявшая князя к сепаратному миру с Турцией.

Подписав мир с Сербией и продлив еще раз 26 марта перемирие с Черногорией до 13 апреля, турки решили покончить с восстанием в Северной Албании. 4 апреля командование в Шкодре по приказу из Стамбула начало военные действия против Мирдиты. Три группы турецких войск с трех различных направлений двинулись к центру Мирдиты Ороши. Судя по количеству войск (в экспедиции участвовало 7 тыс. солдат), султанское правительство придавало этой экспедиции большое значение. Однако численное превосходство турецких войск не принесло им быстрой победы⁴¹. Албанцы упорно сопротивлялись, используя знание местности и преимущества занятых ими заранее удобных позиций. Но они были плохо подготовлены к военным действиям, страдали от недостатка вооружения и продовольствия. Их надежды на помощь извне, со стороны Черногории, не оправдались.

Бои на подступах к Мирдите продолжались несколько дней, но 15 апреля после недели сопротивления Пренк Биб Дода известил консулов европейских держав в Шкодре, что прекращает сопротивление, и запросил правительство Австро-Венгрии о представлении ему и его семье убежища. 22 апреля турецкие войска вошли в Ороши.

Турки добились своего, опасность большого восстания в Северной Албании была устранена. Они получили возможность отправить войска, стоявшие в Албании, на русский фронт (24 апреля началась русско-турецкая война), а также против возобновивших войну Сербии и Черногории.

В нашем распоряжении нет документов, содержащих прямые указания на вмешательство австрийских агентов в отношения албанцев с черногорским князем Николаем. Но сопоставление фактов позволяет предполагать, что австрийские агенты в Цетинье в 1877 г. склонили князя Николая отказаться от поддержки албанцев, а Пренка Биб Доду — пойти на соглашение с турецким правительством. В марте 1877 г. Министерство иностранных дел Австро-Венгрии послало австрийскому генеральному консулу

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Great Britain, Parliament, House of Commons. Parliamentary Papers, 1877, vol. XC, «Turkey», № 15 (1877), p. 318, 322, № 462, 473.

в Шкодре Вашичу телеграмму, в которой говорилось, что трудно надеяться на устранимое мирным путем албано-турецкого конфликта, поэтому необходимо обеспечить влияние на Пренка Биб Доду. Это даст возможность в будущем использовать его в интересах Австро-Венгрии⁴².

Когда в апреле 1877 г. турецкие власти предприняли военную экспедицию против Мирдиты, австро-венгерская дипломатия заявила, что готова предоставить Пренку и его семье убежище на территории Австро-Венгрии. Это предложение, однако, сопровождалось оговоркой: Пренк Биб Дода мог рассчитывать на поддержку австро-венгерского правительства только в том случае, если он будет следовать его советам⁴³. Таким путем Австро-Венгрия стремилась обеспечить влияние в Албании и предотвратить ее сближение с воюющими против Турции славянскими странами.

В течение 1877 г. по мере развития военных действий на русско-турецком фронте положение в Албании осложнялось. Известия о победах русской армии, поражениях турок на черногорском, а позднее и сербском фронтах порождали надежды на освобождение от Турции.

На севере, несмотря на недавнюю неудачную попытку восстания и поколебленную веру в союз с князем Николаем, вновь появились тенденции к сближению с Черногорией. В августе-сентябре 1877 г. черногорская армия одержала победы на севере — у Никшича, на юге — в албанских районах. Это еще более усилило среди горцев Пришкодрской Малесии и Мирдиты настроения в пользу Черногории⁴⁴. Агенты черногорского князя Николая, действовавшие среди горцев, своей агитацией всячески поддерживали эти настроения.

Черногорская пропаганда встречала яростное сопротивление не столько со стороны турецких властей (они были заняты своими военными делами на фронтах), сколько со стороны австрийской дипломатии, в частности генерального консула в Шкодре Липничича и его агентов — католических священников.

Уже в самом начале русско-турецкой войны, когда Черногория возобновила военные действия против Турции, австрийская дипломатия постаралась предотвратить черногоро-албанское сближение. Вначале, видимо, ей это удавалось путем уговоров и небольших подачек князю Николаю в виде поставок военных материалов. В донесении от 29 апреля 1877 г. австрийский военный агент в Черногории Тёммел с радостью сообщал министру иностранных дел Австро-Венгрии Андраши, что в прокламации

⁴² HHStA. Телеграмма от 13 марта 1877 г.

⁴³ Там же. Телеграмма министра иностранных дел Австро-Венгрии генеральному консулу в Шкодре от 17 апреля 1877 г.

⁴⁴ Там же. Донесения Липничича от 16 июля и 13, 16 сентября 1877 г.

князя Николая к народу Черногории о возобновлении войны «нет ни слова о Боснии и Герцеговине, о народном восстании в них, об албанцах и миридатах»⁴⁵.

Австрийская дипломатия настороженно следила за деятельностью итальянских агентов в Северной Албании. «ТERRITORIALНЫЕ ВОЖДЕНИЯ РИМСКОГО КАБИНЕТА НА ВОСТОКЕ не являются секретом для австро-венгерского правительства. Здесь знают об активной пропаганде, которую итальянский консул в Скутари Берио ведет среди миридов и другого населения Албании», — сообщал русский посол в Вене Е. П. Новиков. В июне 1877 г. итальянское правительство выступило с предложением военно-морской интервенции в пользу Черногории якобы для того, чтобы спасти Черногорию от военного разгрома. Эта попытка активного вмешательства Италии в «восточный вопрос» встретила враждебное отношение австро-венгерского правительства. Австрийские газеты, по выражению Е. П. Новикова, «с редким единодушием» организовали шумную кампанию против «итальянских интриг» в Албании⁴⁶. «Граф Андраши, — писал в связи с этим Е. П. Новиков, — не игнорирует стремлений итальянцев ответить на возможную оккупацию Боснии австрийцами подобным же вмешательством в Албании»⁴⁷.

Материалы австрийского консульства в Шкодре свидетельствуют, что деятельность Липпича летом и осенью 1877 г. по-прежнему была направлена на то, чтобы помешать сближению албанцев с черногорцами. Так, например, в его донесении от 6 августа 1877 г. он сообщал о собрании горцев района Хоти и о том, что он предупредил горцев от мысли о союзе с Черногорией, обещая им защиту со стороны великих держав и реформы по окончании войны⁴⁸. Получив одобрение своей деятельности со стороны Андраши, Липпич в духе подобных предостережений и обещаний инструктировал католических миссионеров, действовавших в горных пограничных районах Северной Албании⁴⁹.

Австрийский военный агент в Черногории Тёммелль осенью 1877 г., когда черногорские войска начали успешно продвигаться по населенным албанцами районам, заявил протест противverbовки албанских добровольцев в черногорскую армию. Он мотивировал свой протест тем, что австрийский император как покровитель католиков в Албании не может допустить их насильственного привлечения на военную службу. Князь Николай отклонил эти протесты, и тогда Тёммелль избрал более надежный способ дей-

⁴⁵ Цит по: В. Ђорђевић. Црна Гора и Аустрија, 1814—1894. Београд 1924, стр. 413.

⁴⁶ АВПР, ф. Капцелярия, 1877, д. 113, л. 462.

⁴⁷ Там же, л. 463.

⁴⁸ HHStA. Допесение от 6 августа 1877 г. и приложение к нему.

⁴⁹ Там же. Приложение к допесению Липпича от 16 сентября 1877 г.

ствий. Он поручил католическим священникам возбуждать в албанцах ненависть к черногорцам⁵⁰.

Тем временем на фронтах турецкая армия потерпела крупные поражения. 10 декабря русские войска взяли Плевен. После взятия Плевена русское командование решило начать наступление на широком фронте. Кроме русской армии, в наступлении должны были участвовать армии Черногории и Сербии, вступившей в войну 13 декабря. Планировалось, что черногорские войска, взяв Подгорицу, будут участвовать вместе с сербами в походе в Косовский вилайет⁵¹. В связи с этим важное значение имела бы помощь северных албанцев. По-видимому, в декабре 1877 г. князь Николай при поддержке А. И. Иопина возобновил переговоры с руководителями албанских горцев. «Ввиду этой операции (речь идет об окружении черногорскими войсками Подгорицу. — *I. C.*) переговоры с албанцами идут довольно успешно», — сообщал А. И. Иопин⁵². 22 декабря 1877 г. сербские войска, наступая на юго-восток, осадили Ниш. Одновременно черногорские войска продвинулись к Антивари (Бар), порту Турции на Адриатическом море, и 22 января 1878 г. заняли его⁵³, а на следующий день горцы Мирдиты предприняли еще одну попытку поднять на восстание против турок всю Северную Албанию.

23 января 1878 г. два больших отряда горцев Мирдиты напали на турецкие гарнизоны в Кашиети и Ороши и заставили их сдаться. Вскоре к мирдитам присоединились горцы районов Лежи, Ктелы, Дукагини, Шаля и Шоши. Расширение района восстания представляло серьезную угрозу для турок. В этот момент черногорские войска подошли к устью реки Буши (Бояны), и соединение их с восставшими горцами означало бы потерю для турок Шкодры и всей северо-западной Албании.

Но с самого начала восстания среди восставших не было единогласия. За день до выступления, 21 января 1878 г., Пренк Биб Дода, который должен был возглавить восстание, заявил, что готов заключить соглашение с турками на условиях, предложенных турецким правительством: признание автономии княжества Мирдиты и последующей власти Пренка Биб Доды, невмешательство во внутренние дела Мирдиты, гарантия этого невмешательства со стороны Австро-Венгрии и Франции и др.⁵⁴ Это неожиданное заявление Пренка объяснялось вмешательством австрийской дипломатии. Накануне восстания Пренк поспешил сооб-

⁵⁰ «Орлы Черной Горы. Из воспоминаний очевидца». СПб., 1881, стр. 157—158.

⁵¹ АВПР, ф. СПб. Главный архив, V-А₁, д. 1, л. 223.

⁵² Там же, л. 245.

⁵³ П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950, стр. 133; Р. Содье. Histoire du Monténégro et de la Bosnie depuis les origines. Paris, 1895, p. 442.

⁵⁴ «Leka», Тиране, 1938, № 10—12, f. 464—465.

щить Липничу о своем отказе участвовать в антитурецком восстании.

Турецкое командование выслало в Мирдиту войска из Шкодры. 30 января произошли ожесточенные бои у Нарачи (в ущелье Гиадри), в которых албанцы сначала сохраняли военное преимущество.

31 января Турция подписала перемирие с Россией, и в тот же день было подписано перемирие с Черногорией. Через день повстанцы прекратили сопротивление, и турецкие войска заняли один за другим Кашиети и Ороши. Фактически, албанское восстание прекратилось еще до того, как оно развернулось в полную силу, и туркам не представляло большого труда разогнать оставшиеся небольшие группы горцев.

Реакционное вмешательство Австро-Венгрии в балканские дела во время восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также и в предыдущее десятилетие, начиная с периода подготовки Балканского союза 60-х годов, препятствовало росту национально-освободительного движения, мешало объединению сил балканских народов в борьбе за освобождение от феодального турецкого ига, за создание национальных государств на Балканском полуострове.

Н. Д. Р а т н е р

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАНГЕРМАНИЗМА В АВСТРИИ (К вопросу об идеологии шёнерианства)

Настоящая работа посвящена вопросу появления и становления австрийского пангерманизма, общественно-политического и идеологического течения, зародившегося в Австрии в 70-х годах прошлого столетия и связанного с именем Георга Шёнерера.

Изучение идеологических корней и программы австрийского пангерманизма не потеряло своей актуальности и в настоящее время в связи с возрождением в ряде стран Западной Европы фашизма в его несколько видоизмененной форме — неофашизма. Дело в том, что австрийские пангерманисты во многом сыграли роль предшественников гитлеризма, и не случайно, что в гитлеровской Германии их лидера, Георга фон Шёнерера, подняли на щит.

В советской исторической литературе австрийскому пангерманизму не было уделено внимания, если не считать отдельных разделов, посвященных Шёнереру, в книге Ф. А. Ротштейна «Из истории прусско-германской империи» (М., 1948) и А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.» (М., 1951).

Первые немецко-националистические организации в Австрии и их программы

Во второй половине 60-х годов в габсбургской монархии произошли два события, которые имели определяющее значение в ее судьбе.

В 1866 г. в результате поражения в войне с Пруссией габсбургская Австрия была исключена из Германского союза, и инициативу объединения германских государств захватила в свои руки гогенцоллерновская Пруссия. Таким образом, соперничество Австрии и Пруссии, кто возглавит объединение Германии, т. е. победит ли Австрия (так называемая великогерманская программа) или Пруссия (малогерманское решение вопроса), окончилось не в пользу Габсбургов.

В. И. Ленин писал: «Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта „претензия“... разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась за пределами самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году»¹.

В самой Австрии после военного разгрома 1866 г. национально-освободительное движение ненемецких национальностей, среди которых целостности монархии больше всего угрожали венгры, значительно усилилось. Все это заставило немецких помещиков и немецкую буржуазию Австрии пойти в 1867 г. на компромисс и, призвав себе в союзники господствующие классы венгерской национальности, создать вместо единой Австрии — Австро-Венгрию. В этой дуалистической монархии власть разделили господствующие классы двух народов — немцев и венгров — для того, чтобы, укрепив свои позиции, совместно угнетать остальные национальности габсбургской монархии.

Такова была обстановка, вызвавшая рост националистических настроений среди части немецкого населения монархии, почувствовавших себя ущемленными, так как Австрию выбросили из Германского союза и фактически разделили на две части, на собственно Австрию и Венгрию, и, наконец, в самой Австрии не уменьшилось, а, наоборот, усилилось с 1867 г. национально-освободительное движение других народов, главным образом чехов².

В среде немецкого студенчества начинают раздаваться голоса, что положение немцев (т. е. немцев как господствующей нации) в Австрии непрочно, венгры, мол, укрепились в своей половине

¹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение (февр.—март 1914 г.). Поли. собр. соч., т. 25, стр. 270.

² Берка, автор книги, посвященной немецким студенческим корпорациям в Австрии, написанной с позиций незамаскированного немецкого цинизма, указывает, что центральным пунктом противоречий в Австрии были противоречия между чехами и немцами (G. B e g k a. 100 Jahre deutsche Burschenschaft in Österreich. 1855—1955. Die geistige Leistung ihrer bedeutenden Männer. Graz, 1959, S. 3); Метниц, нацист, в своей очень тепденциозной работе подчеркивает, что австро-венгерское соглашение 1867 г. pragmatизировало национальную борьбу, так как остальные национальности потребовали для себя тех же прав, что и венгры (G. A. M e t n i c z. Die deutsche Nationalbewegung. 1871—1933. Berlin, 1939, S. 14); интересно, что примерно того же мнения придерживается и Фридрих Фундер, один из видных представителей христианско-социальной партии Австрии, автор интересных для понимания того времени воспоминаний. Фундер, говоря о последствиях дуализма, утверждает, что хуже всего было то, что после признания венгерского государственного права подняли голову федералисты Чехии (F. F u n d e r. Vom Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republick. 2. Auflage. Wien—München, 1953, S. 86); «...дуализм... усилил национализм и тем стал манил структурой многонационального государства. . .» — «Deutschland und Österreich. Empfehlungen der 2. deutschösterreichischen Historikertagung (Wien, 26. bis 30. Mai 1957)», Braunschweig, 1957, S. 2—3.

монархии, а здесь, в самой Австрии, немцам угрожает «славянизация». Шовинистически настроенная немецкая молодежь обвиняет немецких либералов (объединенных в Конституционную партию и представляющих интересы крупной немецкой финансовой, торговско-промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства) и австрийское правительство в забвении интересов немцев, в проведении «перешительной» политики в ущерб немцам и на пользу славянам.

Зигзаги в политике австрийского правительства — то централизаторские (Февральский патент 1861 г.), всецело поддерживаемые пемецкими господствующими классами, не желающими ни с кем делить власть, то с уклоном в федерализм (Октябрьский диплом 1860 г.), встречающие одобрение господствующих классов славянского населения, — не закончились в 1867 г. тем установлением дуалистической Австро-Венгрии и принятию конституции. После 1867 г. борьба централистского и федералистского направлений продолжается³. И против каких-либо уступок федералистскому курсу всегда дружно выступает большая часть немецких господствующих классов — либералы, объединенные в Конституционную партию. Либералы хотят видеть Австрию немецкой, централизованной и сильной. Это надо подчеркнуть в противовес мнению некоторых буржуазных историков, близких к немецким шовинистам, обвиняющих либералов в национальном индифферентизме. В действительности немцы-либералы не были склонны идти на уступки славянскому населению Австрии, они стойко охраняли свое господствующее положение в монархии, и ни о каком «национальном равнодушии» не могло быть и речи.

Это верно подметил, правда, говоря о более позднем времени, австрийский коммунист, публицист А. Фукс, автор очень интересной книги, посвященной политico-идеологическим течениям в Австрии⁴.

И бессовестно лицемерит австрийский пангерманист, страстный приверженец Шённерера Э. Пихль (выпустивший под псевдонимом Гервига шеститомную биографию лидера австрийских пангерманистов), когда жалуется, что в то время (60—70-е годы) как

³ «Внутреннее развитие Австрии в национальном и государственно-правовом отношении после 1848 г., рассматривая его в целом, является борьбой за федеративное переустройство против централизма, защищаемого корпорацией, большей частью пемецких политических деятелей, а также и чиновничеством» (B. Suttner. Die Badenischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer. Bd I. Graz—Köln, 1960, S. 15—16).

⁴ Либералы и христианско-социалисты хотели укрепить австрийский империализм, даже идя на какие-то уступки чешской, хорватской и другой буржуазии. Конечно, подчеркивает Фукс, речь шла только о таких уступках, которые не затрагивали господствующее положение австрийских немцев монархии (A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich. 1867—1918. Wien, 1949, S. 169).

славяне всюду продвигались вперед (в Галиции, мол, в делопроизводстве и школах немецкий язык вытеснен польским, словенцы требуют удаления немецкого языка из народных школ, чехи мечтают о чешско-моравско-силезском королевстве), в это самое время немецкий Михель только то и делал, что защищал конституцию, австрийскую государственную идею и целостность государства, о котором другие национальности монархии даже и думать не хотели⁵.

Усилием националистических настроений среди молодежи не преминула воспользоваться та еще очень небольшая группа великонемецких шовинистов, которая уже существовала среди либералов.

Еще с начала 60-х годов в связи с переходом в Австрии от абсолютизма 50-х годов к конституционным формам правления оживляется деятельность различных кружков и обществ среди молодежи, главным образом гимнастических и студенческих, которые, по выражению Паллера, и явились сборным пунктом немецкого национально-либерального движения⁶. Гимнастические и студенческие общества были связаны с подобными же обществами в других государствах Германского союза. Так как австрийское правительство нередко преследовало такого рода организации, то немецкие либерально настроенные студенты, относясь вообще с недоверием к правительству, не склонны были поддерживать его великогерманские планы, т. е. объединение германских государств под эгидой габсбургской Австрии. Фукс указывает, что в немец-

⁵ Herwig (E. Pichl). Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldentschthumes in der Ostmark. Ein Lebensbild, Bd 1, 2. umgearbeitete Auflage. Wien, 1921, S. 17; Молиш, австрийский шовинист, старающийся «объективно» изложить историю немецкого национализма, также много говорит о том, что либералы, будучи у власти, недостаточно активно защищали свои национальные интересы. Для нас в данном случае представляет интерес замечание Молиппа, что как либералов, так и немецких националистов, входивших в Конституционную партию, отличало не отношение к федералистическому переустройству Австрии, к которому и те и другие относились отрицательно, а методы борьбы с федерализмом, причем либералы твердо стояли на нерушимости австро-венгерского соглашения 1867 г. (Р. Molisch. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena, 1926, S. 81); уже упомянутый памя Метниц указывает, что большинство либералов в Австрии ни тогда, ни позднее не понимало, мол, что им, немцам, угрожает (G. A. Metnitz. Указ. соч., стр. 14).

⁶ H. Paller. Der Grossdeutsche Gedanke. Seine Entstehung und Entwicklung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1928. S. 85—86. Книга Паллера, увидевшая свет во времена Веймарской республики, проникнута шовинизмом. Паллер все время сетует на национальный индифферентизм немцев Германии, которые, мол, были равподушными к судьбе своих братьев в Австрии; Молиш на стр. 75 указывает, что в противоположность немецким либералам, сторонникам конституции 1867 г., немецкие националисты, главным образом студенты, требовали изменения существующей конституции, считая, что она не гарантирует австрийским немцам защиты их прав (Р. Molisch. Указ. соч., стр. 62—63; А. Fuchs. Указ. соч., стр. 176).

ких студенческих обществах уже тогда стали проявляться пруссофильские настроения, что среди части немецких студентов целеустремленная политика Бисмарка встречала сочувствие⁷.

До 1866 г., т. е. до австро-прусской войны, вопрос о том, кто возглавит объединение Германии — Австрия или Пруссия, — мало трогал широкие слои немецкой общественности Австрии, это считалось делом правительства⁸. Когда же в 1866 г., в результате поражения в войне Австрии, этот вопрос был решен не в ее пользу и она была выброшена из Германского союза, вот тогда-то он и стал волновать общественное мнение.

После 1866 г. «малогерманское направление в Австрии приобретает сторонников, главным образом, как мы уже говорили, среди студенчества. Среди студентов Вены пруссофильские настроения, в какой-то мере распространенные и до 1866 г., после поражения Австрии усилились. Студенты больше всего рассчитывали на возможный распад Австро-Венгрии, благодаря которому немецкие части Австрии присоединятся к Германии⁹.

Следует подчеркнуть, что среди австрийского студенчества, объединенного в многочисленные корпорации, не было единства взглядов ни в политических, ни в национальных вопросах.

Берка, посвятивший специальную работу истории студенческих корпораций в Австрии, работу, шовинистическая направленность которой не вызывает сомнений, указывает, что в корпорации входили лица различных политических убеждений, часто даже враждебных друг другу¹⁰.

Среди немецких союзов и обществ, образовавшихся в конце 60-х годов, выделялись два, в программах которых требования национального характера были резко акцентированы. Это «Немецкий народный союз» (Deutscher Volksverein) в Вене и «Союз немецких националистов» (Verein der Deutschnationalen) в Граце¹¹.

Молиш утверждает, что эти два общества были первыми организациями, объединившими немецких политических деятелей, для которых, дескать, национальный вопрос стоял на первом месте. Вокруг них-то и стали группироваться националистически настроенные немецкие студенты Австрии, и именно они стали про-

⁷ A. Fuchs. Указ. соч., стр. 176; P. Molisch. Указ. соч., стр. 69—70.

⁸ Опубликованные тогда программы или воззвания в основном затрагивали вопросы конституции, германскому вопросу удалено внимание только в программе немецких автономистов Австрии. См.: H. Palle. Указ. соч., стр. 81; P. Molisch. Указ. соч., стр. 65, 69.

⁹ P. Molisch. Указ. соч., стр. 79—80, 90—91; G. A. Metnitz. Указ. соч., стр. 103; Negwig. Указ. соч., т. 1, стр. 9.

¹⁰ G. Bergk. Указ. соч., стр. 6; Гервиг описывает столкновения студентов, преданных Австрии, со студентами, настроенными пруссофильски (Negwig. Указ. соч., т. 1, стр. 44; P. Molisch. Указ. соч., стр. 74).

¹¹ E. Zöllner. Geschichte Österreichs. Von Anfängen bis zur Gegenwart. Wien, 1961, S. 417; G. A. Metnitz. Указ. соч., стр. 103; P. Molisch. Указ. соч., стр. 73.

пагандировать среди более широкого круга немецкого населения, как они говорили, национальные, а мы бы сказали, великонемецкие шовинистические взгляды¹².

«Немецкий народный союз» был организован в 1867 г. в Вене; просуществовал он недолго. Во главе его стоял Юлиус Крикль¹³, основавший в начале 60-х годов «Первое венское гимнастическое общество» (*Erster Wiener Turnverein*).

В 1870 г. в связи с выборами в ландтаги Крикль от имени «Немецкого народного союза» опубликовал воззвание, в котором была изложена программа этого общества.

Ю. Крикль — своеобразная фигура среди немецких шовинистов Австрии того времени. Поклонник Пруссии, Гогенцоллернов и Бисмарка, он уже тогда не считал нужным скрывать свои ярко выраженные великонемецко-шовинистические взгляды. Гервиг, неуемный поклонник лидера австрийских пангерманистов Шёненрера, с большим уважением отзывается о Крикле; подчеркивая его тесную связь и идейную близость с лидером пангерманистов, Гервиг пишет, что он был «штёперианцем до Шёненрера»¹⁴. Крикля называли Нестором немецких националистов Австрии¹⁵. После распада «Немецкого народного союза» в 70-х годах Крикль не играл роли в общественно-политической жизни Вены. Число единомышленников Крикля, очевидно, было очень невелико. Ядро их образовало группку, называвшую себя «Последние семь германцев», а деятельность их в основном ограничивалась встречами раз в неделю в венском кафе «Вальх» для обсуждения вопросов «сохранения» и «укрепления» немецкого элемента в Австрии. Гервиг указывает, что у Крикля и его друзей не было ни денег, ни силы, чтобы образовать свою партию, что они в общем входили в либеральную партию¹⁶.

Вторым обществом, в котором националистическим требованиям немцев придавалось первостепенное значение, был организованный студенческим обществом «Орион» в 1869 г. в Граце «Союз немецких националистов». В этом союзе видную роль играл Эмиль Штрогаль, создатель, по словам Фукса, проавстрийского немецкого национализма¹⁷. Таким образом, если Юлиус Крикль был предшественником пангерманского направления австрийских шовинистов, то Эмиль Штрогаль олицетворял более умеренное проавстрийское течение немецких шовинистов Австрии. Это, оче-

¹² P. Molisch. Указ. соч., стр. 73.

¹³ Гервиг доказывает, что в «Немецком народном союзе» шла борьба между более умеренными и более шовинистически настроенными его членами, которая окончилась победой крайних элементов, возглавлявшихся Ю. Криклем. См.: Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 12.

¹⁴ Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 12, 14—17.

¹⁵ A. Fuchs. Указ. соч., стр. 294.

¹⁶ Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 10, 14—15.

¹⁷ A. Fuchs. Указ. соч., стр. 186; P. Molisch. Указ. соч., стр. 124.

видно, и является причиной того, что пангерманист Гервиг, восторженно отзывающийся о Крикле, относительно мало идержано говорит о Штрогале¹⁸.

Штрогаль преподавал право сначала в Грацском, потом в Геттингенском и Лейпцигском университетах. Он рано отошел от политической жизни.

В мае 1870 г. «Союз немецких националистов» опубликовал свою программу, которая во многом была очень близка воззванию «Немецкого народного союза».

Эти два документа¹⁹, являвшиеся как бы первыми, обращенными к широкой общественности немецко-шовинистическими программами в Австрии²⁰, интересны для нас тем, что в них дан набросок будущего переустройства монархии, которое должно обеспечить немцам Австрии численный перевес (пусть очень небольшой) над ненемецкими национальностями. (По данным австрийских шовинистов, немцы составляли в Цислейтании, так называлась австрийская часть дуалистической монархии в отличие от Транслейтании, ее венгерской половины, 36% населения.)

В требование, которое потом станет основным пунктом программ всех немецких шовинистических группировок и партий Австрии, от самой крайней пангерманской Шённерера до более умеренных, говорилось о предоставлении «особого положения» (*Sonderstellung*) Галиции и Буковины в рамках Цислейтании и передачи Далмации Венгрии.

Составители как воззвания, так и программы совершенно откровенно сообщали своим избирателям, что такое выделение Галиции, Буковины и Далмации необходимо для укрепления и утверждения господствующего положения немцев в оставшихся частях Австрии, т. е. в тех землях, которые до 1866 г. входили в Германский союз²¹.

¹⁸ Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 16—17.

¹⁹ Полный текст воззвания Крикля опубликован у Гервига (Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 12—14), программу Штрогаля он лишь излагает (Негвиг. Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschthums in der Ostmark. Ein Lebensbild, Bd 2, 1873—1889. Wien, 1913, S. 111); Метнитц излагает основные положения программы Штрогаля, указывая, что среди прочих требований фигурировало требование устраниния конкордата, введение гражданского брака и прямые выборы в рейхсрят (G. A. Metnitz. Указ. соч., стр. 103).

²⁰ Молиш, правда, упоминает какую-то первую программу немецких националистов Австрии, опубликованную якобы в Вене в начале 1868 г., но, как он сам указывает, программа эта почти не привлекла внимания немецкой общественности, имена ее составителей тоже как будто неизвестны (P. Molisch. Указ. соч., стр. 72—73).

²¹ Видный австрийский историк Гуго Хаич, глава реакционного направления современной австрийской историографии, отрицательно относящийся к австрийскому пангерманизму вообще и Георгу Шённереру в частности, подчеркивает, что основное в требовании выделения Галиции, Буковины и Далмации — это уменьшение численного превосходства славян в Австрии и укрепление положения австрийских немцев (H. Haitsch. Die Ge-

Тут важно подчеркнуть следующее. Для австрийских немцев чешские земли (т. е. Чехия, Моравия и Силезия), бывшие очень развитыми в промышленном отношении областями Австрии, имели очень большое экономическое и политическое значение ²². Немецкая буржуазия и немецкие помещики чешских земель усиленно держались за свое положение господствующей нации, не желая уступать позиций крепнущей чешской буржуазии. Свои права на господство немецкие капиталисты мотивировали не только тем, что Чехия и Моравия входили в состав Австрийского государства, но и тем, что они являлись исконными землями Германского союза.

Национальное движение словенцев не представлялось тогда немецким господствующим классам вообще и немецким шовинистам в частности реальной угрозой ²³.

Чехи и поляки — вот в ком видели немецкие националисты опасность немецкой гегемонии в Австрии, и не случайно федералистские экивоки австрийского правительства были направлены в сторону господствующих классов этих двух народов.

Выделяя Галицию и Буковину из состава Цислейтании, австрийское правительство как бы ставило польские господствующие классы Галиции в привилегированное по сравнению с другими национальностями Австрии положение; это было также стремлением столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии.

Разделяя, таким образом, чехов и поляков, составители обоих документов препятствовали возможности образования славянского блока внутри Австрии, чего без сомнения боялись немецкие господствующие классы. Чехи оказывались изолированными, что облегчало борьбу с национально-освободительным движением чешского народа. Античешскую направленность этого требования отметил в своей книге Фукс ²⁴.

schichte Österreichs. Bd 2. 2. Auflage. Wien, 1953, S. 409); значительное позднее Пауль Самасса, один из пангерманских «шатиков» Австрии, редактор центрального органа Пангерманского союза «Alldeutsche Blätter», выступая на собрании союза, указывал, что еще в конце 60-х годов Штрогаль выдвинул требование «особого положения Галиции» («Alldeutsche Blätter», 17. Juni 1900, № 25, S. 246).

²² В вышедшей в 1963 г. в Праге книге чешского историка Юрия Кржижека «Die wirtschaftlichen Grundzüge des österreichisch-ungarischen Imperialismus in der Vorkriegszeit (1900—1914)» очень убедительно показывается значение чешских земель в экономике Австрии.

²³ Еще в конце XIX в. пангерманист К. Прёлль с издевкой писал о словенском национальном движении, заявляя, что оно... «заслуживает внимание только как вспомогательный отряд для каждого враждебного немцам правительства» (K. Pröll. Die vier letzten Dinge in Österreich. Aus dem neuen Katechismus des deutschen Volks. München, 1898, S. 10—11).

²⁴ А. Fuchs. Указ. соч., стр. 176. Фукс считает, что выделение Галиции и Далмации из состава Австрии дало бы немцам возможность господствовать над чехами в рейхсрате. В дальнейшем в настоящей статье мы еще остановимся на этих планах.

Как в воззвании, так и в программе поддерживалось объединение Германии, проводимое Пруссией; в воззвании Крикля говорилось о необходимости для габсбургской монархии вступить в самые тесные, союзные отношения с вновь образуемой Германской империей.

В отношении славян монархии оба документа подчеркивали, что национальный вопрос является вопросом не права, а силы. В программе «Союза немецких националистов» прямо указывалось, что не надо идти ни на какие уступки ни чехам, ни словенцам, надо проводить «беспощадную немецкую политику»²⁵.

Воззвание «Немецкого народного союза» утверждало также, что конституция 1867 г. должна быть изменена, так как она не гарантирует господствующего положения немцев в Австрии и допускает возможность примирения немцев и славян.

Мы намеренно подробно останавливаемся на этих двух документах, так как выдвинутые в них положения легли в основу всех дальнейших требований немецких шовинистов Австрии.

Обстановка в Австрии к началу общественно-политической деятельности Шёнпера

Немецко-шовинистическое движение конца 60-х годов не имело существенного значения в общественно-политической жизни монархии, но оно в известной степени стало исходной точкой развития в последующие годы австрийского пангерманизма — самого крайнего направления немецких шовинистов Австрии.

В 1873 г. на арену общественно-политической жизни монархии вступает очень своеобразная и колоритная фигура — Георг фон Шёнперер, с именем которого связано возникновение, оформление и развитие этого течения.

Австрийский пангерманализм нельзя отождествлять с пангерманизмом Германской империи, это, конечно, очень близкие, идеино связанные течения, но каждое из них было обусловлено историческим развитием своей страны²⁶. Нет сомнения — австрийские пангерманисты зависели от своих германских единомышленников, объединенных в такую мощную организацию, как

²⁵ H e g w i g . Указ. соч., т. 2, стр. 111; P. M o l i s c h . Указ. соч., стр. 78—79.

²⁶ Отношение Пангерманского союза к Австрии и австрийским немцам разбирает в своей книге немецкий историк-марксист Юрген Кучинский. См.: J. K u c h i n s k i . Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd 2. Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950, S. 54—58, 90—93; подробно прослеживает взаимоотношения австрийских и германских пангерманистов западногерманский историк А. Крук в своей «Истории Пангерманского союза» (см. главу: «Австрийский вопрос»). — A. K r u c k . Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954, S.104—117.

Пангерманский союз. Многие австрийские пангерманисты были его членами, лидеры австрийских пангерманистов всегда присутствовали на собраниях и съездах Пангерманского союза и т. п. Но все это относится к более позднему времени. В период, рассматриваемый в настоящей статье (70—начало 80-х годов XIX в.), в самой Германии организованного, оформленного движения пангерманистов еще не было²⁷.

Австрийский пангерманизм — реакционное шовинистическое течение — зародился в Австрии в 70-е — начале 80-х годов. В истории дуалистической монархии решающей роли он не играл. Лишь на короткое время, в период острого политического кризиса габсбургской монархии конца XIX в., связанного с «языковыми законами» Бадени, мутная волна шовинизма выдвинула на передний план Георга Шёнера и его единомышленников.

Вышесказанное отнюдь не относится к другим шовинистическим течениям немцев Австрии, более многочисленным, влияние которых на политическую жизнь габсбургской монархии безусловно было значительным. (Например, христианско-социальное движение, связанное с именем Люгера.) Но все эти, образовавшиеся позднее, шовинистические партии и группы в известной степени вышли из пангерманского движения Георга Шёнера.

Пангерманское течение было самым крайним выражением немецкого шовинизма в Австрии.

Для нас, советских историков, австрийский пангерманизм и прежде всего его идеология представляет интерес в первую очередь потому, что он идейно связан с германским фашизмом²⁸.

Разбирая различные течения немецких шовинистов Австрии, австрийский писатель-коммунист А. Фукс пишет: «Если какой-либо группе в старой Австрии принадлежит титул предшествен-

²⁷ Говоря о Пангерманском союзе, организация которого относится к началу 90-х годов XIX в., Э. Вольфгамм пишет: «Еще раньше, т. е. с изданием Липцкой программы в 1882 г., возникло среди немецко-австрийской буржуазии «пангерманское движение Георга фон Шёнера». См.: E. W o l f g a m m. «Grenzlandkämpfer». *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*. Berlin, Bd 4, 1960, S. 15.

²⁸ «Прежде всего он (Гитлер. — Н. Р.) — ученик и последователь Георга Шёнера» (Ф. Ротштейн. Из истории прусско-германской империи. Гитлер и его предшественники. М.—Л., 1948, стр. 203); «Если хочешь понять предысторию национал-социализма, то надо знать о Шёнере и его деятельности в староавстрийских, альпийских и судетских землях», — пишет нацист Лохнер (R. L o c h n e r. Georg von Schönerer ein Erzieher zu Grossdeutschland. Bonn, 1942, S. 3); Биндер пишет, что еще до войны 1914 г. Гитлер познакомился с пангерманским движением Шёнера, которое соединяло националистические идеи с антисемитизмом (G. B i n d e r. Epoche der Entscheidungen. Eine Geschichte des 20.Jahrhunderts. 3. Auflage. Stuttgart, 1960, S. 214). Многому в своей молодости Гитлер научился от Люгера и Шёнера (P. S e t h l e. Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1961, S. 333); Хох указывает, что Гитлер охотно посещал собрания Шёнера (K. H o c h. Pangermanismus. Praha, 1946, S. 149, 153).

ника NSDAP, то, конечно, только группе Шёнерера. Такого же взгляда придерживался и Адольф Гитлер»²⁹.

Основные отличительные черты австрийских пангерманистов — расизм, антисемитизм, социальную демагогию — мы находим в более «усовершенствованном» виде в германском фашизме.

И это не скрывают не только профашистские публицисты, прославляющие Шёнерера, но и сами «вожди» германских нацистов: например, Розенберг в годовщину смерти Шёнерера дал высокую оценку деятельности последнего³⁰. В фашистской Германии была переиздана шеститомная биография Шёнерера, написанная Гервигтом, издан ряд брошюр и книг, посвященных Шёнереру, отмечались памятные даты его биографии.

Разбирая развитие и становление австрийского пангерманизма в 70-х—начале 80-х годов, анализируя его идеологию и программу, мы черпаем основные материалы из выступлений самого лидера австрийских пангерманистов Георга Шёнерера. Выступления Шёнерера дают нам возможность проследить развитие этого крайне шовинистического движения австрийских немцев, вскрыть его классовые корни. Колоритная фигура этого предшественника Гитлера, привлекшая уже тогда внимание своих соотечественников, более 30 лет фактически стояла во главе этого движения, как бы олицетворяя его. Не случайно австрийских пангерманистов называли также шёнериантами.

Шёнерер родился в 1842 г. в Вене в семье инженера-путейца, разбогатевшего на железнодорожном строительстве и получившего в 1860 г. наследственное дворянство. Следует отметить, что Шёнерер-сын всегда очень кичился своим дворянством. Шёнерер получил хорошее образование: учился в коммерческом училище в Дрездене, потом в сельскохозяйственной школе в Штуттгарте. Именно в это время, указывает его биограф Шнее, безудержный поклонник Георга Шёнерера, были заложены основы его пангерманизма³¹. Затем он едет в Венгрию, где продолжает свое сельскохозяйственное образование. Пребывание в этой стране, как пишет тот же Шнее, имело следствием личную антипатию его к Венгрии и венграм, «угнетавшим» немецкое население Венгрии.

Во второй половине 60-х годов мы находим Шёнерера в чешских землях, работающим, очевидно, в качестве управляющего в крупных поместьях Чехии и Моравии. Как раз в это время шла австро-прусская война 1866 г., оказавшая на молодого Шёнерера большое влияние в том смысле, что он ближе познакомился с прусским офицерством, которое стало для него воплощением гер-

²⁹ A. Fuchs. Указ. соч., стр. 189.

³⁰ F. Stein. Der Ritter des Ostmark. Georg Schönerers Leben und Wirken. (Wien, 1941), S. 3.

³¹ H. Schnee. Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für Alldeutschland. 3. verbesserte und ergänzte Auflage. Reichenberg, 1943, S. 6.

манизма. С этого времени начинается его неуемное преклонение перед пруссачеством³².

Получив от отца имение Розенау (округ Цветль в Нижней Австрии), Шённерер в конце 60-х годов поселяется там. Став помещиком, Шённерер много времени уделяет своему поместью и, по отзывам современников, приводит его в образцовый порядок. Он развивает бурную общественную деятельность: основывает «Сельское и лесное общество» в Цветле, издает на свои средства газету «Landwirtschaftliches Vereinsblatt», организует сельскохозяйственные казино, библиотеки, в лесных массивах — добровольные пожарные команды для борьбы с лесными пожарами, бедствием тех мест. Он становится популярным, и в 1873 г. сельский округ Цветль выбирает его депутатом в рейхсрят.

Сторонники Шённерера не переставали повторять, что вся деятельность Шённерера, как тогда в Цветле, так и позже, определялась его любовью и сочувствием к нуждам простого немецкого народа, прежде всего крестьянства³³.

Но на деле действительной причиной бурной деятельности, которую развивал в те годы молодой Шённерер, было именно желание приобрести популярность и стать депутатом, стремление выдвинуться.

70-е годы были периодом относительного затишья в истории немецкого национализма Австрии. У власти стояли немцы-либералы, представители крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии и части дворянства, сторонники австро-венгерского соглашения и конституции 1867 г.

Австрийское правительство, уже тогда умело применяя принцип «разделяй и властвуй», пошло на некоторые уступки польским господствующим классам Галиции, расширив в какой-то степени автономию последней. Когда же министерство, во главе которого стоял консерватор Гогенварт, в 1871 г. сделало попытку договориться с представителями чешских помещиков и чешской буржуазии на основе принятия австрийским правительством «Фундаментальных статей» (осуществление которых на практике должно было стать шагом по пути федерализации австрийской части двуединой монархии), оно потерпело неудачу, так как против правительства дружно выступили немецкие и венгерские господствующие классы, поддержаные Германской империей. Чехи перешли к тактике пассивной оппозиции, т. е. чешские депутаты покидали рейхсрят и земский сейм. Немецкое централистское правительство либерала князя Адольфа Ауэрсперга,вшедшее на смену Гогенварту, чувствовало себя достаточно прочным.

Впоследствии в адрес немцев-либералов не раз раздавались со стороны австрийских шовинистов упреки, что они в 70-х го-

³² H. Schnee. Georg Ritter. . . , S. 7.

³³ Там же; Hegewig. Указ. соч., т. 1, стр. 22—23.

дах, будучи у власти, упоенные своими успехами, пренебрегли «национальными» интересами немцев, стали «равнодушными» в национальном отношении и, не укрепив законодательным порядком господствующее положение немецкой нации (в частности, не сделав немецкий язык государственным языком), дали возможность славянам во время правительства Тааффе перейти в наступление и тем самым развязать ту национальную борьбу в австрийской части монархии, которая в конечном итоге привела государство Габсбургов к гибели³⁴.

Все это не соответствует действительности. Немецкие либералы всегда твердо стояли на страже своих национальных и классовых интересов; когда появлялась какая-либо угроза их господствующему положению, они всегда становились на защиту своих привилегий. Но в 70-е годы во время правления Ауэрсперга положение немецких имущих классов действительно было прочным.

Образование в 1871 г. Германской империи также способствовало укреплению Австрии как немецкого государства. Мысли о реванше, от которых австрийское правительство и династия не отказывались в 1867—1870 гг., были теперь отброшены. Австро-Венгрии оставалось волей-неволей согласиться на роль младшего партнера вновь созданной немецкой державы.

Шаткость положения либеральной партии определялась в это время не национальными противоречиями, а социально-экономическим положением монархии. Грюндерская горячка, характерная для конца 60—начала 70-х годов, в которой главная роль в основном принадлежала крупной немецкой буржуазии, закончилась в 1873 г. страшным экономическим кризисом.

Экономический кризис потряс всю экономику страны; он захватил не только промышленность и банки, но и сельское хозяйство. Были разорены десятки тысяч средних и мелких собственников, закрыто множество фабрик и заводов, огромное количество рабочих и ремесленников были выброшены на улицу.

Среди различных слоев населения независимо от национальности — мелких промышленников и землевладельцев, ремесленников и рабочих, интеллигенции — поднялась волна недовольства против немцев-либералов, которых считали виновниками кризиса³⁵.

³⁴ Молиш договаривается до того, что «бездействие» либерального правительства Ауэрсперга в этом вопросе объясняет «свободомыслием» либералов, которым, дескать, претило принимать меры, направленные против национальных стремлений других народов монархии (P. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 82—83, 93); откровенно попосит за это либералов Гервиг (H e r w i g Указ. соч., т. 1, стр. 90).

³⁵ Цёлльнер пишет о «черной пятнице» 9 мая 1873 г., когда разорились многочисленные промышленные и банковские предприятия, в которых участвовало немало видных деятелей либеральной партии (E. Z ö l l n e r. Указ. соч., стр. 419—420); во время кризиса 1873 г. обнаружилась коррупция и спекуляция немецких либеральных депутатов («Přehled československých

Социальная демагогия Шёнерера

В рейхсрате Шёнерер присоединяется к немецким либералам, вернее к тому их крылу, которое составило в рейхсрате отдельную фракцию — «Прогрессивный клуб» (*Fortschriftsklub*).

«Прогрессивный клуб» объединял более молодых и «национально настроенных» немецких депутатов, неожели остальные члены Конституционной партии, группировавшиеся в «Клубе либералов»³⁶. Лишь в 1879 г., окончательно порвав с либералами, Шёнерер вышел из Конституционной партии.

Честолюбивый, совершенно не терпящий возражений и не признающий никаких авторитетов, упрямый до абсурда³⁷, этот представительный на вид барин был в общем недалеким политиком.

Шёнерер игнорировал действительное положение дел, совершенно не считаясь с существующей обстановкой, он не умел и не хотел варьировать. Постепенно от него отошли наиболее известные его сторонники; можно сказать, что его так бурно как будто бы начавшаяся политическая карьера пошла на убыль с начала XX в., и в 1921 г. он умер, в сущности, забытый, пока не был снова поднят на щит в фашистской Германии.

Но Шёнерер был прекрасным оратором, и его демагогические посулы привлекли к нему отчаявшихся буржуа, ремесленников и крестьян, которым он в своих речах сулил прекрасное, счастливое «будущее», если они будут «истинными немцами» и будут слушаться его — Шёнерера.

Надо отметить, что Шёнерер как депутат всегда, и не только когда речь идет о 70—начале 80-х годов, был очень активен. «Благодаря выступлениям в парламенте и на собраниях он был очень популярен», — замечает отнюдь не симпатизирующий ему Фукс³⁸.

Лидер австрийских пангерманистов много внимания уделял не только национальным, что вполне естественно и закономерно, но и социально-экономическим вопросам. Молиш подчеркивает, что Шёнерер в первое время своего пребывания в рейхсрате выступал в основном по экономическим вопросам, национальные требования прозвучали у него позднее³⁹.

ských dějin». Maketa. D. 2. 1848—1918. Sv. I. 1848—1900, Praha, 1960, str. 434); Н. H a n t s c h. Указ. соч., стр. 434.

³⁶ Либерализм был для Люгера, как и для Шёнерера, исходным пунктом их политической деятельности (H. S c h n e e. Die politische Entwicklung des Wiener Bürgermeisters dr. K. Lueger. «Historisches Jahrbuch», München—Freiburg, 1957, Jg. 76, S. 65).

³⁷ Об этих чертах характера Шёнерера пишут в основном все авторы, друзья и враги. При этом первые называют эти черты характера «принципиальностью». См.: A. W h i t e s i d e. Nationaler Socialismus in Österreich vor 1918. «Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte», Stuttgart, 1961. №. 4, S. 337.

³⁸ A. F u c h s. Указ. соч., стр. 179.

³⁹ P. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 91, 95.

Эта сторона его деятельности послужила основанием для создания легенды о Шёнерере как «защитнике» интересов малоимущих слоев населения, посвятившем всю свою жизнь немецкому трудовому народу⁴⁰. Характерный штрих для характеристики «демократизма» этого деятеля, — Шёнерер всегда говорит только о немецком народе, совершенно игнорируя трудящихся ненемецкой национальности.

Ниже мы остановимся на том, кого собственно «зашщищал» Шёнерер, какие меры он предлагал предпринять для улучшения положения простого народа. Сейчас мы хотим подчеркнуть, что это была самая настоящая демагогия, которая, однако, не замедлила принести свои плоды. Эта демагогическая линия в политической деятельности Шёнерера составляет важный элемент «наследства», оставленного австрийскими пангерманистами гитлеризму.

Не только сторонники Шёнерера⁴¹, и это закономерно, но и некоторые авторы, относящиеся к нему критически, если не враждебно, считают, будто для первого десятилетия общественно-политической деятельности Шёнерера характерны демократические черты, и склонны идеализировать истинные причины, побудившие «рыцаря Георга» (так иронически называли его противники) принять на себя эту роль⁴².

Хорошо раскусил Шёнерера корреспондент либерально-буржуазной петербургской газеты «Голос», который в корреспонденции из Вены писал: «...Вы должны знать, что этот г. Шёнерер заседает на крайней левой скамье венского рейхсрата и носит название „ультрарадикала“. Но весь его демократизм состоит

⁴⁰ «Можно только удивляться..., что могла создаться легенда о Шёнерере, который, мол, с самого начала защищал народные интересы» (A. Fuchs. Указ. соч., стр. 179); надо указать, что сам Шёнерер не мало сделал для популяризации подобной версии: во всех своих выступлениях он все время не перестает подчеркивать, что он, Шёнерер, действительно стоит за простой люд, интересы которого он всегда, везде и всюду защищает (Heigl. Указ. соч., т. 3, стр. 86).

⁴¹ Так, Паллер указывает, что Шёнерер в своей экономической программе запищал частично «социалистические тенденции» (H. Palle. Указ. соч., стр. 97; H. Schneec. Georg Ritter..., S. 14; P. Molisch. Указ. соч., стр. 119, 121; G. A. Metnitz. Указ. соч., стр. 110).

⁴² Так, австрийский коммунист Франц Штробль считает, что в начале 80-х годов немецко-националистическое движение Шёнерера носило еще известные демократические черты. — F. Strobl. Victor Adler. (Zu seinem 100. Geburtstag). «Weg und Ziel», Wien, 1952, № 6, S. 411; Гуго Ханч, противник австрийских пангерманистов и лично Шёнерера, говоря о реформе избирательного права, называет Шёнерера приверженцем демократических принципов (H. Hantsch. Указ. соч., стр. 444). Можно согласиться с Фуксом, который полагает, что ни о каком демократическом периоде в жизни Шёнерера не может быть и речи. Шёнерер, подчеркивает Фукс, никогда не был человеком прогресса; то, что в молодые годы его единомышленниками были Перперсторф и Адлер, не меняет дела (A. Fuchs. Указ. соч., стр. 178).

в неимоверной ненависти ко всему славянству, в открытом тяготении к Пруссии и в благоговении перед князем Бисмарком. Этот немецкий или бисмарковский демократ — довольно интересная личность. Если вы с ним говорите, он непременно что-нибудь скажет вам о равенстве, братстве и свободе, но одновременно с этим он не только допускает, но и прямо агитирует в пользу прижимания к стене чешского элемента»⁴³.

В рейхсрате Шённерер, как мы уже говорили, очень активен, много выступает, вносит различные законопроекты, которые, как правило, всегда отвергаются либеральным большинством⁴⁴. Он является членом многих комиссий рейхсрата, занимающихся экономическими вопросами, часто выступает, его речи очень пространны и часто прерываются председателем⁴⁵. В рейхсрате Шённерер не находил поддержки у других депутатов. В его выступлениях часто встречается одно и то же выражение: «я и мои союзники вне рейхсрата»⁴⁶, — этим Шённерер хочет подчеркнуть, что в рейхсрате он не имеет единомышленников. Когда в 1879 г. он выходит из Конституционной партии, то основывает в рейхсрате свою «фракцию» — «Партию двух человек».

Выступления и выдвигаемые Шённерером законопроекты должны «защитить» трудовой народ, в первую очередь крестьян и ремесленников, от их «главного врага» — крупного капитала. Однако под крупным капиталом Шённерер подразумевает не финансовую и торговую-промышленную буржуазию в целом, а только часть ее, тех крупных промышленников и финансовых магнатов — «биржевых либералов» (*Börsenlieberale*), среди которых было много евреев⁴⁷. В этом смысле главной мишенью для нападок был

⁴³ «Голос», 19 (31) марта 1882 г. Заграничные известия. Вена, 26 марта (корреспонденция «Голоса», подпись: З.).

⁴⁴ Предложения Шённерера чаще всего не поддерживались «Прогрессивным клубом», тогда Шённерер перестал считаться с партийной дисциплиной и в 1876 г. вышел из него.

⁴⁵ В уже цитируемой нами корреспонденции «Голоса» сообщается: «Шённерер, сверх того, имеет свои специальные *Passion*. Ему, как видно, чрезвычайно приятно, когда его в рейхсрате призывают к порядку, и поэтому не проходит почти ни одна речь, во время которой президент не был бы вынужден призвать его к порядку». —«Голос», 19 (31) марта 1882 г. Заграничные известия. Вена, 26 марта (корреспонденция «Голоса», подпись: З.).

⁴⁶ Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 41 (Речь Шённерера в рейхсрате 7 марта 1878 г.); там же, стр. 84 (Речь в рейхсрате 28 февраля 1882 г.). О том, что его предложения не встречали поддержки в рейхсрате, неоднократно говорит сам Шённерер. «Не было депутата, которого бы так обливали грязью, как меня» (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 51, 69).

⁴⁷ В настоящей статье мы не рассматриваем подробно антисемитизм австро-германских пангерманистов — антисемитизм расовый, который родит Шённерера с Гитлером. Это требовало бы специального исследования. К тому же антисемитизм стал особенно акцентироваться Шённерером после 1882 г. В опубликованной в 1882 г. Линцкой программе немецких шовинистов Австрии пункт об антисемитизме еще отсутствует, он внесен в письмо Шённерером в 1885 г. дополнительно.

всемирно известный банкирский дом Ротшильда, имевший большое влияние на все отрасли австро-венгерской экономики⁴⁸. Все это конкретно отражает борьбу среди крупной буржуазии, но отнюдь не борьбу против крупного капитала вообще. Шёнерер всюду подчеркивает, что он считает основным ядром нации, фундаментом крепкого государственного организма — крестьян и ремесленников. «Это так называемое *среднее сословие* (речь идет о ремесленниках. — *H. P.*) *согласно с крестьянством является силой, сохраняющей государство*. Поэтому эти два сословия должны быть сохранены, иначе люди, принадлежащие к другим производительным классам, не смогут существовать», — заявляет он в рейхсрате 26 февраля 1882 г.⁴⁹ Шёнерер видит, что быстрое развитие капитализма ведет к усилению классовой дифференциации в деревне, разрушает ремесло, не выдерживающее конкуренции фабричной промышленности. Он с горечью констатирует, с какой быстрой в последнее десятилетие увеличивается число безземельных крестьян, пополняющих ряды сельскохозяйственных и городских пролетариев, как быстро разоряются ремесленники. Именно пролетаризация этих слоев населения, усиления революционного движения, роста классового самосознания рабочего класса больше всего боится Шёнерер, об этом он откровенно говорит в своих выступлениях⁵⁰.

Все проекты Шёнерера в основном направлялись на сохранение и укрепление существующего капиталистического порядка путем сохранения и укрепления мелкой и средней буржуазии города и деревни, которая, являясь, по мнению Шёнерера, ядром государства, должна противостоять самому опасному, что угрожает капиталистическому обществу, — революционному движению пролетариата.

⁴⁸ Вся борьба Шёнерера за передачу ряда железных дорог в руки государства, в частности Северной железной дороги (*Nordbahn*), обуславливается именно этим, чего Шёнерер не думает и скрывать. Одна из наиболее национализированных его речей в рейхсрате в 1884 г. по поводу продления концессии на Северную железную дорогу направлена не только против Ротшильда, но и могущественной еврейско-немецкой финансовой олигархии вообще. Австрийский историк Бенедикт верно подметил сущность борьбы, разгоревшейся за передачу Северной железной дороги государству, указывая, что она разожгла национальные страсти, так как это была борьба за места на железных дорогах, за избирателей, повод для выступлений в рейхсрате и т. п. Последнее опять-таки вскрывает истинные причины «демократизма» Шёнерера (*H. Benedikt. Monarchie der Gegensätze. Österreichs Weg durch die Neuzeit. Wien, 1947, S. 182; P. Molisch. Указ. соч., стр. 143; H. Schnee. Georg Ritter . . ., S. 21—22.*).

⁴⁹ *Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 69.*

⁵⁰ Шёнерер заявлял, что правящие круги Австрии своей политикой толкают ремесленное производство к гибели; недалеко то время, когда среднее сословие исчезнет, превратившись в пролетариат. — *Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 73* (Речь Шёнерера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутенau 26 февраля 1882 г.).

Об этом красноречиво говорится в его выступлениях, этому должны содействовать предлагаемые им законопроекты и резолюции, выдвигаемые им программы.

Если мы внимательно посмотрим выступления Шёнерера и если отбросим широковещательные фразы, то увидим, что все предложения Шёнерера сводятся по существу к одному: государство должно издать такие законы, которые оградят крестьянство и ремесленников от главного врага, разрушающего эти слои населения, — от магнатов капитала (о том, что Шёперер подразумевает под этим только одну группу крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии, мы говорили выше). Таким образом, в законодательной деятельности государства заключается панацея от всех бед.

Задачей законодательства, по мнению Шёнерера, является обязанность: «...защищать экономически более слабых посредством, я бы так сказал, хороших законов от злоупотребления со стороны экономически более сильных и, как правило, более коварных сил»⁵¹.

Введите соответствующие законы в отношении крестьянства, ограничьте, если не можете запретить, делимость крестьянской собственности, измените законодательство в отношении права наследования крестьянских поместий, издайте законы против ростовщиков, помогите организовать в деревне доступные для крестьян кредитные учреждения, наконец, содействуйте распространению просвещения в деревне путем учреждения цародных школ, библиотек и т. п.⁵² — и вы сохраните крепкое крестьянское сословие, предохраните его от дифференциации, следовательно, от превращения его в сельскохозяйственных пролетариев.

Проведите реформу ремесленного законодательства, ограничите ремесленников в законодательном порядке от конкуренции крупной фабричной промышленности (например, путем введения рекламации — *Befähigungs-nachweis*), оградите их от биржевиков и ростовщиков, организуйте для ремесленников дешевый кредит,

⁵¹ Н е г w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 71 (Речь Шёперера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутенau 26 февраля 1882 г.).

⁵² Гервиг восторженно отзыкается о деятельности Шёперера среди крестьянского населения, посвящая во втором томе биографии Шёперера этому вопросу специальную главу «Шёперер — защитник крестьянского сословия», название очень характерное для этого неуемного поклонника Шёперера (Н е г w i g. Указ. соч., т. 2, стр. 183—230; см. также: Н е г w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 34—35, 39—40); целью аграрной политики Шёперера, пишет Шнёе, было упрочение и сохранение необремененной долгами земельной собственности. Для достижения этого он предлагал римское право наследования земельной собственности заменить старогерманским семейным правом (Н. S c h n e e. Georg Ritter..., S. 35).

укрепите цеховое ремесло — и ремесленники, это ядро немецкой нации, будет сохранено⁵³.

Шёнерер всегда и всюду подчеркивал, что в социально-экономических вопросах он реформатор, что он хочет реформами улучшить существующий общественный порядок и тем самым избежать социальных потрясений, которые угрожают капиталистическому обществу. «С мужеством, пониманием и упорством можно разрешить величайшую задачу современности — социальный вопрос, и разрешение его — в социальных реформах...»⁵⁴

Шёнерер и его последователи — злейшие враги революционной социал-демократии, они этого не скрывают, наоборот, всегда подчеркивают. В своей речи в рейхсрате 19 января 1883 г. Шёнерер не без кокетства заявлял, что ни одного депутата так не ругали на социал-демократических собраниях, как антисемита депутата Шёнерера, но ему, мол, совершенно безразлично, как к нему относятся социал-демократы, он все равно всегда будет защищать материальные интересы рабочих⁵⁵.

Как относились Шёнерер и его сторонники к рабочему классу, защитниками которого они себя всегда представляли? Тут мы встречаемся с очень интересным и совершенно закономерным явлением.

Шёнерер много говорит о тяжелом положении рабочего класса, о необходимости законодательным путем улучшить условия труда фабричных рабочих при помощи социального страхования на случай старости и инвалидности, об ограничении рабочего дня, о запрещении детского и ограничении труда подростков и женщин, введении воскресного отдыха и т. п.⁵⁶

Но об истинной причине этих «забот» проговаривается восторженный поклонник Шёнерера Шпее, когда он, излагая одно выступление Шёнерера в рейхсрате, сказал, что путем обширных реформ Шёнерер хотел ублаготворить рабочих и тем самым вырвать

⁵³ Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 70—73 (Речь Шёнерера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутенгаузене 26 февраля 1882 г.); там же, стр. 75—76 (Речь Шёнерера 28 февраля 1882 г. в рейхсрате); Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 34—35; т. 2, стр. 231—246 (глава «Шёнерер как защитник малого ремесла»).

⁵⁴ Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 102—103.

⁵⁵ Там же, стр. 112.

⁵⁶ Не надо отвергать все требования рабочих, — говорит Шёнерер в рейхсрате 28 февраля 1882 г., — на том основании, что они революционны; надо из требований рабочих выбрать «полезные» требования, т. е. те, которые могут быть удовлетворены (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 81); Гервиг пишет, что Шёнерер не раз высказывал сожаление, что рабочий класс не представлен в законодательных органах страны (Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 36); много лет спустя, выступая на одном собрании, Шёнерер, обрушиваясь на «биржевой либерализм», на клерикалов и социал-демократию, вспоминал, сколько он «сделал» для рабочего класса, будучи депутатом рейхсрата (*«Unverfälschte deutsche Worte*, 1899, № 7, S. 7); Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 111—113 (Речь Шёнерера в рейхсрате 19 января 1883 г.); Р. Молисх. Указ. соч., стр. 163).

их из-под влияния евреев, а мы прибавим, социал-демократии⁵⁷. Шёнерер сам говорит, что его очень тревожит то обстоятельство, что невнимание к интересам рабочего класса толкает последних в лагерь социалистов⁵⁸.

В этом смысле очень интересна корреспонденция из Вены, помещенная в газете «Голос». Корреспондент, рассказывая о состоявшихся в последнее время в Вене и других городах народных собраниях, пишет: «... Народ, сверх того, все настойчивее требует от своих депутатов составления экономической программы и известных преобразований, столь необходимых для улучшения жалкого материального состояния, в котором задыхаются теперь мелкие промышленники и рабочие...» Корреспондент далее указывает, что «народ, видимо, не сыт» одними адресами сочувствия по поводу его национального положения⁵⁹.

Иными словами, чтобы привлечь на свою сторону рабочих, австрийским шовинистам, в частности Шёнереру, впрочем, как и другим буржуазным деятелям, необходимо было включить в арсенал своей пропаганды требования близкие, понятные интересам рабочего класса.

Поэтому ограниченными мерами в области рабочего законодательства Шёнерер думает отвлечь пролетариат от революционной борьбы и привлечь на свою сторону.

Шёнерер хочет разрешить социальный вопрос, значение которого он хорошо понимает, путем примирения труда и капитала. «Государство должно защитить труд», — указывает Шёнерер⁶⁰. Мысль о необходимости примирения классовых противоречий, дабы воспрепятствовать росту революционного движения и предотвратить революцию, т. е. сохранить капиталистическую систему, проходит красной нитью через все выступления Георга Шёнерера. «Если не будет положен конец теперешнему положению честных ремесленников и крестьян..., то обнищание не только захватит все более широкие слои населения, но и наступит пасильственный социальный переворот, по сравнению с которым пережитые до этого многие коммунистические пути покажутся настоящей детской

⁵⁷ H. Schneec. Georg Ritter... S. 32.

⁵⁸ Речь Шёнерера в рейхсрате 28 февраля 1882 г. Шёнерер указывает, что из года в год растут ряды сторонников социалистов, что усиливается их партия, что, отнюдь, не в интересах правительства (Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 81).

⁵⁹ «Голос», 24 июля (5 авг.) 1881 г. Заглавие известия. Вена, 23 июля (корреспонденция «Голоса», подпись: З.); в передовой другой газеты, «Русские ведомости», от 19 апреля (1 мая) 1882 г. указывается, что рабочие в Австрии не обнаруживают ни малейшего желания таскать капитаны из огня для других, они требуют политических прав, улучшения своего положения. «Они умеют также распознать лиц, которые прикидываются друзьями рабочих, в сущности ловят рыбу в мутной воде».

⁶⁰ Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 79 (Речь Шёнерера в рейхсрате 28 февраля 1882 г.).

игрушкой»⁶¹. Итак, не «защитником» интересов простого народа, а настоящим представителем классовых интересов господствующих классов является «друг народа» Шёнперер, в какие бы «демократические» одежды он ни рялся.

И если Шёнперер и его сторонники выдвигают объективно прогрессивные для того времени буржуазно-демократические требования, например требование расширения избирательного права (Шёнперер говорит иногда даже о введении всеобщего избирательного права)⁶², протестуют против увеличения старых и введения новых налогов⁶³, требуют снижения численного состава австро-венгерской армии в целях уменьшения военных расходов, обременяющих, дескать, малоимущие слои населения⁶⁴, если Шёнперер со всей резкостью выступает против католической церкви, требуя последовательного проведения в жизнь принципа отделения церкви от государства, уничтожения монастырей и секуляризации церковных владений⁶⁵, то все эти прогрессивные

⁶¹ Herwig. Указ. соч., т. 3, стр. 110; «Мы ищем сегодня примирения труда и капитала, эта великая цель должна быть у нас перед глазами, примирение между капиталом и трудом должно наступить, так как оно является разрешением социального вопроса, к которому мы стремимся и благодаря которому сможем удержать в будущем общественный порядок». — Там же, стр. 68—69. (Из речи Шёнперера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутенau 26 февраля 1882 г.)

⁶² Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 47 (Речь в рейхсрате 18 декабря 1879 г.); в дальнейшем при анализе программ, выдвигаемых Шёнперером в 1879—1882 гг., мы вернемся еще к этому вопросу; Молиш отмечал, что если в конце 70-х годов Шёнперер выступал за всеобщее избирательное право, но задумываясь над тем, какой ущерб это может принести национальным интересам немцев, то в 1906 г. он именно по этим причинам выступил против всеобщего избирательного права. Молиш подчеркивает, что Шёнперер всегда связывал это требование с выделением Галиции, Буковины и Далмации из Цислейтания (Р. Molisch. Указ. соч., стр. 107—108); об этом же говорит Гервиг (Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 129); истинные причины, заставившие «демократа» Шёнперера прибегать к столь решительным мерам, раскрывает опять тот же Гервиг, утверждающий, что Шёнперер стоял за всеобщее избирательное право потому, что хотел привлечь к политической жизни широкие слои населения и тем самым сломить господство либералов в рейхсрате (Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 146—147; см. также: Hantsch. Указ. соч., стр. 443; M. Eggers. Victor Adler. Aufstieg und Grösse einer socialistischen Partei. Wien—Leipzig, 1932, S. 103).

⁶³ Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 27—29 (Речь в рейхсрате 5 декабря 1876 г.); там же, стр. 34 (Речь в рейхсрате 7 сентября 1877 г.); там же, стр. 70 (Речь Шёнперера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутенau 26 февраля 1882 г.); там же, стр. 80 (Речь в рейхсрате 28 февраля 1882 г.).

⁶⁴ Ниже, говоря о национально-политических взглядах Шёнперера, мы подробно остановимся на мотивах, побуждавших сторонника милитаристской Германии Шёнперера выступать якобы по фискальным мотивам за снижение численного состава австро-венгерской армии. См.: Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 35 (Речь в рейхсрате 7 сентября 1877 г.); там же, стр. 15 (Речь в рейхсрате 9 декабря 1875 г.); там же, стр. 27—28, 31 (Речь в рейхсрате 5 декабря 1876 г.); Негвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 33.

⁶⁵ Негвиг. Указ. соч., т. 3, стр. 21 (Речь Шёнперера в рейхсрате 21 февраля 1876 г.); там же, стр. 25—26, 31 (Речь в рейхсрате 5 декабря

требования не должны скрывать от нас истинное лицо Георга фон Шёнерера, создателя одного из самых реакционных течений в общественно-политической жизни габсбургской монархии — австрийского пангерманизма.

Фукс указывает, что немецкие националисты не смогли бы добиться успеха, если бы они свои реакционные лозунги не смешивали с другими, которые сами по себе были прогрессивны⁶⁶.

Шёнерер реакционен в решении социально-экономических вопросов. Все его действия направлены на то, чтобы затормозить закономерный процесс развития капиталистического общества, и уже поэтому они заранее обречены на неудачу.

Вполне понятно, что для Шёнерера образцом проведения социальной политики была социальная политика Бисмарка.

Интересно, что это подметил корреспондент «Голоса», когда писал: «Фракция „vasилька“ (Kornblume), вождем которой считается бессмертный Шёнерер, сильно увлекающийся заграницными братьями и особенно свободой и радикализмом Бисмарка...»⁶⁷

Шёнерер все время настойчиво рекомендует австрийскому правительству действовать в этом отношении по примеру Германии. Он указывает, опять-таки ссылаясь на «железного» канцлера, что одними репрессиями не побороть революционное движение, что нужно в какой-то степени пойти на удовлетворение «закопных» требований рабочего класса и тем самым отвести пролетариат от революции⁶⁸.

Следует также подчеркнуть, что в своей реформаторской деятельности Шёнерер и в Австрии совершил не оригинален. В это время среди господствующих классов появляются деятели, которые сохранение и укрепление существующего буржуазного строя видели в консервации старого, которые хотели всевозможными реформами приостановить рост классовых противоречий, затормозить закономерный процесс развития капиталистического общества и тем самым препятствовать рождению нового строя.

В той же габсбургской монархии феодально-клерикальные круги, поддерживаемые правительством, взялись за дело и явились

1876 г.); Н е r w i g . Указ. соч., т. 1, стр. 33; Е. Z ö l l n e g . Указ. соч., стр. 420.

⁶⁶ А. F u c h s . Указ. соч., стр. 174.

⁶⁷ «Голос», 14 (26) августа 1882 г. Заграницные корреспонденции. Вена, 7 августа (корреспонденция «Голоса»).

⁶⁸ Шёнерер указывает, что Бисмарк считал недостаточными одни только полицейские меры в борьбе с рабочим движением. — Н е r w i g . Указ. соч., т. 3, стр. 73 (Речь Шёнерера на учредительном собрании Политического союза ремесленников в Траутене 26 февраля 1882 г.); в своей речи в рейхсрете 19 января 1883 г. Шёнерер предлагает законодательным путем провести ряд мер, улучшающих положение рабочего класса, указывая, что это надо провести, пока еще не поздно и рабочие не осуществили их сами, с боем, ... «тогда легко могла бы вспыхнуть борьба, грознее и опустошительнее которой в Европе еще никогда не было» (там же, стр. 117).

инспириаторами клерикально-социального движения⁶⁹. Выходец из Пруссии, редактор консервативного журнала «Der Vaterland» барон Карл фон Фогельзанг предложил ряд реформ, целью которых должно было быть укрепление среднего сословия в городе и крестьянства в деревне, которые, как пишет Цёльпер, не могли многое ожидать от либералов и были очень преданы католичеству⁷⁰.

Примерно в то же время и в том же духе большую активность проявляли депутаты рейхсрата католические «демократы» принципы Алоис и Альфред Лихтенштейны⁷¹.

Напомним, пакоpec, что и консервативное правительство Тааффе в 80-х годах также предприняло определенные шаги в этом направлении⁷². Но когда куцые реформы, кстати, очень напоминающие социальные требования лидера австрийских пангерманистов, не помогли, Тааффе по примеру своего германского соседа перешел к репрессиям.

Интересные сведения, очень метко схваченные, мы находим опять-таки в сообщениях корреспондента «Голоса». Когда в декабре 1882 г. депутаты немецкой оппозиции — либералы передали в рейхсрат проект социально-экономических реформ, сходных, заметим, с проектами Шёнпера, то министр финансов Дунаевский объявил, что и правительство намерено в эту сессию предложить рейхсрату ряд законопроектов. «Все это показывает, — замечает корреспондент, — как каждая партия желает получить „пальму первенства“ по части предложения экономических проектов, зная, конечно, что такими предложениями можно много выиграть у избирателей»⁷³.

⁶⁹ Интересную, естественно, положительную характеристику этому движению мы находим в воспоминаниях Фридриха Фунпера, цитированного выше (F. Fundeг. Указ. соч., стр. 92—93; «Přehled československých dějin», str. 633).

⁷⁰ Великим пионером христианско-социальных реформ в Австрии называет Фогельзанга Фундер (F. Fundeг. Указ. соч., стр. 92, 94—95; E. Zöllner. Указ. соч., стр. 417—418).

⁷¹ С большим уважением и одобрением отзывается о деятельности А. Лихтенштейна Фундер (F. Fundeг. Указ. соч., стр. 95, 106—107); Лихтенштейну уделяется внимание и в газете «Голос». — «Голос», 17 (29) декабря 1882 г. Заграничные корреспонденции. Вена, 22 декабря (корреспонденция «Голоса»). Передавая речь Лихтенштейна в рейхсрате о необходимости социальных реформ, корреспондент замечает: «... сказаны ли эти слова искренне или нет — это безразлично. Самый факт произнесения их достаточно характеризует настроение, господствующее в настоящее время на Западе по поводу „социального вопроса“...»

⁷² Анализируя национальную политику Тааффе, Цёльпер указывает, что относительно более успешной была его консервативно-реформаторская социальная деятельность, хотя, добавляет Цёльпер, и она была довольно ограниченней (E. Zöllner. Указ. соч., стр. 425; H. Hantsch. Указ. соч., стр. 447—449).

⁷³ «Голос», 2 (14) декабря 1882 г. Заграничные известия. Вена, 6 декабря (корреспонденция «Голоса»).

Таким образом, для тогдашних «реформаторов» — представителей господствующих классов — такая «социальная» политика была настоящей социальной демагогией, и отличались они друг от друга только степенью активности, умением и методами пропаганды.

Надо подчеркнуть, что энергичная деятельность Шёнерера в этом направлении принесла плоды: ему удалось привлечь на свою сторону определенные круги крестьянства⁷⁴, ремесленников⁷⁵, мелкой городской буржуазии и, конечно, части интеллигенции. Напомним, какими активными сторонниками Шёнерера были шовинистически настроенные немецкие студенты Вены и других городов Австрии.

Вопрос о распространении пангерманизма среди крупной и средней немецкой буржуазии Австрии очень сложен. Надо заметить, что в рассматриваемый в настоящей работе отрезок времени пангерманисты-шёнерианцы не были, очевидно, популярны среди этих групп буржуазии. Они могли найти поддержку среди той части буржуазии Австрии, которая в силу ряда причин не страдала от германской конкуренции и которой поэтому крики пангерманцев о Великой Германии не так резали слух.

Влияние Шёнерера и других пангерманистов на немецкий пролетариат Австрии было незначительным.

На бурную деятельность, развитую Шёнерером среди пролетариата Вены, указывают корреспонденты русских газет. Они подчеркивают, что Шёнерер был инициатором созыва ряда собраний рабочих, которым он хотел придать ярко выраженный антисемитский и античешский характер⁷⁶; он стремился путем разжигания национальной розни расколоть австрийский пролетариат, шовинистическими посулами привлечь какую-то часть рабочих на свою сторону. Корреспондент «Голоса» не перестает утверждать, что Шёнереру не удалось посеять рознь между рабочими различных национальностей: немцами, евреями и чехами. Корреспон-

⁷⁴ Не случайно во всех выступлениях Шёнерера и в его газете «Unverfälschte Deutsche Worte» вопросу о положении крестьянства, этой «копории немецкой нации», уделено очень много внимания.

⁷⁵ Шнее указывает на тесные связи Шёнерера с существовавшей тогда группой «Gewerbliche Reformen», один из основателей которой, Шпейдер, организовал в 1882 г. «Österreichischer Reformverein», который стал центром немецких ремесленников Австрии. К этому Ферейпу принадлежал также и Шёнерер (H. Schnee. Die politische Entwicklung..., S. 69—70, 72; H. Nantsch. Указ. соч., стр. 421; P. Molisch. Указ. соч., стр. 143).

⁷⁶ В корреспонденциях из Вены, напечатанных в «Русских ведомостях», говорится о росте антисемитизма в Австрии, запечатленного туда, по мнению корреспондента, из Германии; во главе этого движения в Австрии стоит Шёнерер. Корреспондент отмечает непопулярность антисемитов среди рабочих. — «Русские ведомости», 10 (22) апреля 1882 г. Иностранные известия. Из Вены, 4 апреля (от нашего корреспондента).

дент цитирует выступление одного рабочего, сказавшего, что Шёнерер, Фюрнкрапп и другие ультра-немцы перед собранием раздавали деньги, чтобы привлечь рабочих на свою сторону⁷⁷.

По поводу одного из собраний, организованных Шёнерером (апрель 1882 г.), корреспондент пишет: «рабочие классы не только стояли вдали от этих собраний, но самим резким образом осуждали антисемитских агитаторов, объявленных ими врагами рабочих интересов . . . мы знаем, — говорили они (рабочие.— *H. P.*), — одну только разницу — работающих членов общества и лентяев: работающих, будь они немцами, чехами, семитами и т. д., мы глубоко уважаем и считаем своими братьями; лентяев — презираем, если они даже наши соплеменники или родные»⁷⁸.

Однако среди мелкобуржуазных слоев немецкого населения социальная демагогия Шёнерера нашла определенный отклик и дала ему возможность вне рейхсрата (в рейхсрате, как мы указывали выше, он влиянием тогда не пользовался) не только привлечь к себе внимание общественности, но и сблизиться с рядом прогрессивных политических деятелей. В результате в глазах широкой публики Шёнерер и его единомышленники прослыли в то время демократами, фронтирующими как против магнатов капитала, так и против правительства⁷⁹.

А то обстоятельство, что французом и «демократом» оказался фон Шёнерер, крупный помещик, обладатель большого состояния⁸⁰, делало его фигуру особо колоритной и тем самым привлекательной для неискушенного простого избирателя.

Очень удачно охарактеризовал истинную сущность шёнерянской агитации современник Шёнерера Венграф, когда писал, что Шёнерер уверяет крестьян и ремесленников, будто все их неудачи происходят от существующего в Австрии законодательства,

⁷⁷ «Голос», 14 (26) апреля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 18 апреля (корреспонденция «Голоса»).

⁷⁸ «Голос», 9 (21) апреля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 14 апреля (корреспонденция «Голоса»).

⁷⁹ Интересно, что и для враждебно настроенного в отношении Шёнерера австрийского консервативного историка Г. Ханча Шёнерер, Фюрнкрапп — это демократическое крыло немецких либералов (Н. Нантсх. Указ. соч., стр. 444—445); Фукс указывает, что особый характер демагогии шёнерянцев приблизил их к культурным и приличным людям (А. Фихс. Указ. соч., стр. 175); «оригинальным демократом нашего рейхсрата» называет Шёнерера корреспондент газеты «Голос» («Голос», 8 (20) января 1881 г. Заграничные известия. Вена, 14 января).

⁸⁰ Как враги, так и друзья всегда подчеркивают богатство Шёнерера, дававшее ему, мол, возможность действовать, как ему заблагорассудится, ни с кем не считаясь, что часто имело отрицательные последствия как для него самого, так и для проводимой им политики. Шёнерер имел возможность издавать свою газету, поддерживать нужные ему общества, подкармливать своих сторонников и т. п. Он сам неоднократно подчеркивал свою полную материальную независимость.

и сулит своим слушателям золотые горы, если законодательство перейдет к нему в руки. Его сторонникам, замечает Венграф, приятно слушать миллионера, который выступает против миллионеров⁸¹.

Социальная демагогия Шёнерера служила опорой его национальной программы, истинного содержания всей его общественно-политической деятельности, направленной к утверждению немецкого господства в многонациональной Габсбургской монархии.

Те слои немецкого населения (речь идет прежде всего о крестьянстве, ремесленниках, мелкобуржуазной интеллигенции), к которым апеллируют Шёнерер и его сторонники, должны стать, по мнению шёперианцев, истинными посителями немецкого духа, оплотом немецкой нации, самой судьбой призванной господствовать над остальными.

Национально-политические взгляды Шёнерера (до конца 70-х годов XIX в.)

Мы уже указывали выше, что в конце 60-х—начале 70-х годов великолепные шовинистические взгляды получили распространение только среди небольшой части немецкого студенчества и интеллигенции Австрии. Но тогда это движение еще не пустило глубоких корней, у власти продолжительное время стояли немецкие либералы (правительство, возглавляемое князем Адольфом Ауэрспергом, существовало с 1871 по 1878 г.), и, казалось, особых причин для «беспокойств» у австрийских немцев не было. Неоднократно цитируемый нами Молиш пишет, что политическая жизнь в Австрии в те годы отличалась затишьем⁸².

Не случайно, что в первые годы своей депутатской деятельности Шёнерер в основном уделял внимание различным социально-экономическим вопросам; национальные требования прозвучат у Шёнерера особенно резко во второй половине 70-х годов.

Можно сказать, что с 1848 г. вплоть до распада Австро-Венгрии вопросы преобразования государственного строя Габсбургской монархии занимали умы многих общественно-политических деятелей. Причем в основном эти проекты излагались с двух диаметрально противоположных точек зрения: с федералистской и централистской. За федералистское переустройство, естественно, стояли славяне и та группа немецких помещиков-консерваторов

⁸¹ R: Wengraf. St. Georg von Zwettl. Wien, 1897, S. 45. Венграф — автор брошюры с таким издательским заголовком, немецкий шовинист шёперианского толка, резко отрицательно относится к главе австрийских пангерманистов.

⁸² P. Molisch. Указ. соч., стр. 92; того же мнения придерживается и Фукс (A. Fuchs. Указ. соч., стр. 176).

и клерикалов⁸³, которая считала нужной для укрепления государства Габсбургов консолидацию господствующих классов всех национальностей монархии. За централизацию были немецкие либералы — помещики и буржуазия, — которые видели в ней гарантию укрепления своего господствующего положения. Централизаторскую политику они считали лучшим средством для подавления национально-освободительного движения других народов монархии. Мы уже говорили, что ради сохранения своего господства в централизованной немецкой Австрии австрийские немцы пошли в 1867 г. на дуалистическое переустройство монархии.

Но и эта централизованная Цислейтания⁸⁴ казалась националистически настроенным немцам очень плохим государственным организмом, главным недостатком которого было то, что господствующее положение австрийских немцев как нации не было достаточно укреплено (например, не был узаконен немецкий язык как государственный язык страны)⁸⁵.

Мы уже говорили о том, что с конца 60-х годов начинают выкристаллизовываться планы немецких националистов в отношении будущего переустройства Австрии.

Молиш указывает, что после неудачного эксперимента Гогенварта в 1871 г. (попытки правительства договориться с господствующими классами чешской национальности вызвали, как мы уже говорили, волну немецкого шовинизма в чешских землях) сфера деятельности немецких националистов расширилась: из собственно Австрии она распространилась в «немецкие» области Чехии⁸⁶ (так все австрийские немцы называли те районы Чехии,

⁸³ Немцы-клерикалы имели большое влияние в Тироле, Штирии и Верхней Австрии. Хапч замечает, что эти группы были особенно сильны в Тироле, где немецкое либерально настроенное дворянство и буржуазия были относительно слабы (Н. Hantsch. Указ. соч., стр. 407; Е. Zölpelg. Указ. соч., стр. 417).

⁸⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что до 1915 г. для Цислейтании вообще не было твердо установленного названия. Официально она называлась «представленные в рейхсрате королевства и земли», которые обычно называли Австрией. После 1915 г. появилось официальное название «Австрия» (Н. Hantsch. Указ. соч., стр. 400).

⁸⁵ Молиш пишет, что либералы в то время, когда были у власти, не «зашитили» интересы австрийских немцев, особенно немцев Чехии (Р. Molisch. Указ. соч., стр. 82—83). Либералы упустили возможность, замечает Бахман, укрепить политическое и языково-правовое превосходство немцев в тогдашней Австрии. У этой паннациональной партии отсутствовало, мол, понимание паннационализма. Бахман в противоположность очень распространенной среди немецких шовинистов формуле «защиты», к которой любили прибегать все немецкие шовинисты Австрии, от крайних до умеренных, не стеснялся называть вещи своими именами (Н. Bachmann. Die deutschen Parteien in Böhmen vor 1914. — «Der Donauraum», 1963, № 4, S. 217).

⁸⁶ Молиш разбирает течения в немецкой либеральной партии, в основном останавливаясь на немецких либералах в Чехии. Он говорит о деятель-

в которых немцы составляли большинство), где среди немецких либералов стали слышны резко выраженные шовинистические голоса.

Шённерер, как и другие немецкие националисты в 70-х годах, продолжает и развивает в общем положения, выдвинутые Штрогалем и Криклем. Он и ряд других депутатов, которым политика немецкого либерального правительства Ауэрсперга казалась «недостаточно национальной», стремились в рамках либеральной фракции рейхсрата — в «Прогрессивном клубе» — склонить ядро, как они выражались, национально мыслящих людей⁸⁷.

Надо отметить, что Шённерера в общем-то отличали тогда от прочих немецких шовинистов больше всего резкость формулировок и та настойчивость, с которой он всегда и везде пропагандировал свои взгляды.

В выступлениях Шённерера совершенно отчетливо звучат два положения: отрицание дуализма, т. е. австро-венгерского соглашения 1867 г., и ярко выраженная, пичем не замаскированная прогерманская и прогогенцоллерповская ориентация.

Австро-венгерское соглашение, по его мнению, не оправдало себя ни в политическом, ни в экономическом отношении. Оно не помогло немецким господствующим классам Австрии в борьбе с национально-освободительным движением славянских народов, что было, помимо умиротворения венгерских господствующих классов, одной из основных задач соглашения. Немецкие господствующие классы не смогли так консолидировать свои силы в самой Австрии, как это сделали помещики Венгрии. Поэтому, говорил Шённерер, Австрия и Венгрия должны стать самостоятельными государствами, связанными только личной унией. А пока это не осуществлено, Шённерер требует отмены парламентских делегаций; общие вопросы, касающиеся всей монархии, должны решать парламенты обеих стран, что, без сомнения, поднимет авторитет этого органа⁸⁸.

Свои предложения Шённерер мотивирует и экономическими причинами: крайней невыгодностью в этом отношении соглашения 1867 г. (распределение квот для покрытия общих расходов слишком обременительно для Австрии, невыгодны торговый и та-

ности «молодых» Пиккерта и Кнолля, которые в отличие от «старых» — Шмейкаля и Гербста — делали ударение на национальных требованиях. «Молодые» не выработали своей особой программы (Р. Molisch. Указ. соч., стр. 82—84, 86); раскол либералов на «молодых» и «старых» начался с 1873 г. («Přehled československých dějin», str. 434).

⁸⁷ Р. Molisch. Указ. соч., стр. 87.

⁸⁸ Negwigg. Указ. соч., т. 3, стр. 31 (Речь Шённерера в рейхсрате 5 декабря 1876 г.); там же, стр. 40 (Речь 7 сентября 1877 г.); там же, стр. 41 (Речь 7 марта 1878 г.).

моженны́й договоры, каждые 10 лет подлежащие возобновлению и т. п.)⁸⁹.

Шёперер подчеркивает также, что в политическом отношении независимость от Венгрии даст Австрии возможность вступить в более тесные отношения с Германией⁹⁰.

Мы не будем в настоящей статье останавливаться на характеристики австро-венгерского соглашения 1867 г.

Заключая его, немецкие господствующие классы монархии стремились укрепить свое господство над славянскими народами, если уже не во всей Австрийской монархии, то по крайней мере в Цислейтании⁹¹.

Это хорошо́ понимала русская пресса того времени⁹².

Выступления Шёперера против дуализма не встречали, как мы говорили, одобрения либерального большинства рейхсрата. Но что резко отличало Шёперера не только от либералов, но и от остальных немецких шовинистов Австрии, это, прежде всего, ничем не прикрываемое преклонение перед бисмарковской Германией, как мягко выражается Молиш, «его прусско-гогенцоллерновские симпатии»⁹³.

Эти прусско-гогенцоллерновские «симпатии», очевидно, очень бросались в глаза современникам, так как журналисты в своих корреспонденциях не перестают подчеркивать восхищение Шёперера Германией. Они называют Шёперера «более прусским, чем

⁸⁹ Гервиг приводит выдержки из выступления Шёперера 13 сентября 1875 г. на собрании в Цвилле, в котором он подчеркивает обременительность в финансовых отношениях соглашения 1867 г. для Австрии (Н е г в і г. Указ. соч., т. 2, стр. 388); там же, стр. 389—390 (Выдержки из выступления Шёперера 25 марта 1876 г. в Цвилле); надо отметить, что в общем все авторы подчеркивают невыгодность в экономическом отношении соглашения 1867 г. для Цислейтании. См.: Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. 2. 1860—1879. Praha, 1933, str. 379; Н. В е н е д і к т. Monarchie der Gegensätze..., S. 176; Е. Z ö l l n e g. Указ. соч., стр. 420; Н. Н а n t s c h. Указ. соч., стр. 399—400, 402—403; резко отрицательную оценку договора дают немецко-националистически настроенные авторы. См.: Р. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 93; G. В е г к а. Указ. соч., стр. 7.

⁹⁰ Н е г в і г. Указ. соч., т. 3, стр. 31 (Речь Шёперера в рейхсрате 5 декабря 1876 г.). Шёперер особо подчеркивает необходимость тесного экономического союза с Германией.

⁹¹ «Přehled československých dějin», str. 245.

⁹² Очень интересную характеристику дуалистической системы мы находим в издаваемом И. Аксаковым журнале «Русь» с ярко выраженной славянофильской направленностью. «. . . Это две половины, да еще плохо слаженные между собой, две народности: немецкая и мадьярская — меньшинство, распоряжающееся судьбой остальных народностей, из которых племена славянские — более или менее политически бесправные — одни составляют большинство всего населения империи. Все искусство австрийских государственных людей состоит в политической эквилибристике, в сохранении равновесия между отдельными тяготами. Государственная комбинация Австрии — это постоянное уравновешивание междуусобие народностей» («Русь», 30 января 1882 г., № 5, стр. 3).

⁹³ Р. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 91.

австрийским немцем⁹⁴, «пруссаком, . . . боготворящим публично Пруссию»⁹⁵ и т. д.

После 1871 г., понимая, что теперь ни о каком реванше не может быть и речи, господствующие классы австрийских немцев считали, что как внешнеполитическому, так и внутриполитическому положению Австро-Венгрии больше всего соответствует союз с Германией. Немецкие либералы не забывали, что во время Гогенварта (1871 г.) вмешательство Бисмарка было не последним фактором, обусловившим провал «фундаментальных статей» и победу немцев-либералов.

Во внешнеполитическом отношении, если австрийское правительство теперь и могло думать об активной внешней политике, то эта активность могла направляться только на Балканы, где сталкивались интересы Австро-Венгрии, России и Англии и где опять-таки помочь Германии была очень желательной⁹⁶.

Если к этому добавить, что и Бисмарк даже в 1866 г., памятуя о своих западном и восточном соседях — Франции и России, не переставал думать об Австрии как о потенциальном союзнике Германии, то договор между Австро-Венгрией и Германией, заключенный 9 октября 1879 г., был вполне закономерен.

В вопросе о союзе с Германией были согласны все течения немецких господствующих классов Австрии, начиная консерваторами и кончая либералами и немецкими шовинистами.

Но каждая политическая фракция понимала этот союз по-своему.

Если немецких консерваторов и либералов в общем удовлетворял договор 1879 г., то немецкие шовинисты, главным образом пангерманисты,шли значительно дальше.

Шёперер во всех своих выступлениях не перестает подчеркивать необходимость такого союза, который (соответственно оформ-

⁹⁴ «Голос», 9 (21) января 1883 г. Заграпичные известия. Вена, 17 января (корреспонденция «Голоса»).

⁹⁵ «Голос», 12 (24) апреля 1882 г. Заграпичные известия. Вена, 9 апреля (корреспонденция «Голоса»).

⁹⁶ Аандраш решительно повернулся в сторону сближения с Германией; он очень боялся усилившегося влияния России на Балканах (Е. Zöllner. Указ. соч., стр. 420); Фукс верно оценивает сущность союза, его значение для Австро-Венгрии, когда он, правда, говоря о несколько более позднем времени, пишет, что союз и балканская политика вполне отвечали планам финансового капитала (А. Fuchs. Указ. соч., стр. 167—169). Ченская буржуазия поддерживала захватническую политику Австрии на Балканах, идя против интересов южных славян («Přehled československých dějin», str. 440; там же, стр. 483; Н. Наптсл. Указ. соч., стр. 425—427). Интересно замечание корреспондента «Голоса»: «. . . Недаром, а, без сомнения, с затаенной целью Бисмарк дал с 1878 года всей политике Австрии восточное направление и открыл ей путь на восток, где, по его расчету, неминуемо должны враждебно столкнуться друг с другом совершенно противоположные интересы Австрии и России. . .» — «Голос», 21 декабря 1882 г. (2 января 1883) Заграпичные известия. Загреб, 24 декабря (корреспонденция «Голоса»); «Голос» 23 января (4 февраля) 1882 г.

ленный) должны были привести к тесному объединению обеих стран. Шёперер говорит о государственно-правовом оформлении его, очевидно, подразумевая под этим не только ратификацию такого союза парламентами обеих стран, но и включение его в конституции Австро-Венгрии и Германии⁹⁷.

Причем Шёперер настаивает на необходимости укрепления экономических связей обоих государств, в первую очередь подписания таможенного союза.

Вопрос о таможенной унионе между Германией и Австрией не нов. Он был выдвинут еще в 50-х годах и с тех пор не сходил с повестки дня, будучи предметом самых ярых дискуссий. Пангерманисты, как имперские, так и австрийские, всегда уделяли этой проблеме очень большое внимание, делая ее основой своих планов создания «Срединной Европы»⁹⁸.

Таким образом, и в этом Шёперер и его единомышленники не оригинальны. Но они требовали проведения такой экономической политики, которая, как говорил Шёнерер, в конечном итоге «должна подготовить торгово-политическое слияние обоих государств»⁹⁹.

⁹⁷ См. его речи в австрийском рейхсрате, опубликованные в третьем томе работы Гервига (H e g w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 31, 41, 59, 60, 66, 76); в статьях в центральном органе пангерманистов «Alldeutsche Blätter», посвященных этому вопросу, все время говорится о заключении такого договора, который был бы включен в конституции обеих стран. — «Alldeutsch Blätter» (в дальнейшем — АВ.—H. P.), 1900, № 25, S. 247; то же мы находим в газете Шёперера «Unverfälschte Deutsche Worte», 1899, № 22, S. 261; примерно такого же оформления хотел и Бисмарк, но не смог преодолеть противодействия со стороны Андрами (E. Z ö l l n e r. Указ. соч., стр. 422; R. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 93).

⁹⁸ В этом отношении представляет интерес статья одного из идеологов пангерманизма, председателя Пангерманского союза Э. Гассе. См.: E. H a s s e. Das deutsche Reich und die österreichische Verkehrspolitik. АВ, 1900, № 21, S. 202; см. также: АВ, 1900, № 25, S. 247; АВ, 1901, № 15, S. 181—182; АВ, 1901, № 30, S. 364.

⁹⁹ H e g w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 66 (Речь Шёперера 6 апреля 1880 г. в рейхсрате); там же, стр. 31 (Речь Шёперера в рейхсрате 5 декабря 1876 г.); Гервиг очень высоко отзываеться о выступлениях Шёперера в связи с проектами таможенного союза, указывая, что ничто так не объединяет, как общность материальных интересов (H e g w i g. Указ. соч., т. 2, стр. 399—400); в большой речи, произнесенной в июне 1882 г. в Вроцлаве, Шёперер горячо ратовал за создание такого соглашения. См.: H e g w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 92—102.

Заграничный корреспондент русской газеты «Голос», вообще отрицательно относившийся к Шёпереру, писал в связи с его речью в Вроцлаве: «Известный богослов Бисмарка полуумный Шёнерер...» — «Голос», 11 (23) июня 1882 г. Заграничные известия. Прага, 17 июня (корреспонденция «Голоса»); «... эти возгласы Шёнерера, осужденные почти единогласно даже немецкой печатью в Австрии...» — «Голос», 10 (22) июля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 17 июля (корреспонденция «Голоса»); «Голос», 9(21) января 1883 г. Заграничные известия. Вена, 17 января (корреспонденция «Голоса»).

Понятно, что такие планы соответствовали экономическим интересам далеко не всех фракций австрийских господствующих классов¹⁰⁰.

Шёнерианцы, указывает Молиш, в дальнейшем (речь идет о начале XX в.) перестали придавать значение австро-германскому договору, считая, что он даже является тормозом для теснейшего сближения обеих стран¹⁰¹.

Шёнерер делал из союза с Германией еще один вывод, который также не способствовал его популярности среди австрийских господствующих классов: он считал, что наличие такого союза дает, мол, возможность Австрии отказаться от положения великой державы, положения, которое в силу ряда причин, прежде всего по финансовым соображениям, ей просто не под силу.

9 декабря 1875 г. Шёнерер, выступая в рейхсрате, заявляет: «Австрийское государство не хочет отказаться от желания быть великой державой, и это приведет к очень печальным результатам в будущем... Если отказаться от положения великой державы, если прийти к необходимости уменьшения расходов по армии, если отказаться от дуализма и изменить военный закон, — тогда будут необходимые суммы для покрытия расходов, нужных для пародного хозяйства...»¹⁰² 5 декабря 1876 г. он снова призывает в парламенте отказаться от роли великой державы¹⁰³. Он все время ратует за сокращение численного состава армии¹⁰⁴.

Не подлежит сомнению, что подобные выступления «демократа» Шёнерера пужны были последнему для увеличения его популярности среди трудового немецкого населения Австрии. Но основное заключалось не в этом.

Ратуя за ослабление военной мощи и без того слабой монархии, Шёнерер по существу намечал путь превращения Австрии в придаток Германской империи. Естественно, что его заявления по

¹⁰⁰ Заключение таможенного союза было невыгодно австрийской промышленности, которая была слабее германской (H. В e n e d i k t. Monarchie der Gegensätze..., S. 172); о ж е. Der deutsche Zollverein und Österreich. «Der Donauraum», 1961, № 1); австрийские промышленники были в основном против таможенной униони. Она интересовала только аграриев и те круги австрийских промышленников, которые были связаны с германскими рынками сбыта (H. Gross. Mitteleuropäische Handelspolitik 1890—1938 und der Donauraum. «Der Donauraum», 1962, № 2—3, S. 103).

¹⁰¹ P. Molisch. Указ. соч., стр. 104; там же, стр. 105. В отличие от пангерманистов остальные группировки немецких шовинистов Австрии стояли (речь идет о последних десятилетиях 80—90-х годов) за сотрудничество с правительством на базе договора 1879 г. Выработанная Шёнерером в 1906 г. новая программа «Alldeutscher Zukunftsprogramm» исходит именно из того, что австро-германский договор 1879 г. только задерживает подготовку аншлюса, к которому он уже тогда открыто стремился (A. K u s c h. Указ. соч., стр. 112).

¹⁰² Н е г w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 15.

¹⁰³ Там же, стр. 31.

¹⁰⁴ Там же, стр. 28 (Речь в рейхсрате 5 декабря 1876 г.); там же, стр. 51 (Речь в рейхсрате 5 декабря 1879 г.).

этому вопросу воспринимались без всякого восторга не только правительством, придворными кругами и императором, но и большинством немецких господствующих классов Австрии. «Австро-Венгрия не хотела в этом союзе играть подчиненную и жалкую роль», — пишет чешский историк Тоболка¹⁰⁵.

С другой стороны, уменьшение военных расходов Австро-Венгрии было не по душе и Бисмарку, чего не учитывал пруссофил Георг Шёнерер, вызывая неудовольствие великого канцлера¹⁰⁶.

В 70-е годы Шёнерер еще не выступает открыто антигабсбургски, но свое беспредельное преклонение перед Германией, Гогенцоллернами и Бисмарком он и не думает скрывать¹⁰⁷.

Его кульп «железного» канцлера был заметен всем. Недаром корреспондент «Русских ведомостей» писал из Вены: «... известный политический деятель г. Шёнерер, обожающий князя Бисмарка до умопомрачения. Его бисмаркования имела следствием, что теперь от него отворачиваются все немцы, между тем как он в прежние годы был здесь довольно популярен»¹⁰⁸.

Почти в каждом выступлении Шёнерера проводится одна и та же мысль: не озлобляйте австрийских немцев, не заставляйте их с завистью смотреть на единоплеменную Германию¹⁰⁹, не проводите такую политику, которая неминуемо толкает австрийских немцев в объятия Германии.

5 декабря 1876 г. Шёнерер заявляет в рейхсрете: «Мы, австрий-

¹⁰⁵ Z. T o b o l k a. Указ. соч., стр. 381.

¹⁰⁶ Интересно, что когда в 1882 г. Бисмарк в рейхстаге очень резко отозвался об австрийских либералах, то корреспондент «Московских ведомостей» объяснял это тем, что он, Бисмарк, стоял в 1879 г. за увеличение австрийской армии, либералы же, возглавляемые Гербстом, были против, чего Бисмарк не мог им забыть. — «Московские ведомости», 9 июня (ст. ст.) 1882. Последняя почта, Австро-Венгрия; то же указывает корреспондент газеты «Голос». — «Голос», 28 июня (10 июля) 1882 г. Заграничные известия. Вена, 3 июля (корреспонденция «Голоса»); Цёлльпер пишет, что немецкие националисты, возглавляемые Шёнерером, «не находили ответной любви у своего идола Бисмарка, политику которого они прославляли, но не совсем правильно понимали, так как он существование Дунайской монархии считал необходимой предпосылкой для безопасности Германии и для немецкого влияния в Юго-Восточной и Центральной Европе» (E. Zöllner. Указ. соч., стр. 427); останавливаясь на отношении Шёнерера к Германии и Бисмарку, Фукс говорит «... о полнейшей бестолковости Шёнерера в отношении внешней политики Германской империи» (A. Fuchs. Указ. соч., стр. 184).

¹⁰⁷ «Его Папгермания должна была быть империей Гогенцоллернов», — пишет Шнее (H. Schnee. Georg Ritter..., S. 20).

¹⁰⁸ «Русские ведомости», 10 (22) апреля 1882 г. Иностранные известия. Из Вены, 4 апреля (от нашего корреспондента). Это же подчеркивает корреспондент «Голоса», который пишет «... о депутате Шёнерере, боготворящем публично Пруссию, ненавидящем Австрию...». См.: «Голос», 12 (24) апреля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 9 апреля (корреспонденция «Голоса»).

¹⁰⁹ См., например, речь Шёнерера в рейхсрете 7 сентября 1877 г. (Негринг. Указ. соч., т. 3, стр. 35).

ские немцы, никогда не должны упускать из вида, что нашей целью является воссоединение (*Wiedervereinigung*) — это означает теснейший союз с Германией!»¹¹⁰

Наконец, в одной из своих речей он бросил фразу, что положение в стране таково, что все чаще и чаще раздается в немецких частях Австрии вопль: «если бы мы уже принадлежали к Германской империи»¹¹¹.

Эта фраза падала много шума не только в стране, но и за ее пределами. Она была, как признает Молиш, поддержанна очень незначительной частью немецкой общественности Австрии: главным образом венскими студентами и людьми, близкими к кружку Крикля¹¹². В рейхсрат посыпались протесты австрийских немцев; обращает на себя внимание тот факт, что большинство протестов исходило из немецких областей чешских земель, тогда оплота либералов¹¹³.

Эту фразу заметили и русские корреспонденты в Вене. Корреспондент «Голоса» в нескольких сообщениях так ее комментировал: он считал, что она вызвала столько протестов потому, что австрийские немцы очень враждебны пруссакам и Гогенцоллернам¹¹⁴.

А берлинский корреспондент «Голоса» пишет: «Все берлинские газеты в насмешливом тоне отвергают всякую мысль о таком присоединении»¹¹⁵.

Эта явно выраженная прогерманская направленность выступлений Шёнпера, уже отчетливо проявляющаяся в 70-х годах — в начале его политической деятельности, — объясняет не только резко отрицательное отношение к Шёнперу династии, правительства, большинства проавстрийски настроенных либералов¹¹⁶, но и недовольство даже небольшой тогда группы немецких

¹¹⁰ Там же, стр. 31; там же, стр. 24 (Речь в рейхсрате 21 февраля 1876 г.); там же, стр. 66—67 (Речь в рейхсрате 6 апреля 1880 г.).

¹¹¹ Речь в рейхсрате 18 декабря 1878 г. (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 46).

¹¹² P. Molisch. Указ. соч., стр. 97.

¹¹³ Там же; об этом упоминает и сам Шёнперер в своих речах 26 и 28 февраля 1882 г., указывая, что его речь от 18 декабря 1878 г. вызвала громадное количество протестов, в частности из немецких общин Чехии, преданных государству и династии (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 70, 83).

¹¹⁴ «Голос», 20 декабря 1878 (1 января 1879). Заграпичные известия. Вена, 27 декабря (корреспонденция «Голоса»); о протестах, присланных в министерство и газеты в связи с речью Шёнпера, см. также: «Голос», 29 декабря 1878 (10 января 1879 г.). Заграпичные известия. Вена, 31 декабря (от специального корреспондента «Голоса». Подпись: Н. С.).

¹¹⁵ «Голос» 14 (26) декабря 1878 г. Заграпичные известия. Берлин, 21 декабря (корреспондент «Голоса»).

¹¹⁶ Полные сарказма высказывания Шёнпера об австрийской нации, которую, дескать, хотят «изобрести» австрийские политики, звучали с трибуны рейхсраты и, попутно, были многим не по душе. См. речь Шёнпера 28 февраля 1882 г. (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 82); вопрос о складывании австрийской нации очень сложен и должен быть темой самостоятельного ис-

националистов, находившихся в оппозиции к либералам¹¹⁷. Ибо все они стояли за сохранение крепкой немецкой Австрии, Австрии — союзницы Германии, но самостоятельной страны.

Австро-германский договор должен был, по их мнению, утвердить немецкий характер Австрии, так как утверждал господство немцев (т. е. немецкой буржуазии и немецких помещиков) над славянским населением. Будучи союзницей великой Германии, Австрия сможет под эгидой германского империализма осуществить наступление на Балканы.

Не случайно, что в последующие десятилетия именно прогерманская политика Шёнера¹¹⁸ оттолкнет от шёперианцев все группы австрийских националистов и в частности такую сильную и во многих вопросах очень близкую к Шёнеру партию, как христианско-социальная во главе с Люгером¹¹⁹.

Внешнеполитические и внутренние условия роста пангерманизма в Австрии (1878—1879 гг.)

Толчком для усиления немецкого шовинизма в Австрии явилась оккупация в 1878 г. двух славянских провинций Турецкой империи — Боснии и Герцеговины — и последовавшая за этим отставка либерального правительства Ауэрсперга, приведшая к изменению правительственного курса в сторону установления контакта с господствующими классами славянского населения монархии.

Оккупация Боснии и Герцеговины считалась успехом австро-венгерской внешней политики. Эта первая после стольких поражений победа, казалось, подняла престиж Габсбургской монархии на международной арене, она открывала австро-венгерским господствующим классам путь на Балканы, намечая направление дальнейшей экспансии австро-венгерского капитала¹²⁰.

следования, для решения которого требуется изучение не столько социально-политического, сколько экономического материала. Интересные мысли о формировании в 70—80-х годах австрийской нации высказывает Фукс (A. Fuchs. Указ. соч., стр. 166).

¹¹⁷ P. Molisch. Указ. соч., стр. 91.

¹¹⁸ Недаром корреспондент «Русских ведомостей» уже в 1882 г. писал, что бисмаркания Шёнера привела к тому, что от него отворачиваются все немцы. — «Русские ведомости», 10 (22) апреля 1882 г. Иностраные известия. Из Вены, 4 апреля (от нашего корреспондента).

¹¹⁹ Правда, тут большую роль сыграла антикатолическая направленность политики Шёнера, которая пашла свое выражение в «Los von Rom Bewegung», явившемся открытым походом против Рима. Немецкие же националисты Австрии были настроены прокатолически.

¹²⁰ Чешская буржуазия поддерживала оккупацию, так как считала, что увеличение численности славянского населения монархии усилит политическое положение чешской буржуазии; кроме того, она считала эти земли удобными для экономической экспансии («Přehled československých dějin», str. 440); Цёлльпер подчеркивает значение Боснии и Герцеговины как естеств-

Хотя оккупация и принесла определенный успех внешнеполитическому курсу двуединой монархии, она очень осложнила внутриполитическую обстановку в многонациональной Австрии. Оккупированные территории получили особый статут (*Sonderstellung*). Вставал вопрос: как быть в дальнейшем с этими провинциями? Присоединить к Австрии и тем самым увеличить число австрийских славян? Присоединить к Венгрии? Но это означало усиление последней и возможность потери для Австрии Далмации¹²¹. (Вопрос о Далмации теперь, с оккупацией Боснии и Герцеговины, приобретал еще большее значение.)

Итак, оккупация вызвала переполох среди немецкого населения Австро-Венгрии. Всецело поддерживал оккупацию император Франц-Иосиф, считавший это победой своей внешней политики, и поэтому за оккупацию выступили преданные династии крупные немецкие земельные собственники, консерваторы и клерикалы, всегда очень чуткие в отношении желания императора, да и та часть крупной немецкой либеральной буржуазии, членов Конституционной партии, которая, с одной стороны, не хотела портить отношений с короной¹²², с другой — считала оккупацию Боснии и Герцеговины отвечающей своим экономическим интересам. Но большинство либеральной партии восприняло оккупацию отрицательно, мотивируя это как экономическими, так и национальными причинами.

Действительно, оккупация ухудшила и без того неблестящее состояние австрийских фисапсов, так как потребовала больших материальных затрат, увеличения численного состава армии и т. п. Но, безусловно, не это, а прежде всего национальные интересы немецких господствующих классов были причиной отрицательного отношения их к оккупации, в которой они усматривали усиление славянских элементов в стране¹²³.

венного тыла Далмации для Австро-Венгрии (Е. Zöllner. Указ. соч., стр. 421—422); для австрийской экономики открывался Ближний Восток, политика Австро-Венгрии на Балканах сводилась к тому, чтобы препятствовать созданию крупных славянских государств и сохранять Турцию, пока ее нелзя будет заменить чем-нибудь лучшим (Н. Hantsch. Указ. соч., стр. 428—431); оккупация была политической и экономической необходимости, Австрия должна была выполнить свою *культурную* (курсив напп. — Н. Р.) миссию на Балканах в случае дележа наследства «большого человека» (Н. Венедикт. Monarchie der Gegensätze..., S. 177) — высказывание весьма характерное для австрийских буржуазных историков; С. Г. Лозинский. Царствование Франца-Иосифа. Иг., 1916, стр. 124—125.

¹²¹ Н. Hantsch. Указ. соч., стр. 432.

¹²² «Оппозиция Андраши приняла поэтому характер оппозиции Францу-Иосифу, и среди либералов нашлась значительная группа, которая откололась от Гербста и примкнула к „боснийцам“, в состав которых ранее входили лишь клерикально-реакционные элементы, а также славяне» (С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 126; Z. Töbolka. Указ. соч., стр. 380—382).

¹²³ Либералы в адресе императору указывали, что оккупация приведет к увеличению славянского населения Австрии (G. Вегка. Указ. соч.,

Если либералы отрицательно отнеслись к оккупации, то, естественно, пемецко-шовинистические группировки встретили ее в штыки.

Шёнперер в рейхсрате, на собраниях избирателей, на партайтагах Конституционной партии резко выступает против оккупации; он не упускает случая нападать на нее и в дальнейшем¹²⁴.

Когда вскоре после оккупации в рейхсрате встал вопрос о возобновлении военного закона на 10 лет, то и здесь большая часть либералов-депутатов выступила против этого. В результате либеральное министерство Ауэрсперга, правившее Австрией с 1871 г., ушло в отставку. Его заменило консервативное правительство Эдуарда Тааффе.

Крупный землевладелец, консерватор и клерикал, близкий к Францу-Иосифу, Тааффе опирался на коалицию пемецких помещиков-консерваторов со славянскими депутатами рейхсрата. Основой внешней политики правительства был союз с Германией, задачей внутренней политики — укрепление реакционного габсбургского государства путем консолидации господствующих классов всех национальностей монархии.

Ханч и другие реакционные австрийские историки называли эту консолидацию господствующих классов укреплением великоавстрийской идеи, которая стала, по его мнению, важным политическим фактором в Европе¹²⁵.

стр. 7; Н. Нантсх. Указ. соч., стр. 435; Е. Зёлинер. Указ. соч., стр. 422).

¹²⁴ В известной речи в рейхсрате 18 декабря 1878 г., о которой мы упоминали выше, Шёнперер говорил, что хоть бы австрийские пемцы уже принадлежали к Германской империи . . . «чтобы от Боснии и его придатка, паконец, освободиться» (Hegwig. Указ. соч., т. 3, стр. 46); на эту часть фразы обращает внимание и корреспондент «Голоса», указывая, что Шёнперер в своей речи сказал, что австрийские пемцы жаждут отделения «. . . отbosняков и прочих разных славян». — «Голос», 20 декабря 1878 г. (1 января 1879 г.). Заграничные известия. Вена, 27 декабря (корреспонденция «Голоса»); требуя прекращения оккупации, Шёнперер, однако, предлагает сделать эти области самостоятельным государством с кем-нибудь из Габсбургов во главе. — Hegwig. Указ. соч., т. 2, стр. 390 (выдержки из речи на собрании избирателей в Вейтре 1 сентября 1878 г.); интересно, что, выступая против оккупации, Шёнперер тем самым выступал против воли своего кумира, который на Берлинском конгрессе помог Австрии. «Восточная политика этой партии (либералов. — Н. Р.), большинство которой, как известно, стояло в оппозиции к оккупации Боснии и Герцеговины, также крайне не нравилась Бисмарку, по причине которого граф Андраши принял всю оккупационную систему». — «Голос», 28 июня (10 июля) 1882 г.; Заграничные известия. Вена, 3 июля (корреспонденция «Голоса»). Р. Мойсли. Указ. соч., стр. 96, 106.

¹²⁵ П. Пальц. Указ. соч., стр. 437; русский публицист Звездич писал, что австрийская государственная идея — в идеале идея мирного сожительства различных народностей монархии, на практике никогда не проводилась австрийским правительством, и если теперь Австрии пришлось признать ее своей исторической миссией, то это не по доброй воле, а вследствие

«... Он (Тааффе. — *H. P.*), — писал корреспондент «Голоса», — пользуется безусловным доверием короны, и корона усматривает в политике, которой он следует, вернейшую гарантию укрепления империи... он надеялся добиться примирения национальностей и партий...»¹²⁶

С целью укрепления правительства и расширения его социальной базы Тааффе провел в 1882 г. реформу избирательного права: имущественный ценз был уменьшен до 5 гульденов, вследствие чего избирательные права получила большая часть мелкой буржуазии города и деревни¹²⁷.

Понимая, какую угрозу представляет рост рабочего движения, Тааффе считал нужным бороться с ним не только путем репрессий, но и кое-какими уступками в области улучшения рабочего законодательства.

Здесь уместно вспомнить программу социальных преобразований «демократа» Шёнерера. Мы видим, что в рабочем вопросе он в общем недалеко ушел от реакционного графа Тааффе.

Приход к власти правительства Тааффе означал изменение внутриполитического курса в Цислейтании в национальном отношении.

Спустя три года, в корреспонденции из Праги указывалось, что «... Австрия после девятнадцатилетней немецкой гегемонии начинает освобождаться от заржавелых централистских традиций, и бразды правления находятся в руках, если не „славянофи-

культурного роста остальных национальностей (П. Звездич. Австрия. В кн.: Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах, т. 1. СПб., (с. а.), стр. 9—10): об австрийской государственности идея иронически говорится в статье «Beati possidentis» (Очерки новой Австрии), опубликованной в газете «Голос». «... Австрийская же Staatsidee, по-видимому, состоит в следующих общих и незыблемых положениях: внутри империи применение принципа „divide et impera“. См.: «Голос», 2 (14) октября 1882 г.

¹²⁸ «Голос», 13 (25) февраля 1882 г. Заглавие: известия. Вена, 20 февраля (корреспонденция «Голоса»).

¹²⁷ Ханч подчеркивает, что реформа избирательного права дала в основном избирательные права мелкой буржуазии, по не рабочим (П. Наполь). Указ. соч., стр. 443; очень большое внимание уделила реформе избирательного права русская печать того времени. «... правая партия, — пишет корреспондент из Вены, — этой важной реформой и уступкой пароду, особенно мелким промышленникам, ремесленникам и т. д., нанесла сильный моральный удар всей так называемой Конституционной партии, кричащей депо и тощо о либерализме и все-таки ничего в пользу либерального расширения избирательного права не сделавшей. ...» — «Голос», 19 (31) марта 1882. Заглавие: известия. Вена, 26 марта (корреспонденция «Голоса»); «Голос» 10 (22) марта 1882 г. Заглавие: известия. Вена, 15 марта (корреспонденция «Голоса»). Подчеркивается, что реформа избирательного права усилив славянский элемент в рейхсрате; «Новое время», 18 (30) сентября 1882 г. Внешние известия, Вена, 13 (25) сентября. Подпись: А. Молчанов. «... реформа... дает славянам Австрии громадное преимущество над ее немецкими провинциями»; см. также: «Голос», 15 (27) марта 1882 г. Санкт-петербург, 14 марта.

лов“, то во всяком случае не „славянофобов“. „Австрия не может быть ни немецкой, ни славянской страной, а австрийской“, — сказал недавно в рейхсрате граф Тааффе, — и все славянские депутаты восторженно приветствовали эту новую, справедливую и единственно возможную в Австрии государственную формулу¹²⁸.

Тааффе объявил, что целью его политики должно быть «при-мирение» национальных споров, под этим он понимал прежде всего примирение с господствующими классами чешской национальности. Дело в том, что с польскими магнатами у Тааффе было полное взаимопонимание, чешские же депутаты бойкотировали рейхсрат.

В поддержке чешского дворянства граф Тааффе не сомневался, ему надо было привлечь на свою сторону чешскую буржуазию, представившую тогда двумя политическими партиями — старо- и малочехами.

В результате в 1879 г. чешские депутаты вошли в рейхсрат¹²⁹, а в начале 80-х годов были изданы два распоряжения, которые являлись как бы платой за поддержку ими правительства Тааффе.

Большинство историков различных направлений, по-разному оценивая деятельность правительства Тааффе¹³⁰, высказывают

¹²⁸ «Голос», 25 февраля (9 марта) 1882. Заграничные известия. Прага, 2 марта (корреспонденция «Голоса»); положительно оценивается политика правительства в славянском вопросе в следующих корреспонденциях из Австрии: «Голос», 2 (14) апреля 1882. Заграничные известия. Вена, 9 апреля (корреспонденция «Голоса»); «Голос», 19 (31) января 1882. Санктпетербург, 18 января 1882; «Голос», 11 (23) июля 1882. Санктпетербург, 10 июля 1882; «Голос», 9 (21) апреля 1882. Заграничные известия. Вена, 14 апреля (корреспонденция «Голоса»); «Немецкие элементы в Австрии с каждым месяцем все более утрачивают свое прежнее влияние на правительство, — безусловно преувеличивая «славянофильство» Тааффе, писала газета «Новое время», — в пределах самой Австрии славянские интересы, национальные и материальные, мало-помалу удовлетворяются; немцы в этом видят ущерб себе». — «Новое время», 12 (24) марта 1882. Ежедневное обозрение. СПб., 11 марта.

¹²⁹ Шёперер с возмущением говорит о том, что, выступая в рейхсрате 5 декабря 1879 г., Тааффе настаивал на том, чтобы чешским элементам была дана возможность войти в рейхсрат. — Н е g w i g . Указ. соч., т. 3, стр. 55 (Речь Шёперера в рейхсрате 5 декабря 1879 г.)

¹³⁰ Хач положительно оценивает деятельность Тааффе. «Идея и целостность общего государства были доминирующим направлением его политики» (H. N a p t s c h . Указ. соч., стр. 437—439, 443); он считает неправильным утверждение либеральной австрийской историографии, что Тааффе, сломив господство либералов, нанес тем самым большой ущерб австрийской государственности; Цельнер полагает, что если смотреть с точки зрения дальнего прицела, то Тааффе в своей политике примирения был просто разумен, он был искусный тактик, стремясь посредством небольших уступок сохранить основное; он действовал не в такой резкой форме, как его последователь Бадени. Тааффе, безусловно, должен быть как политический деятель более высоко оценен, чем это делается в немецко-националистической и либеральной истории (E. Z ö l l e n e r . Указ. соч., стр. 425); автор большой работы, посвященной лидеру австрийских социал-демократов

мнение, что она обострила национальные противоречия в Австрии, способствовала усилению немецкого национализма, в частности его наиболее крайнего крыла — шёпериапцев¹³¹.

С этим цельзя не согласиться. Действительно, даже пезначительные уступки чехам (нет оснований, как это делает австрийская буржуазная историография почти всех направлений, преувеличивать значение языковых распоряжений Тааффе, ведь основное было не в букве закона, а в том, проводились ли они в жизнь) взвудоражили «общественное мнение» австрийских немцев. Снова, как во времена Гогенварта, волна шовинизма захлестнула немецкое население Австрии и в первую очередь немцев чешских земель, оценивших распоряжения Тааффе как подрыв господствующего положения немцев в чешских землях.

Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия), об этом мы упоминали выше, в экономическом отношении представляли очень развитые части монархии; в чешских землях, где немцы составляли значительное меньшинство, немецкая буржуазия держала в своих руках важнейшие отрасли народного хозяйства. Экономические интересы немецкой буржуазии и помещиков австрийских областей Цислейтании тесно переплетались с экономическими интересами немецкой буржуазии и помещиков чешских земель. Ведь не случайно, что руководящими деятелями либеральной партии — партии крупной немецкой буржуазии Австрии — были чешские немцы — Шмейкаль, Гербст, Гискра и др.¹³²

В. Адлеру, Эрмерс отрицательно относится к Тааффе, который «. . .стал во главе министерства, чтобы с помощью феодально-клерикально-славянского большинства. . . задержать прогресс» (M. Е г м е г с. Указ. соч., стр. 102). Немецко-шовинистические авторы, естественно, резко отрицательно относятся к Тааффе. В связи с этим очень характерно высказывание уже упоминавшегося пами П. Самассы: «Тааффе, который из южногерманской немецкой партии «железного кольца правых». — AB, 1901, № 15, S. 180; H. Schneid. Georg Ritter. . ., S. 10; P. Molisch. Указ. соч., стр. 114.

¹³¹ В своей речи в рейхсрате 28 февраля 1882 г. Шёперер говорил, что даже член палаты господ барон Угер, близкий к династии, признавал, что результатом политики правительства было создание немецко-национальных элементов в Австрии (Негиг. Указ. соч., т. 3, стр. 82); усиление национального движения — результат благотворной для славян правительенной политики. (Письмо Шаршида Думрейхеру 16. IX 1887). «Brüche zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1918. Ausgewält und bearbeitet von P. Molisch», Wien—Leipzig, 1934, S. 294.

¹³² В Австро-Венгрии немецкая буржуазия чешских земель составляла значительную часть господствующих классов монархии (K. Gajap. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918—1921. Praha, 1962, str. 14); «. . .господство крупной немецкой буржуазии в Австрии было одновременно и господством судетских немцев» (H. Slápníčka. Zwischen Zentralismus und Federalismus. Mainz, 1953, str. 58—62); «Не без основания блистательную пору господства либералов называют господством судетских немцев Австрии, хотя Франц Иессер гораздо позднее отчекапил понятие „Sudetendeutsche“» (H. Bachmann. Die deutschen Parteien in Böhmen vor 1914. — «Der Donauraum», 1963, № 4, S. 216).

Либералы не были однородной группой. Некоторые из них считали возможным какое-то сотрудничество с Тааффе, предполагая не без основания, что благодаря этому можно будет уменьшить влияние славянских и консервативно-клерикальных элементов (группа Плениера)¹³³, но победа оказалась за более непримиримо настроенной частью либералов, возглавляемой судетскими немцами Гербстом и Гиской, для которых политика Тааффе — политика мелких уступок чехам — была неприемлемой¹³⁴.

Удержать политическое и экономическое господство в чешских землях было основной задачей не только чешских, но и немецких политиков Австрии всех направлений, от более умеренных в своих национальных воззрениях до самых крайних, типа Шёпфера.

Мы уже говорили, что именно для удержания своего господствующего положения в чешских землях австрийские националисты выдвинули требование выделения из состава Цислейтании Галиции, Буковины и Далмации.

И вот Тааффе своими законами, казалось, выбивал почву из под ног немцев чешских земель.

Что же представляли из себя эти два закона, которые, как заявляют немецкие шовинисты, были началом славянизации Австрии?¹³⁵

В 1880 г. двумя распоряжениями правительства было введено употребление чешского языка как внутреннего языка дело- и судопроизводства в Чехии и Моравии, в 1882 г. университет в Праге был разделен на две части: немецкую и чешскую.

Распоряжения 1880 г., если бы они были осуществлены на практике, подрывали привилегированное положение немецких чиновников в Чехии и Моравии, так как отныне во внутреннем дело- и судопроизводстве падо было знать два языка — немецкий

¹³³ Плениер считал возможным пожертвовать доктриной ради реальной политики (Н. Наптсх. Указ. соч., стр. 435—437).

¹³⁴ Все это очень хорошо отразилось в корреспонденциях газеты «Голос»:

«... Дело в том, что влияние чешских немцев с Гербстом еще очень сильно в рядах цыпнейшей многочисленной чешско-оппозиционной партии, и освобождение от этого влияния сопряжено с большими затруднениями», — писал в мае 1882 г. корреспондент «Голоса» из Вены. См.: «Голос», 16 (28) мая 1882. Заглавочные известия. Вена, 24 мая (корреспонденция «Голоса»); «Вся борьба австрийских немцев, все меры, принимаемые ими как в Законодательных наатах, так и в общественных учреждениях, направлены главным образом в защиту богемских немцев. Венская печать, как печать столичная и поэтому очень влиятельная, отстаивает почти купно интересы богемских немцев, и в главных венских газетах чехи служат мишенью для всех полемических статей, полных пепависти к „злобной чешской нации“». — «Голос», 1 (13) января 1883. Заглавочные корреспонденции. Прага, 8 января; Ханч говорит об управстве Гербста (Н. Наптсх. Указ. соч., стр. 439)

¹³⁵ Н. Schne e. Georg Ritter. . . , S. 10. Это была только первая ступень чехизации; Р. Molisch. Указ. соч., стр. 114.

и чешский, что ставило чиновников-чехов в более выгодное положение¹³⁶.

Разделение пражского университета в 1882 г., т. е. образование паряду с немецким также и чешского университета, означало укрепление и увеличение национальной чешской интеллигенции, что, без сомнения, задевало привилегированное положение немецкой интеллигенции чешских земель¹³⁷.

Таким образом, проблема языка задевала жизненные интересы немцев чешских земель. Не случайно, что уже в программах Крикля—Штрогаля был поставлен вопрос об объявлении в законодательном порядке немецкого языка государственным языком страны; мы увидим в дальнейшем, какое место он займет в программах австрийских пангерманистов. И когда последние будут упрекать немецких либералов, что они, будучи у власти, ничего не сделали для укрепления господствующего положения немецкой национальности, то в первую очередь речь пойдет о языке¹³⁸.

При этом не надо забывать, что с развитием капитализма усиливалась и укреплялась национальная чешская буржуазия, которая медленно, но упорно набирала силы для перехода в наступление на политические и экономические позиции своего врага и конкурента — немецкой буржуазии чешских земель¹³⁹.

Если к этому еще прибавить, что в связи с ростом промышленности и железнодорожного строительства в северные, северо-западные и северо-восточные области Чехии (как мы уже

¹³⁶ Закон вводил употребление чешского языка и в немецкие области судетских земель (E. Zöllner. Указ. соч., стр. 425); при признании равноправия национальностей это, казалось, было естественным, «... однако в Чехии дела обстояли так, что немцы занимали оборонительное положение в отношении пропиавших вперед чехов». Хапч замечает, и это очень характерно, что закон таил в себе как признание чешского государственного права, так и отрицание замкнутой немецкой языковой области (H. Nantsch. Указ. соч., стр. 441—442); немцы чешский язык не знали — он им был ни к чему, чехи же немецкий знали, поэтому им был открыт доступ ко всем должностям (H. Венедикт. Monarchie der Gegensätze... S. 183); в результате в немецких городах Чехии появилось много чешских чиновников (H. Schnee. Georg Ritter..., S. 13); Молиш указывает, что подданство немецкого населения в чешских землях было гораздо более сильным, чем воление в парламенте, и правительству нелегко было с ним бороться (P. Molisch. Указ. соч., стр. 113—114, 128—129); распоряжения Тадаффе «... открывали окна и двери продвижению чехов в замкнутые немецкие области судетских земель» (G. Вегка. Указ. соч., стр. 9).

¹³⁷ В это же время были учреждены два чешских технических училища и Чешская академия наук (H. Nantsch. Указ. соч., стр. 442); в тесной связи с языковой политикой чехов стоял вопрос о разделении пражского университета, что означало первую ступень чехизации (P. Molisch. Указ. соч., стр. 114—115; E. Zöllner. Указ. соч., стр. 425).

¹³⁸ «Они могли сделать очень многое, чтобы гарантировать немцам господство в Австрии, но они даже не попытались сделать немецкий язык языком государственным; выше интересов немцев была для них австрийская государственная идея...» (Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 92).

¹³⁹ K. Gajan. Указ. соч., стр. 15.

говорили выше, очень развитые в экономическом отношении территории, населенные в большинстве своем немцами), хлынула из чисто чешских и смешанных в национальном отношении в основном земледельческих областей Чехии и Моравии дешевая чешская рабочая сила¹⁴⁰, то становятся попытки крики немцев об опасности «славянизации», и рост шовинизма, захватившего также широкие слои немецкого населения чешских земель.

«... пигде немецко-славянская борьба не находится в таком разгаре, как именно в Чехии», — отмечает корреспондент «Голоса» из Праги¹⁴¹. «В Чехии обитают два народа, находящиеся всегда на „военном положении“ и ведущие беспрестанно самую горячую национальную борьбу...», — писал корреспондент «Голоса» из Вены¹⁴².

Из всего вышеприведенного понятна борьба немецкой буржуазии за сохранение своего господствующего положения в чешских землях, и понятно также, почему на уступки чехам австрийские немцы реагировали резче, чем на уступки, сделанные другим национальностям монархии¹⁴³.

После опубликования законов Тааффе среди чешских немцев усилились «молодые» — Пиккерт, Кноль и другие, которые, однако, не порывали с Конституционной партией.

Австрийские же пангерманисты были популярны тогда лишь в некоторых городах Чехии, в частности, Либерце (Рейхенберге)¹⁴⁴.

¹⁴⁰ «Там, где нужна рабочая сила, национальный момент не играет никакой роли, и в замкнутые в национальном отношении области, особенно в немецкие области промышленной Чехии, переселяется множество людей другой национальности, которые стоят на значительно более низшей ступени культурного развития, по менее требовательны и поэтому предпринимателю более желанные». Тут национализм Ханча прорывается наружу (Н. Нантсх. Указ. соч., стр. 406).

¹⁴¹ «Голос», 29 марта (9 апреля) 1882. Заглавия известия. Прага, 1 апреля (корреспонденция «Голоса»).

¹⁴² «Голос», 25 декабря 1882 (6 января 1883). Заглавия корреспонденции. Вена, 1 января (корреспонденция «Голоса»).

¹⁴³ Когда в конце 60-х годов польский язык был признан внутренним языком судо- и делопроизводства в Галиции, это не вызвало особого шума среди немецко-австрийской бюрократии (Е. Зёльнег. Указ. соч., стр. 415; Н. Нантсх. Указ. соч., стр. 410—411).

¹⁴⁴ Бахман, ссылаясь на австрийских историков, указывает, что до 1914 г. немецкое население Чехии в основном отвергало радикальные партии, в том числе и Шёнпера (Н. Вахтапп. Указ. соч., стр. 216); Молини утверждает, что Шёнперер и его сторонники преуспевали тогда главным образом в Нижней Австрии. В остальных землях монархии щёперианцы имели сторонников только в некоторых националистических обществах и среди студенчества. Относительно шаткие отношения связывали Шёнперера с немецкой Чехией, так немцы называли те районы Чехии, где немецкое население составляло большинство (Молини говорит о первой половине 80-х годов. — Н. Р.). Молини подчеркивает, что уже тогда вставал вопрос о разделении Чехии на две части, к чему, как мы знаем, щёперианцы относились отрицательно (Р. Molisch. Указ. соч., стр. 115, 123); Метниц также считает, что Шёнперер имел сторонников тогда главным образом в Вене и Нижней Австрии.

В этом отношении представляет интерес письмо К. Фогельзанга к графу Белькреди (оба представители клерикально-консервативного направления), касающееся возможности палаживания контактов с Шённером для совместной борьбы с либералами.

«В качестве вознаграждения можно было бы ему (Шённеру. — *H. P.*), — пишет Фогельзанг, — помочь паладить связи в Северной Чехии для того, чтобы он смог там победить общего врага — либералов». Но Шённер ответил, что «... в Северной Чехии он, наоборот, не имеет никакого желания вмешиваться; он очень отрицательно отзывается о тамошних пемцах»¹⁴⁵.

Таким образом, к концу 70-х — началу 80-х годов пангерманисты в основном находили поддержку в Нижней Австрии; в чешских землях, будущей цитадели пангерманизма, они, как видно из всего вышеизложенного, большим влиянием не пользовались. Позднее, в конце XIX в., в период острого кризиса габсбургской монархии, мутная волна немецкого шовинизма захлестнет земли чешской короны и сделает там очень популярным Шённера и его сторонников.

Причины малой популярности Шённера в рассматриваемый в настоящей статье отрезок времени кроются, на наш взгляд, в пропрессской ориентации шёперианцев, отчетливо выкисталлизовавшейся уже в то время. Интересы австро-немецкой буржуазии как экономические, так и политические были связаны с Австрией, с Габсбургской монархией, идея «аппенса», к которому в конечном итоге стремился Шённер, была тогда мало популярна.

Резкое обострение национальных противоречий, толчком для которого был «славянский» курс политики Тааффе, приблизило в последующие годы к Шённеру те группы пемецких капиталистов Австрии, и в особенности Чехии и Моравии, экономические интересы которых не особенно страдали от конкуренции германских товаров и которые поэтому для борьбы со своими чешскими конкурентами были не прочь позвать на помощь «великую» Германию. Но это уже явление, выходящее за рамки данного исследования.

Успление австрийского пангерманизма в конце 70-х — начале 80-х годов.

Попытки образования самостоятельной партии и выработка программы

Остановимся на деятельности Шённера и его сторонников в 1879—1882 гг., времени, когда в связи с вышеизложенными

(G. A. Metniz. Указ. соч., стр. 107, 112); просматривая немецко-шовинистическую прессу того времени, о которой мы находим подробные сведения у Гервига, убеждаешься, что в 80-х годах шёперианцы по были сильны в чешских землях (*Herwig. Указ. соч.*, т. 2, стр. 66—72, 143—148).

¹⁴⁵ «Briefe zur deutschen Politik...», S. 296.

переменами внутриполитического курса в Австрии активизируются немецкие шовинисты, в частности австрийские пангерманисты. В эти годы, предшествующие выработке Липцкой программы, — первой официальной программы австрийских пангерманистов — немецкие шовинисты Австрии делают попытки порвать в организационном отношении с либералами, образовать свою самостоятельную партию и выработать свою программу.

Мы неоднократно указывали, что политика Тааффе благоприятствовала росту шовинистических настроений среди австрийских немцев, что в самой Конституционной партии — bastione австрийских либералов — активизируются шовинистические элементы. Ее руководство, которое немецкие шовинисты безосновательно упрекали в каком-то национальном нигилизме, также очень резко реагировало на изменение правительственного курса, и «защита» немцев от славянского «натиска» не сходила с повестки дня этой партии.

Неожидав (что не обошлось без борьбы мнений внутри партии) сотрудничать с правительством Тааффе (а Тааффе делал вначале определенные попытки в этом направлении)¹⁴⁶, большинство Конституционной партии перешло в оппозицию к правительству.

Руководство партии хотело консолидировать свои силы и боролось со всяческими проявлениями оппозиции в самой партии. К шовинистам типа Шёнперера либералы всегда относились крайне враждебно¹⁴⁷. Но и более умеренные, чем шёнерианцы, немецкие националисты (например, Фридъонг) вызывали их недовольство. «Это немецко-националистическое движение, — писал Эрнст Пленнер в октябре 1881 г. отцу Игнацу Пленнеру, также известному политическому деятелю либеральной партии, — заглушает каждое разумное решение, оно утихнет само по себе в течение нескольких лет...»¹⁴⁸.

Либеральное большинство почти всегда отклоняло предложения, исходившие от шёнерианцев и близких им политических деятелей, а в таких предложениях в 1879—1882 гг. не было недостатка.

В предвыборных воззваниях, на предвыборных собраниях (в 1879 г. состоялись выборы в рейхсрят), на партайтагах Конституционной партии отчетливо звучали требования немецких шовинистов.

Уже 8 июня 1879 г. Шёнперер выступает на четвертом нижнеавстрийском партайтаге в Сен-Пёльтене¹⁴⁹, в это же время он

¹⁴⁶ Р. Molisch. Указ. соч., стр. 112, 116—117.

¹⁴⁷ Там же, стр. 111—113, 116; Hegwig. Указ. соч., т. 1, стр. 94—95, 97.

¹⁴⁸ «Briefe zur deutschen Politik...», S. 290.

¹⁴⁹ Hegwig. Указ. соч., т. 1, стр. 91—92. Краткий пересказ выступления; Р. Molisch. Указ. соч., стр. 107—108. Изложения Молиша и

опубликовывает свое предвыборное воззвание «Mein Programm»¹⁵⁰, 6 октября 1879 г. он выступает со своими предложениями на собрании Конституционной партии¹⁵¹.

В своих выступлениях и воззваниях 1879 г., о которых сейчас идет речь, Шёнперер снова яростно нападает на «национальный капитал, биржевых либералов», которые, мол, совместно с правительством несут ответственность за тяжелое положение трудового народа. Следует отметить, что в понятие «трудового народа» у Шёнперера укладываются как различные группы немецкой буржуазии и помещиков, так и немецкие ремесленники, крестьяне и рабочие.

Таким образом, он, как и прежде, выступает от имени тех группировок немецкой буржуазии, которые хотели побить своего конкурента и врага — часть фиапсовой и торгово-промышленной олигархии, представляющей интересы крупной австрийской буржуазии еврейской и немецкой национальностей.

Но если до 1879 г. Шёнперер требовал (не конкретизируя) расширения избирательного права, то на партайтаге в Сеп-Пёльтене (июнь 1879 г.) он уже требует введения всеобщего, прямого и равного избирательного права, что не нашло тогда поддержки у остальных участников партайтага. Это требование было для него лишь избирательным маневром, который должен был помочь «демократу» Шёнпереру в борьбе с другими кандидатами.

Когда Шёнперер убедился, что он и его сторонники не находят понимания у большинства либералов, что им не удается на базе Конституционной партии сплотить «национально мыслящие» элементы, он берет курс на разрыв и на создание своей самостоятельной партии.

В январе 1881 г. Шёнперер и его единомышленники опубликовывают воззвание программного характера¹⁵². В этом воззвании отчетливо звучит призыв к объединению всех шовинистически мыслящих немцев Австрии в одну партию.

Гервиг несколько разнится: так, Молин утверждает, что Шёнперер уже в Сеп-Пёльтене требовал «особого положения» для Галиции, у Гервига этого нет. Вероятно, и прав Гервиг, потому что в предвыборном воззвании Шёнперера, опубликованном тогда же, это требование отсутствует.

¹⁵⁰ H e r w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 83—85. Приводится полный текст; H. S c h n e e. Georg Ritter..., S. 122—125. Также приводится полный текст; там же, стр. 11. Шее пишет о высокой оценке, которую дал программе национал-социалист, судетский немец Ганс Кребс.

¹⁵¹ H e r w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 92—93. Выдержки из выступления; P. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 109.

¹⁵² H e r w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 100—103. Полный текст воззвания: «Deutsche Stammesgenossen»; H. S c h n e e. Georg Ritter..., S. 126—127. Сокращенный текст; «Голос», 8 (20) января 1881 г. Заграничные известия. Вена, 14 января (корреспонденция «Голоса»). Корреспондент подробно останавливается на этой программе (так он называет воззвание), приводит выдержки из нее.

К чему сводилась в то время программа Георга Шёнерера, который тогда еще в основном отражал взгляды большинства пемецких шовинистов Австрии? Чем отличались его теперешние требования от требований прошедших лет?

Если требования, выставляемые Шёнерером в 1879 г., в общем продолжают старую линию, то в воззвании 1881 г. «Немецким соглесенникам» выкристаллизовываются те национально-политические требования, которые потом составят основу Линцской программы.

В воззвании указывается, что пришло время организовать самостоятельную национальную партию, «независимую партию с чистыми руками и сердцами, чувствующими честно, по-немецки»¹⁵³.

Следует отметить, что и здесь, как и в выступлениях предшествующих лет, национально-политические требования тесно связаны с социальной демагогией. Шёнерер выступает как «защитник» интересов народа (заметим только немецкого) в отличие от либералов, которые, дескать, преследуют свои личные, корыстные цели.

Именно так понимает его корреспондент «Голоса». Перечисляя социально-экономические требования в программе Шёнерера (так он называет воззвание 1881 г.), носящие демократический характер, он пишет: «. . . словом, предметы все самые радикальные». Но вместе с тем корреспондент «раскусил» этот «демократизм», целью которого являлось укрепление пемецкого господства. «Вообще, программа его в высшей степени оригинальна и, не в обиду будь сказано этому демократу, чисто немецкого пошиба, наполнена противоречиями. . . Если же г. Шёнерер полагает, что одни только „культурные“ пемцы имеют привилегию на эту свободу, то, значит, он вполне согласен со своими „богемскими“ единомышленниками, ведущими с чехами борьбу за жизнь и смерть из-за этой „привилегированной“ свободы. Неудивительно поэтому, — замечает корреспондент, — если непемцы не увлекаются его красивыми фразами, хотя и принимают многие пункты выставленной им программы»¹⁵⁴.

Надо подчеркнуть, что в социально-экономических требованиях Шёнерера мы не находим ничего нового по сравнению с тем, за что ратовал он в предшествующие годы.

В явларском воззвании 1881 г. появляются два новых и в высшей степени важных момента: требование «особого положения» (Sonderstellung) Галиции, Буковины и Далмации и требование

¹⁵³ Воззвание было выпущено от имени Шёнерера «. . . и его, — как указывает Гервиг, — многочисленных сторонников». См.: Н е г w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 100.

¹⁵⁴ «Голос», 8 (20) января 1881 г. Заграниценные известия. Вена, 14 января (корреспонденция «Голоса»).

установления в законодательном порядке пемецкого языка как государственного языка в Цислейтании.

Если о государственно-правовом оформлении союза с Германией Шёнерер не перестает говорить все предшествующие годы, то вопрос о выделении Галиции, Буковины и Далмации он тогда почти не ставит, вернее, не акцентирует на нем внимание. Уже в программах Крикля и Штрогаля выставляется это требование; Шёнерер же об особом «положении» Галиции, Буковины и Далмации в полный голос заговорил именно теперь, в 1881 г., после прихода к власти в Австрии «славянофильского» министерства Тааффе, после своего окончательного разрыва с либералами¹⁵⁵.

Какую же цель преследовало требование «особого положения» для этих трех славянских областей? Да только одну: создать такую Австрию, в которой немцы при всех обстоятельствах составляли бы, пусть незначительное, но все же большинство населения, получили бы большинство в парламенте и тем самым господствующее положение пемецкой буржуазии и пемецких помещиков Австрии было бы гарантировано. Показательно, что вопрос о всеобщем избирательном праве Шёнерер также тесно связывает с требованием «особого положения»¹⁵⁶. В необходимости создания такой Австрии были согласны как Шёнерер, так и пемецкие шовинисты более умеренного толка, вскоре отошедшие от пангерманцев-шёпериапцев (например, историк Ф. Фридъонг, будущий лидер социал-демократов В. Адлер, известный деятель австрийской социал-демократии Э. Пернерсторфер и др.).

В возвании 1881 г. «особое положение» рассматривалось так, что эти области (Галиция и Буковина) получат автономию в составе Цислейтании на правах Хорватии в Венгрии. При этом указывалось, что органы самоуправления областей не должны вмешиваться во внутренне-австрийские дела.

Удаление, таким образом, Галиции, Буковины и Далмации из Цислейтании должно было привести к консолидации ее пемецких частей, некогда входивших в Германский союз, к укреплению ее положения как пемецкого государства. То, что в такую пемецкую Австрию вошли бы земли чешской короны (Чехия, Моравия и Силезия), казалось пемецким шовинистам всех мастей естественным и закономерным.

¹⁵⁵ После выборов 1879 г. Шёнерер образует в рейхсрате свою партию, вернее группу, носящую вызывающее название «Партия двух человек». Партией Шёнерера был депутат рейхсрата, пемецкий националист Фюрнкранц, депутат нижнеавстрийского округа. См.: Н. Синеев. Georg Kitter... S. 11.

¹⁵⁶ На это обстоятельство обращает внимание Молини (Р. Molini). Указ. соч., стр. 107—108). Заметим, что в 1906 г. Шёнерер выступает против всеобщего избирательного права: он понимает, что без «особого положения» оно принесет усиление славянским пародам монархии.

Выделение Галиции преследовало также цель воспрепятствовать возможности создания славянского блока внутри Австрии и столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии.

Мы говорили, что паряду с чехами поляки были самым многочисленным славянским народом в Цислейтании, но в отличие от чешских земель немцев в Галиции было очень немного и в Галиции как таковой австрийские немцы в общем не были заинтересованы.

«Особое положение» Галиции путем предоставления ей автономии не было «громом среди ясного неба», а являлось логическим завершением той политики в отношении Галиции, которую имело в целях разобщения австрийских славян стало с конца 60-х годов проводить австрийское правительство. Ханч откровенно замечает, что то обстоятельство, что в Галиции украинцы были отданы во власть польской шляхты, мало кого интересовало, автономия Галиции была, мол, платой за то, что в рейхсрате польские депутаты стали поддерживать правительство¹⁵⁷.

Выдвижение пемецкими шовинистами требования «особых положений» Галиции, которое было и оставалось очень долгое время красногольным камнем их программы, конечно, носило элементы загрязнения с польскими померанцами. Это не скрывал сам Шённерер, когда, выступая много лет спустя на собрании «Bundes Deutscher Landwirte» (Союза немецких сельских хозяев), указывал, что целью «особых положений» было добиться отхода поляков от остальных австрийских славян и поддержки ими требований немцев¹⁵⁸.

Для шёпериапцев с их расонепавистичеством все славяне были людьми низшего сорта. Но в той конкретной исторической обстановке жизненные интересы пемецких господствующих классов требовали сосредоточения сил против чехов, их изоляции путемнейтрализации поляков. Против чехов и была направлена шёперовская шовинистическая агитация. «... Мы бы смогли тогда (в случае отделения Галиции. — Н. Р.) дать отпор чехам, скрутить их в барабан рог», так много лет спустя раскрыл сущность отделения Галиции шёпериапец депутат Турк¹⁵⁹.

Несколько сложнее был вопрос о Далмации. После 1867 г. Далмация находилась под управлением Австрии, однако Венгрия и Хорватия претендовали на нее¹⁶⁰. Как для Австрии, так

¹⁵⁷ Н. Hantsch. Указ. соч., стр. 410.

¹⁵⁸ «Unverfälschte Deutsche Worte», 1899, № 5, S. 55; возможность путем «особых положений» не допустить объединения австрийских славян понимал австрийский реакционный историк В. Библь (V. Bibl. Der Zerfall Österreichs. Bd. 2. Von Revolution zur Revolution (1848—1918). Wien—Berlin, 1924, S. 373).

¹⁵⁹ «Unverfälschte Deutsche Worte», 1899, № 22, S. 261.

¹⁶⁰ Спустя много лет в отчете о третьем очередном собрании Пангерманского союза в Майнце указывалось, что в вопросе «особых положений» Далмации мнения пемецких националистов расходятся, так как Далмация обла-

и для Венгрии несомненно имело значение географическое положение прибрежной Далмации.

Вполне закономерно, что вопрос о выделении Галиции, Буковины и Далмации Шёперер ставит именно теперь, когда правительство Тааффе начинает проводить политику «мелких уступок», политику «примирения» со славянами, в первую очередь речь идет, конечно, о чехах. Ведь по существу «особое положение» было направлено против них, это как бы ответ на «чехизацию», проводимую правительством. Раньше Шёперер не акцентировал внимание на этом вопросе, потому что немецкое либеральное правительство, которое он и ему подобные не переставали обвинять в «отсутствии национальных чувств», твердо стояло на страже интересов немцев как господствующей пачи, чешские депутаты отсутствовали в рейхсрате и ни о каких уступках чехам либеральное министерство Ауэрсперга и не помышляло.

Требование объявить немецкий язык в законодательном порядке государственным языком в Австрии, которое выдвигалось немецкими шовинистами 60-х годов — Криклем и Штрогалем, Шёперер в 70-х годах обходит молчанием как в рейхсрате, так и вне его.

Оно было вновь выдвинуто в январском воззвании 1881 г.¹⁶¹ и с тех пор стало обязательной частью всех дальнейших программ австрийских пангерманистов.

Вновь актуальным и острым сделался этот вопрос распоряжения Тааффе об языке. Теперь непременным требованием немецких шовинистов стало именно объявление немецкого языка государственным языком в Цислейтании. И все время они припоминали как промах либерального министерства, как доказательство его «инертности» то, что оно в свое время не узаконило немецкий язык в качестве государственного языка страны¹⁶².

Старым в воззвании 1881 г. оставалось требование теснейшего союза с Германской империей. «... Мы должны, — говорится в воззвании, — считать своей национальной обязанностью укреплять с помощью законов союзное сообщество паше с Германией, с которой нам следует восстановить органически-государственные спошения...»¹⁶³ Здесь Шёперер не говорит так резко, как иногда он позволял себе в выступлениях в рейхсрате, о слиянии Австрии и Германии как о конечной цели политики.

даст очень важными морскими портами. Вопрос, мол, о Далмации тесно связан с окончательным решением вопроса о Боснии и Герцеговине и, во всяком случае, Далмация «для современного парламентаризма еще не созрела» (AB, 1900, № 25, S. 246; E. Zöllner. Указ. соч., стр. 413).

¹⁶¹ Интересно, что в воззвании упоминается о законы праве на существование обиходного языка данного округа.

¹⁶² Стоит отметить, что именно либерал Вурмбрандт в ответ на языковые распоряжения Тааффе поставил в рейхсрате вопрос о немецком языке как государственном языке Австрии.

¹⁶³ Цитируем по тексту, опубликованному в «Голосе».

Шённерер, очевидно, считал в этот момент уместным не вычищивать свои антигабсбургские настроения, считаясь с тем, что его прогогенцоллерновские взгляды оттолкнут от него других немецких шовинистов — «патриотов» Австрии.

Лозунг тесного союза с Германией, соответственно оформленного (мы говорили выше, как шёнерианцы представляли себе это оформление), дополняется лозунгом торгового и таможенного соглашения, за которое и раньше ратовал Шённерер.

Заметим, что таможенная унион и соответственные торговые соглашения являются основой основ всей политики австрийских пангерманистов, целью которой в конечном счете должен быть ашилюс.

В возвзвании нет специального пункта, направленного против евреев¹⁶⁴, хотя свой антисемитизм, как и прежде, Шённерер совсем не скрывает.

Антиславянская направленность возвзвания не вызывает сомнений¹⁶⁵, по нет резких и грубых паскоков, которые потом станут характерными для австрийских пангерманистов. Однако борьба со славянством для «защиты» немецкого народа, которому, мол, «угрожает» славянское иго, составляет лейтмотив возвзвания.

По словам Гервига¹⁶⁶, буржуазные либеральные немецкие газеты обрушились на возвзвание, иронизируя, почему Шённерер не требует полного присоединения Австрии к Германии, ведь он по сути своим требованием теснейшего союза поставит Австрию на одну доску с Баварией. Некоторые газеты писали, что в своей экономической политике Шённерер копирует Бисмарка.

«Kölnische Zeitung» отклинулась на возвзвание Шённерера статьей, автор которой, в целом одобряя возвзвание, упрекал Шённерера в утопичности; по его мнению, установление «государственно-правового органического отношения» между обеими странами можно воспринимать только «... как музыку будущего»¹⁶⁷.

Примерно в то же самое время, в ноябре 1880 г.¹⁶⁸, наряду с Шённерером с проектом организации своей, независимой от либералов партии выступает другой немецкий шовинист, близкий

¹⁶⁴ Такой пункт будет включен Шённерером в Липцскую программу дополнительно в 1885 г.

¹⁶⁵ «Голос», 8 (20) января 1881. Заграничные известия. Вена, 14 января (корреспонденция «Голоса»).

¹⁶⁶ Иегвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 103; некоторые органы официальной австрийской печати, по словам корреспондента «Голоса», хотели найти в программе Шённерера государственную измену, утверждая, что он «... зарекомендовал себя публично плохим патриотом». — «Голос», 8 (20) января 1881 г. Заграничные известия. Вена, 14 января (корреспонденция «Голоса»).

¹⁶⁷ Иегвиг. Указ. соч., т. 1, стр. 103.

¹⁶⁸ Возвзвание Шённерера было опубликовано в январе 1881 г., но основные положения были высказаны им еще в ноябре 1880 г. на одном собрании.

тогда к Шёнереру, историк и общественный деятель Генрих Фридъюнг¹⁶⁹.

Программа¹⁷⁰, которую он предложил пемецко-австрийскому партайтагу Конституционной партии в конце 1880 г.¹⁷¹, заслуживает внимания, во-первых, потому, что Фридъюнг стал потом одним из авторов Липцкой программы, во-вторых, потому, что сравнение обеих программ (Шёнерера и Фридъюнга) покажет два пути, по которым в дальнейшем развивалось немецко-шовинистическое движение в Австрии: пангерманский и проавстрийский.

Что объединяло обе программы? Требования выделения Галиции, Буковины и Далмации из Австрии, расширения избирательного права, объявления немецкого языка государственным языком в Цислейтании, установления теснейшего союза с Германией и ряд других; в социально-экономическом отношении — «забота» о «маленьком человеке».

Отличие, и отличие, на наш взгляд, весьма существенное, заключалось главным образом в проавстрийской направленности программы Фридъюнга: он твердо стоит на позициях необходимости существования Австро-Венгрии как равноправного союзника Германской империи, на позициях признания дуализма.

Так, Фридъюнг не требует отмены австро-венгерского соглашения 1867 г. и установления личной унии Австрии с Венгрией. Он говорит только о необходимости усиления государственно-правового положения Австрии в двуединой монархии путем отмены института делегаций и передачи их функций парламентам, что, как указывает Фридъюнг, без сомнения, поднимет влияние австрийского рейхсрата на внешнюю политику страны. Между прочим подобные идеи проводил в своих выступлениях и Шёнерер, указывая, что, пока цель за установить личную унию, надо отменить делегации.

Фридъюнг в своей программе считает необходимым заменить официальное, но несколько туманное название Цислейтании («... представленные в рейхсрате королевства и земли...») названием «Австрия», в котором, по его мнению, найдет выражение единство этой части монархии.

¹⁶⁹ Очень красочную характеристику Фридъюнгу дает в своей книге Фукс. Отрицательно относясь к Фридъюнгу как ярко выраженному шовинисту (Фукс останавливается на процессе 1909 г.), он подчеркивает его заслуги как историка (A. Fuchs. Указ. соч., S. 17—20).

¹⁷⁰ H e r w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 104—105. (Текст программы); P. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 111; G. A. M e t n i t z. Указ. соч., стр. 107; A. Fuchs. Указ. соч., стр. 179.

¹⁷¹ Попытка перестроить Конституционную партию на чисто национальной основе была сделана группой пемецких националистов во главе с Фридъюнгом (P. M o l i s c h. Указ. соч., стр. 110—111, 118); в программе Фридъюнга нашли также отражение идеи Шёнерера (H e r w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 97).

Интересен параграф 8 программы Фридъюнга: «Так же непросторжимо, как с судьбами немецкой нации, благодаря долгой и славной истории, связанные немцы Австрии с судьбой Австро-Венгерской монархии, которую они с гордостью рассматривают как их кровное, созданное немецким духом творение». Ничего подобного мы в программном воззвании Шёперера не находим.

Если Шёперер считает таможенный союз Австрии с Германией лишь первым этапом своей наперманской политики, задачей ближайшего будущего, то для Фридъюнга таможенный союз — конечная цель, для достижения которой следовало бы осуществить ряд мер (например, унификацию экономической политики, железнодорожного транспорта и т. п.).

Фридъюнг подчеркивает правомерность стремления народов Балканского полуострова к политической самостоятельности, рекомендует Австро-Венгрии проводить дружелюбную политику в отношении их, так как такая политика скорее склонит их к присоединению «к великому среднеевропейскому союзу». Цель Шёперера и Фридъюнга в общем одна: подчинить балканские страны германским и австрийским капиталистам; по методы различны. Шёпереру и в голову не приходит, пусть на словах, считаться с маленькими, к тому же еще славянскими, народами. Фридъюнг ту же империалистическую политику считает нужным замаскировать красивыми фразами.

В отличие от Шёперера, очень подробно останавливающегося в своем воззвании на социально-экономических вопросах, Фридъюнг касается их в своей программе только бегло. Шёперер играет в демократа, социальная демагогия — основа его пропаганды; Фридъюнга, выступающего на собрании либералов, очевидно, эти сюжеты не привлекают.

Фридъюнг не так резко попадал на финансовую и торгово-промышленную олигархию — на «биржевых либералов», которые всегда служили объектом нападок Шёперера.

Но ни программа Фридъюнга, ни его предложения о создании партии не находят отклика среди большинства Конституционной партии. И «молодые», оппозиционно относящиеся к руководству, в данном вопросе не поддерживают Фридъюнга и его сторонников. Попытки расколоть Конституционную партию терпят неудачу. Руководство партии, поддерживаемое большинством, не склонно идти на примирение даже с немецкими наперманистами более умеренного толка, каким был тогда Фридъюнг.

Вместе с тем под влиянием политики Тааффе, в частности его распоряжений об языке, ширятся ряды немецких шовинистов.

В начале 80-х годов в руках Шёперера и других австрийских наперманистов уже имеются определенные средства агитации.

По-прежнему студенчество и их организации являются наиболее активными проводниками их взглядов¹⁷². Большую работу в этом направлении проделывают созданные немецкими шовинистами «Немецкий клуб» (Deutscher Klub)¹⁷³ и «Немецкое школьное общество» (Deutscher Schulverein)¹⁷⁴.

В 1880 г. Шёнерер на свои средства начинает издавать журнал «Deutsche Worte»¹⁷⁵, который становится рупором австрийских пангерманистов. Официальным издателем и редактором этого издания становится сторонник Шёнерера, в будущем видный деятель австрийской социал-демократии Э. Пернерсторфер.

Попытки Шёнерера и его единомышленников создать свою независимую от либералов политическую организацию приводят к образованию «Немецко-национального союза» (Deutschnationalen Verein), учредительное собрание которого состоялось 2 июня 1882 г. в Вене¹⁷⁶.

¹⁷² В 1882 г. начинает издаваться как приложение к журналу «Deutsche Worte» журнал «Studentische Beilage», который большинство студенческих немецко-шовинистических корпораций признает своим органом (Негиг. Указ. соч., т. 2, стр. 58).

¹⁷³ Основанное в январе 1880 г. в Вене «Немецкое общество читателей» (Deutscher Leseverein) вскоре переименовывается в «Немецкий клуб». («Немецкий клуб» не надо смешивать с возникшей в 1885 г. парламентской фракцией, посившей такое же название.) Активное участие в его организации и работе принимает в то время лично Шёнерер. «Немецкий клуб» становится центром немецких шовинистов Австрии. Его членами тогда были Пернерсторфер, Фридльинг, Адлер, Штайшнцер и др. (Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 99, 105; Г. А. Ментит. Указ. соч., стр. 108). «Голос», 11 (23) июня 1882 г. Заграничные известия. Вена, 15 июня (корреспонденция «Голоса»).

¹⁷⁴ Основано в мае 1880 г. в Вене (Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 99); «...Отделение этого национального ферейна (речь идет о «Немецком школьном обществе». — Н. Р.) существует также в Австрии, где, как известно, немецкая национальность также «страшно угнетена». Во главе австрийского ферейна стоят Вейтлов и Шёнерер... Удастся ли этому культуртрагеру (речь идет о Шёнерере. — Н. Р.) и славяноеду осчастливить Австрию штекеровской (Штекер — один из лидеров антисемитского движения в Германии в то время. — Н. Р.) манией — не знаем..., имя Шёнерера сделалось у австрийских славян едва ли не царицательным». — «Голос», 12 (24) апреля 1882 г. Заграничные известия. Пешт, 17 апреля (корреспонденция «Голоса»).

¹⁷⁵ Первый номер журнала вышел 1 мая 1880 г. См.: Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 106. Со 2 июня 1882 г. по лето 1883 г. журнал был органом «Немецко-национального союза» (Deutschnationalen Verein). Когда летом 1883 г. Пернерсторфер разошелся главным образом на почве антисемитизма с Шёнерером и его сторонниками, то Шёнерер приступил к изданию другой газеты — «Unverfälschte Deutsche Worte», которая стала вместо «Deutsche Worte» органом «Немецко-национального союза». «Unverfälschte Deutsche Worte» стала выходить с 1 июля 1883 г. Основной задачей газеты было совершение неумолимое прославление пангерманизма и лично Шёнерера. См.: Негиг. Указ. соч., т. 2, стр. 57—58; Н. Слине. Georg Ritter. . . , S. 13.

¹⁷⁶ «Немецко-национальный союз» долго не мог конституироваться из-за препятствий, чинимых властями. Его первым старостой стал Пернерсторфер (Негиг. Указ. соч., т. 1, стр. 106); союз был политической организацией, проигандирующей идеи Шёнерера в народе (Н. Слине. Georg Ritter. . . , S. 13).

«Немецко-национальный союз» был как бы зародышем будущей партии. В то же самое время, летом 1882 г., с проектом создания новой немецкой партии в Австрии, отличной от Конституционной, выступает известный австрийский общественный деятель Адольф Фишгоф, по убеждениям во многом близкий либералам.

Концепция Фишгофа сводилась по сути к сохранению и укреплению Австрии, которого он хотел достичь, консолидировав господствующие классы многонациональной Габсбургской монархии путем каких-то уступок немецким национальностям.

Фишгоф предлагал увеличить автономию отдельных земель, гарантировав в них национальным меньшинствам все права.

Вместе с тем немец Фишгоф убежден, что немцы во многом выше других народов. В связи с этим представляет интерес передовая газета «Голос», в которой одобрялась политика Фишгофа и говорилось: «Немецкий элемент в Австрии, по мнению почтенного австрийского патриота, всегда может играть преобладающую роль; но это должно быть не в силу привилегий, а в силу *его большого культурного значения и в силу большей политической способности его политических представителей*»¹⁷⁷. (Подчеркнуто мною. — П. Р.).

Взгляды Фишгофа лишний раз подтверждают, что большинство австрийских немцев либерального и даже демократического направления в то время по существу стояли на шовинистических позициях.

На примере Фишгофа мы видим, что среди австрийских немцев-либералов существовало течение, вероятно немногочисленное, сторонники которого считали нужным для сохранения и укрепления Австрийской монархии договориться с буржуазией славянских народов, установив взаимное приемлемое статус-кво.

Следует заметить, что попытки примирения делались тогда и со стороны чехов, в частности лидером чешской буржуазно-консервативной партии старочехов Ригером, летом 1878 г., когда стал очевидным кризис либерального министерства. Тогда посредником выступал тот же Адольф Фишгоф, но из этого ничего не вышло, так как один из руководителей чешских немцев либерал Гербст, спачала согласившись на переговоры с Ригером, потом сорвал их.

Но Фишгоф и его сторонники не отступали от своих планов. Может быть, в ответ на усиление в начале 80-х годов деятельности пангерманистского направления среди австрийских немцев активизировались и они. Во всяком случае, заслуживает внимания тот

¹⁷⁷ «Голос», 11 (23) июля 1882; очень высокую оценку Фишгофа мыходим в воспоминаниях Фридриха Фундера. Фундер указывает, что разумные планы Фишгофа не нашли тогда поддержки у австрийских немцев; как централисты, так и пационалисты и слышать не хотели, когда кто-нибудь посягал на их неограниченную власть. См.: F. Funder. Указ. соч., стр. 88—89.

факт, что в 1882 г. сторонники Фишгофа выступили с проектом организации новой партии австрийских немцев — «Deutscher Volkspartei». Интересно совпадение названий: ведь Шёнерер и его «Немецко-национальный союз» также ратовали за создание «Deutscher Volkspartei».

Большое внимание как самому Фишгофу, так и попыткам организации новой партии уделяла русская пресса, в частности газета «Голос». В передовых и корреспонденциях из Вены она подробно информировала русского читателя о всех перипетиях борьбы, положительно оценивала попытки создания партии «примирения», правда, высказывая сомнения в возможности в данных условиях добиться успеха¹⁷⁸.

Намерения Фишгофа вызывают бурную реакцию со стороны шёнеровского «Немецко-национального союза». Еще 28 июня 1882 г. союз выпускает специальное заявление, в котором указывается, что немецкая Народная партия была создана Шёнерером и его сторонниками еще в конце 1880 г.¹⁷⁹ Но это не соответствовало действительности. Ведь все время Шёнерер вел речь еще только о необходимости организации такой партии¹⁸⁰.

Очевидно, Шёнерер, Фридъюнг и другие австрийские пангерманисты не без основания усмотрели в намерении Фишгофа угрозу своим планам, потенциальную возможность уменьшения числа своих сторонников и т. п. и решили всеми силами противодействовать этому.

Надо отметить, что центр либералов — Конституционная партия встретила предложения Фишгофа в штыки и всячески старалась помешать Фишгофу созвать в Вене собрание, посвя-

¹⁷⁸ «Голос», 11 (23) июля 1882. Санктпетербург, 10 июля 1882 г.; см. также: «Голос», 19 апреля (1 мая) 1882. Заграничные известия. Вена, 21 апреля (корреспонденция «Голоса»); «Голос», 11 (23) мая 1882. Заграничные известия. Вена, 16 мая (корреспонденция «Голоса»). О подготовительной работе по организации новой партии: «Голос», 16 (28) мая 1882 г. Заграничные известия. Вена, 24 мая (корреспонденция «Голоса»); «Голос», 19 (31) мая 1882 г. Заграничные известия. Вена, 25 мая (корреспонденция «Голоса»); «Голос», 11 (23) июня 1882. Заграничные известия. Вена, 15 июня (корреспонденция «Голоса») . . . «пародия партия не имеет прочного *настоящего*, хотя будущее, без сомнения, принадлежит именно подобной партии».

¹⁷⁹ Н е г w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 107 (полный текст заявления опубликован там же на стр. 106—108); на собрании «Немецко-национального союза» 18 января 1884 г. Шёнерер продолжает утверждать, что еще в ноябре 1880 г. была создана «в узком кругу единомышленников людей под моим влиянием» немецкая Народная партия (Н е г w i g. Указ. соч., т. 3, стр. 146).

¹⁸⁰ В цитированном нами выше воззвании Шёнерера (январь 1881 г.) говорится, что надо «. . . сделать возможным организацию национальной партии». См.: Н е г w i g. Указ. соч., т. 1, стр. 100; Молиш, переходя к характеристике Линцской программы, пишет, что теперь (лето 1882 г. — Н. Р.), когда стало ясно, что с Конституционной партией ничего не выйдет, встал вопрос о создании немецко-национальной партии под руководством Шёнерера, для которой надо было выработать программу (Р. М о l i s c h. Указ. соч., стр. 118).

щеннюю вопросу создания новой партии. В этом смысле она как бы солидаризировалась с «Немецко-национальным союзом» Шёнёпера.

Все эти распри привлекли внимание корреспондентов «Голоса». В сообщении из Праги говорится о моральном и отчасти организационном разложении немецко-централистской партии¹⁸¹.

«Различие и подчас даже прямая противоположность интересов обнаруживаются не только между двумя главными элементами империи, немцами и славянами, но даже между немцами и немцами, славянами и славянами. Немцы шёнперовского пошиба преследуют цели, прямо противоположные целям немцев лагеря Фишгофа и Вальтерскирхепа»¹⁸².

Большое собрание, состоявшееся в Вене 16 июля 1882 г., на котором с речью выступил престарелый Фишгоф, не было доведено до конца из-за скандала, который учинили присутствующие на нем сторонники Шёнперера. В «Голосе» очень красочно и подробно описывалось это собрание, причем сочувствие корреспондента всецело на стороне Фишгофа. «... Естественно, что подобное собрание явилось бельмом на глазу всех немецких шовинистов, кричащих денно и нощно об угнетении немецкой национальности и проповедующих борьбу со славянами „bis auf's Messer“. Эти матадоры постарались поэтому, чтобы собрание приняло скандалезный характер ... собрание, действительно, окончилось скандалом, произведенным сотней ультранемецких крикунов...»¹⁸³.

«Немецко-национальный союз» 16 июля послал председателю собрания специальное заявление с протестом против того, «что новая партия выбрала название, которое уже почти около двух лет употребляется постоянно другой партией». В заявлении говорилось, что программа новой партии лишена истинно немецких национальных черт, которые необходимы для партии, называющей себя немецкой¹⁸⁴. Критиковались также другие части программы Фишгофа, в частности экономическая, состоящая якобы из общих фраз и не ставящая серьезно своей задачей поднятие материального благосостояния народа; указывалось, что, помимо

¹⁸¹ «Голос», 3 (15) мая 1882 г. Заграничные известия. Прага, 4 мая (корреспонденция «Голоса»).

¹⁸² «Голос», 25 декабря 1882 г. (6 января 1883 г.). Заграничные корреспонденции. Вена, 1 января (корреспонденция «Голоса»).

¹⁸³ «Голос», 12 (24) июля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 18 июля (корреспонденция «Голоса»). (Приводятся также выдержки из выступления Фишгофа на собрании); «Голос», 11 (23) июля 1882 г. Санктпетербург, 10 июля 1882 г.; «Голос», 6 (18) июля 1882 г. Заграничные известия. Вена, 13 июля (корреспонденция «Голоса»).

¹⁸⁴ Hegewig. Указ. соч., т. 1, стр. 108. Даже Гервиг пишет, что, когда Фридъюнг, присутствовавший на собрании, выступил против основания партии, дело дошло до бурных сцен, вследствие чего собрание было закрыто.

требования всеобщего избирательного права, у Фишгофа и его сторонников нет никаких позитивных предложений. Это был опять-таки характерный для Шёнерера демагогический прием.

Тогда же, летом 1882 г., Шёнерер и его единомышленники — немецкие шовинисты — приступают к выработке программы, а в сентябре 1882 г. эта программа, получившая название Липцской, была опубликована в журнале Шёнерера — Першторфера «Deutsche Worte»¹⁸⁵.

В настоящей статье, целью которой было показать историю зарождения и становления австрийского пангерманизма в 70—начале 80-х годов, связанного с именем Георга Шёнерера, мы не останавливаемся на Липцкой программе, так как она по сути только суммировала те программные положения, которые были в предшествующее десятилетие выработаны Шёнерером и его сторонниками и анализ которых составлял предмет настоящего исследования.

Вместе с тем мы не думаем преуменьшать значение Липцкой программы как первой, официальной, если можно так выразиться, программы австрийских пангерманистов, оказавшей большое влияние на дальнейшее развитие австрийского пангерманизма.

Липцкая программа долгое время, еще в первом десятилетии XX в., оставалась программой австрийских пангерманистов, признанной и одобряемой Пангерманским союзом Германской империи. Следует указать, что и сторонники других течений немецких шовинистов Австрии также во многом исходили из основных положений программы. Липцкая программа определила основные направления пангерманской идеологии; социальная демагогия австрийских пангерманистов, на которой мы подробно останавливались выше, нашла в Липцкой программе яркое выражение.

¹⁸⁵ См. нашу статью «Przegląd Zachodni», 1964, № 5—6.

ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

B. M. T u r o k

СТРАНИЧКИ ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АВСТРИИ И НА БАЛКАНАХ¹

Никогда, ни при какой погоде, мне не пришла бы в голову дерзкая мысль писать воспоминания, если бы не следующее письмо из Софии от 17 января 1964 г.:

«Уважаемый тов. Турок!

Институту истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП известно, что Вам пришлось работать с 1923 года в Вене вместе с Георгием Михайловичем Димитровым и другими деятелями нашей партии.

Ввиду того, что этот период жизни и деятельности тов. Димитрова в эмиграции и подполье мало известен, просим Вас написать свои воспоминания. Этим Вы окажете ценную помощь Институту в его работе над биографией выдающегося деятеля БКП и международного рабочего движения.

В ожидании Вашего ответа

С товарищеским приветом
Институт по История на Българска коммунистическа партия
при ЦК на БКП
Директор (проф. Р. Аврамов)».

* * *

Общеизвестно, что из всех литературно-исторических жанров мемуары являются самым трудным и часто обманчивым, несмотря на наилучшие намерения авторов. Через призму четырех десятилетий старое время кажется удивительно добрым и привлекательным, а каждая мелочь представляется необычайно важной для всего человечества. А сам автор при этом как бы раздваивается: ничем не примечательный юноша, присутствовавший, как и ты-

¹ Отрывок из подготавливаемой к печати книги «Улица Коминтерна...»

сячи других современников, при разного рода событиях тех бурных лет, в своих воспоминаниях неожиданно и иногда непроизвольно представляется центром событий, в которых он практически играл роль статиста. Причина проста: каждый помнит главным образом то, что происходило с ним самим, а все окружающее, даже наиболее яркие и выдающиеся события, всплывают в памяти по самым странным, иногда неуловимым ассоциациям. И вспоминается вовсе не самое важное или интересное, а лишь то, что каким-либо образом отразилось на жизни автора воспоминаний и определило цепочку событий его собственной жизни.

Трудно, очень трудно выполнить просьбу Института истории Болгарской коммунистической партии. Слишком давно это было. Многое, собственно почти все, забыто и вспоминается с великим трудом. И почти никого не осталось в живых, и поэтому часто невозможно проверить и уточнить факты. Надо было вспоминать гораздо раньше, но наше поколение не любило писать мемуары: в печальной памяти сталинские годы не вовремя упомянутое имя было опасным как для вспомнившего, так и для упомянутого, и бояться приходилось не только пастоящего, но и прошлого.

Толчком, потянувшим за собой тоненькую пятачку имен и событий, был изданый в Москве в 1960 г. сборник воспоминаний узников Бухенвальда «Война за колючей проволокой». В воспоминаниях Н. Симакова и Н. Кюнга упоминается имя австрийского коммуниста Густава Вегерера. С этим именем связаны многие эпизоды прошлого...

Заведующим московского кафе «Метрополь» на площади Свердлова был в 1931 г. австриец. Поэтому столики были покрыты мраморной доской (как в Вене), а не скатертью, кофе было мокко не только по цвету, но и по вкусу и можно было даже найти журналы с кроссвордами.

В бельэтаже обычно сидел болгарский политэмигрант Железов Георгий (Добрев-Михайлов), работавший тогда в Исполкоме МОПР'а, и читал газеты, если не было очередной жертвы, которую можно было обыграть в шахматы. А играл он артистически, и каждый раз проигравший должен был оплатить официальному прокат доски. В этом заключалась главная прелесть!

Из постоянных посетителей «Метрополя» победить Михайлова мог только Арнольд Бараль, но он предпочитал сидеть внизу в самом дальнем левом углу кафе и обсуждать с Густавом Вегерером и Антоном Рейзингером проблемы социалистической революции в Австрии. За плечами каждого из них были многие годы бурной деятельности в Коммунистической партии Австрии, но теперь всем троим казалось, что их политическая жизнь уже позади и предстоит спокойная и скучноватая работа в канцеляриях и ведомствах. Бараль начальствовал в ипострапном отделе Наркомлеса. Вегерер был испанским специалистом и без видимого успеха изобретал печто очень важное для химической промыш-

лениности. Он мечтал создать искусственный алмаз. Рейзингер помогал Вегереру. Свободное время было заполнено главным образом воспоминаниями о битвах, в которых сражались они, о прошлых днях в Политбюро австрийской компартии и в ЦК комсомола и сожалениями о том, что не наступила мировая революция, хотя было ведь рукой подать... Вегерер с лицом Зигфрида и голубыми глазами мечтателя вдохновенно фантазировал, что работа над изобретением будет вот-вот закончена, Рейзингер неохотно поддакивал, а Бараль подавал ядовитые реплики об отставных политиках, которые ничего не понимают в технике, а берутся за все.

В промежутках между кроссвордами и пасмешками над своими близкими Бараль не переставал возмущаться вероломством венского полицей-президента Шобера. Его, Бараля, прожившего почти всю свою жизнь в Австрии, Шобер поздней осенью 1925 г. выслал из страны за коммунистическую деятельность, как «нежелательного иностранца! Бараль не имел австрийского гражданства, так как его родина — Львов — как и вся Восточная Галиция, после распада монархии Габсбургов осенью 1918 г. отошла к Польше.

По словам Бараля, австрийский жандарм привез его из Вены к какому-то неведомому мостику на австрийской границе и велел небыстро убираться. А по ту сторону оказалась Чехословакия. Бараль пропелся по деревушке и, на свое счастье, не встретил ни одного чехословацкого пограничника; спустя некоторое время тем же мостиком он вернулся в Австрию, голодный и продрогший добрался до первого трактиричка и заказал пиццу и салат из огурцов в уксусе. В этот момент и увидело Бараля педремлющее око австрийского правосудия. Началось судебное дело в окружной венской судебной палате по странному на первый взгляд обвинению в незаконном переходе австрийской границы: на возвращение из Чехословакии у Бараля, естественно, не было никакого разрешения.

Все это было бы очень похоже на либретто к оперетте Иоганна Штрауса, но могло кончиться трагически, так как Баралю на этот раз угрожала высылка в Польшу, где он был заочно приговорен к смертной казни. В октябре 1925 г. корреспондент Польского телеграфного агентства ПТА торжествующе сообщил из Вены: «Арестован известный коммунист Арпольд Бараль, опасный большевистский агитатор, который участвовал в Польше в различных преступлениях и был заочно осужден к смерти». В жизни Бараля это был 26-й по счету арест.

Под расписку вырвавшись на несколько дней из тюрьмы, Бараль обратился за помощью к Отто Бауэрю, как депутату парламента. Выслушав просьбу о защите от полицейского произвола, Отто Бауэр задал несколько неожиданный вопрос: «Неужели Вы действительно считаете меня агентом империализма?». Бараль

с каменным лицом ответил, что в этом вопросе, как, впрочем, и во всех остальных, он полностью стоит на позициях Коммунистического Интернационала. Наступила очередь Отто Бауэра сделать каменное лицо, и он сухо сообщил, что не видит необходимости вмешиваться. На этом беседа закончилась, и Бараль был спасен из Австрии. Жизнь ему спасло Советское правительство, давшее разрешение на въезд в СССР.

Многое из той эпохи кажется теперь нереальным и странным. Вена начала 20-х годов нашего столетия почти так же далека от наших теперешних восприятий и представлений, как Германия времен Великой крестьянской войны XVI в. или Европа в период революции 1848 г. Трудно поверить, что пыпепия респектабельная спокойно-буржуазная Вена была в те годы одним из крупных центров международного рабочего движения. Австрия была страшной буржуазной демократии. А рядом зверствовал белый террор хортистской Венгрии, королевской Югославии, царковской Болгарии, румынской сигуранцы. Вена была тогда спасительным островом для эмигрантов из балканских стран и транзитным пунктом для многих других.

В разные годы здесь побывали народные комиссары Советской Венгрии, на митингах в здании ратуши выступали Апри Барбюс и популярный в те годы своей левизной секретарь Интернационала транспортников Эдо Фиммен. Здесь находился в течение длительного времени президент Балканской коммунистической федерации с Георгием Димитровым, Дьюкой Цвичем, Борисом Стефановым, Димитрием Ламбревым. В Вену, после поражения Гамбургского восстания и разгона рабочих правительств Саксонии и Тюрингии, Юлиус Алльари в конце 1923 г. перебазировал очень важное периодическое издание Коммунистического Интернационала — так называемый Инпрекорр вместе с его редакторами: французами Виктором Сержем (Кибальчик) и Пети с его веселой, но изнывавшей от скучи женой-француженкой, судетским племцем Рунге и другими сотрудниками немецкого и французского издания. В Вене находились и немецкие политэмигранты. Приезжали туда на некоторое время видные деятели международного коммунистического движения Филипп Филиппович (Бошкович), Триша Кацлерович, Владимир Милитиш, Ян Стэн, Ян Страуян, Ефим Цейтлин, Антонио Грамши. Свое последнее возвращение через Вену в Румынию совершил весной 1925 г. Павел Ткаченко. В Вене проходили школу классовой борьбы Павел Финдер, Стах Губер. И многие другие, забытые или полузабытые деятели рабочего движения всплывают в памяти иногда в виде живого и яркого образа, но чаще, к сожалению, как расплывчатое облачко смутных воспоминаний.

Австрийская республика 20-х годов была полна контрастов и неожиданностей. На почтовых марках Республики одноглавый орел с короной на голове держал в одной лапе серп, а в другой

молот. Это напоминало эмблему Советской России, но вместе с тем вызывало и недоумение. А на груди орла красовался красно-бело-красный щит, и опять было непонятно: то ли это красный цвет революции, то ли щит Бабенбергов, почему-то перепесенный в Республику с герба монархии. Тяжело больной католический прелат Игнац Зейпель, тогдашний канцлер Республики, часами лежал крестом, с распластанными руками на холодном каменном полу церкви монастыря ордена меихтиаристов, что позади Дворца юстиции, вблизи здания парламента. А затем федеральный канцлер отправлялся на заседание парламента и, пройдя мимо высокой статуи Афины Паллады, стоявшей у входа в парламент на страже разума, подолгу спорил с Отто Бауэром и опровергал австромарканизм цитатами из поучений святого Августиния.

Австрийскому бургеру, читавшему в газетах об охоте «лучшей в мире» австрийской полиции за коммунистами, существование иностранных революционеров в Вене, по всей вероятности, казалось таинственной и совершиенно немыслимой экзотикой, такой же фантастической, как повеллы Эриста Теодора Амадеуса Гофмана. Несмотря на демократические аппараты Республики, любой иностранный революционер ежеминутно находился под страхом ареста и выдачи полиции своей страны. В этом самом передовом буржуазно-демократическом государстве Европы 20-х годов не были отменены, несмотря на революцию, многие полицейские запоны монархии Габсбургов времен самой черной реакции 50-х годов XIX в. От демократии до тюрьмы передко вел один шаг.

* * *

Неудивительно, что после того, как в течение десятилетий волны цунами смывали всех, кто попадался на их пути, из балканской коммунистической эмиграции почти никто не остался в живых. Из австрийских коммунистов и комсомольцев тех лет осталось ко времени XX съезда КПСС не больше 200—300. Маловато, но, впрочем, их и было всего около 3—4 тыс. Сейчас даже странно думать, что нас было так мало и что окружавшим нас людям мы, очевидно, представлялись привидениями из какого-то другого, не совсем понятного мира. Тогда мы были твердо уверены, что именно за нами уже идет большинство человечества: мы были молодыми, веселыми и, конечно, всегда удивительно шумными; может быть, именно это и создавало впечатление, что нас так много. Кроме того, все были абсолютно убеждены в том, что если не завтра, то уж во всяком случае на днях начнется мировая революция. Каждая забастовка, где бы она ни происходила, воспринималась как начало начал. В докладе о международном положении на собрании комсомольской районной организации в Гернальсе (17-й район Вены) тогдашний член ЦК комсомола Фридрих Хексман сделал в начале 1922 г. следующий прогноз: либо немедленно

произойдет революция и переход к социализму, либо «пазд к варварству».

При всей своей малочисленности коммунистические демонстрации в Вене были необычайно звонкими. Идя по Риигу (центральная кольцевая улица), вся колонна непрерывно пела или выкрикивала лозунги, наслаждаясь тем, что некоторые прохожие шарахались в сторону, увидя красное знамя с пятиконечной звездой на древке. Австрийское мещанство еще не забыло того панического страха, который опо испытывало между мартом и августом 1919 г., когда в двух-трех часах езды от Вены находилась Советская Венгрия с Бела Куном, Тибором Самюэли, Революционным трибуналом и Красной Армией.

Песни австрийских коммунистов были непривычными и незнакомыми для буржуазной и социал-демократической Вены. Как правило, они были приспособлены к ритму быстрого, победного марша. Всегда пели «Интернационал», затем польское «Красное знамя» в переводе Розы Люксембург («Слезами залит мир безбрежный»), «Варшавянку», итальянскую «Бандера росса». Этую песню итальянских рабочих особенно любили за ее ясность для людей любого языка («Риволюционе, риволюционе»). «Бандера росса» дожила до нынешнего времени. Когда в автобусе из Будапешта по дороге на озеро Балатон в мае 1964 г. итальянский профессор Флорентийского университета коммунист Эрнесто Раджионери начал первый куплет, то историки из ГДР немедленно подхватили остальные.

В Вене «Бандера» появилась случайно: на демонстрации единого фронта, созванной 20 апреля 1922 г. решением берлинской конференции трех Интернационалов (второго, двухсполовинного и третьего), болгарский студент-коммунист, до того учившийся в Италии, спел в колонне студентов-коммунистов эту песню. Колонна стала подпевать сначала припев, а затем и всю песню. Пока стояли час или полтора на Геррингассе и ждали очереди, чтобы виться в огромную, двухсоттысячную демонстрацию, студенты заливались по-итальянски. Подходили рабочие социал-демократы из районных колонн, с интересом слушали, спрашивали, откуда появились «итальянцы», но сами не подпевали: социал-демократы от своих лучших времен сохранили только хоровое пение на собраниях (главным образом «Песнь труда»), а на демонстрациях не имели обыкновения петь. Несколько странное это бывало зрелище, когда многие десятки тысяч проходили мимо парламента и молчали. Возникало впечатление, что они отывают совининость и торопятся домой. Конечно, в особо бурные дни бывали и исключения, но тогда не пели, а кричали. Впрочем, разница между демонстрациями социал-демократов и коммунистов объяснялась еще и тем, что у коммунистов была главным образом молодежь, а на социал-демократических демонстрациях преобладали солидные, спокойные, пожилые рабочие. Так или иначе,

через несколько дней «Бандера росса» стала одной из любимых песен коммунистов Вены и особенно комсомольцев. Получила некоторое распространение и песня болгарских рабочих («Да живей, живей труда»).

Несмотря на все эти, иногда случайные, заимствования, хороших марлевых песен не хватало. Поэтому иногда пели, что попало, не слишком вникая в смысл. В ходу, например, были песни Баварской советской республики. Просуществовала она в апреле 1919 г. всего две недели, и песни, полученные в последие от нее, часто представляли собою паспех, и притом не очень удачно, переделанные вариации на прежние мелодии с новыми словами. Потом появились другие, более подходящие и более осмыслиенные песни.

Очень популярными становились русские революционные песни, старые и новые (например, «Смело, товарищи, в ногу», «Мы кузнецы, и друг паш молот», «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян»). В Вену они проникали разными путями. Особенно популярной была «Молодая гвардия». Австрийский комсомол перепечатывал и распространял берлинское издание журнала «Югенд-Интернационале». В одном из номеров журнала был напечатан немецкий перевод текста с нотами.

Частично распространению русских песен содействовал «Федя». Таков был псевдоним старого революционера из русской Польши, который был еще членом социал-демократии Польши и Литвы и сразу после окончания войны стал коммунистом. Время от времени он то появлялся в Вене, то опять исчезал. «Старым» он казался тогда потому, что ему было уже лет под тридцать. А фамилии никто, кроме его польских друзей по партии Стаха Губера и Романа Вольского, да еще Арнольда Барала, тогда не знал. Только позднее прояснилась причина таинственности, окружавшей «Федя»: он был строго законспирирован и занимался самой секретной из всех секретных работ. Три языка Федя знал, как бог: русский, польский и немецкий, и в свободное время занимался переводами. Так, например, в 1921 г. он перевел на немецкий язык и издал в «Арбайтер-буххандлунг» (так назывался тогда книжный магазин австрийской компартии, выполнявший также издательские функции) сборничек рассказов, переведенных с русского и польского, под названием «Птак». Свое псевдоглавое имя переводчик ввел в литературу: на сборнике значилось: «Перевел Федя».

Некоторые песни Октябрьской революции и гражданской войны привезли в Австрию красивые профессора. Примерно в феврале 1924 г. в Вену приехала и оставалась здесь до апреля группа выпускников Института Красной профессуры. Это был первый выпуск Института, и всех выпускников послали в заграничную научную командировку соответственно в Берлин, Вену и Лондон. Приезду группы в Вену предпоставили длительная переписка с австрий-

ским послаником в Москве и объяснения с австрийским министерством иностранных дел: чиновники буржуазной Австрии осведомлялись, не являются ли господа профессора коммунистами. Когда, естественно, выяснилось, что все икаписты были членами РКП(б), да к тому же еще участниками гражданской войны, то австрийские дипломаты начали выражать опасения, что красные профессора займутся «большевистской пропагандой» и бедная Австрия погибнет. В неофициальных беседах представители австрийского министерства намекали, что нехорошо присыпать в правовернокатолическую Австрию группу, в которую входит несколько евреев: «немецко-национальное» студенчество Венского университета может по этому поводу организовать сверхочередной дебоц.

Положительную роль сыграл для исхода переговоров австрийский посланик Отто Поль, который был социал-демократом левых взглядов. Он, как и в ряде других случаев, разъяснял своему министерству, что если не допускать приезда из СССР коммунистов, то Советское правительство вправе будет запретить въезд в Москву членам правящей в Австрии христианско-социальной партии, а также и членам социал-демократической партии, и от этого взаимоотношения между Австрией и СССР отнюдь не выиграют.

Отто Поль не особенно заботился о сохранении в данном случае дипломатической тайны, и австрийское министерство выпущено было капитулировать. Группа икапистов приехала в Вену. Это были: Сергей Радин, Дмитрий Марецкий, Иосиф Литвинов, Абрам Соломонович Мендельсон, Дав Розит, Элькаш Гольденберг, Николай Стремоухов, которого все звали «Япончиком» за его монгольскую внешность и малый рост, Юрий Каплинский, которого для краткости называли «Каца». Все они позднее занимали, до поры до времени, важные партийные и государственные посты. Года через два мне довелось зайти в редакцию «Правды» на Страстной площади к Марецкому. Он был членом редколлегии и вел иностранный отдел. В ходе беседы Марецкий вспомнил приезд икапистов в Вену и сказал, что вот все находятся на интересной работе и только «Япончик» оказался неудачником и застрял пропагандистом в Донбассе. Со временем этой беседы прошло больше тридцати лет, и неизвестно, где теперь Николай Стремоухов, но из его удачливых коллег в живых остался, кажется, только А. С. Мендельсон.

Икаписты посетили в Вене университет, были в муниципалитете, на заводах, несколько раз побывали на студенческих собраниях и на небольших собраниях австрийских коммунистов. А. С. Мендельсон сделал доклад об экономическом положении СССР на общем собрании «Союза студентов из России» (это были главным образом студенты из Бессарабии). Правда, доклад был омрачен тем, что два-три белогвардейских эмигранта явились на собрание и пытались устроить обструкцию. Общее восхищение вызы-

вало умение красивых профессоров разговаривать с рабочими и сразу устанавливать дружеские отношения. В Арсенале (один из крупных заводских комплексов Вены) Иосиф Литвинов вызвал улыбку рабочего, когда во время обеденного перерыва стал ощущать завтрак: две сардельки и кружка пива. Икалисты довольно пасмешливо отнеслись к всеобщему тогда увлечению рабочих Вены карликами садовыми участками в окрестностях столицы. Социал-демократическое большинство венского муниципалитета всячески поощряло это увлечение. Каждое воскресенье рабочий копошился среди цветочков, морковки и салата, кормил кроликов, строил небольшую беседку или примитивную хибарку и воображал себя как бы земельным собственником. Это отвлекало от мыслей, отнимало свободное время от собраний и демонстраций и вместе с тем несколько улучшало бюджет рабочей семьи, жившей тогда в Австрии впроголодь. Икалисты считали это типичным проявлением социал-демократического мещанства. Более терпимо они отнеслись к другому, также всеобщему развлечению трудовой Вены: в виноградниках Гриппинга вся группа с удовольствием сидела на скамьях за покрашенным столом в огромном зале простого, парочно иначе не украшенного трактира, пила кисленькое молодое вино нового урожая, слушала, как оркестр играет народные мелодии и вальсы Штрауса, а рабочие кругом подпевают.

У большинства приехавших в Вену икалистов был приятный голос, и все они любили музыку. Исключением был «Капа»: от музыки у него начипалась мигрень, и когда не поверившие этому студенты силой потащили его в Большой зал дома искусств на «Шелкунчика», то весь остаток дня он лежал с мокрым полотенцем на голове.

Каждый раз в конце студенческого или рабочего собрания икалисты пели песни гражданской войны. Особым успехом пользовалась песня «Красная Армия, черный барон». С легкой руки икалистов песня о том, что «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильней», стала популярной в Вене. Запевалой всегда был А. С. Мендельсон. Он был самым старым, лет под сорок. Даже Розит был младше, ему было под тридцать. Все остальные были на уровне лет 23—26. Когда-то, в свои доикалистские времена, А. С. Мендельсон кончил Киевскую консерваторию, был ярким демонически-черным брюнетом с большой шевелюрой и острой бородкой и слегка напоминал Мефистофеля из Венской государственной оперы.

Одновременно с советской песней в Вену проникли и стихи Маяковского. Кажется, впервые познакомил с ними студентов Вены Борис Шлихтер, сын советского полицьера. На студенческих вечерах чтение Шлихтером стихов Маяковского вызывало бурный восторг, особенно призыв шагать левой.

Традиции революционной песни уходили не только в Советскую Россию и в международное рабочее движение, но и далеко

назад, в прошлое Германии и Австрии. Комсомольцы часто пели песни Великой крестьянской войны XVI в. и с особым наслаждением повторяли обещание «Пустить на монастырскую крышу красного петуха». Большое неудовольствие полиции обычно вызывала песня времен революции 1848 г.: «Смахем гильотину жиром князей», и особенно содержавшаяся в этой песне предупреждение, что «кровь потечет густым потоком».

Комсомольцам, певшим эти куплеты, конечно, не приходило в голову, что, быть может, только-только дожили свои дни последние участники революции 1848 г. По крайней мере, при перелистывании гораздо позднее комплектов «Нейе Фрайе Прессе» за 1918 г. обнаружилось, что 12 марта 1918 г. в ознаменование очередной, 70-й годовщины революции в одном из ресторанов Вены состоялось традиционное заседание «Клуба академического легиона», т. е. боевой организации студентов Вены времен революции 1848 г. На эту ежегодную встречу явились последние четверо бывших студентов Венского университета. Их вели под руки виучки и правищушки: двум, помоложе, было по 86 лет, а двум другим 87 и 94 года. Вряд ли эти четверо помнили песню о гильотине.

Если полиция и бурггерство не пели песни 1848 г., то некоторые более современные песни пролетариев Вены приводили жандармов в состояние беспечности. В их число входила «Песня о Герльгассе», напоминавшая о расстреле коммунистической демонстрации на этой улице в июне 1919 г. Песня копчалась словами: «И ты, негодяй, полицейский-президент, увидишь, как мы с тобой поступим!» Была еще одна старая песня, возникшая в начале века, при звуках которой полицейские сразу хватались за свои резиновые дубинки: «Государство в опасности... Оно боится народа, который оно обмануло». Практически запрещенной стала эта песня, когда комсомольцы спели ее двумя дополнительными, не самыми вежливыми куплетами о федеральном канцлере Зейпеле и венском полицейском президенте Шобере. Полицейские зверели, слыша вопрос и немедленный ответ: «А что сделать с Шобером? Отправить его в мясорубку!»

Как-то вечером в Гернальсе (один из рабочих районов Вены) 15—20 комсомольцев, возвращаясь весной 1922 г. после собрания, взялись под руки и, построившись по четыре в ряд, пошли по мостовой, громко выражая на всю улицу свое мнение о государстве. Неожиданно откуда-то вынырнули два жандарма и без всякого предупреждения, обхватив сабли, ринулись на группу юношей. Они рассыпались в разные стороны. Человек пять-шесть бросились в подъезд какого-то, на счастье, многоэтажного дома, мигом взбежали на самую верхнюю площадку и там притаились, с трепетом ожидая, что будет дальше. Один из жандармов сгоряча пробежал два или три этажа таким же галопом, но это был хотя еще и молодой, но довольно грузный парень. Он быстро устал, а может быть, побоялся тишины наверху и какого-нибудь сюрприза.

риза, так как действие происходило в одном из рабочих районов и жандармы не любили в таких случаях оставаться в одиночку. Так или иначе, представитель любимого государства прорычал на прощанье еще несколько ругательств, ушел, и, таким образом, все окончилось благополучно.

* * *

Если коммунистов вообще было мало в Вене, то в университете, а особенно в технических высших учебных заведениях как Вены, так и тем более провинции, они были совершенной редкостью.

Как-то в читальном зале Hochschule für Bodenkultur (Высшее училище землеведения), куда я пришел первый раз в жизни вместе с каким-то знакомым болгарином-коммунистом (кажется, это был Гыбев), я сидел и читал «Роте Фане». Болгарин попросил убрать газету: не надо попарапасну раздражать окружающих студентов, ведь он ежедневно сидит рядом с ними на лекциях и у него могут быть неприятности, если его заподозрят в большевизме. Я сложил газету, но очень удивился: в молодые годы я почти ничего иного, кроме «Роте Фане», не читал и думал, что другие делают то же самое. Много раз я приходил в огромный читальный зал университета, садился за один из длинных столов, набрасывал на плечи теплую куртку (топили плохо), разворачивал «Роте Фане» и погружался в чтение передовых статей о мировой революции. А в нескольких шагах стояла к дежурному очередь из десяти—пятнадцати студентов и ожидала, когда освободится место. Только теперь я понимаю, как они бесились.

В Высшем училище землеведения не было других коммунистов, кроме болгар, да и тех было только человек десять. Даже социал-демократов в этом учебном заведении почти не было: черная волна реакции заливала в то время высшие школы Австрии. Время от времени происходили беспорядки. Толпа фашистующих студентов, вооруженных палками, занимала актовый зал в нижнем этаже. У входа в здание университета становились пикеты и не выпускали «евреев и марксистов». Внизу насыпи, которая вела к входным воротам, стояла полиция и наблюдала за тем, чтобы столкновения и побоища не распространялись за пределы университетской территории. Входить в здание полиция не имела права: университет пользовался территориальной автономией. Эта когда-то прогрессивная привилегия была использована реакцией для того, чтобы установить свое господство в высших школах.

По субботам университет представлял странное зрелище. Оно называлось «руммель». В квадратном внутреннем дворике прогуливались вдоль стен студенты корпораций. Каждая корпорация шла отдельно в военном строю, но очень медленно, обходя несколько раз вокруг дворика. Все были при шагах, в студенческих шапочках с трехцветной каймой, с трехцветной лентой через

правое плечо вокруг туловища, в белых штанах и высоких сапогах со шпорами, с удивительно тупыми лицами, испещренными шрамами от ударов на дуэлях. Корпораций было много: Норика, Австрия, Рудольфина, Нибелунгия, Франко—Бавария, Вельфиа и др. Корпорация в Высшем училище землеведения называлась «Pflug» («Плуг»). Католические студенческие союзы отличались от «немецко-национальных», т. е. нацистских или полунацистских, тем, что запрещали дуэли. Внутренняя спаянность корпорантов была очень сильной. В католических союзах «бурш», т. е. студент третьего семестра, приносил торжественную присягу, что будет пожизненно состоять членом корпорации. Он обязан был общаться преимущественно с членами корпорации, помогать им всем, чем может, оставаться после окончания университета в своей корпорации в качестве «пожилого господина» (Alter Herr) и помогать продвижению по службе других «пожилых господ» из своей корпорации. В каких бы чинах ни состояли корпоранты в дальнейшем, они всю жизнь оставались па «ты», считались друзьями и братьями и поглощали по субботам и на праздниках корпорации невероятное количество пива, притом обязательно в пивной своей корпорации.

Пробиться к студентам-корпорантам с какой-либо социалистической пропагандой было практически невозможно. Ни разу не приходилось слышать, чтобы хоть один корпорант стал социал-демократом или коммунистом. Корпорации прочным кольцом опоясывали основную массу студенчества и изолировали ее от пропаганды левых взглядов. При этом корпоранты вовсе не принадлежали к более состоятельным слоям студенчества, некоторые социалисты были значительно богаче. Мне удалось в разное время и по разным поводам прочитать несколько годовых отчетов католических корпораций. Вот, например, что говорилось в отчете «Франко—Бавария» за 1925/26 учебный год: «В общем экономическое положение довольно плохое, так как около 70% братьев по союзу должны покрывать стоимость обучения и расходы по корпорации, давая уроки или подрабатывая другими путями. Среди нас имеются братья по корпорации, ежемесячный доход которых едва превышает 50 шиллингов». Для сравнения можно добавить, что мой собственный ежемесячный доход равнялся 700 шиллингов.

Тем не менее именно пищие и полунищие корпоранты и были резервом фашизма. Вместо того, чтобы бороться против капитализма, обрекавшего их на голодное прозябание, эти студенты предпочитали участвовать в попойках, в еженедельном «руммелле» и в погромах в надежде, что после окончания университета корпорация даст им хорошо оплачиваемую должность. А чего доброго, можно стать и министром! Корпорации входили в объединение, которое именовалось «Картель-фербанд» и неусыпно следило за тем, чтобы на государственные должности принимались главным

образом члены корпораций. А социал-демократы заботились о заполнении своими сторонниками должностей в муниципалитете Вены, в больничных кассах, в профсоюзах и т. д. Так как должностей тем не менее не хватало, то протекционизм принимал грандиозные размеры. Значительная часть австрийской интеллигентии, в особенности ее передовые слои, вынуждена была эмигрировать. Происходил своеобразный процесс, получивший в первой Республике название «распродажи духовных ценностей». Многие таланты искали и находили применение за пределами Австрии.

Лишь крохотная часть австрийских студентов переходила на сторону рабочего класса, поэтому подавляющее большинство студенческой коммунистической организации составляли иностранцы. В связи с этим возникали самые неожиданные затруднения. Студенческая коммунистическая организация, как и все студенческие союзы, подлежала официальной регистрации в ректорате. Для того, чтобы уменьшить гонения со стороны университетской администрации, облегчить получение зала для доклада или лекции, организация была зарегистрирована не как коммунистическая, а под наименованием социалистической («Freie Vereinigung Sozialfischer Studenten»). Этим достигалось и некоторое облегчение для иностранных членов организации: открытая принадлежность иностранца к коммунистическому объединению трактовалась как недозволенная антигосударственная деятельность и могла повлечь за собой исключение из университета и последующую высылку из Австрии в административно-полицейском порядке. Название организации сохранилось от прошлого: когда-то, в годы войны 1914—1918 гг., социалистическая студенческая организация под этим названием выступала под руководством центристов (Макса Адлера и других) против правых социал-шовинистов; позднее к ее руководству пришли левые. Старое название сохранилось в течение нескольких лет и после того, как эта студенческая организация стала коммунистической.

В ректорате, конечно, хорошо знали, что имеют дело с коммунистами, но мерились с этим. При регистрациях надо было сообщать имена председателя и секретаря комитета организации. Поэтому процедура выбора официального председателя несколько осложнялась: иностранцы не годились. Осенью 1922 г. два прежних руководителя вышли в отставку. Это были Давид Бергман и Рудольф Шлезингер. Оба были уроженцами Вены и австрийскими гражданами, поэтому не испытывали неудобств от регистрации, но к этому времени они вспомнили, что даже самый великовозрастный студент должен когда-либо заканчивать обучение, а при их необычайной политической активности и так уже много времени ушло отнюдь не на занятия медициной. Итак, был избран новый председатель: студент Политехнического института Мёдлагель. Для регистрации в официальных инстанциях университета он

подходил по всем статьям: высокий, стройный ариец с голубыми глазами и русоволосый, а говорил на таком немецком языке, что за версту можно было узнать коренного австрийца. На первых порах у него был один недостаток: отсутствовало обычное для гуманитариев умение быстро ориентироваться в обстановке и руководить прениями, иногда довольно бурными. Первое время будущий инженер-электрик смущался, бледел, краснел и порывил как можно быстрее пробормотать что-либо невнятное. Однако вскоре Мёдлагель освоился и со временем стал прекрасным партийным работником. Он благополучно прошел тяжелые этапы жизни своей страны, сохранил преданность партии и, хотя не был в эмиграции, а оставался в Австрии при гитлеровской оккупации, уцелел. После освобождения Австрии Советской армией Мёдлагель стал секретарем областной организации австрийской компартии в Бургенланде, а затем работал инженером по своей специальности.

Одним из последующих председателей студенческого союза был Павел Фишдер, или, как его тогда называли в Вене, Пауль Финдер. К осеннему семестру 1923 г. в университете появились два новичка. Первое время они держались вместе, так как были земляками и приехали из Билице (пебольшой городок в той части австрийской Силезии, которая отошла к Польше). К тому же они учились там в одном классе гимназии и одновременно ее окончили. Это были Павел Фишдер и Гуго Гупперт. По образованию и воспитанию оба, как и большинство евреев в бывших австрийских землях, были людьми немецкой культуры и немецкого языка. Фишдер, смеясь, называл себя «водянистым поляком» (*Wasserpoliak*). Этим термином тогда в шутку именовали в Вене поляков, подавшихся опемечиванию. Тем не менее Фишдер неплохо говорил по-польски и отнюдь не считал себя немцем. В отличие от Гупперта, который натурализовался в Австрии и оставался австрийским подданным, Фишдер никогда не порывал связи с Польшей. По характеру эти два 20-летние юноши были очень различными. Гупперт был сыном почтового чиновника, т. е. персоны для такого городка австро-венгерской монархии, как Билице, весьма значительной. Может быть, чиновная среда и определила некоторую чопорность и внутреннюю замкнутость Гупперта. Он был очень активным членом студенческого союза, но все же оставался человеком несколько академического склада, хотя избранная им специальность (он поступил на факультет общественных наук) требовала как раз широкого общения с людьми. В дальнейшем он многие годы провел в СССР (в том числе два-три месяца на Лубянке в 1938 г.), окончил Институт Красной профессуры (отделение литературы) и стал мастером слова. В совершенстве владея и немецким и русским, Гупперт стал непревзойденным переводчиком Маяковского и, кроме того, прославился переводом «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Финдер был доподлинно массовым человеком. Веселый, общительный и остроумный, он располагал к себе с первых слов. Став председателем студенческого союза, Финдер систематически добивался полного осуществления решения ЦК австрийской компартии, высеченного еще в 1922 г. Это решение требовало, чтобы каждый студент-коммунист, кроме членства в студенческой организации, стал членом территориальной организации компартии или комсомола своего района. По разным причинам это решение выполнялось плохо. Во-первых, двойное членство было обременительным для бюджета времени студента: удавалось число заседаний и собраний и число поручений, а ведь, кроме того, надо было еще и заниматься науками. Во-вторых, студенты-иностранные побаивались высылки из Австрии до окончания университета. На одном из общих собраний студенческой организации Финдер очень темпераментно изложил задачи интеллигента в рабочем движении: недостаточно только овладеть теорией марксизма; революционный марксизм заключается не только в чтении книг, но и в выполнении определенных правил повседневного поведения в жизни, общение с рабочими, знания их интересов, умения говорить с ними, паконец, просто в человеческих взаимоотношениях с рабочими. С привычки и запах машинного масла может показаться слишком резким и неприятным.

Приехав из Польши, где в те годы бурлило мощное революционное движение, и очутившись в более спокойной Австрии, Финдер вместе с тем многому здесь научился и прежде всего впитал в плоть и кровь интернационализм коммунистического движения. Не только Вена, которая как таковая была тогда международным центром, но и студенческий союз как таковой был своего рода интернационалом, ибо среди его членов были австрийцы, немцы, поляки, украинцы из Галиции и Буковины, румыны, мадьяры, русские из Бессарабии и из Советской России, югославы и многие другие. Был даже один грузин. Это был приемный сын председателя ЦИК Грузинской ССР Филиппа Махарадзе. Грузинский и выглядевший вдвое старше среднего студента, он научился довольно быстро пакленивать на рекламные стенды возвзвания компартии: быстрота была средством самозащиты, ибо самочинно что-либо раскленивать строго запрещалось законом, а ночные полицейские всегда держали в руке резиновую дубинку.

Гуманитарию трудно, копечно, судить, чему научился Финдер в химических лабораториях Венского университета, тем более, что в Вене он не закончил образования и переехал в Париж (кажется, в 1925 г.). Но для Финдера, как будущего коммуниста-подпольщика и первого секретаря ЦК Польской Рабочей Партии, Вена играла очень большую роль в формировании его мировоззрения. Большое влияние на Финдера оказала тесная дружба с Губером. Она как бы персонифицировала передачу молодежи огромного опыта старшего поколения польских революционеров.

В 1934 г. в Москве, вспоминая Финдера, который к тому времени стал уже крупным деятелем коммунистического движения, Губер с гордостью сказал, что Финдер был его учеником и прошел великолепную школу польского, австрийского и французского рабочего движения, восприняв лучшие традиции рабочего движения всех трех стран.

Не только на Финдера, но и на всю студенческую молодежь Стах Губер оказывал очень большое влияние. Собственно, настоящая фамилия Стаха — Губерман. Он был родным братом известного польского скрипача Бронислава Губермана, и когда брат приезжал на гастроли в Вену, Стах посещал его в отеле «Империаль», одном из самых фешенебельных отелей Вены, по востальному особых родственных чувств не проявляя. Правда, мы судили об этом не потому, что он не любил говорить о своем брате, а главным образом потому, что никогда не раздавал нам контрамарок на концерты Губермана, и приходилось покупать билеты, стоявшие довольно дорого.

Маленький, коренастый и плотный, с удивительно лукавыми глазами, Стах был всегда веселым и остроумным. По остроумию он уступал только Баралю, но зато его шутки были менее ядовитыми, чем баралевские, и потому на него не обижались. Большой лоб и умные глаза располагали, и обычно Стах сразу палаживал хорошие отношения с окружающими. Бараль довольно ядовито называл его «преуспевающим», но сам Губер гордился своими жизненными успехами и любил их подчеркивать. В жизни Губера были однако два случая, когда он потерпел серьезную неудачу. Первый раз, когда его в середине 1929 г. вывели из кандидатов в Политбюро Коммунистической партии Польши за примирение с правом уклону. Вскоре после этого решения Губер стал заместителем заведующего отделом Центральной Европы в Профинтерне. Вторая неудача Стаха была окончательной и непоправимой. В 1935 или 1936 г. он летел куда-то из Ленинграда на самолете «Дерулюфт», и самолет разбился. Все погибли... Правда, смерть, вероятно, спасла Стаха от участи еще более ужасной, ждавшей его в 1937 году...

Губер был неплохим организатором, очень практичным и деловитым. По-русски он говорил великолепно, так как был уроженцем Царства Польского, и в обычной беседе полонизмы нечувствовались. Но когда он однажды сделал в «Союзе студентов из России» доклад о годовщине Октябрьской революции, то вдруг почувствовалось, что Стах менее тверд в русском языке, чем это казалось, и, например, несколько раз сказал «большевики проповедывали» вместо «большевики предсказывали».

В австрийской студенческой организации Губер активизировался примерно с середины 1922 г., став членом комитета, и сразу стал играть очень большую роль, так как по своему организационному и политическому опыту был, конечно, на несколько

голов выше любого из нас. Прежде всего он был значительно старше и с 1916 г. состоял членом социал-демократической партии Польши и Литвы, работал в Берлине с соратником Розы Люксембург Тышкой (Иогихес) во время войны, чем очень гордился, хотя весьма подробно и конкретно рассказывал, какой тяжелый характер был у Иогихеса. В университете Губер был в общем «вечным студентом» потому, что долгое время занимался главным образом политической деятельностью, но затем стал довольно усердно учиться на факультете государственных наук и работать в семинаре профессора Карла Грюнберга. Профессор был известен своими левыми взглядами и из-за этого был вынужден в 1924 г. покинуть Венский университет и перебраться во Франкфурт-на-Майне. Семинар Грюнберга пользовался в университете репутацией центра марксистского студенчества и противостоял реакционному семинару Оттмаря Шпана, который уже тогда становился теоретиком корпоративного фашизма.

Губер принадлежал к тому кружку любимых учеников Карла Грюнберга из среды коммунистов, которые оказывали немалое влияние на своего учителя (студенты-близнецы — Фриц и Ганс Глаубауфы, Герман Вижницер, Хельми Либкинхт, Гуго Гуншт и др.). С помощью Губера Карл Грюнберг установил связь с московским Институтом Маркса—Энгельса, переписывался с Рязановым, посыпал ему некоторые материалы по истории рабочего движения и т. д. Многие ученики Грюнберга затем работали в ИМЭЛ'е при Рязанове.

* * *

Одной из самых многочисленных национальных групп при австрийском студенческом союзе была в течение долгого времени болгарская группа. Она считалась составной частью болгарского комсомола, но вместе с тем входила в состав студенческой организации австрийской компартии.

Болгарские коммунисты охотно приходили на теоретический семинар, который в январе 1922 г. организовало «Фрейе Ферейпинг». Сначала шли занятия по политэкономии, которые вели тогдашний главный редактор «Роте Фане» Каличер. Он, собственно, пересказывал книгу Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Занятия по историческому материализму вели Георг Лукач, живший тогда в эмиграции в Вене. Законы диалектики разъяснял студентам Генрих Яблонский, довольно великовозрастный рыжий поляк. Губер считал его великим ученым, и, действительно, он был образованым человеком, во всяком случае, гораздо выше студенческого уровня, но оказался закорепелым фракционером. Семинар по философии вела еще Фрида Рубинор. Она казалась нам очень похожей на классную даму.

Еще охотнее посещали болгары читальный зал русского союза «Братство». Термин «зал» плохо передает обстановку каморки на

чердаке большого жилого дома в заднем дворе здания среднебуржуазной респектабельности, в начале Верингерштрассе, поблизости от университета. Здесь помещалась библиотечка русского союза «Братство», организованного до войны русскими социал-демократами, в течение долгого времени находившимися в Вене в эмиграции. Осенью 1921 г. председателем «Братства» числилась Раиса Адлер, жена известного венского психолога и основателя одной из конкурирующей с фрейдизмом школ индивидуальной психопатологии профессора Альфреда Адлера. К этому времени Раисе Адлер было уже, паверное, лет 50 (конечно, по нашему тогдашнему юному счету, на деле она могла быть значительно моложе). В молодости она эмигрировала из России, где была социал-демократкой, и в самые первые годы XX в. вышла замуж за Альфреда Адлера. Мы относились к Раисе Адлер с уважением, а она, хотя и была центристом австромарксистского толка, но была в тот период лояльно настроена к Советской России, а кроме того явно испытывала удовольствие от болтовни с молодежью, да притом по-русски. Самое важное для нас заключалось в том, что Раиса Адлер не возражала против использования ее имени перед полицией. Русский неэмигрантский союз сам по себе уже был подозрительным, а Раиса Адлер как жена известного профессора была вне подозрений. Поэтому регистрация ее имени в качестве председательницы «Братства» освобождала от многих забот. Практически союз к этому времени уже не существовал, и все «Братство» состояло из трех австрийских коммунистов, также эмигрировавших когда-то из России. Это были Юлиус Лепский, Михаил Шифрип и его брат Лазарь Шифрип («Лазарип»). Все трое в августе 1922 г. уехали в Москву, оставив памятные ключи и Раису Адлер, и после этого фактическими хозяевами «Братства» осталась «Фрейе Ферайнингунг».

Помещение на чердаке было не очень большим и не самым удобным, но оно было единственным местом, где можно было собираться, не будучи вынужденным пить пиво (и платить за него!) и не подвергаться непрерывному надзору кельнеров, которые с делом и без дела неустанно входили и выходили во время собрания. В то время это помещение было единственным подобием клуба, который находился в распоряжении австрийских коммунистов. Другого в Вене не было.

Обычно собрания коммунистов и комсомольцев проходили в так называемых «локациях», т. е. в комнатах трактиров и кафе, расположенных сзади общих, парадных залов. Эти комнаты можно было арендовать для собраний, но, во-первых, за это надо было платить, а во-вторых, участники собрания считались посетителями трактира и хотя бы некоторые из них должны были заказывать кружку пива или порцию гуляша. Более состоятельные, а таких было мало, жертвовали собой, вернее своим кошельком. Единственным постоянным помещением австрийского комсомола

был в то время огромный и пустынnyй, пыльный чердак на Роте Пульфертурмгассе, где находился ЦК комсомола. У ЦК компартии был этаж на Альзерштрассе 69, а внизу находился книжный магазин издательства «Арбейтер-буххандлунг» с видным венгерским революционером Имре Шаллай в качестве заведующего и единственным продавцом, молодым венгерцом со страшным именем Чилаг (по-немецки оно означало Штерн). Других помещений не было. И вдруг такое приобретение, как чердак на Верингерштрассе, вернее половина чердака — на другой половине помещалась сапожная мастерская.

До своего отъезда в Москву Лепский и Шифрин устроили в «Братстве» читальню. У союза была круглая печать с русским и немецким текстом, и в ответ на письма с этой печатью посыпались отовсюду газеты, начиная от смешанского «Накануне», издававшегося Лукьяновым, и кончая гессеновским «Рулем» и милюковскими «Последними Новостями». Из полпредства, как называлось тогда посольство, Лепский и Шифрин приносили московские «Известия» и «Правду». В шкафчике с книгами в полном беспорядке стояли издания довоенных времен и полученные из советского посольства брошюры вроде «Единой трудовой школы» Блонского, коллоитаевской «Золотой пчелки», каких-то книг Богданова и т. п.

Раз в неделю все это выкладывалось на длинный стол, стоявший в середине узкой комнаты. Вечером приходили болгары, рассказывались на длинных скамьях у стола, читали газеты и болтали. Было тепло, светло и весело.

Приходить в читальный зал было интересно и вполне безопасно. А в университете, как впрочем и в других высших учебных заведениях, болгары-коммунисты держались тихо и старались не проявлять своей революционности. Правда, у них были основания побаиваться. В первомайской демонстрации австрийской компартии в 1922 г. студенческая организация шла в хвосте колонны, а студенты из балканских стран оказались в самых последних рядах студентов. Демонстрация прошла по Рингу от Фотифирхе к Швантенбергплац и здесь быстро разошлась. Ушли и все руководители демонстрации. Кому-то из югославян пришла в голову несчастная мысль крикнуть: «К миссии СХС» (так называлась тогда Югославия). В Югославии только недавно был принят «закон о защите государства», распущена компартия, происходили аресты и начался жестокий белый террор. На этот возглас несколько десятков болгарских и югославских студентов начали строиться в колонну. Из подъездов окружающих зданий быстро набежали жандармы (до этого их не было видно). Трех болгар из первых рядов колонны схватили и потащили в полицию, и тут же на площади среди бела дня были, чтобы не упирались. Как потом выяснилось, одному из них выбили несколько зубов. Через несколько дней арестованных студентов выслали из Австрии. После

этого болгары остерегались приходить на демонстрации и собрания, а в университете еще более замкнулись в пределах своей студенческой группы. Зато здесь они шумели и спорили на ежепедельных собраниях до позднего вечера.

Никогда в студенческие вечера не приходилось слышать более бурных препий, чем у болгар. Сначала свергали прежнее правление, и к весне 1923 г. председателем болгарской группы оказался студент-техник Малев. Это был довольно великоковозрастный юноша, успевший побывать капитаном болгарской армии. Держался он очень самоуверенно и даже нахально, на собраниях австрийских коммунистов не бывал и вообще не признавал авторитет австрийской компартии. Борьбу против старого правления болгарской группы Малев вел под лозунгом «против деспотизма» и против личной диктатуры председателя и даже придумал особый термин «гыбевщина» по фамилии председателя группы Гыбева. Этот последний был скромным студентом-агрономом, всегда посвещавшим занятия теоретического семинара и вообще осуществлявшим курс на приближение болгарских студентов к жизни австрийской компартии и комсомола.

На собраниях Малев умел говорить часами и все время па высоких нотах, как впрочем и остальные болгары-студенты. Собрания группы производили впечатление сборища нескольких десятков артистов-трагиков из провинциальной школы начала века. По содержанию речи ораторов (а на каждом собрании их было удивительно много) напоминали передовые из «Работнического Вестника», настолько общими они были. Не поднимали спорные проблемы, настолько все было очень ясно и просто. Непонятными оставались только частности, например, домалевский председатель группы Гыбев как-то спросил меня па семинаре, что такое «дырка от бублика» из «Азбуки коммунизма». Страстные споры возникали до поры до времени только по чисто местным вопросам о работе группы.

Болгарская группа являлась составной частью общеавстрийской студенческой организации и была представлена в комитете Гыбевым. Через эту организацию болгары входили в состав австрийской компартии, но вместе с тем группа в целом считалась частью болгарского комсомола. Некоторые из студентов-болгар, кроме того, еще вступили индивидуально в территориальные организации австрийской компартии или комсомола. Иностранцам австрийские законы запрещали заниматься политической деятельностью. Хотя по отношению к иностранным членам буржуазных партий и социал-демократии эти законы никогда не соблюдались, и германский подданный Вальдемар Пабст был уже в те годы одним из широко известных организаторов австрофашистского хеймвера, но к коммунистам закон применялся с неукоснительной строгостью. Иностранному коммунисту грозила немедленная высылка из Австрии и, само собою разумеется, исключение из ав-

стрийского высшего учебного заведения. Болгары предпочитали не подвергаться такой опасности. Впрочем, те из них, кто вступил в организации австрийской компартии или комсомола, обычно приносили там мало пользы из-за плохого знания немецкого языка. Помню, как-то один из болгар-студентов, хорошо одетый, восточного вида юноша с писсия черными и совершило прямыми волосами, потащил меня за собой на собрание районной организации комсомола Рудольфсгаус (XIV-й район Вены). Там — как он гордо мне сообщил — он был активнейшим членом австрийского комсомола. По дороге он рассказывал, что аккуратно бывает на всех собраниях и всегда выступает: этих молодых австрийцев надо воспитывать, они политически мало сознательны, любят потанцевать и выпить лишнюю кружку пива и вообще гораздо меньше попимают, чем болгарские комсомольцы. Собрание проходило в задней комнате небольшой пивной. Как и обычно для тех времен, оно было немногочисленным: все комсомольцы Вены могли бы в те годы вполне комфортабельно разместиться в нижнем ярусе колонного зала Дома Союзов Москвы и еще осталось бы слишком много места для комсомольцев остальных австрийских земель-провинций.

В комнате сидели человек 15 молодых парней, плохо одетых, в большинстве это были ученики мелких заводов района. Были две-три девушки. Пиво пили лишь немногие (к великому огорчению хозяина пивной). Все сидели и слушали маленького, толстого австрийца в спортивной куртке, с гвоздикой в петлице (значок социал-демократической партии). Он сделал доклад о туристских походах организации «Натурфрейде». Мне уже было полных 18 лет и австриец, на мой взгляд, был слишком стар для туризма: ему было никак не меньше 30 лет.

Комсомольцы задавали много вопросов, очень интересовались маршрутами, альпенштоками, расходами на экскурсию. Вдруг выступил мой болгарин (его фамилия, была, кажется, Пейчев или Пепев) и на немецком языке, непонятном никому, кроме меня (я мысленно старался сообразить, каковы те эвентуальные болгарские обороты речи, которые могут соответствовать его невероятным немецким), долго и подробно объяснял, что спорт и туризм только для социал-демократов являются самоцелью, а вообще должны быть орудием классовой борьбы, что подниматься в горы надо только для пропаганды идей коммунизма и что вообще докладчик распространяет оппортунизм и не надо приглашать таких докладчиков.

Юноши ужасно огорчились и что-то мрачно бормотали, а толстяк довольно добродушно пояснил, что иностранец плохо знает немецкий язык и поэтому просто не понял доклада и что в молодости надо поменьше заниматься политикой, а побольше веселиться и бродить в Тироле. На этом собрании социал-демократия явно

одержала победу. Однако на обратном пути мой знакомый болгарин-студент был тем не менее очень доволен собой.

Через несколько дней меня встретил Фриц Глаубауф (он заведывал отделом культуры ЦК австрийского комсомола) и сказал, что комсомольцы из Рудольфсгаузена успели рассказать ему, что я, т. е. посторонний для них паренек, был у них в гостях. Но главное: комсомольцы давно уже боятся из-за того, что болгарин доказывает им на каждом собрании что-то совершенно непонятное и невероятно скучное. Он настолько всем осточертел, что его совсем уж было собирались исключать из комсомола, но Глаубауф пока их отговорил. Не могу ли я как-нибудь объяснить болгарину, что лучше бы ему не приходить больше на собрания, или по крайней мере не выступать. У меня все-таки не повернулся язык, и я лишь сказал позднее, что вот я ничего не понял из его речи, а австрийцы поняли и того меньше. Он удивился, но кажется не поверил. Скоро наступил июнь 1923 г. и болгарину было уже не до воспитания комсомольцев из Рудольфсгаузена.

Для болгар-студентов тесноты представлялись лучшей партией Коммунистического Интернационала. Неоднократно высказывавшаяся тогда в «Работническом Вестнике» точка зрения, что крайне правая группа из лагеря буржуазной реакции не представляет собой серьезной опасности, вела к самоуспокоению. Легкое облачко возникло летом 1921 г., когда сравнительно немногочисленная группа фашистов совершило безнаказанно сожгла в центре Софии у Львиного моста Народный Дом, в котором помещались центральные учреждения болгарской компартии. Но облачко прошло...

И вдруг произошел фашистский переворот Цапкова 9 июня 1923 г. Австрийская компартия не поняла смысла политических событий в Болгарии и фактически поддержала позицию болгарского ЦК. По крайней мере венская «Роте Фапе» из номера в номер давала (обычно на первой полосе) концептуальное изложение теории о необходимости «нейтралитета» коммунистов при борьбе между городской и сельской буржуазией, заимствованное из очередного номера «Работнического Вестника», и порицала те местные организации болгарской компартии, которые по собственной инициативе выступили было в едином фронте с земледельцами против фашистского переворота. Тогдашний главный редактор газеты, член Политбюро австрийской компартии, Франц Коричнер не очень был осведомлен в балканских делах и до конца своих дней не заметил, что в своих передовых статьях и в своих комментариях к событиям в Болгарии он неизменно сливал в одно лицо двух болгарских социал-демократов, Димо Казасова и Янко Сакызова, превращая их в единого министра правительства Цапкова.

Ошибка, совершенная редакцией «Роте Фапе», имела неожиданное последствие. Исполком Коммунистического Интернационала, колебавшийся, следует ли публично выступить против теории

нейтралитета и этим поколебать высокий до того авторитет болгарских коммунистов, обратил внимание на то, что при содействии некоторых австрийских коммунистов ошибочная точка зрения начинается распространяться среди коммунистов Западной Европы. Тогдашний председатель Исполкома Коминтерна выступил с речью, в которой резко критиковал теорию нейтралитета по отношению к фашистскому перевороту. В Варну прибыл член ИККИ Васил Коларов. В болгарской компартии началась борьба против опортунистов.

Студенческая болгарская группа вначале окаменела. Не велось никаких обсуждений. Точка зрения Исполкома Коминтерна была известна лишь по отрывочным телеграммам в газетах, медленно доходила до сознания, а большинство болгарского ЦК не торопилось ее распространять. Помню, как сильно мы изумились, когда один из польских товарищей старшего поколения прочитал изложение в «Роде Фане» и сказал, что все это ерунда, а Кориччер ничего не понимает.

Авторитет болгарского ЦК был все еще непоколебим. Первые сомнения пришли несколько позже. Примерно в июле или в начале августа 1923 г., когда правительство Цанкова уже перешло к открытому террору не только против земледельцев, но и против коммунистов, в Вену перебрался (конечно, нелегально) президиум Коммунистической Балканской Федерации. До того он помещался в течение многих лет в Софии. На собрании югославской группы студентов-коммунистов совместно с болгарами жизнерадостный доклад о событиях в Болгарии сделал представитель югославского ЦК в президиуме Федерации Люба Радованович. Он был по прежней своей профессии школьный учитель и привык объясняться ясно и попятно. С предельной популярностью Радованович доказал, что болгарская партия заняла совершенно правильную позицию и совершила ошибку единственно те коммунисты, которые взялись за оружие. Болгарская группа присутствовала в полном составе на собрании югославян. Все молчали. Преприятие было. И вдруг поднялся другой член югославского ЦК, худощавый и болезненный Коста Новакович и сказал: «Не время спорить, кто был прав. Но слава тем, кто погиб в борьбе против фашизма. Слава...» Все встали.

Как только в сентябре 1923 г. в Болгарии началось вооруженное восстание против фашистского правительства Цанкова, правление болгарской группы через австрийский ЦК обратилось к представителю Исполкома Коминтерна с вопросом, следует ли им отправиться в Болгарию на помощь восставшим. Пока проходили переговоры об этом, восстание было уже подавлено. Ни один болгарский студент из Вены не принял в нем участия.

Бурные дискуссии начались у болгарских студентов в конце сентября, когда восстание уже потерпело поражение и повстанцы превратились в распыленные преследованиями и временно дезо-

риентированные поражением группы коммунистов в стране и в эмиграции. Волна эмиграции докатилась и до Вены. Здесь было создано заграничное представительство ЦК БКП.

В октябре 1923 г. в помещении союза «Братство» в течение нескольких дней подряд шли собрания болгарской студенческой группы. Днем на чердаке, в комнате через коридор работала сапожная мастерская, но вечером чердак был пуст, у меня были ключи от библиотеки, и болгары могли шуметь вволю. Никто в доме, конечно, не понимал по-болгарски, а к собраниям и заседаниям давно привыкли, потому что всегда в библиотеке толпились какие-нибудь студенты. В комнатку набивались до отказа студенты-болгары. Многие стояли: скамеек не хватало. В общем было человек тридцать. Однако уже начинало быть заметным, что студентов стало меньше. Раньше собрания группы полностью заполняли гораздо большее помещение трактира где-то на Альзенитрассе. Там обычно присутствовали человек 70—80. От партии, потерпевшей поражение, кое-кто уже начинал отшатываться.

Собрания, обсуждавшие события в Болгарии, начинались ранним вечером, а кончались только тогда, когда приходилось грозить, что сейчас придет портье и всех выгонит. Делалось это обычно к полуночи. В доме уже все спали. И без того к полицейскому часу, т. е. к 10 часам вечера, в доме наступала полная тишина и шуметь до утра было бы небезопасно. Порттье был недоволен тем, что среди ночи он должен просыпаться, открывать ворота дома и выпускать болгар, внимательно оглядывая каждого по своей портьерской привычке. Его успокаивали несколько сот крон, которые перед концом собрания каждый раз собирали болгары у выхода в чью-либо шляпу. Освобождались от этой дани только эмигранты из ЦК, но от этого им не становилось легче: столько ругани им приходилось каждый раз выслушивать. Особенно активно отбивались от студентов молодой и красивый, черный, как смоль, Карло Луканов (сын старого секретаря ЦК) и командир одного из больших отрядов повстанцев вблизи болгаро-югославской границы Георгий Михайлов. Он был капитаном болгарской армии в 1918 г. и участвовал в походе солдат на Софию в сентябре 1918 г. Тяжелый и грузный, он не говорил, а кричал, по студентов было много, они были моложе и кричали еще громче и к концу собрания Михайлов уже хрюпал. Его громкий голос и пламенные речи можно было услышать много лет спустя в большом конференц-зале Международного аграрного института в бывшем морозовском особняке на улице Коминтерна, где он, Георгий Железов, заместитель директора института по административно-хозяйственной части, укреплял трудовую дисциплину.

Декламация Георгия Михайлова, а также и более тихие речи Карло Луканова и других эмигрантов, не имели у студентов успеха. От студентов главным оратором был Малев. Он выступал в такой же манере, но оказался искусным демагогом.

Кроме того, у него была гораздо более выигрышная позиция: он не был повинен в ошибках потому, что никогда ничего не делал, ни за что из предсентябрьской политики БКП не отвечал и мог критиковать других, что он и делал. В препариях ни один из студентов не выступил на стороне ЦК. Вся группа полностью оказалась на долгое время в руках Малева.

Первостепенные руководители заграничного представительства ЦК (Георгий Димитров и другие) не приходили на студенческие собрания. Можно было опасаться провала. Хотя портье никто не говорил, кто и за чем собирается, но он великолепно знал, что это болгары, а следовательно то же самое знала и полиция. Она могла в любое время явиться в помещение. Как и повсюду на Западе, портье в Вене выполняли функции полицейских осведомителей. Дом на Верингерштрассе, как и обычно в Вене, представлял собою целый блок домов, в которые вел только один сводчатый вход с улицы. В квартирной двери портье был прорезан глазок, через который было видно каждого входящего. Миновать портье было невозможно, так как круглые сутки дежурили либо он, либо его жена. Жирный и коротенький портье был похож на фельдфебеля в отставке. Он уже несколько раз обращался ко мне с жалобами, что болгары слишком шумят и слишком поздно уходят.

Впрочем, от студенческой группы членов загранбюро ЦК отвлекали не только соображения полицейского характера, но и наличие других, гораздо более важных задач. Шла лихорадочная подготовка первого номера «Работнически Вестник». Он был издан в Вене через месяц после восстания на тонкой папиросной бумаге для распространения в Болгарии. Велась сложная работа по организации связей Президиума Балканской Коммунистической Федерации из Вены с компартиями балканских стран, проходили первые заседания заграничного представительства ЦК БКП, подыскивались нелегальные квартиры для проживания и для явок, создавалась регулярная связь с Болгарией, а также палаживалась курьерская связь по городу для обмена материалами между членами загранбюро ЦК и членами Президиума Федерации. Сделать все это было далеко не так просто.

* * *

В сентябре 1923 г. в один из тех дней, когда из Болгарии поступали самые мрачные сообщения и было ясно, что восстание потерпело поражение, мне было поручено просмотреть очередную пачку только что полученных болгарских газет. Это были «Мир», «Зора», «Заря», «Напред», «Народ» и еще какие-то, в общем около десятка. Все они, конечно, были полны сообщениями о боях с повстанцами. В этих сообщениях правда и вымысел переплетались и их с трудом можно было отделить. Моя задача заключалась

в том, чтобы составить полную письменную сводку всей суммы сообщавшихся фактов. В одной из газет была заметка: Васил Коларов и Георгий Димитров перешли болгаро-югославскую границу и уже прибыли в Вену. Спустя несколько минут после того, как сводка была передана польскому товарищу, руководившему моим чтением, я забыл об этом сообщении, не придав ему никакого значения. Через полчаса прибежал поляк и, запыхавшись, потребовал отдать ему газету с сообщением о Коларове и Димитрове. Долго я рылся в газетах и, как на грех, не мог ничего найти, а поляк стоял у меня над душой и недовольно хрюкал. Наконец, заметка была найдена. Она затерялась в большой подборке информации, занимавшей целый подвал в газете так называемой Народной партии «Мир». Схватив газету, поляк убежал. Не сразу до меня дошло, что на этот раз, в виде исключения, «Мир» сказал правду.

Месяца через три Грегор Вуйович неожиданно сказал, что со мной хочет говорить Георгий Димитров. Он вышел из большой комнаты, которая служила для него и рабочим кабинетом и «залом заседаний» Президиума Коммунистической Балканской Федерации. Разговор продолжался три-четыре минуты, причем мы оба стояли. Очевидно было, что Димитров уже принял решение заранее. Суть разговора заключалась в предложении работать в Президиуме. Димитров сказал, что техническим секретарем Президиума работает Штумпф, но работы сейчас очень много и нужен второй технический сотрудник или второй технический секретарь. Дело не в позывании, сказал Димитров. Беседа велась по-болгарски. Из анкетных вопросов Димитрова интересовало только знание языков, нужных для многоязычных Балкан.

До моего сознания вдруг дошло, что один раз мне уже пришлось увидеть Георгия Димитрова. Это было месяца два назад в прицепном вагоне трамвая, который шел в Гриццинг, пригородный район Вены, часов в 11 вечера. Кроме кондуктора, в этот поздний для тогдашней Вены час в вагоне было только трое. Я ехал к себе в студенческое общежитие к копечной остановке и заодно провожал Живку Вуйович, сестру двух Вуйовичей (Вуйо был секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи, а Грегор — студентом и партработником югославской компартии), одну из четырех-пяти студенток югославской студенческой группы. Ехала Живка в пансионат, в котором она жила в то время со своим мужем Хельми Либкнехтом. Пансионат находился минут за 15 до конечной остановки. Всю дорогу мы непрерывно щебетали по-сербски: мы были молоды и болтливы. К тому же мы возвращались с какой-то югославской вечеринки. Третим пассажиром был некто немолодой мужчина. Он всю дорогу курил (в этом состояла привилегия прицепного вагона) и,казалось, прислушивался к сербской болтовне, полуулыбаясь при этом. По внешнему виду он был похож на болгарина и по

типу напоминал мастера ремесленной мастерской. Особенно выделялись совершенно вильгельмовские усы: в Вене тех лет никто не носил ни бороды, ни усов. Вышел он из вагона где-то в промежутке между пансионатом и копечной остановкой. Это и был Георгий Димитров.

Работоспособность Георгия Димитрова была колоссальной, особенно на взгляд юношей, старавшихся урвать больше времени и для удовольствий. Виктор (таково было пелегальное прозвище Димитрова) мог работать часами и, не отрываясь, писать своим размашистым почерком (как правило, карапашом). При этом Димитров непрерывно курил. В спичках он не нуждался. Он выполнял львиную долю работы Президиума Федерации. Его рукой были написаны почти все документы Федерации и многие, притом огромные, статьи в «Работническом вестнике». Георгий Димитров был организатором и вдохновителем широкой кампании за гравицей против белого террора в Болгарии. Он вел обширную переписку с ИККИ, в особенности с Василем Коларовым, и с коммунистическими партиями балканских стран. В нелегальных условиях того времени это было делом далеко не легким. Иногда приходилось дважды и трижды повторять одно и то же письмо, чтобы адресат получил бы хотя бы одну строку. Трудно было варьировать и венские адреса для ответных писем от компартий. На черной грифельной доске в «ауле» университета педель мелом писал фамилии студентов, для которых пришло письмо. Студентов у нас хватало, и на адреса многих из них и приходила часть (менее важная) балканской корреспонденции. Способ был простым, но не очень надежным. Однажды конверт с пачкой прокламаций греческой компартии оказался вскрытый. Педель объяснил, что письмо сначала получил какой-то одногодиц. Ситуация была не из самых приятных.

Письма приходилось писать невидимыми чернилами на белом листке, а затем, когда бумага становилась сухой, покрывать письмо сверху каким-либо текстом любого содержания, конечно, уже обычными чернилами. Получив такое письмо, адресат проявлял его щелочью и читал этот невидимый нижний текст. Нас терзали два затруднения, вызванные нашей неопытностью. Во-первых, мучительно трудно было каждый раз придумывать какой-нибудь дурацкий верхний текст для каждого нового письма. Ведь политическая полиция балканских стран была укомплектована довольно квалифицированными бандитами, которые знали все нехитрые методы революционного подполья. Мы совершенно точно знали, что перлюстрировались все письма, чем-либо обращавшие на себя внимание. Притом надо было иметь в виду, что каждое письмо читали и перечитывали иногда разведчики нескольких стран, так как разведчики балканских стран были тесно связаны друг с другом. Все они враждовали между собой, но объединялись в борьбе против революции, и сведения о коммунистах не-

медлению передавали друг другу. При таком внимательном наблюдении за иностранной корреспонденцией верхний текст мог броситься в глаза своей совершенной бессодержательностью. Мы уже подумывали было купить письмовники, из них просто переписывать текст, но побоялись: может быть, в разведке лежала коллекция именно таких письмовников. Приходилось страдать...

Во-вторых, немало мучений доставляла примитивная техника письма. На белом почтовом листке без липеск было удивительно трудно писать так, чтобы одна строка не падала на другую: невидимые чернила имели то неудобство, что писать приходилось вслепую. Нам почему-то так и не пришла в голову простая мысль, что можно пользоваться транспарантом. Однажды от ЦК БКП пришел из Болгарии ответ на письмо Виктора. ЦК писал, что одна страница исписана дважды и поэтому, как ни старались, ничего прочитать не могли. Георгий Димитров прочитал ответ и только сказал, что в следующий раз надо писать внимательнее. Он даже не повысил голос. При всей его требовательности ни разу не приходилось слышать, чтобы он кричал на кого-либо из своих сотрудников. Он повышал голос только в страстных политических спорах. Между тем, каждая ошибка могла иметь роковые последствия. Ведь после поражения сентябрьского восстания 1923 г. на Балканах в течение многих лет уже не было ни одной легальной коммунистической партии: болгарская партия была последней. Стать на Балканах коммунистом было почти равносильно решению подняться на эшафот. Речь могла идти лишь о некоторой отсрочке.

Исключительно требовательным был Георгий Димитров своим собственным обязанностям. В помещении, в котором находился Президиум Федерации, Георгий Димитров, как правило, избегал появляться и приходил лишь на заседания или из-за каких-либо срочных дел. В остальном все материалы поступали от него с курьером. Ни разу не было случая, чтобы материалы запоздали или не поступили. Ежедневно в полдень в великолепном зверхнем парке Бельведерского дворца эрцгерцога Франца Фердинанда встречались двое юношей и обменивались пакетами на одной из тех скамеек парка, где никого не было, кроме папек с детьми. Один из юношей приносил материалы Исполкома Коминтерна и Президиума Балканской Федерации, а другой —русоволосый с рыжеватым оттенком австрийский комсомолец по имени Франц — приносил письма и записки от Георгия Димитрова из его нелегальной квартиры.

В те времена Франц лишь педавно вступил в комсомол, особыми навыками нелегальной работы, естественно, не обладал, по тем не менее ни разу не провалился и не провалил квартиру Димитрова. Знал он, конечно, лишь необходимый минимум, ибо по железному закону копирайтации не должен был знать ничего, кроме абсолютно необходимого для его собственной работы. Франц,

вероятно, даже не знал, что он обслуживает именно Георгия Димитрова, потому что все называли Димитрова только пелегальным именем «Виктор».

Конечно, функционирование пелегальной техники требовало большого количества людей, квартир, якоек. В таком сложном городе, как Вена, где штаберовская полиция была вездесущей и все знающей и где к тому же на каждом шагу можно было нарваться на агента сигурации или другой балканской политической полиции, не так легко было жить и действовать Президиуму Балканской Федерации. Огромную помощь оказывали австрийская компартия и комсомол. Товарищеская взаимопомощь и интернациональная солидарность помогали осуществлять невозможное. В речи на похоронах Георгия Димитрова председатель Коммунистической партии Австрии Иоганн Коплениг в июле 1949 г. подчеркнул, что после сентября 1923 г. Георгий Димитров подолгу жил в Вене и поддерживал непосредственный контакт со многими австрийскими коммунистами. Советы, которые Георгий Димитров давал австрийским коммунистам, по свидетельству Копленига, приносили большую пользу антифашистской борьбе рабочего класса в Австрии.

С другой стороны и австрийские коммунисты были советниками и помощниками. Там, где не мог показаться иностранец, австриец не вызывал подозрений. Австрийской компартии было не так легко отрывать свои кадры от их непосредственных задач, но, тем не менее, компартия выделяла в помощь Федерации лучших работников и это защищало последнюю от провалов. Как правило, они были редкими. Иногда возникали подозрения. Както весной 1925 г. югославский представитель в Президиуме Федерации Дюка Цвнич (Владетич) прибежал в Президиум страшно взволнованный. Ночью на квартиру к Цвничу явилась полиция и произвела обыск. Ничего не найдя, полицейские удалились, но Цвничу показалось, что полицейских сопровождал австрийский коммунист, причастный к техническому аппарату Федерации. Уверенности не было, так как при первозноти Цвнич он вполне мог и ошибиться, но австрийца пришлось отстраниТЬ от дальнейшей работы: слишком велик был риск. Иногда подозрения превращались в непреложные улики. В бараке № 43 студенческого общежития в Грипцинге жила некая Венцилицкая. Когда-то она вышла в России замуж за австрийского военнопленного, вместе с ним уехала в Вену, а затем австриец испарился, оставив ей на память сына. В общежитии Венцилицкая выполняла функции уборщицы и прачки. Уже в течение некоторого времени она была членом австрийской компартии и, хотя оставалась абсолютно пассивной, довольно аккуратно посещала собрания баражной ячейки и районной организации австрийской компартии. И вдруг в руки Франца Коричонера, одного из членов Политбюро австрийской компартии, попал в руки список коммунистов из барака № 43..

Написанный от руки, этот список содержал, кроме фамилий, совершенно фантастические характеристики: выяснялось, что барак заполнен агентами Коминтерна. Для убедительности среди фамилий студентов были вкраплены имена руководящих работников австрийской компартии, живших в тот момент в общежитии. Здесь, например, жил Иоганн Конлепиг. Он был до того секретарем областной организации компартии в Штирии, недавно стал первым секретарем ЦК и, пока у него не было в Вене жилища, его временно пристроили в студенческое общежитие. Жили здесь Бараль, Иожеф Ревай, студенты из Бессарабии. Неизвестно, какой ветер принес этот гиуспый и лживый допос на письменный стол к Коричоперу, но сомнений не было: Венцлицкая составила список и продала его сигуранце. В венской «Роте Фане» появилось короткое сообщение ЦК австрийской компартии: Венцлицкая исключена из партии как «непадежная». Яснее сказать в газете, о чем шла речь, было невозможно: Венцлицкая могла обратиться в суд с обвинением в клевете, и буржуазный суд с удовольствием начал бы судебное разбирательство...

В Балканской Федерации первую роль играли, конечно болгары. Это определялось всей совокупностью исторических традиций и конкретной ситуацией в рабочем движении на Балканах. Несмотря на тяжелое положение партии после сентябрьского поражения, болгарская компартия продолжала оставаться самой сильной в политическом и идеологическом отношениях и самой прочной в организационном из всех партий, входивших в Балканскую Коммунистическую Федерацию. Персональный состав Президиума естественно отражал это положение.

В состав Балканской Коммунистической Федерации входили коммунистические организации Греции, Румынии, Болгарии и государства сербов, хорватов и словенцев, как тогда называлась Югославия.

Албанцы пока не входили в расчет. В Албании еще не было коммунистической партии, хотя уже возникали коммунистические группы и с ними Федерация устанавливала связь. Эти группы имели некоторое политическое влияние в стране, но до образования компартии было еще очень далеко. В Президиуме Федерации албанцы не были представлены, хотя некоторые из них временами приезжали в Вену. Своими глазами я видел в те годы человек десять албанских коммунистов и человек пять-шесть из них встретил зимой 1925 г. на Воронцовом поле в общежитии МОПР'а. Один из них закончил потом КомВУЗ в Москве (кажется Свердловку) и позднее работал в Институте философии Коммунистической Академии на Волхонке 14. Еще в 1933—1934 гг. он несколько раз попадался на глаза в тогдашней имэловской столовой в знаменитом здании, где когда-то помещался штаб маршала Ней.

В Греции рабочее движение находилось на гораздо более высоком уровне. Здесь имелась Коммунистическая партия и два-три

раза в неделю выходила коммунистическая газета «Ризоспастис». Но в Президиуме Федерации никто не знал греческого. Сведения о событиях в Греции федерация черпала в основном из австрийской буржуазной прессы: «Нейе Фрейе Прессе» по старой великоледжавной памяти своих издателей еще продолжала интересоваться Грецией. Но получить представление о развитии рабочего движения из австрийских буржуазных газет было, конечно, невозможно. Президиум Федерации много раз добивался, чтобы греческая компартия прислала в Вену своего представителя. Наконец, к концу 1924 г., после съезда греческой компартии, представитель явился. Его партийное имя было Згурдеос, а настоящее не сохранилось в памяти. Згурдеос был на два-три года старше студенческого возраста. Кроме греческого, он немногого говорил по-французски, на этом языке с ним и объяснялись в Федерации. В обсуждение вопросов на заседаниях Президиума он в общем никогда не вмешивался и чувствовал себя на положении практиканта или стажера. Для Згурдеоса участие в работе Президиума было серьезной политической школой. Когда он первый раз писал статью для «Инпрекорра» о рабочем движении в Греции, то это было для него тяжелым трудом.

Из румын особенно импозантно выглядели при приездах в Вену Фабиан (Бланк) и Марчел Паукер. Большая черная борода Паукера резко контрастировала с бледным цветом лица. Преимущество этой бороды для пелегальных условий заключалось в том, что ее можно было в любой момент сбрить и тогда внешний вид совершенно менялся.

В те времена румынская компартия вела свою работу в условиях жесточайшего белого террора. В Западной Европе румынские коммунисты пользовались популярностью не только среди рабочих. Широкие круги западной интеллигенции выступали в защиту известного коммуниста Александра Доброджану-Геря, который в течение 40 дней вел голодную забастовку в тюрьме, требуя освобождения. Бурю возмущения вызвала смерть Макса Гольдштейна осенью 1925 г. Он умер в Дофтане на 56-й день голодной забастовки. В пародоп-демократической Румынии на тюремной камере, в которой томился Макс Гольдштейн, памятная табличка напоминает о его героической борьбе за освобождение народов Румынии от гнета реакции.

В Президиуме Балканской Федерации румынскую партию представлял Борис Стефанов, который в течение длительного времени был членом ЦК и на протяжении ряда лет — секретарем ЦК румынской компартии. Примерно в 1926 г. румынская сигуранца опубликовала сообщение, что при попытке к бегству убит «известный коммунист» Борис Стефанов. Прочитав в «Правде» телеграмму с этим сообщением, все огорчились, вспоминая, как этот большой и полный силы болгарин из Добруджи приходил на за-

седания Президиума Федерации. Года через три после сообщения сигуранцы вдруг недалеко от здания Коминтерна у манежа мы встретились лицом к лицу с Борисом Стефаповым. Он был веселый и совершенно живой. Сигуранца спутала его с кем-то другим.

Западных коммунистов восторгал подлинный интернационализм румынской компартии: среди членов ЦК и членов Политбюро были румыны, болгары, русские и украинцы из Бессарабии, мадьяры из Трансильвании. Именно это вызывало особенное беспокойство румынской реакции. В те первые годы, когда румынская компартия была представлена в парламенте и Борис Стефапов был одним из депутатов, лидер румынской либеральной партии Винтилла Братиану называл его не иначе, как «проклятый болгарин».

Сильное впечатление произвела гибель бессарабского коммуниста Павла Ткаченко. Бессарабская областная организация была вплоть до 1922 г. составной частью РКП(б) и лишь затем по решению ЦК РКП(б) и ЦК румынской компартии перешла в состав Коммунистической партии Румынии. Прошедшие гражданскую войну и тяжелую школу революционного подполья, бессарабские коммунисты играли на Балканах важную роль для передачи революционного опыта более молодым партийным организациям. А Павел Ткаченко был одним из крупных деятелей бессарабской областной организации. Весной 1925 г. Павел Ткаченко возвращался в Румынию через Вену. А через два-три месяца из Москвы пришло для него письмо от жены. Она сообщала о том, что ждет ребенка, и мечтала о том времени, когда Павел вернется. Вероятно, это письмо не дошло: не так легко было пересыпать корреспонденцию. Сохранилось много портретов Павла Ткаченко, и один из лучших воспроизведен на почтовой марке, изданной в его честь в Румынской Народной Республике, но ни одна фотография не передает того обаяния, которое излучал этот стройный юноша.

Но все же не у каждого балканского коммуниста тех лет жизненный путь кончался трагически. Например, Доброчаеву повезло. Он был румынским коммунистом первого поколения, в составе румынской делегации участвовал на III конгрессе Коминтерна, в течение нескольких лет занимался техникой подполья и все же остался целым и невредимым. Лишь много лет спустя выяснилось, что его настоящая фамилия — Бонапарт. а Доброчаев — только псевдоним.

Центральной фигурой Балканской Федерации был, конечно, Георгий Димитров. Большинство поручений и заданий были связанны с ним. А поручения были разные...

Паспортно-техническими делами Федерации ведал несколько жуликоватый и хитрый мастер своего дела, венгерский полит-

эмигрант «Константип». Он поручил мне провести операцию по приобретению хорошего и ничем не подозрительного паспорта, сказав, что паспорт нужен для «Виктора». Способов было много. Например, один из чиновников персидского консульства приобрел в Вене популярность тем, что за 40 долларов без излишних формальностей выдавал на руки подлинный персидский паспорт. Но этот способ был плох одним — он был слишком распространен, а, кроме того, паспорта снабжались фотографией и трудно было балканцу выдавать себя за перса. Другой способ был лучше. Он заключался в получении примерно на тех же условиях греческого паспорта. Но для этого чиновнику из греческого консульства нужна была хоть какая-либо справка с печатью, чтобы подтвердить ее в дело. Бюрократизму балканских государств в свое время учились у своего старшего брата — государства Габсбургов.

И вот мне купили новый костюм, голубую фетровую шляпу фирмы Габик (вся балканская мелкая буржуазия посыла тогда шляпы этой фирмы), повязали галстук какой-то совершенно немыслимой по пестроте расцветки и одолжили чемодан у польской коммунистки Итки Волынской. При этом в мою оптимистическую голову не пришла мысль, что может быть не представится возможности вернуть чемодан. После этого, получив последние напутствия и инструкции от «Константина», я нанял такси на противоположном конце Вены и торжественно покатил в курортный городок Баден. Здесь на центральной площади были две фешенебельные гостиницы. Шофер остановился у одной из них по своему выбору.

Дальше последовала обычная отельная процедура. Документов не спрашивали. Надо было лишь заполнить у копторки управляющего так называемый «мельде-цеттель», т. е. небольшой листочек с краткими сведениями о приезжем: фамилия, профессия, откуда прибыл. После этого я поднялся паверх в отведенный мне номер, а горничная принесла вслед за мной чемодан и ушла. При этом мне с некоторым запозданием пришла в голову не очень успокаивающая мысль, что чемодан почти пустой и, следовательно, непонятно легкий.

Через несколько минут я начал отчаянно нажимать на электрический звонок. Прибежала горничная. Выяснилось, что я не могу найти свой бумажник с деньгами, не забыл ли я его впизу у копторки. Побежали вдвоем вниз. Бумажника не оказалось. Тогда я попросил, чтобы дежурный портье проводил меня побыстрее в полицейский комиссариат. Придется вернуться в Вену на розыски, не могу же я жить в чужой стране без денег. Все это я объяснял на изысканно ломаном немецком языке. Управляющий страшно раскудахтался и объяснил, что у них в отеле живет супруга греческого посланника. Как жаль, что она вышла погулять и не увидит своего соотечественника. Должен сказать, что я ничуть не пожалел, что моя встреча с женой посланника не со-

стоялась. До сих пор не сожалею об этом, хотя ни разу в моей последующей жизни у меня уже не было другого случая приобщиться к греческой дипломатии.

Захватив портфель, я с чемоданом побежкал в полицейский комиссариат и здесь в великом волнении (мне даже не пришлось притворяться) рассказал о потере. Был составлен официальный протокол о том, что мною, греческим купцом из Салоник, потеряны — а быть может у меня украдены — бумажник, в котором находились около ста долларов и заграниценный паспорт. Фамилию бедного грека я уже не помню, но из комиссариата я вышел со вторым экземпляром официального протокола. Бумажка с печатью была получена. Назад в Вену я ехал уже без всякой торжественности и не на такси, а в обыкновенной электричке, которая минут через сорок вернула меня в столицу Австрии и в студенческую жизнь.

1975 год
София
Македония
Балканы
София
Македония
Балканы

Н. Б. Шеламова

К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНИЯХ ПЛЕННЫХ ЛИВОНЦЕВ В МОСКВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Публикуемый документ — «письмо» польско-литовского посольства об освобождении пленных ливонцев («лифлянских немцев»), поданное при заключении перемирия 17 января 1591 г., интересно для выяснения истории пребывания иноземцев в России во второй половине XVI в. «Письмо» содержится в материалах посольства Станислава Радименского, подканцлера Габриеля Война и писаря Матвея Война в 20-й книге фонда «Споминаний России с Польшей». Просьба была удовлетворена русским правительством, и названные в «письме» пленные ливонцы и их семьи были отпущены на родину с этими же послами (ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, лл. 616—617 об.).

Содержащиеся в этом небольшом документе данные дополняют новыми штрихами ранее известные сведения об иностранцах западноевропейского происхождения в России XVI в.

Прежде всего это сведения о существовании в Москве двух иноземных слобод — Ругодивской и Юрьевской, в которых жили пленные ливонцы. Из записок иностранцев, бывших в России во второй половине XVI—начале XVII в., известно о переселении взятых во время Ливонской войны пленников из ливонских городов в Россию, в частности в Москву. Но сообщения их не всегда ясны, иногда противоречивы. Одни относят поселения пленных ливонцев за Яузу, за реку Москву, другие — па Неглинную¹.

Поэтому и в литературе нет единого мнения, где жили в Москве иноzemцы².

¹ Г. Штадеп. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 67, 73, 121; Д. Горской. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 41—42, 52; Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 43—44, списка 2; К. Буссов. Московская хроника. 1584—1612 гг. М.—Л., 1961, стр. 84, 86; П. Петрей. История о Великом Княжестве Московском. М., 1867, стр. 7, 165—166; И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 68—69 и др.

² См.: В. В. Нечаев. Иноzemные слободы в Москве в XVI и XVII вв. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II, ч. 2. М., 1910, стр. 19—20; С. Ф. Платонов. Москва и Запад в XVI и XVII вв. Л., 1925, стр. 34—35; С. К. Богоявленский. Московская Немецкая слобода. «Изве-

В «письме» прямо указывается на существование двух слобод — Юрьевской и Ругодивской, в которых пленные ливонцы и их семьи жили еще в начале 1591 г. К сожалению, в нем нет никаких сведений о местоположении этих слобод. Поэтому трудно сделать какие-либо сопоставления их с Немецкой слободой на Язде (позднее Кокуй), Болвановкой или поселением иноземцев на Неглиной, о которых говорят иностранные авторы.

Мы присоединяемся к тем авторам, которые считают, что пленные ливонцы были поселены в основном в Немецкой слободе в устье Язы и отчасти в Болвановке.

Заметим, что существование иноземной слободы на Болвановке в Замоскворечье подтверждается находками надгробных плит иноземцев с бывших здесь в конце XVI в. немецких кладбищ (в районе современных Серпуховской заставы и Таганской площади).

«Письмо» свидетельствует также, что пленные ливонцы жили в Москве не только в иноземных слободах, но и среди московского населения. Местом проживания некоторых ливонцев называли здесь Броничья (Бронная) слобода и Чертольская улица.

Названы и люди, у которых пленные жили. Особенно интересно указание на двух придворных врачей, «пемчин дохторов государских» — Изу и Гаврилу, у которых жили семьи двух ливонских пленников. Имена этих врачей ранее не были известны. Назван еще один иноземец — «немец конский мастер» Криштоф, живший на Чертольской улице. Один из пленных жил во дворе у Никитичей Романовых, родственников царя. О запятиях самих пленных ничего не говорится.

Таким образом, этот небольшой документ из русских посольских книг помогает установить, где и у кого жили в Москве в XVI в. иноземцы.

*Письмо польско-литовского посольства русскому правительству об освобождении пленных литовцев (17 января 1591 г.)**

«А се таково писмо дали послы о ливляндских немцах, как были у государя на отпуске.

Вязни, которые в земли Ифлянской побраны. Ганс Шулт Зволмера з женю и з детми, а живет на Москве на Чертольской улице. Аннкагарр Зволмера з женю и з детми, а живет на Москве у пемчина у дохтора государского у Изя. Амъброжей Зволмера з женю и з детми, а живет на Москве у дохтора государского у Гав-

стия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 3. М., 1947, стр. 220—221; С. В. Бахрушин. Территория и население Москвы. «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 194—195; В. Спегрев. Московские слободы. М., 1956, стр. 208—210.

* Текст документа написан хорошей разборчивой скорописью конца XVI в., однако имена ливонцев, как это обычно в русских документах того времени, искажены.

рила. Ипдрик Клим Зволмера з женою и з детми, а живет на Москве в Ругодивской слободе. Филип Астрикатум з женою и з детми, а живет на Москве у немчина у Криштофа у копского мастера на Чертольской улице.

Ганс Фанрозип, взят на Шмилтипе и з женою и з детми, а живет на Москве во дворе у Никитиных детей Романовых.

Ганс Паццын Макарские з женою и з детми, а живет на Москве в Броничье слободе. Симан Шлу Макарские, а живет на Москве [в] Броничье слободе. Хриштоф Ультъбуказ, Авернар Ультъбуказ, взяты на Луди, старосты Резицкого дети, а живут на Москве в Юрьевской слободе з женами и з детми. Волтер Бика из Шмилтена з женою и з детми, а живет на Москве в Юрьевской слободе. Вдова Ганс Кгосинова, живет в Юрьевской слободе. Вдова Вулфова, взята на Резицы, а живет на Москве в Юрьевской слободе. Хриштоф Беник Злотник из Дербина и з женою и з детми, живет в Юрьевской слободе. Вдова з детми Анна Тимофеева немецкого иманья Юрьевского, живет в Юрьевской слободе за банными. Ипдрик немчин з женою».

ЦГАДА, ф. 79, «Сношения России с Польшей»,
кн. 20, лл. 588 об. — 590.

B. Д. К о р о л ю к и А. И. Р о г о в

**БИТВА ПОД ВЕНОЙ В 1683 г.
И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

*(Документы Посольского приказа о приезде в Москву
польского посланника Яна Окрасы)*

Вторая половина XVII в. ознаменована резким усилением турецкой агрессии против стран Центральной и Восточной Европы. Натиск сultанской Турции особенно усилился в последней четверти этого века, когда турецкие феодалы в союзе с Крымским ханством попытались овладеть Украиной и вторглись в пределы Австрии. Агрессия сultанской Турции представляла очень серьезную угрозу как для России и Речи Посполитой, так и для империи Габсбургов.

Однако объединению сил европейских государств мешали серьезные противоречия между ними. Особенно важное значение имели противоречия, разделявшие два величайших восточноевропейских государства — быстро усиливавшуюся и готовившуюся к широким экономическим и политическим преобразованиям абсолютистскую Россию и начавшую уже клониться к упадку, но все еще сильную магнатско-шляхетскую Речь Посполитую, страдавшую от отсутствия централизованной власти. Главной причиной, мешавшей в это время заключению польско-русского союза против турок, было стремление во влиятельных кругах польско-литовских феодалов пересмотреть условия Андрушовского перемирия и добиться возвращения Смоленска и Киева¹.

Публикуемые ниже документы (грамота Яна Собеского к царям Иоанну и Петру Алексеевичу и послание польского подканцлера к В. В. Голицыну в древнерусских переводах) ярко и достаточно объективно описывают ход известной в истории битвы под Веной. Интересен и запротоколированный московскими дьяками рассказ очевидца битвы польского посланника Яна Окрасы. Командовавший союзной армией король Ян Собеский, его подканцлер и посланник имели все основания гордиться одержанной

¹ Подробнее об этом см.: И. Б. Греков. Вечный мир 1686 г. КСИС. № 2. М., 1951, стр. 85—98.

победой, подчеркивая решающее значение действий польской армии. Также думали и рядовые участники боя, о чём ярко свидетельствуют замечательные мемуары Яна Хризостома Пасека².

Не менее интересна и другая группа документов (ответные грамоты царей королю, письмо Голицына подканцлеру, а также протокольная запись бесед русских дипломатов с Яном Окрасой). В Москве, разумеется, с интересом встретили сообщение о венской битве и не могли не порадоваться тяжкому поражению такого опасного противника России, как Турция. Соглашаясь на пересылку королевской грамоты персидскому шаху, русские дипломаты выражали как бы свое положительное отношение к усилениям Яна Собеского организовать совместное и согласованное с Персией наступление на Турцию.³

Нетрудно заметить, однако, что предложение польского короля о немедленном вступлении России в антитурецкий союз не нашло отклика при московском дворе. Здесь по-прежнему считали, что заключению русско-польского союза против турок должно предшествовать заключение вечного мира между Россией и Речью Посполитой, который бы дипломатическим образом оформил зафиксированные Андрушовским перемирием достижения России. Попытка польской дипломатии использовать венскую победу для того, чтобы изменить русскую политику в этом вопросе, не дала результатов, как определенно свидетельствует об этом паказ, данный именно в это время направляемым для переговоров с польскими представителями Я. Одоевскому, И. Бутурлину и М. Ромодановскому⁴. Русское правительство согласилось вступить в союз против турок с Речью Посполитой только тогда, когда его предварительные условия были в основном прияты польско-литовской стороной. А это произошло лишь в 1686 г., означавшемся заключением «Вечного мира». Таким образом, именно 1686 г. оказался переломным в развитии русско-польских отношений второй половины XVII в.

* * *

Публикуемые материалы хранятся в Польских делах Посольского приказа Центрального Государственного Архива древних актов (фонд 79, 1683 г., № 18), при публикации опущены некоторые, не представляющие интереса или не относящиеся к сюжету, документы.

В предисловии и примечаниях, в отличие от публикации, даты даны по новому стилю.

² J. Pasiek. *Pamiętniki*. Warszawa, 1952.

³ A. Śliwiński. Jan Sobieski. Warszawa, 1924, str. 153.

⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. III. М., 1897, стр. 154—155.

[л. 3.] Перевод с проезжаго королевскаго листа

Яи Третий, божией милостью король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, жмудский, киевский, волынский, подольский, подляский, смоленский, северский и черниговский.

Братии нашей божией милостию великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцем и многих государств и земель восточных, западных и северных отчичем и дедичем, наследником государем и обладателем; тождо всем бояром и воеводам на городех остающим, полковником, офицером и всему воинству их царских величеств, братии пашей; також всим судьям гороцким и всем начальником, бурмистром в городех, пригородках и в селах повещаем.

Яко по пзысливой никогда же неслыхаемой победе на полях Венденских милостию выпнаго господа, а справою пашею над всеми войски християнскими соглашением таковой ожидательной вести посылаем уроженнаго Яна Окрасу дворянину пашего покоевого¹, посланика нашего до великих государей их царских величеств, верюще ему, дабы при грамоте пашей, которую мы ему дали, ту славную победу во уши их доложил, огласил и известил. А паче, да исправит пам вся, яже на ползу християнином и общему случении подобает ответом их царских величеств. Прилежно ибо желаем, да везде ему належашее друголюбие и приятство воздано будет. И о сих всех веровали ему и о сем ими веръствия ради печать корунпную приложить велели.

Писано во обозе в шатрех везырских² под Веною 1683-го году сентября в 3 день³, владения нашего десятого⁴.

У подлишного проезжаго королевскаго листа подписано: «Яи король» и печать королевская приложена. У печати Станислав Щука подчашей виски⁵ его королевскаго величества руку приложил⁶.

[л. 8] Написано в доклад

Идет к великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцам Польской посланик Ян Окрас, а с ним королевских дворян З человека, да ксендз, да его посланиковых 10 человек.

А кому его посланика под Москвою припять и в приставех у него быть и великих государей жалованья подешного корму и питья з дворяны и со всеми людми его также и копского корму по чему давать, о том великие государи что укажут⁷.

[лл. 16—17] Лета 7192,⁸ ноября в 11 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра

Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев думному дьяку ⁹ Феодору Леонтьевичю Шакловитому с товарыщи.

Идет к великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцам полского Яна третиего короля Яна Окраса. И великие государи . . .¹⁰ указали на встрече быть против того посланника московским стрелцом конным против прежняго сту человеком, да у посланника же стоять на карауле . . .¹¹ двор Николаева с того числа, как посланник к Москве приедет, капитану, а с ним московским стрелцом, переменяясь двадцати человеком. К Москве посланник будет вскоре.

[л. 17] К приставу его к Смольянину

На первом часу дни, чтоб он с посланником с подхожего стапу ¹² ехал ко встречному mestu в третьем или в четвертом часу дни. А как он с посланником пойдет, о том бы к нему, Ивану, прислал с вестью. А как учинет приближаться и ему, Ивану, отсылаться почасту.

Да как полской посланник по отсылкам учнет приближатца близко встречного места, и столнику ¹³ и подполковнику Ивану Ушакову послати к посланнику изо встречников кого пригоже, а велеть ему сказать, что принять того посланника за тверскими вороты за земляным городом, и в приставех у него на Москве быти подполковнику московских стрелцов доброму и прислати того подполковника в государственной Посолской приказ к боярину ко князю Василию Васильевичу Голицыну с товарыщи ¹⁴.

[л. 32] 192-го ноября в 22 день ¹⁵ в Приказ Большого Дворца ¹⁶.

Указали великие государи быти у себя великих государей на дворе на приезде полскому посланнику Яну Окрасе сего ноября 22 числа. А своего великих государей жалованья послать к нему в стола место ествы и питья з дворцов. В прошлом во 191 году мая в 21 день ¹⁷ по их великих государей указу послано их великих государей жалованья в стола место ествы и питья з дворцов к полскому посланнику Яну Зембоцкому ¹⁸, как он был у великих государей на дворе на приезде. А как посланик Ян Окраса будет у великих государей на дворе на отпуске, и в тот день послать к нему в стола место ествы и питья з дворцов против того же. А посыпать Сытного дворца ¹⁹ с стряпчими ²⁰. Питье послать в готовых судех. И по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев боярину и дворецкому князю Василью Федоровичу Одоевскому с товарищи учить о сем по указу великих государей.

[лл. 34—35] 192-го ноября в 22 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы указали быть у себя

великих государей на дворе на приезде Яна Третяго короля полского посланику Яну Окрасе.

А сани с сайником под посланика послати великих государей ис конюшни.

А с ним послаником ехати приставу ево подполковнику Ивану Ушакову.

А перед послаником ехати въ ездоках копюхом 20 человек.

А стрелцом стоять от Благовещенские панерти в Кремле-городе до Спаских ворот с ружьем и з знамены и з барабаны скол-ких полков великие государи укажут (было 2 полка полковников Прохоров пол Иевлева да Семенов полк Капустица) ²¹.

А по Красному крылу ²² и до Благовещения ²³ дворянам из городов и детем боярским.

А в сенях перед Столовою стоять дворянам же и дьякам и гостем.

[л. 35] А великим государем, царем и великим князем Иоашу Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцам сидети в Столовой в своих государских местех в чем они великие государи изволят. (При великих государех ²⁴, у их государского места стоял царственные Большие печати и государственных великих и посолских дел оберегатель ²⁵ ближней боярин и наместник новогородской Василей Васильевич Голицын). А при великих государех сидети бояром и оконничим и думным дворянам в чем великие государи укажут. А рыцадам ²⁶ при великих государех стояти столщиком. С правую сторону были Иван Яковлев сын Волынской да Дмитрий Парфеньев сын Сомов. С левою сторону были Михайло Яковлев сын Волынской, Кирило Парфеньев сын Сомов. . . ²⁷.

[лл. 44—48] 192-го ноября в 23 день по указу великих государей . . . посыпан к полскому посланику къ Яну Окрасе государственного посолского Приказу Подъячей Иван Волков. А велено ему посланика спросить: в ответех быть и о делах говорить от королевского величества ему посланику наказано ли, и для чево в грамоте королевского величества имяни ево посланикова не написано и ни о каких делах полной мочи на него посланика не положено и рукою королевского величества у той грамоты не приписано, а приписано его королевского величества у проезжей грамоты и его посланиково имя. . . ²⁸

[л. 45] имя написано только в проезжей и то для чего учинено непротив обыкновения.

И посланик говорил: на разговорех ему быть царского величества у ближняго боярина у князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи от королевского величества наказано, а имеет от королевского величества приватное дело. А что де в грамоте королевского величества не приписано его, королевского величества, рукою и то для того, что и великие государи ихъ царское величества грамотах подписывать не изволяют. А имени его по-

сланикова в той грамоте не написано и полной мочи на него не положено, потому что когда одержал королевское величество над неприятелем победу, и та грамота

[л. 46] писана в скорости на завтреес того числа ²⁹, и он посланник тогда еще был не назначен. А назначен он в ту посылку и послан от королевского величества по написанию той грамоты. И для того и о делах доложено и имя ево посланникою написано королевского величества в проезжей грамоте и рукою его королевского величества у той грамоты приписано, чтоб ведомо было всему свету, с каковым делом к великим государем къ их царскому величеству он послан, и чтоб королевское величество имел бы их царского величества одержат чрез любителнюю их царского величества грамоту ответ: изволят ли великие государи, их царские величества, войска свои съ его королевского

[л. 47] величества войсками случать против неприятелей, и когда королевское величество одержит от их царского величества ответ. И то все напечатано будет в книгу, чтоб всему свету было то известно, и с какою честию у царского величества он посланник принят. А с такими де королевского величества грамотами посланы в окрестные государства посланников 9 человек.

[л. 48] Посланник же объявил, что царского величества к ближнему бояришу ко князю Василью Васильевичу Голицыну писал с пим послаником лист подкащлер корунной ³⁰ Ян Глинской, и тот де лист подаст он посланик будучи на разговоре.

[лл. 50—55] Перевод с польского писма з грамоты, какову писал к великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцем къ их царскому величеству королевское величество полской с послаником своим съ Яном Окрасою, а тое грамоту подал он посланик их великим государем будучи на дворе па приезде в пынешнем во 192-м году поября в 22 день.

Яп Третий божию милостию король Польский и великий князь литовский, руский, пруский и иных браты нашей божию милостию великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу

[л. 51] всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцем и иных иных государств и земель восточных и западных и северных отичем и дедичем и наследником и государем и обладателем, здравия доброго и помысленных благополучай поведения.

[л. 52] Той господь бог, в его же власти и силе всех государств и монархов счастие, так нам великому государю, нашему королевскому величеству, и войскам християнским паяснейшаго цесаря римского, брата нашего, и паяснейших баварского и саксонского курфистров ³¹, под владением и вручением нашего королевского величества обретающихся, дня вчерашняго па полях Венских посчастил и поблагословил, что все войска численные и знатные великого салтана турского с везирем и татарские с ханом ³², па па-

губу и па разорение христианству вредною и тяжкою осадою Вену утесняющие ³³, весь день паходящим боем бьючись ³⁴, при конце преломаны сстыдом ис-под Вены, где только око и страх нести их мог, убегати и уступати принуждены были. Обоз со всеми добычами болши нежели на пять верст широкий и долгий оставили. Пушек сто и несколко десят со всеми великими оружии покинули. Янычар в обозе оставили

[л. 53] и подлиппо на убиение их лишили. Вену совершенно уже потерянную ³⁶ ис тяжеской осады освободили. Мнится, что толико гордый и дедичный креста святого пеприятель и все войско потеряти принужден был, ест ли б для толико великой победы день был болший. Но, что нощь наступила, под темпостью нощю ушел путем в Венгры. Однако же идем за шим, гопяясь, и уже паши первые подъезды на шеях ихъ подлиппо сидят так совершенно, что великими купами их или рубят или живыя к нам ведут.

Надежда в крепком бозе, что тот парод бусурманской, когда ни есть рукою христианскою при благословении высочайшего укротитца и преломитца, токмо б вси государи христианские остеречись восхотели и то рассудили, колико

[л. 54] великие и никогда неслыханные подает господь бог радостные на вечную хулу пеприятелю случаи, что все мы великий государь, наше королевское величество, вам великим государем, вашему царскому величеству, не иным памерением допосим, токмо дабы есте о благополучных всего христианства радуяся поведениях, и вы сами ваше царское величество думали о том, дабы есте к впередь будущей имяни христианского славе и по множению храбрыми своими силами пособили и тот час своими любителными грамотами к тому же делу паяспейшаго шаха Персидского ³⁷ призвали, х которому листы нашего королевского величества дабы вы великие государи, царское величество послати изволили, братки желаем.

А пыне мы великий государь, наше королевское вели-

[л. 55] чество, вам великим государем, вашему царскому величеству, доброго здравия и счастливых радостей от господа бoga желаем.

Дан в обозе турском в наметах везирских в 13 день сентября месяца лета господня 1683, государствования же нашего 10-го году.

У подлинной грамоты королевскою рукою не приписано.

Печать корушиая меншая.

[л. 80—99] 192-го ноября в 25 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы указали быть в Ответной палате царственные Болшие Печати и государственные великих посольских дел у оберегателя у близкяго боярина и паместника Новгородского, у князя Василья Васильевича Го-

лицына, у ближняго боярина и наместника Галицкого у Бориса Васильевича Бутурлина, у оконичего и наместника Можайского у Семена Федоровича Волочанова ³⁸ государственных посолских дел у думного дьяка у Емельяна Игнатьевича Украинцова с товарыщи королевского величества полского посланику Яну Окрасе.

И того дни посланик в ответе был. Посылан по него и в город с ним ехал пристав его полуполковник Иван Ушаков.

[л. 81] А сани с санником посыпаны под него з государевы копюши, да в ездоках было 20 человек копюхов, да на стойке стоял приказ стрелцов з знамены и с ружьем.

А как посланик во ответную полату вшел, и ближней боярин с товарыщи встали и явил их посланику дьяк Прокофей Возницын. А говорил: великих государей... их царского величества царствованные большие печати и государственных великих посолских дел оберегатель ближней боярин и наместник Новгородской, князь Василий Васильевич Голицын, ближней боярин

[л. 82] и наместник Галицкой Борис Васильевич Бутурлин, оконничей и наместник Можайской Семен Федорович Толочанов, думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов с товарыщи. А как он речь изговорил, и ближней боярин с товарыщи с послаником витались, а витався сели по местом, а, посидев немнога говорил ближней боярин Василий Васильевич: «Нынешняго 192-го году ноября в 22 день у великих государей, у их царского величества, будучи па дворе и па приезде его королевского величества грамоту подал ты королевского величества посланик. И по переводу с той грамоты великим государем, их царскому величеству известно. И великие государи, их царское величество, указали им, ближнему боярину с товарыщи, ему королевского величества посланику говорить, что великие государи, их царское величество, то королевского величества объявление о победе над неприятелем приемляют в любовь и желают

[л. 83] его королевскому величеству всякого добра и приятства. А что к ним царского величества, ближнему боярину, с товарыщи допосил он, королевского величества посланик, чтоб великие государи, их царское величество, указали ему быть па разговоре, а имеет он королевского величества приватное дело. И хотя в грамоте королевского величества о делах ему вручения так же и имени ево и пе написано и учинено пе по обыновению и того для и па разговорех быть был было ему, королевского величества посланику, пе довелось, однако ж по братцкой королевскому величеству дружбе и любви указали великие государи, их царское величество, у них своего царского величества ближняго боярина с товарыщи па разговоре ему быть и дел, о которых ему от королевского величества наказано, им своего царского величества

[л. 84] ближнему боярину с товарыщи у него выслушать. И он бы королевского величества посланик наказанные ему дела его царского величества ближнему боярицу с товарыщи объявлял»

[л. 85] И посланик говорил: «Великим де государем их, царскому величеству, за их государскую милость, что изволил у него наказанных дел им своего царского величества бояром выслушать, он королевского величества посланик благодарствует и челом бьет. А в грамоте де королевского величества имяни ево посланика не написано для того, что королевское величество изволил ево послать къ их царскому величеству по взятии турского обоза вскоре из паметов везирских, и на силу бумаги и чернил добыть было мочно. А писана та королевского величества грамота при самом королевском величестве. И того де для в том скором времени имя ево посланиково и не написано. Однакожде в проезжей его королевского величества грамоте, какова ему дана за его королевского величества рукою, имя ево посланиково и о делех, для чего он къ их царскому величеству послан, написано имянио.

[л. 86] А государь, его королевское величество, послыша всех християн неприятеля турского салтана наступление войск цесарского величества на землю, изволил учинить съ его цесарским величеством и с курфисты з баварским и саксонским и с волынми князи союз ³⁹, и сам своею особою пришел под Вену, совокупясь с немецкими войски, помощию выпнаго бога город Вену от осады свободил и неприятелей побил и везирской обоз, запасы и пушки и памета побрали из добыч и победу над неприятелем получили такую, какой издавна неслыхано. И по той победе его королевское величество с курфирстры и с войски пошел за неприятельскими досталными войски в Венгерскую землю и ныне пребывает в тех трудех.

А ево посланика к великим государем къ их царскому величеству изволил королевское величество послать о той радостной над неприятелем креста святаго победе допести, а при том их царскому величеству желания свое королевского величества и прошение предложить, чтоб великие государи их царское величество изволили для имени християнского против того всех християн неприятеля

[л. 87] съ его цесарским величеством и с королевским величеством учинить соединение и послать на помочь королевскому величеству хотя весною ⁴⁰ свои царского величества рати, потому что в нынешнее де зимнее время их царского величества ратем итти невозможно. А ныне б изволили их царское величество с ним, послаником, в грамоте своей государской написать имянио и его королевское величество обнадежить, что они великие государи съ его королевским величеством против того креста святаго неприятеля соединеные учинить изволяют, чтоб королевскому величеству за тою царского величества обнадежностию мочно способнее

с тем неприятелем войны вести и въ его земли войною вступать, а не к миру с ним желание иметь. И того де для королевское величество ево посланника изволил послать пакшко.

А государь де ево, королевское величество ту войну с тем неприятелем всчал не для своих земель, но за все християнство, видя то, что тот враг креста святаго многие земли и города у християн силою своею бусурманскою завладел и неудово

[л. 88] лився тем, дале распространитись похотел.

А как де королевскому величеству о том их царского величества обнадеживании будет ведомо, тогда де для договаривания того дела изволит цесарское величество к великим государем, къ их царскому величеству прислать послов своих. А ныне де чрез их царского величества грамоту тою помочью королевское величество толко б обнадежить, а не войска послать. И то дело малое.

И ближние бояре с товарыщи говорили, что то дело самое великое, а не малое, и надо к тому делу королевскому величеству приступить зело чистым и правдивым сердцем и всякие противности и вымыслы и трудности отложить⁴¹. А великие государи, их царское величество, тою государскую братцкую дружбу и любовь к королевскому величеству имеют неотменную, как о том к его королевскому величеству писало въ их царского величества грамоте съ его королевского величества послаником съ Яном Зембоцким. Однако ж и тогда королевское величество царского величества при великих послех обещание пред святым Евангелием на подтвержденые грамоте учинить не изволил, а изволил то обещание отложить⁴² до того времени, естли... комиссии даст.⁴³

[л. 90] против того креста святаго неприятеля договор учпится и тогда его королевское величество присягу учинить обещал. И ныне того для, великие государи, их царское величество, указали той комиссии быть, и послы на ту комиссию совсем отпущены⁴⁴, ис Москвы пойдут вскоре. А ныне уже отпущены и к назначенному месту пришли. И то дело с обоих сторон послы, съехався, постановят. А с ним, послаником, о таком великом деле мимо той комиссии им царского величества ближним бояром не токмо в договор, по и в разговор вступать не для чего.

И посланик говорил: «Ныне де государь ево его королевское величество желает от их царского величества о том случении и помочи чрез их царского величества

[л. 91] грамоту с ним послаником обнадеживания до комиссии, чтоб по тому обнадеживанию прислать для того договору къ их царскому величеству цесарского посла. А на комиссии даст бог учинить может меж великим государем и королевским величеством вечной мир. Однакож де та комиссия, чает он, продлитца на целой год, и пройдет в том время не мало и весна минует, как и ныне той комиссии уже постановленной срок прошол. И тогда де царского величества против того неприятеля и помочи учинить

будет некогда. И того де для надобно о соединении и помочи договор учинить прек кончания комиссии для того, что, чает он, на комиссии в договоре вечного миру трудности будут немалые и вскоре их привести будет невозможио⁴⁵.

Да ближние жь бояре спрашивали о поведении, как у королевского величества с везиром бой был и каким подобием обоз турской взят и станет ли королевское величество там зимовать и много ль с ним полских войск и сколько немецких было.

И посланник говорил о том пространно тоже, что и по вестовым письмам великим государем известно. А про короля сказал, что станет зимовать в Волоской⁴⁶ или в Седмиградцкой земле, потому что те владельцы королевскому величеству поддались. А войска де с королевским величеством под Вену пришло корупного толко съ 15 тысяч человек или менши, а литовского не было, а цесарского было

[л. 99] съ 30 тысяч человек да саксонского курфистра 12 тысяч да розных князей войск з 10 тыс. человек, а болни де того не было⁴⁷. А неприятелского де войска с татарами было с 300 тысяч⁴⁸. Толко де над ними победу християнское войско одержало помощию божию, а не собою. Ту де победу все они приписуют милосердию божию. А в обозе де турецком взято 160 пушек, да з двесте можар. А он де посланник на том бою сам был. А что де послесъ отъезду у королевского величества с турки учинилось и какие бои были, и о том де к нему писано в дорогу и для подлинной де ведомости, естли они царского величества ближние бояре изволят, то писмо приплет он в Государственной Посолской приказ.

[лл. 105—115] Перевод с польского писма с листа, каков царского величества к ближнему боярину и наместнику Новгородцкому ко князю Василью Васильевичу Голицыну, корупный подканцлер Ян Гнинский писал. А подал тот лист королевского величества посланник Ян Окраса в пынешнем во 192-м году октября в 26 день у него, ближнего боярина, будучи на дворе.

[л. 106] Когда великие монархи, государи наши, любителю с собою пересылки чинят, пристойно, дабы и мы, их начальные люди и рада, братцкое между нами поновляли приятство. Читати, милость Ваша будеш, яко бог добродетельныи поблаговолил милостиво благоговенное наяснейшаго его милости королевского величества государя моего милостивого намерение и благоговенное случение, которое

[л. 107] к добру всего християнства с наяснейшим его цесарским величеством учинил, которого також де мејк собою блаженные памяти великий государь царь⁴⁹ его царское величество не только во днех своих желал, но и душею и истинною блаженные памяти с великим государем царем, его царского величества сыном⁵⁰ закрепил, х которому случению многожды мы призывали. В четыредесяти днях от первой ведомости⁵¹ не токмо с войски, которые вскоре собрал, но и особою своею его королевское вели-

чество, государь мой милостивой, под Вену пришел, отогнал и побил неприятеля

[л. 108] С начала монархии Турской нет такова прикладу, чтоб толико их множества войска было побито в один день, к тому же на месте толико крепком и им счастливом, что их со всякой горы и со всякой ограды как из крепкого города выгонял их. Стены венские толиким огнем и приступом разорили, что целим войском и строем город принудить и разорить готовились и пачаялись.

[л. 109] А Дунай переправив ишли есмы к ним три дни чрез великие горы и чрез каменные трудные пути и провалины, аки чрез пропасти. Аппибалские при конце телеги и тяжести оставив, конницею пришли есмы к ним. Левое крыло от Дуная держали войски немецкие с полскими полки, которых они особо наяли себе. К ним же несколько хоругвей гусарских придано было, чтоб тем скорее при Дунае Вене помочь учинить. Правое крыло от поль держал его королевское величество, государь мой милостивой. Там же и множество татар с ханом было.

Потом начался бой от немецких войск. Однако же, когда крыло наше разыгралось начало, всю силу тогда на нас обратили и пушки исправили. Однако же де в девяти часах обоз на великие пять верст длиною и ширину со всею казною и достатки с пушками и паряды воинскими драгоценными оставив, пропали, кроме тех, которых пощь укрыла. Пашей пять человек убито и когай везирский ⁵²

[л. 110] убит же. Догоняли их панцерны ⁵³ наши хоругви, и поля труном покрылись. Великий есть приклад, како бог не-правдивых наказует. Счастье прежних лет, поисже чужого бес причины желали, последнею разделкою опечалил, что и гадательство себе имели, поисже где ни есть явилися с 15 числа июля везде малые наши войски великие их войски побивали и много их на Дунае под Пашпурком ⁵⁴ с пашею потопнуло, и продолжают победу все войски. И уже под Прешпурком ⁵⁵ в Венгерской земле лист сей пишу, где чрез Дунай разделяются, дабы различные города имали есмы, аще и Будин ⁵⁶ со всеми венгры даст нам господь бог в руки и хлеба того чрез зиму ести даст нам, который саблею закроини мылосердно повелел нам. А на весну морем и землюю совокупит бог верных своих, дабы отомъстил обиду церквей своих и невинных душ, в чем осмотритись. И великим народом русским, от сердца желаю, дабы бог за ленность не разгневался, которых чиши

[л. 111] веру святую тот неприятель искоренил. Но в том прозорливость Вашей милости, брата моего, и наянейшей рады слутчей исправляется, когда бог добродетелий очи и разум озарити милостиво изволит, мне довольно приятство доброе с Вашею милостию братом моим поповив, и во учинении ведома истину предложив, желати даров духа святаго, как совершиениихших.

Усиленно притом прошу, дабы тот лист, который его королевское величество, государь мой милостивой, к шаху персидскому написати изволил⁵⁷, промыслом Вашей милости брата моего к резидентом королевского величества, государя моего милостивого, в престолной город персидской⁵⁸ послан был. И как придет к пам ведомость о том, что тот лист отослан будет, я то дело во всяких случаях воздавати буду.

И пыне

[л. 112] Вашей милости, брату моему, желаю от господа бога доброго здравия.

Дан во обозе под Преображенком сентября 20 дня 1683 года. Внизу того листа написано: «Вашей милости, брату моему, усердно желательный брат и приятель Ян Гшинский, подканцлер корупшый. А на обертке того листа написано: «Ясповелможнейшему князю, его милости Василью Васильевичу Голицыну ближнему боярину и наместнику Новгородскому, моему зело милостивому господину, брату и приятелю».

И против того листа боярина князя, Василей Васильевич писал к нему подскарбию⁵⁹ лист с тем же посланием таков:

[л. 113] Ближею милостию великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича... их царского величества царственные Большые печати и государственных великих посолских дел оберегатель ближней боярины и наместник новгородской князь Василей

[л. 113а] Васильевич Голицын к паяннейшаго и великого государя Яна Третяго, ближею милостию короля полского и великого князя литовского, русского и иных, его королевского величества яспевеложному Яну Гшинскому, подканцлеру корупному братцкое поздравление.

[л. 114] Великим государем нашим их царскому величеству по обыкновенном подании грамоты великого государя Вашего его королевского величества, будучи на разговоре подал мне их царского величества ближнему боярину его королевского величества посланник Ян Окраса лист Вашей милости, которого листа из перевода восприял есмь объявление о приключившихся делах и о том о всем до великих государей наших до их царского величества донесено, за которую ведомость благодарствую и взаимно братцки тебе объявляю, желая того, да исправит всесильный господь бог то настоящее дело к прибытии всему христианству и между великими государями нашими, их царским величеством, и великим государем Вашим, его королевским величеством, утвердит их государскую братецкую дружбу и любовь, чего я усердно желаю.

А что объявляешь, Ваша милость, в листу своем о грамоте королевского

[л. 115] величества писанной к персидскому шаху, желая того, чтоб та королевского величества грамота послана была къ его королевского величества резиденту в Персию, и о том до

великих государей наших до их царского величества донесено же. И по указу великих государей наших, их царского величества, вышеимянованная его королевского величества грамота къ его королевскому величеству резидентом будет послана, для чего надеся, что и ваша милость взаимную братцкую любовь указывать урешь.

А вышеимянованный его королевского величества посланик с любителюю великих государей наших, их царского величества грамотою пожалован их царского величества жалованьем х королевскому величеству немедленно отпущен.

При сем от господа бога желаю Вашей милости многолетного здоровья и счастливого поведения.

Писан великих государей наших их царского величества в царствующем велицем граде Москве лета от создания мира 7192, месяца ноября 29 дnia.

[лл. 130—139] Грамота царей Яну Собескому⁶⁰.

Мы великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и Малая и Белая России самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчины и дедичи и наследники и государи и обладатели брату нашему паяснейшему и великому государю Яну Третиemu, Божию милостию королю полскому и великому князю литовскому, русскому, братцкое поздравление.

[л. 131] Сего настоящего году ноября 22 дnia к нам великим государем к нашему царскому величеству, присылали Вы брат наш великий государь, Ваше королевское величество, посланика своего урожденного Яна Окрасу дворянина покоевого с своею королевского величества грамотою. И мы великие государи, наше царское величество, тому Вашего королевского величества вышеимянованному посланику повелели нашего царского величества очи па приезде видеть вскоре и Вашу брата нашего великого государя Вашего королевского величества грамоту приняли любителю. И по переводу с Вашего королевского величества гра

[л. 133] моте писано о победе над неприятели.

[л. 136] И вышеимянованной Вашего королевского величества посланик будучи нашего царского величества у ближних бояр и думных людей па разговоре объявил о тех же

[л. 137] делех, о которых к нам великим государем к нашему царскому величеству писано в Вашей королевского величества грамоте. И наши царского величества ближние бояре и думные люди ему объявили, что мы великие государи, наше царское величество то, Вас брата нашего великого государя, Вашего королевского величества, объявление приемлем в любовь и желаем вашему королевскому величеству над неприятели и впередь вящего одоления, чтоб милосердием всесильного бога и ходатайством за

ступицы христианские пресвятая его Богоматерь то дело не токмо
ныне, но впредь благословенно было и славно.

А что к нам великим государем, к нашему царскому величеству

[л. 138] вашей брата нашего великого государя вашего королевского величества грамоте писано и нашего царского величества вышеимяннованным ближним бояром и думным людем тот же вышеимяннованной вашего королевского величества посланник объявил, чтоб мы великие государи наше царское величество любителю нашу грамотою и шаха персидского объяснять изволили. И нашего царского величества ближние бояре и думные люди тому вашего королевского величества и о том пристойное объявление.

И указали мы великие государи наше царское величество того вашего королевского величества посланника покаловали

[л. 139] нашим царского величества жалованьем к вам брату нашему, великому государю к Вашему королевскому величеству, отпустить.

По сен от господа бога мы великие государи, наше царское величество, Вам брату нашему великому государю Вашему королевскому величеству многолетного здравия и счастливого в государствах Ваших государствования желаем.

Писан государства нашего во дворе в царствующем граде Москве лета от создания мира 7192 месяца пойбря 28 дия.

* * *

Белая⁶¹ великих государей грамота писана на листу александрийские середине бумаги. Кайма фигуры, богословие и великих государей имянование и титла по многих писано золотом. Начало слово «Иже» написан золотом, а королевское титло по полскому писано золотом же. Запечатана государственною большою печатью. Писал в лист подъячей Михайло Родостамов. И за то письмо дано пять рублей. Грамота послана в тафте червчатой. Тафта взята из малороссийского приказу.

Примечания

¹ Дворянин покоевый (dworzanin pokojowy) — придворный польский чин.

² Речь идет об огромном палаточном городке турецкой армии, который был захвачен победителями. Яну Собескому досталось все имущество, сокровища и знаки достоинства главнокомандующего турецкой армией vizirya Кара-Мустафы, а также знамя султана, полученное визирём перед походом на Вену.

³ Дата поставлена ошибочно. В действительности битва произошла 12 сентября 1683 г. Настоящая грамота была, очевидно, составлена 13 сентября (см. прим. 29), т. е. на следующий день после победы. Король, вероятно, очень торопился уведомить Москву о своем успехе, ибо его первое письмо

к любимой жене Марии Казимире (Марысеньке) помечено: «Namiołach wezyrskich 13 Septembris w nosu».

⁴ Ян Собеский вступил на престол 5 июня 1674 г.

⁵ Подчашей виски (podczaszy wiski) — королевский секретарь.

⁶ Далее (лл. 6—7) следует документ, озаглавленный «Роспись людей его милости господина Окрасы дворянина покоевого и посланника его королевского величества».

⁷ Далее (лл. 9—15) следует выпiska о «поденном корме и питье» и сопровождении предыдущих посланников.

⁸ 7192 г. — 1683 г.

⁹ Думный дьяк — начальник приказа.

¹⁰ Здесь и далее отточия означают пропуск царского титула.

¹¹ Здесь несколько слов не разобрано.

¹² Подхожий стан — место встречи послов.

¹³ Столыник — высокий придворный чин.

¹⁴ Далее (лл. 18—31 об.) следуют подробные инструкции о церемонии встречи посланика.

¹⁵ 192 г. — 1683 г.

¹⁶ Приказ Большого Дворца — государственная казна.

¹⁷ 21 мая 191 г. — 1683 г.

¹⁸ Посольство Яна Зембецкого имело целью ускорить вступление России в союз против Турции.

¹⁹ Сытный дворец ведал спабжением царского двора.

²⁰ Стрипчик — чиновник.

²¹ В скобках заключен текст, вставленный другой рукой между строк.

²² Красное крыльце цело в Грановитую палату, где устраивались царские приемы иностранных послов.

²³ Благовещение — имеется в виду Благовещенский собор в Кремле.

²⁴ В скобках заключен текст, вставленный той же рукой, которой сделана первая приписка (см. прим. 21).

²⁵ Царственные Большие печати и государственных великих и посольских делoberегатель — титул канцлера В. В. Голицына, персонально пожалованный ему царевной Софьей Алексеевной.

²⁶ Рыпды — царская почетная стражка.

²⁷ Далее следуют образцы обычных в таких случаях речей при приеме послов.

²⁸ Далее лист оборван.

²⁹ Т. е. 13 сентября.

³⁰ Подканцлер корунной (podkanczlerz korony) — один из самых высоких государственных чинов в Польше. Подканцлер был помощником и заместителем канцлера и имел почти те же обязанности, что и канцлер. Важнейшей из них было скрепление королевских грамот печатью, что делало их официальным государственным документом.

³¹ Цесарь Римский — император Леопольд (1658—1705). Курфюрст Баварский — Максимилиан II Эммануил (1679—1726). Курфюрст Саксонский — Иоанн Георг III (1647—1691).

³² Крымский хан — Мурат-Гирей I (1668—1683).

³³ Осада Вены началась 14 июля 1683 г.

³⁴ Битва под Веной началась около 6 часов утра 12 сентября.

³⁵ По свидетельству поляков — участников сражения — турецкий лагерь был «столь обширным, как Варшава или Львов в пределах городских стен» (T. K o g z o n. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce, t. II. Kraków, 1912, str. 519).

³⁶ Действительно, к моменту прихода польских войск Вена находилась в отчаянном положении. Турецким войскам удалось даже сделать в городских укреплениях пролом, через который могло пройти 40 человек. Город защищало всего-навсего 4000 солдат и 3000 вооруженных горожан, тогда как турецкое войско, готовившееся к решающему штурму, насчитывало около 140 тыс. человек (T. K o g z o n. Указ. соч., стр. 519).

³⁷ Шах Персицкий — Сефи II Сулейман (1666—1694 гг.).

³⁸ Здесь очевидная ошибка: правильно дано ниже — Толочанов (см. С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 302).

³⁹ Союз Речи Посполитой с империей был заключен 31 марта 1683 г.

⁴⁰ Т. е. в 1684 г.

⁴¹ Речь идет о польско-русских переговорах по вопросам об условиях союзного договора против Турции, которые велись в конце 70—начале 80-х годов между польскими и русскими представителями (подробнее см. И. Н. Батыш - Каменский. Обзор внешних споровений России, ч. III. М., 1897, стр. 150—154).

⁴² Речь идет о неудачном посольстве в Варшаву во главе с ближним окольничим Иваном Чаадаевым, которое отбыло 31 (21) января, вступило в Москву 11 (1) сентября 1683 г.

⁴³ Здесь текст неразборчив.

⁴⁴ Имеется в виду посольство в составе Якова Одоевского, Ивана Бутурлина, Михаила Ромодановского и др., отправленное из Москвы только 7 декабря (27 ноября) 1683 г. (подробнее об этом посольстве см. И. Н. Батыш - Каменский. Указ. соч., стр. 154—155).

⁴⁵ Далее в документе приводится ответ бояр о том, что комиссия скоро начнет работу, а договор можно будет заключить и в «полмесяца».

⁴⁶ Волосская земля — Молдавия.

⁴⁷ Таким образом, согласно этим данным, союзные войска насчитывали 67 тыс. человек. Кордон, однако, считает наиболее правдоподобной цифру в 76 тыс. человек (Т. Когоз. Указ. соч., стр. 513), из них польских войск было около 30 тыс. человек.

⁴⁸ В литературе принимается обычно цифра 140—180 тыс. человек (А. Śliwiński. Jan Sobieski. Warszawa, str. 147).

⁴⁹ Имеется в виду царь Алексей Михайлович.

⁵⁰ Имеется в виду царь Федор Алексеевич.

⁵¹ Речь идет о получении в Варшаве известия об осаде Вены.

⁵² Кегай визирский — турецкий чиновник.

⁵³ Пащерыны — тяжело вооруженная кошница, гусары.

⁵⁴ Пащпурк — Пресбург, ныне Братислава.

⁵⁵ Прешпурк то же, что Пащпурк (см. выше).

⁵⁶ Будин — г. Буда.

⁵⁷ В делах Посольского приказа перевода грамоты Яна Собеского персидскому шаху нет.

⁵⁸ В XVII в. столицей Персии (Ирана) был город Исфаган.

⁵⁹ Подскарбий — здесь ошибочно; должно быть подканцлер. Подскарбий (podskarbi) — одна из высших государственных должностей, чиновник, ведавший государственной казной.

⁶⁰ Заголовок публикаторов.

⁶¹ Отсюда вся эта помета — другой рукой.

B. N. Кондратева

**ДОКУМЕНТЫ О ПОЛОЖЕНИИ СЛАВЯН
ПОД ВЛАСТЬЮ АВСТРИИ
В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XIX в.**

Ниже публикуются два документа из истории австро-славянских отношений начала 60-х годов XIX в.

Эти документы Архива внешней политики России представляют собой донесения русского дипломата Ф. Эбергарда, который был в 60-х годах вице-консулом в Орсово и консулом в Броде. В этих донесениях он делился с директором Азиатского департамента МИД России (Балканы относились к компетенции этого департамента. — *B. K.*) своими наблюдениями о положении населения Военной Границы и происходивших там событиях.

Вице-консул в Орсово Ф. Эбергард — директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому

Орсова, 14/26 марта 1861 г

Милостивый Государь, Егор Петрович,

Со времени пачатия брожения умов в Венгрии австрийское правительство из опасения неприязненных действий сей нации предписало находящемуся в Карабицевиче Бригадному генералу Бехайму переселиться на жительство в Орсово для удобнейшего наблюдения за происками венгров и валахов и дабы, на случай крайней необходимости, можно бы было принять наискорейшие меры к дислокации находящихся под его начальством войск.

Несколько дней тому назад и вследствие приказаний высшего начальства предпринята сим генералом постройка земляных батарей, коих лицевая сторона обращена по направлению так называемых железных ворот (*portes de fer*), или подводных скал, находящихся почти на всем протяжении Дуная от Орсова до Турно-Северина.

Австрийское правительство, опасаясь соединения венгров с валахами и вторжения сих соединенных сил в свои пределы, полож-

жило необходимым построить сии укрепления в виде приуготовительных мер и на случай нашествия неприятеля.

В подобном же роде и на случай неотстояния Австрийскими войсками сей позиции предположено возвести такие же батареи в Базияте, местечке, лежащем на Дунае в 18-ти милях от Орсова.

С истинным почтением и пр.

Ф. Эбергард.

АВПР, СПб. Главный архив, У₂, 1861 г.,
д. 647, лл. 2—3, копия.

Вице-консул Ф. Эбергард — директору Азиатского департамента
МИД Е. П. Ковалевскому

Орсова, 19/31 марта 1861 г.

Милостивый Государь, Егор Петрович,

Большая часть жителей г. Орсова состоит из сербов, греков и валахов, которые искони имеют постоянную оседлость в сем городе и пользуются покровительством австрийского правительства. Первые две нации достаточно цивилизованные, занимаются преимущественно торговлею сырого материала, сбывая таковой в Валахию, Молдавию, Сербию и вообще во все австрийские города, лежащие на Дунае и Саве. Что же касается до валахов, то они почти все простого звания и занимаются хлебопашеством.

Имев случай ознакомиться с некоторыми из почтеннейших сербов и греков, я убедился из их разговоров, что они, как равно и все их соотечественники, коими населена Австрийская граница, очень недовольны распоряжением центрального правительства, которое в манифесте своем от 20-го октября н. ст. прошлого года не упомянуло о подданных своих, населяющих границу Австрии, и этим изъяло их от права выбрать из среды своей депутатов для присутствования при Аграмской скопшине. Распоряжение сие тем более для них обидно, что они через сие лишились возможности улучшить бедственное свое положение, претерпеваемое ими от военных чинов под начальством коих они находятся.

Соблюдая крайнюю осторожность при расспросах моих, я малопомалу узнал причину, заставляющую их добиваться более различительного и снисходительного правления.

Приступая к описанию бедствий наших единоверцев, да позволено мне будет прежде всего обратить милостивое внимание вашего превосходительства на религиозные притеснения, претерпеваемые ими в сем крае.

Все войска, расположенные на Дунае и носящие звание гренадиров, сформированы из туземных жителей — природных сербов, и лишь, может быть, десятая часть таковых, как-то штаб и обер-офицеров, исповедует римско-католическую религию. Несмотря на такую малую часть сих последних, одни лишь католи-

ческие священники удостаиваются права быть прикомандированными при сих войсках. Не входя в подробности происков сих последних, ограничусь описанием следующих двух фактов, кои послужат пояснением всего вышепрописанного.

Каждый из сербов, какого бы звания он ни был, не имеет права определять сыновей своих в высшие военно-учебные заведения, которые учреждены лишь для детей католического исповедания. Так как училища сии пользуются особенным преимуществом пред другими, то почетнейшие лица сего края, расчитывая на услуги, оказанные им австрийскому правительству, надеялись быть исключенными из постановленного правила; но все старания их не имели желаемого успеха, и им объявлено было, что подобного рода милость может быть только испрошена от монарших щедрот. Многие из сих просителей, следуя хитрым виушениям фанатиков и желая во что бы то ни стало доставить блистательное поприще сыновьям своим, решались окрестить их в католическую религию, но большая часть пренебрегала сими хитрыми виушениями, предпочитая лучше терпеть тяготеющее над ними иго, чем отставать от религии ираотцев своих.

В Ореове построена лет 60 тому назад православная церковь во имя Св. Николая; назначаемые при сем храме священнослужители были, по наущению пешуитов, избираемы всегда между людьми без всякого образования, кои певежеством своим много способствовали проникам католических фанатиков. Несколько месяцев тому назад и по случаю открытия вакации в сей церкви назначен был Карловицким патриархом новый священник о. Иоан — человек с образованием и достойный всеобщего уважения. Так как здешнее пародонаселение очень бедно, то, без сомнения, и церковные доходы не соответствуют с потребностями, необходимыми к поддержанию сана сего священнослужителя. На все, сделанные им на сей конец представления, не последовало никакого распоряжения со стороны здешнего начальства, которое, вследствие хитрых виушений состоящего при пограничном гарнизоне католического ксендза, объявило о. Иоану, что если он недоволен своим местом, то может прискивать себе другое или же в противном случае пусть довольствуется содержанием бывших предшественников своих, т. е. доходами отведенного ему малого участка церковной земли и подаяниями бедных прихожан. Проникнутые сожалением к своему пастырю и опасаясь, чтобы его не отняли от них, все зажиточные купцы решили содержать о. Иоана на своем изждивении и к большой радости своей убедились, что добровольное приношение их увенчалось уже успехом, ибо находящееся в сем местечке приходское училище значительно улучшилось со временем поступления в ведение сего духовного лица. Имев честь донести вашему превосходительству о вышеизложеннем, осмеливаясь перейти к описанию гонений, претерпеваемых сими жителями от военного начальства.

Как в Орсове, так равно и во всех других местечках, расположенных на австрийской границе, полицейская и судебная части находятся под властью майора пограничного гарнизона; все места подведомственной ему канцелярии равномерно занимаются офицерами и капралами того же гарнизона. Большая часть из этих лиц, природных туземцев, выслужилась не по достоинству, а по старшинству — из рядовых и потому принадлежат к низшему слою общества. Так как власть сих военных начальников неограничена, то предполагают надобно бы было, что они, как природные жители сих мест, воспользуются своим положением и употребят все усилия, дабы, по мере возможности, улучшить участь своих собратьев; к сожалению, лица эти употребляют во зло данную им власть и, по-видимому, из опасения потерять свои места притесняют пограничных жителей как нельзя более. Нередко случается, что при разбирательстве ими жалоб, они, по собственному произволу и не входя в точное разбирательство всего дела, присуждают обжалованного к получению 25 ударов палкой. Некоторые из сих последних, чувствуя себя невиноватыми, желали бы обжаловать своих притеснителей, но из опасения попасть в совершенную опалу никто не отваживается довести до высшего начальства о подобных своеобразных действиях.

Каждый из пограничных жителей, от малого до великого, должен сродниться с мыслью, что он граничар; независимо от сего и на основании постановленного узаконения, семейство каждого поселянина не имеет права раздробляться, то есть в случае, если бы несколько из сыновей его были женатыми, то они не могут обзавестись собственными домами и принуждены помещаться в одной избе, которая иногда так мала, что нет никакой возможности отделить женатых от холостых. Легко можно себе представить разврат, который происходит от сего пагубного постановления, и потому немудрено, что все эти несчастные, претерпевая подобные гонения, пренебрегают родственными связями, пускаются в распутство и делаются невольною причиной господствующей между ними бедности.

Постановление сие простирается отчасти и на проживающих в сем крае купцов, которые, несмотря на то, что уплачивают думную повинность, не вправе иметь более одного дома и находятся в совершенной зависимости от майора и всех подведомственных ему чинов. Многие из проезжающих иностранцев, привлекаемые плодородною местностью сего края, желали бы в нем поселиться, по, услышав о притеснениях, претерпеваемых здешними купцами, остаются лишь при своих намерениях. Следствием сего торговля как в Орсове, так и во всех соседственных местечках претерпевает значительный застой и никогда не может развиваться, несмотря на легкость сообщения, доставляемого близостью Дуная.

Из всего этого, ваше превосходительство, изволите усмотреть, что жители всей австрийской границы не без причины домогаются

лучшего правления и к прискорбию своему видят, что все надежды на получение такового еще далеко впереди. При всчатии вопроса о венгерской конституции они совершенно сочувствовали своим соседям и, надеясь чрез успех их на улучшение собственной участи, намеревались было с ними соединиться, но видя непомерные их требования, которые, по мнению их, не поведут к хорошему концу, они совершенно от них отстали.

Зная притеснения, претерпеваемые решительно всеми пограничными жителями от постановленного над ними военного начальства, нельзя ручаться, чтобы они не соединились с венграми в случае успеха сих последних. Если же Австрия дозволит им избрать депутатов для присутствования при Аграмской сконцессии, и этим способом им удастся устроить участь свою по примеру граничных жителей всей Буковины и Трансильвании, то в таком случае, полагать должно, они останутся спокойными и не сойдутся с венграми, к коим они не питают слишком большого сочувствия.

С истинным почтением и пр.

Ф. Эбергард.

АВПР, СПб. Главный архив, V-A₂, 1861 г.,
д. 647, лл. 4—11, копия.

A. Ф. Носкова

«ИНСТИТУТ» ГИТЛЕРОВСКИХ ОККУПАНТОВ В КРАКОВЕ

Задолго до начала второй мировой войны, а затем и в ходе ее немецкие империалисты создавали многочисленные учреждения, занимавшиеся «исследованием» соседних с Германией славянских стран. Такие учреждения существовали как в Германии, так и за ее пределами, на захваченной территории — в Кракове, Праге, Вроцлаве, Риге, Познани, Лодзи, Гданьске. Центром гитлеровского остифоршунга на территории оккупированной Польши был «Немецкий институт по изучению Востока» в Кракове.

Краковский институт просуществовал почти весь военный период. По выражению губернатора оккупированной Польши Г. Франка, институт должен был стать «духовным бастионом германской нации на Востоке»¹. Ничего общего с наукой этот институт, конечно, не имел и выполнял лишь задачи фашистской пропаганды расизма. Необходимость освещения деятельности Краковского института возникает, конечно, отнюдь не потому, что институт оставил какой-либо след в разработке истории или экономики Польши того времени. Деятельность института представляет в настоящее время интерес по двум причинам.

Первая причина заключается в том, что в работах института как в фокусе сконцентрирован расистский и человеконенавистнический бред, которым руководствовались немецкие фашисты в своей практической деятельности в Польше. Именно поэтому историки народно-демократической Польши и ГДР уделяют большое внимание этому кругу проблем².

Вторая причина состоит в том, что многое из того, что делалось в Краковском институте в годы гитлеровской оккупации, пора-

¹ См.: Сб. «Сентябрь 1939 г.», М., 1961, стр. 121.

² См.: Cz. M a d a j c z y k. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich. Warszawa, 1961; A. D r o ż d z y n s k i, J. Z a b o r o w s k i. Oberländer. Przez «Ostforschung». Wywiad i NSDAP do rządu N. R. F. Poznań—Warszawa, 1960; R. G o g u e l. Über die Mitwirkung deutscher Wissenschaftler am Okkupationsregime in Polen im zweiten Weltkrieg, untersucht an drei Institutionen der deutschen Ostforschung. Dissertation. Berlin, 1964 (рукопись диссертации Р. Гогуэля любезно была предоставлена нам автором); Сб. «Сентябрь 1939 г.», М., 1961 и др.

зительно напоминает некоторые высказывания нынешних остефоршеров, в частности из мюнхенского «Института по изучению Восточной Европы».

В современных условиях в ФРГ вновь пышным цветом расцвело «германское исследование Востока». Западногерманские остефоршеры привлекли старых идеологов гитлеровской агрессии, в том числе и бывших сотрудников Краковского института: референт секции экономики института Г. Мейнхольд работает сейчас в одном из университетов Западной Германии; ныне здравствующий в Геттингене гитлеровский остефоршер Манфред Лауберт неоднократно выступал в периодических изданиях Краковского института, а его ученик Зоммерфельд возглавлял отдел по изучению «еврейского вопроса»; в «Геттингенском рабочем кружке» продолжает свою деятельность руководитель секции районных и национальных исследований института Э. Римани; историк-искусствовед Дагоберт-Фрай сейчас профессор в Штутгарте. Активное участие в работе института принимали также нацистские политические и «научные» деятели П. Г. Серафим, Т. Оберлепдер, Г. Аубин³. Живут и работают в ФРГ и другие бывшие краковские «исследователи»⁴.

Поэтому исследование деятельности Краковского института важно не только для изучения гитлеровской политики в Польше в годы второй мировой войны, но и для разоблачения современного западногерманского остефоршига.

Настоящая статья ставит задачу дать краткие информационные сведения о самом институте, его организационной структуре, основных направлениях работы, а также познакомить с планами экономического ограбления польских земель, разрабатывавшимися в Краковском институте в соответствии с тем «будущим», которое готовил Польше немецкий фашизм.

* * *

В апреле 1940 г. в Кракове, столице так называемого генерал-губернаторства, созданного гитлеровцами из восточных и юго-восточных польских территорий, был открыт «Немецкий институт по изучению Востока» (*Institut für Deutsche Ostarbeit*), одно из фашистских «научных учреждений», функционировавших на оккупированных польских землях⁵.

«Немецкий институт по изучению Востока» или просто Краковский германский институт функционировал до середины

³ См.: «Der Deutsche Imperialismus und der Zweite Weltkrieg», B. 4, Berlin, 1960, S. 58; A. D r o ż d z y n s k i, J. Z a b o r o w s k i. Oberländer..., str. 54—56; Сб. «Сентябрь 1939 г.», стр. 129—130.

⁴ «Сентябрь 1939 г.», стр. 135—137.

⁵ «Verordnungsblatt des Generalgouverneurs für die besetzten polnischen Gebiete», Krakau, t. I, № 30, 1940, S. 49.

1944 г.: в июле 1944 г. началась его эвакуация, хотя последние упоминания о существовании этого учреждения уже на собственно немецкой территории относятся к середине 1945 г.⁶

Основное назначение института было указано в одном из его отчетов в гитлеровское министерство науки: «генерал-губернатор видит в этом институте объединение квалифицированной и специализированной академии, с одной стороны, и центральный исследовательский аппарат для политического, экономического и культурного осуществления задач генерал-губернаторства — с другой»⁷.

Должность президента «Немецкого института по изучению Востока» занимал Г. Франк, но практическое руководство «исследованиями и административной работой» осуществлял директор В. Коблиц.

Институт помещался в здании Ягеллонского университета и библиотеки в Кракове. Он захватил богатые собрания книг, журналов и рукописей, хранившихся в этом старейшем польском университете⁸. По данным современного немецкого историка Г. Фойгта (ГДР), в штатном расписании института на январь 1943 г. числилось 185 сотрудников⁹. Заправили третьего рейха не жалели награбленных средств на поддержку деятельности краковских остфоршеров. Работали в институте историки, экономисты, географы, юристы, археологи, искусствоведы.

Институт делился на 11 секций: экономики, страноведения, расовых и национальных исследований, древней истории, истории, права, сельского хозяйства и другие. Названные секции занимали ведущее место в деятельности всего института, т. к. их работа самым тесным образом смыкалась с оккупационной практикой нацистов.

В 1941 и 1942 гг. институт организовал свои отделения во Львове и Варшаве.

За весь период существования институт имел три периодических издания. Самым ранним и ведущим изданием являлся журнал «Die Burg», дополнением к нему был небольшой журнал «Deutsche Forschung im Osten». Начиная с 1941 г. в институте выпускались ежегодники «Jahrbuch des Institut für Deutsche Ostarbeit». Известно о существовании трех томов этих ежегодных выпусков¹⁰. Таким образом, Краковский институт, который, кроме периодических журналов, широко использовал также издательство губернатора «Burg-Verlag», располагал довольно большими возможностями публикаций.

⁶ R. Goguel. Указ. соч., т. I, стр. 170.

⁷ Там же, т. II, стр. 98.

⁸ См. L. Landau. Kronika lat wojny i okupacji; t. 1. Warszawa, 1962, str. 426.

⁹ Сб. «Сентябрь 1939 г.», стр. 123.

¹⁰ R. Goguel. Указ. соч., т. I, стр. 143.

В начале 1941 г. в гитлеровских верхах укрепилось мнение о генерал-губернаторстве как «*Nebenland*», т. е. стране, вернее периферийной провинции Германии, с определенными задачами экономического приданка, резервуара рабочей силы, поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции. В духе этого мнения и протекала деятельность всех секций института.

Секция сельского хозяйства, если не ведущая, то одна из наиболее плодовитых в институте, должна была решать вопросы, связанные с экономическим назначением генерал-губернаторства. На заседаниях своего «правительства» Франк неоднократно подчеркивал, что основная задача экономики губернаторства — «эффективный подъем» сельского хозяйства, а руководитель сельскохозяйственной секции института, Христиансен-Венигер, дополняя Франка, требовал изучать «возможности создания такой продовольственной базы в генерал-губернаторстве, которая была бы способна быть предпосылкой для любого строительства»¹¹. Секция предполагала также выяснить, может ли польское крестьянство в короткие сроки достичь необходимой нацистам продуктивности.

Известно, что Гитлер намеревался превратить Польшу в гигантский трудовой лагерь¹². Поэтому шефу секции экономики В. Эммериху, члену «правительства» Франка и руководителю экономики всего губернаторства, нужно было «доказать» необходимость сведения польской промышленности к минимуму, определенному внутренними, «незначительными» потребностями. Эммерих пытался обосновать тезис о невозможности и ненужности промышленного развития губернаторства, о полной перестройке экономики страны в плане создания «дополнительного экономического тела к немецкой индустрии»¹³.

Секция расовых и национальных исследований занималась «не только биологической, но и политической» науками¹⁴. В планах гитлеровцев расовой идеологии и расовой политике придавалось существенное значение. Это доказывает хотя бы тот факт, что уже в конце 1939 г. разработкой широких планов в отношении польских территорий занялось руководимое Розенбергом Управление по вопросам расовой политики при нацистской партии. На основе этой политики проводились массовые истребления целых народов.

Секция расовых и национальных исследований имела специально выделенный отдел, занимавшийся исследованием «еврейского вопроса». Он был образован осенью 1940 г. и являлся по сути дела третьим центром после возникшего в Германии в 1936 г. «Отделения по изучению еврейского вопроса» при «Имперском ин-

¹¹ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 1/2, S. 32

¹² «Polen, Deutschland und die Oder—Neisse—Grenze», Berlin, 1959, S. 138, 145.

¹³ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 4, S. 41.

¹⁴ Там же, № 6, стр. 30.

ституте истории новой Германии» и основанного позднее Розенбергом «Института по исследованию еврейского вопроса» во Франкфурте-на-Майне¹⁵.

Директор Krakowskого института Коблиц подчеркивал, что «еврейские исследования в институте разрабатывались в тесной связи с центральными учреждениями»¹⁶.

Поле деятельности отдела ограничивалось рамками бывшего польского государства, и руководитель его И. Зоммерфельд¹⁷ формулировал свои задачи более чем скромно: отдел должен был своей работой «доказать» на архивных и статистических материалах якобы постоянную, длившуюся столетиями, борьбу евреев с немцами на Востоке в ходе немецкой *Kulturarbeit*, показать общее развитие еврейского вопроса в бывшем польском государстве, «борьбу» поляков с евреями, антиеврейское движение в Польше. В статье «Из истории общественного положения евреев в старой Польше» тот же Зоммерфельд на примерах из XIII—XIV вв. силялся доказать, что «история старого польского государства богата постановлениями и решениями, которые накладывали на евреев не только политические и экономические, но и общественные ограничения»¹⁸, и что теперь немцы лишь продолжают традиции такой политики. С помощью такого рода фальсификации всей польской истории гитлеровские пропагандисты пытались восстановить поляков против евреев.

Социальное содержание антисемитизма с самого начала оккупации ловко использовалось фашистскими расистами и остфоршерами в целях полнейшей изоляции еврейского населения и разгула антисемитизма в стране.

Наиболее деятельной секцией в институте была секция древней истории. Она была широко представлена на страницах институтских журналов. Руководитель ее откровенно и лаконично сформулировал цель работы всей секции в доказательстве положения: «Сейчас мы находимся на древней германской земле»¹⁹.

Бурную деятельность развила в Krakowskом институте секция краеведения, которая сосредоточила свою работу на двух основных направлениях: изучении местности и исследовании «туземного населения»²⁰. Данными о природных условиях жизни польского населения и сравнением их с германскими условиями фашистские остфоршеры пытались доказать, что польские земли пригодны для расселения только немецкого крестьянства: «Сведения, что каждая раса, каждая человеческая народность находили в определенной

¹⁵ Там же, № 7, стр. 29—32.

¹⁶ R. Goguel. Указ. соч., т. I, стр. 160.

¹⁷ И. Зоммерфельд — ученик известного нацистского остфоршера М. Лайбера.

¹⁸ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 1/2, S. 17.

¹⁹ Там же, № 5, стр. 37.

²⁰ Там же, № 3, стр. 23.

местности с определенным рельефом, климатическими и прочими условиями свои минимальные жизненные условия, наводят нас на вопрос о естественных границах немецкого жизненного пространства»²¹.

Этим определялась деятельность секции, которая, по мнению руководства института, «должна быть направлена на ту задачу, какая в ближайшие поколения решительно преобразит Восток, именно на немецкую восточную колонизацию XX века»²². «Безобидное» изучение рельефа было поставлено на службу одному из основных политических замыслов руководства III рейха, так же, как и деятельность всех секций Краковского института.

Таким образом, институт являлся одним из организаторов чловеконеправистнической расистской пропаганды германского фашизма и поставщиком аргументации для планов истребления польского населения.

В течение всего периода существования «Немецкий институт по изучению Востока» проводил широко запланированную «исследовательскую» работу. Он установил контакт и сотрудничество с рядом «научных» учреждений и университетов в Берлине, Вене, Праге²³, Гданьске, Вроцлаве. Такой контакт был предусмотрен с самого момента создания Краковского института. Например, в отчете в имперское министерство науки от 31. VII 1940 г. указывалось, что генерал-губернатор лично настаивает на установлении тесного сотрудничества с различными учреждениями остфорштига, в том числе с Познаньским университетом и его «Имперским обществом немецкого остфоршунга», с институтами в Бреслау и Кенигсберге²⁴. Весной 1943 г. институт наладил связи с немецкими исследовательскими пунктами в Киеве и Харькове, ввиду запланированного слияния их с институтом в Кракове²⁵. Институт принимал с докладами на своих сессиях и заседаниях представителей различных учреждений, предоставлял им страницы своих журналов. Сотрудники института постоянно выступали с докладами на территории генерал-губернаторства и за его пределами, в Германии, на оккупированных территориях других стран.

Сразу же после открытия в институте так называемого «Отдела по исследованию еврейского вопроса» институт установил тесный контакт с «Институтом по исследованию еврейского вопроса» во Франкфурте-на-Майне. В 1941 г. директор Краковского института Коблиц стал членом «Совета экспертов» этого института²⁶.

²¹ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 5, стр. 22.

²² Там же.

²³ В 1942 г. в Праге было образовано так называемое Общество Гейдриха, объединившее шесть пражских институтов, занимавшихся славистикой. В тесном контакте с «Обществом» находился и Краковский институт.

²⁴ R. Goguel. Указ. соч., т. II, стр. 99—100.

²⁵ Там же, т. I, стр. 166; т. II, стр. 126.

²⁶ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 7, S. 29—30.

Руководитель одной из основных секций института, секции древней истории, доктор Радиг²⁷ был одновременно уполномоченным по древней истории в ведомстве А. Розенберга²⁸.

Краковский институт был связан не только с многочисленными учреждениями III рейха, но и со службой безопасности Гиммлера (Общество Гейдриха целиком находилось в ведомстве СС) и с Министерством восточных провинций Розенберга. Многие представители верхов гитлеровской оккупационной администрации в Польше занимали ведущие посты в самом институте или тесно сотрудничали с ним. Олицетворением совмещения административного руководства в губернаторстве и «научной» деятельности в институте является, например, фигура В. Эммериха. До лета 1940 г. В. Эммерих — сотрудник Министерства экономики Германии. В губернаторство он был назначен в какой-то степени как противовес Франку. Последний выступал за ограничение допуска немецких предпринимателей в губернаторство, поскольку опасался усиления влияния министерства экономики и ослабления своей собственной власти. С приходом В. Эммериха поток немецких капиталистов и всех желающих погреть руки в оккупированной стране значительно возрос. Работая в Краковском институте, Эммерих занимался обоснованием гитлеровской оккупационной политики экономической эксплуатации страны.

В журналах института печатались также казеппий по суду Народной Польши, бывший премьер-министр оккупированной Польши Бюлер; палач польского народа, командующий СС и полиции в губернаторстве Крюгер; руководитель секции сельского хозяйства Ф. Хритиансен-Бенигер — одновременно глава «Исследовательского учреждения по сельскому хозяйству Генерал-губернаторства» в Пулавах, а также генерал-губернатор Польши и «почетный» президент института Ганс Франк, военный преступник, повешенный в 1946 г. по приговору суда в Нюрнберге. За период своего существования Краковский институт так слился с администрацией губернаторства, что уже в начале 1943 г. видный польский экономист Л. Лапдау, погибший в годы оккупации в Варшаве, мог отметить в своих записках: «Institut für Deutsche Ostarbeit» потерял свою формальную независимость и включен в состав персонала «правительства»²⁹.

Развитие событий на восточном фронте накладывало определенный отпечаток на деятельность Краковского института. Все больше, как и во всей оккупационной политике, стало проявляться стремление местной нацистской администрации и института подчинить свою деятельность военным целям. Коренной перелом

²⁷ Доктор Радиг — единственный сотрудник института в Кракове, признавший преступную роль гитлеровского «остфорштага», живет и работает сейчас в ГДР.

²⁸ «Deutsche Forschung im Osten», 1941, № 5, S. 43.

²⁹ L. Landau. Указ. соч., т. II, стр. 179.

в войне после битвы на Волге вызвал выдвижение на передний план в работе института экономических и военных проблем. Историк из ГДР Р. Гогуэль считает, что эти изменения можно наблюдать уже в конце 1942 г.³⁰, когда руководство института наметило разработку вопросов химии, физики и биологии. Так или иначе, но с весны 1943 г. можно определенно говорить о таких изменениях. В апреле 1943 г. Франк и Коблиц обсуждали возможности открытия в институте новых секций, чтобы, сотрудничая с вермахтом, разрабатывать необходимые проблемы по химии, физике, механике, энергетике³¹. В том же месяце открылся во Львове, как секция Krakowskого института, специальный химический институт³². Есть сведения о существовании во Львове технического института³³. Деятельность Krakowskого института настолько приблизилась к непосредственному обслуживанию фронта, что в конце 1943 г. в институте начали изучать военный и экономический потенциал СССР³⁴.

В некотором смысле изменилась и структура института: после призыва в гитлеровскую армию его «научного руководителя» Радига эта должность была вообще ликвидирована. Радига заменил Совет (Steuerungsbeirat) из представителей вермахта, министерства вооружения, люфтваффе и т. п.³⁵

Безусловно, все эти данные не могли проникнуть на страницы институтских журналов, но и здесь проскальзывали сведения о переходе института на обслуживание военных нужд. В ноябре 1943 г. в статье «Важные в военном отношении задачи географического исследования в генерал-губернаторстве» один из сотрудников секции краеведения Е. Р. Фугманн писал об изменении направления работы секции «в связи с новым направлением работы всех секций «Немецкого института по изучению Востока» на насущные, важные в военном отношении, исследования»³⁶.

Итак, Krakowskий институт просуществовал почти весь период оккупации в Польше и являлся одним из звеньев системы гитлеровского остфоршунга. Кадры Krakowskого института формировались из старых фашистских остфоршеров или из оккупационной администрации. Институт был связан с многочисленными «научно-исследовательскими» пунктами Германии: со службой Гиммлера, т. е. СС и полицией, ведомством Розенберга, действовавшим на оккупированной территории Советского Союза, и с «правительством» Франка. С грифом Institut für Deutsche Ostarbeit выходили человеконенавистнические расистские работы П. Г. Се-

³⁰ R. Goguel. Указ. соч., т. I, стр. 165.

³¹ Там же, т. II, стр. 123.

³² Там же.

³³ Львовский Государственный областной архив, ф. р-35, оп. 9, д. 763, л. 43.

³⁴ R. Goguel. Указ. соч., т. II, стр. 130.

³⁵ Там же, т. I, стр. 167.

³⁶ «Deutsche Forschung im Osten», 1943, № 7, S. 265.

рафима, возродившего идею создания средневековых гетто, Т. Оберлендера, К. Люка, Г. Аубиша. Военные преступники Франк, Крюгер, Бюлер выступали с пропагандой фашистских планов уничтожения славян на страницах журналов института. Krakowский институт превратился в действующий координационный центр гитлеровской «науки» и эсэсовской практики. Франк настолько ценил деятельность своего детища, что собирался в середине 1941 г. на его базе открыть университет и Академию наук³⁷, по ходу войны против СССР планировал осуществить эту затею.

* * *

Работа института подчинялась планам гитлеровской «колонизации Востока». Институт разрабатывал не только частные вопросы, но и планировал послевоенное экономическое устройство оккупированных польских территорий в системе третьего рейха.

В 1941 г. разработка подобных планов шла в фашистской Германии полным ходом. Она была сконцентрирована в руках Гиммлера, под руководством которого имперское Управление безопасности создало документ «Генеральный план Ост» — многолетний план немецкой колонизации восточных стран: «выселения», т. е. уничтожения славянских народов.

Круг лиц, знакомых с «Генеральным планом», был чрезвычайно ограниченным и состоял, очевидно, из близких к Гиммлеру людей. Польский автор Ч. Мадайчик предполагает, что план видел, в частности, Розенберг; нет сведений, был ли он представлен Гитлеру³⁸.

Безусловно, краковские остфоршеры не были знакомы ни с одним экземпляром этого плана. Но поскольку план создавался на основе многочисленных директив, речей, выступлений, высказываний Гитлера, то замыслы Krakowского института никоим образом не шли вразрез с основными установками «Генерального плана Ост».

Кроме ведомства Гиммлера, разработкой подобных планов, правда, не столь далеко идущих и более локальных, занимался сам Франк, вернее отдел сельского хозяйства в его «правительстве». Во второй половине 1940 г. этот отдел приступил к составлению проекта «оздоровления» сельскохозяйственной структуры генерал-губернаторства.

В мае 1941 г. Франку был представлен готовый проект «Земельного порядка в генерал-губернаторстве». Руководил разработкой этого проекта глава отдела продовольствия и сельского хозяйства «правительства» Франка генерал бригады СС — Хельмут Кернер³⁹.

³⁷ R. Goguel. Указ. соч., т. II, стр. 106.

³⁸ Cz. Madajczuk. Указ. соч., стр. 105.

³⁹ Там же, стр. 69.

«Земельный порядок в генерал-губернаторстве» планировалось ввести в действие с января 1942 г. Но противоречия между Франком и Гиммлером, претендовавшим на решение абсолютно всех «земельных» вопросов, по-видимому, заставили Франка сдаться и воздержаться от реализации своих намерений. Тем не менее разработка планов экономического преобразования генерал-губернаторства продолжалась вплоть до 1944 г. в Krakowskem институте.

Следует отметить, что если документы ведомства безопасности Германии, относящиеся к гитлеровским планам преобразования Востока, были документами исключительно секретными, то материалы Krakowskого института получали огласку. Поэтому планы экономического переустройства Польши разрабатывались здесь не в той конкретной и категоричной форме, как это имело место, например, в плане «Ост» Гиммлера.

Тем не менее, основные стремления нацистов на Востоке находят и в документах Krakowskого института свое полное воплощение. Они отражены в периодических изданиях Krakowskого института.

В 1941—1944 гг. в журналах института «Die Burg» и «Deutsche Forschung im Osten» был опубликован ряд статей, излагавших основные черты будущей экономики губернаторства. По времени этот период совпадает с наиболее бурной деятельностью фашистов в области планирования будущих преобразований на Востоке: в 1941 г. — первые сведения о существовании «Генерального плана Ост» и появление «Земельного порядка в генерал-губернаторстве» Франка; в 1942—1943 гг. — разработка основных положений в плане Гиммлера и попытки реализации некоторых пунктов плана «Ост» в Польше на Замойщине.

Особое значение в нацистских планах немецкой колонизации Востока придавалось сельскому хозяйству. Относительно польских территорий это выливалось в планы постепенного полного уничтожения польского крестьянства. Не случайно, что в плане «Ост» специально поднимались «земельные вопросы», поскольку это вытекало из основной установки Гитлера о насаждении немецкого крестьянства на Востоке. В этом документе, озаглавленном «Генеральный план Ост; экономические, географические и юридические основы восточного строительства»⁴⁰, разработанном сотрудником Аграрного института при Берлинском университете Майер-Хетлингом весной 1942 г., добрая половина текста была уделена вопросам землевладения. Другой документ — «Земельный порядок» — содержал план изменения сельскохозяйственной структуры генерал-губернаторства.

На страницах журналов Krakowskого института рисовалась определенная картина будущего генерал-губернаторства: «быв-

⁴⁰ Документ опубликован в журналах: «Przegląd Zachodni», 1961, № 3, «Polisch Western Affairs», 1962, № 2.

шие» польские земли должны стать «высоко развитой сельскохозяйственной территорией», снабжающей Германию хлебом и продуктами животноводства⁴¹. Конечно, не внутренние нужды, не обеспечение польского населения продовольствием являлись предметом забот гитлеровских политиков. В статьях Krakowskого института, посвященных планированию развития сельского хозяйства, речь идет о хозяйстве, работающем на рейх. Польша должна была стать колонией, существующей лишь для того, чтобы обеспечивать Германию сырьем и сельскохозяйственными продуктами. Не только в журнальных статьях, но и в целом ряде работ нацистских авторов, издававшихся институтом, проповедовался принцип превращения губернаторства в исключительно аграрную территорию⁴².

Сотрудники Krakowskого института разработали т. п. «новую сельскохозяйственную структуру генерал-губернаторства» в некотором отличии от Генерального плана Гиммлера, но аналогично «Земельному порядку в генерал-губернаторстве» Франка. Гиммлер в своих планах допускал возможность существования в будущем только немецкого землевладения, 80—85% поляков предполагалось «выселить», оставшееся польское население рассматривалось или просто как свободные рабочие руки, или как «годное для германизации» в расовом отношении. В документе, составленном Мейер-Хётлингом, предусматривалось создание хозяйств в 40—100 га и относительно небольшого количества крупных латифундий в 250 и более га⁴³.

Krakовский институт, видимо, не располагавший последними директивами Гиммлера о полной германизации губернаторства, подходил к вопросу изменения аграрной структуры страны несколько по-иному. В статьях института, отражавших точку зрения Франка, не говорилось о немедленной немецкой колонизации, речь шла о «сельском хозяйстве генерал-губернаторства под немецким руководством (управлением)⁴⁴.

Объяснение такой позиции института может быть найдено, во-первых, в точке зрения Франка на германизацию губернаторства, выражавшей твердое убеждение в необходимости германизации в два этапа, когда собственно «германизация земли» откладывалась бы на будущее. Во-вторых, статьи сотрудника сельскохозяйственной секции института Брайнигга написаны в 1943—1944 гг. и по времени совпадают с периодом попыток Франка несколько завуалировать свою политику и попытаться использовать польских квислингов в войне против Советского Союза⁴⁵. Этим, ве-

⁴¹ «Die Burg», 1944, № 2, S. 165.

⁴² См.: P. H. S e r a p h i m. Die Wirtschaftsstruktur des GG. Krakau, 1941; T. Müller. Landeskunde des GG. Krakau, 1943.

⁴³ «Polisch Western Affairs», 1962, N 2, str. 437.

⁴⁴ «Die Burg», 1944, № 2, S. 165.

⁴⁵ L. L a n d a u. Указ. соч., т. II, стр. 465.

роятно, следует объяснять обширные описания в журналах тех «благ», которые в будущем принесет полякам немецкое руководство и преобразование польского сельского хозяйства.

Экономисты Краковского института считали основной предпосылкой «подъема» сельскохозяйственного производства в губернаторстве ликвидацию с «помощью» рейха крайней сельскохозяйственной «перенаселенности» в деревне и обеспечение постоянного экспорта сельскохозяйственной продукции в Германию. Нацистский тезис «перенаселенности» польских земель был не нов. Еще до начала войны этой «проблемой» занимался Т. Оберлендер⁴⁶, известный полякам и украинцам по массовым и зверским расстрелам львовского населения в 1941 г. «Труды» Оберлендера неоднократно цитировались на страницах журналов института.

Основой нацистских мероприятий в польской деревне была ликвидация мелких крестьянских хозяйств. Известно, что в Польше подавляющее большинство составляли мелкие и совсем карликовые наделы. Они-то и подлежали ликвидации, из них должны были быть созданы крупные хозяйства. Высвобожденные рабочие руки предполагалось направить на обслуживание транзитных перевозок, строительство дорог, каналов, складов, железнодорожных узлов, но в основном намечалось перевести трудоспособных людей в Германию, в промышленное и сельскохозяйственное производство.

Таким образом, ликвидация мелких крестьянских хозяйств решала для гитлеровцев сразу несколько проблем — освобождались земли для крупных наделов и появлялась дешевая рабочая сила. Поэтому-то Брайнинг и видел в ликвидации и устраниении карликовых хозяйств «важнейшую аграрно-политическую задачу на территории генерал-губернаторства в послевоенное время»⁴⁷. Именно ликвидацией мелких хозяйств и насаждением только средних и крупных гитлеровцы полагали оформить «новый земельный порядок» на польских землях.

Институт не ставил вопрос о ликвидации среднего польского крестьянского землевладения. Казалось бы, что нацисты в своей колонизационной деятельности могли бы опереться на соответствующие слои польского крестьянства. В действительности никакой классовой солидарности с этими кругами поляков у гитлеровцев не было, так что классовый подход, который как будто бы звучит на страницах журнала, поскольку речь идет о временном сохранении польского землевладения, отсутствовал. Эту мысль выразил предельно ясно Франк, когда он, касаясь судьбы польского германофила В. Студницкого, сказал, что для него каждый поляк — враг Германии⁴⁸.

⁴⁶ См.: Т. О бер ла н д е р. Agrarische Überbevölkerung in Polen. Berlin, 1935.

⁴⁷ «Die Burg», 1943, № 1, S. 34.

⁴⁸ Cz. M a d a j c z u k. Указ. соч., стр. 30.

Представителям нацистской оккупационной администрации в определенных целях польское крестьянство пока еще было нужно для реализации своих планов. Подход же был чисто тактическим. Поскольку в военное время возникала необходимость создать «лояльное, здоровое», пусть даже польское, крестьянство, фашисты усиленно пропагандировали создание относительно крупных, не только немецких, но и польских хозяйств. Временное допущение польского землевладения объяснялось задачами военного времени. Во время войны острая нехватка рабочих рук, особенно после 1942 г., и в губернаторстве и в Германии затрудняла решение колонизационных вопросов. Для массовой немецкой колонизации Востока нужны были немцы-колонисты, которых фактически не было, да к тому же в верхах гитлеровской Германии имелись точные сведения о пассивном отношении к восточной колонизации среди населения Германии⁴⁹. Недаром же вся острота критики плана Гиммлера, данная представителем ведомства Розенберга Ветцелем, сводилась именно к проблемам возможного количества немецких колонистов на Востоке⁵⁰. Краковский институт пытался решить вопросы экономического преобразования губернаторства, исходя из уже данного положения. Его планы отражали позицию Франка, выступавшего за максимальное использование во время войны и после ее окончания всех возможностей оккупированных стран, а поэтому желавшего найти метод, который бы заставил поляков добровольно обслуживать «Великую империю».

Можно заметить, что система сельского хозяйства, построенная краковскими острфоршерами, перекликается с «Земельным порядком в генерал-губернаторстве». Исходные принципы одни и те же, только Франк шел дальше, поскольку его план был документом секретным и автор мог быть более откровенным, чем Краковский институт, который учитывал, пусть в самой незначительной степени, мнение читателей. В 1943—1944 гг., когда в основном были написаны статьи о сельском хозяйстве, внутренняя политика Франка носила элементы заигрывания с поляками; вот почему краковские «исследователи» стремились показать все «блага» немецкого управления для польских крестьян. В документе же «Земельный порядок в генерал-губернаторстве» раскрыт действительный смысл допущения польского владения землей. Авторы документа говорят лишь о временной аренде земельных участков польскими собственниками, которые по мере прилива немецких колонистов в губернаторство будут просто-напросто ликвидированы.

Таким образом, вопрос о назначении сельского хозяйства губернаторства решался краковскими учеными так, как решали его все нацистские планы преобразования Востока. Разница заключалась только в том, что институт рассчитывал некоторое время

⁴⁹ S. Ż u g o w s k i. Młodzież niemiecka wobec planu zasiedlenia ziemi polskich (1941 г.). См.: «Przegląd Zachodni», 1962, № 1.

⁵⁰ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 91.

иметь дело с польскими землевладельцами. Гиммлер же предполагал учредить на Востоке только немецкое землевладение. Но задача ставилась одна — обеспечить рейх сельскохозяйственными продуктами и сырьем и вытеснить поляков из производственного процесса. «Модернизация» аграрной структуры генерал-губернаторства совершилась ценой «устранения» миллионов поляков, обретенных на гибель в различных трудовых и концентрационных лагерях, на рабское существование в Германии.

Одним из основных тезисов всех нацистских планов социально-экономических преобразований в Польше был тезис о необходимости уничтожения польской промышленности. Сотрудники Краковского института стремились доказать, что промышленность в губернаторстве не только не нужна, но и невозможна. Позиция Краковского института не была оригинальной. Она покоилась на исходных принципах нацистской восточной политики. Гитлеровский фашизм строил планы превращения Востока в сырьевую базу и трудовой лагерь Германии. Поэтому вопрос промышленного развития этих земель вообще не ставился. Характерно, что, наряду с довольно многочисленными документами нацистов относительно аграрных «преобразований» на Востоке, не обнаружено ни одного документа, рассматривавшего будущее польской промышленности, хотя в ходе войны и по мере ухудшения военно-политического положения Германии нацисты были вынуждены интенсивно использовать эту промышленность для усиления военно-экономического потенциала Германии. В планах же на будущее, построенных Краковским институтом, польской промышленности был отведен минимум внимания и значения.

В 1943 г. сотрудник института Нонненмахер в статье «Индустриальные центры в бывшей Польше. Влияние и значение политических условий»⁵¹ доказывал, что польская промышленность существовала только благодаря тесной связи с Германией и что, мол, отрыв от германской экономики означал бы просто гибель польской промышленности. Статья утверждала, что основания для самостоятельности промышленного производства в генерал-губернаторстве исчезли.

Излишне доказывать всю абсурдность этого аргумента и напоминать, что отнюдь не соседство Германии обусловило развитие таких промышленных центров, как Варшава, Лодзь, Домбровский угольный бассейн. Общеизвестно также, что многолетняя таможенная война Германии и Польши вовсе не уничтожила польской промышленности⁵².

Другой аргумент против развития промышленности покоился на роли генерал-губернаторства во всей гитлеровской империи. Специфическая черта писаний Краковского института — обоснова-

⁵¹ «Deutsche Forschung im Osten», 1943, N 5, S. 153.

⁵² См.: J. K r a s u s k i . Stosunki polsko-niemieckie. 1926—1932. Poznań, 1964.

вывать свои планы за отсутствием реальных, объективных оснований несуществующим, призрачным «Grossraum», т. е. мифической «Великой германской империей», охватывающей Европу, Азию, Африку.

В замечаниях от 27.VIII 1941 г. одного из нацистских учреждений по исследованию экономических вопросов в системе вермахта к памятной записке немецкого трудового фронта под названием «Новое сельскохозяйственное устройство в Великой германской империи» указывались даже географические границы этой империи. В частности, авторы записи предлагали различать территорию «Великой Германии» и германской империи. Что касается империи, то сюда были отнесены северные и западные европейские государства, а также Венгрия, Болгария и Румыния. В состав «Великой Германии» предполагалось включить только чешский протекторат и генерал-губернаторство.

Таким образом, обсуждение и разработка в Krakowskem институте вопросов и проблем экономики всей империи, места и значение в ней генерал-губернаторства являлись частью фашистского бреда о «новом порядке» в Европе.

Исследуя вопрос о польской промышленности, сотрудник института Ноинпемахер откровенно заявлял, что генерал-губернаторство в своем экономическом развитии ни в коем случае не является независимым, промышленное развитие генерал-губернаторства определяется потребностями Великой Германии как единого цэлого⁵³. По мысли Ноинпемахера, такие потребности «не требуют» развития промышленности в генерал-губернаторстве.

Фактически гитлеровская политика в отношении польской промышленности определялась самой интенсивной эксплуатацией страны в 1941—1944 гг.

Фашистам нужно было польское сырье, различное оборудование, дешевые рабочие руки для усиления военной машины германского имперализма. Поэтому в планах фашистов польские земли должны были стать постоянным источником и поставщиком сырья для промышленных предприятий Германии. В связи с этим в Krakowskem институте деятельно обсуждались вопросы разработки и добычи полезных ископаемых, даже в тех небольших количествах, в каких они имелись на территории губернаторства. Особый интерес для института представляла в этом отношении Галиция, где имелись некоторые запасы такого важного промышленного и стратегического сырья, как нефть и природный газ.

Вскоре после захвата советской Западной Украины и присоединения ее к губернаторству в журнале «Deutsche Forschung im Osten» появилась статья того же Ноинпемахера под названием «Экономическая структура галицийской нефтяной области». В статье

⁵³ «Deutsche Forschung im Osten», 1943, N 5, S. 170.

давалось самое детальное исследование всего нефтедобывающего бассейна с центрами в Дрогобыче, Станиславе, Ясло и крупных запасов газа в Дащаве, севернее Стыря⁵⁴. За громкими фразами «об исключительном значении» галицийских залежей для экономики генерал-губернаторства, о расширении добычи, проведении ряда железнодорожных линий к центральным пунктам добычи скрывался истинный смысл пристального внимания гитлеровцев к галицийской нефти: «... при соответственно незначительных потребностях (имеются в виду внутренние потребности. — A. H.) делается возможным еще более высокий экспорт»⁵⁵. Итак, нефть должна была стать важнейшей статьей поставок в Германию. Если Krakowskij институт ограничивался лишь теоретическими измышлениями по поводу польских национальных богатств, то немецкие монополии действовали куда более практически. Довольно широко освещалась в исторической литературе деятельность на польской земле таких крупнейших немецких концернов как И. Г. Фарбен, концернов Круппа, Цейса, Г. Геринга, Хенкеля. Уже в 1939 г. в губернаторстве начали действовать представители немецких нефтяных концернов «Deutsche Erdöl A. G.», «Braunkohle—Benzin A. G.» и др., которые, создав в губернаторстве новое общество «Beskiden Erdölgewinnung — und Verarbeitung A. G.», контролировали всю нефтяную промышленность Галиции⁵⁶, а когда разгром Германии стал очевиден — вывезли около 2200 вагонов оборудования нефтяной промышленности, сырье, разрушили заводы и нефтяные скважины⁵⁷.

Итак, основная черта будущей экономики генерал-губернаторства определялась потребностями рейха в промышленном сырье и сельскохозяйственной продукции.

Уже во время оккупации нацисты жесточайшим образом эксплуатировали народы порабощенных ими стран, в том числе ипольский народ. Миллионы поляков работали на военных заводах, обслуживавших гитлеровскую армию, сотни тысяч поляков ежегодно насильно угонялись в Германию. Такое же рабское существование и каторжный труд готовили нацисты польскому народу, как и всем народам Европы, на будущее.

В 1943 г. в «трудах» института писалось: «Когда мы рассматриваем под таким аспектом основное положение генерал-губернаторства с выдвижением вперед преимущественно экономических моментов, тогда мы видим основную пользу в том, что генерал-губернаторство представляет собой резервуар рабочей силы»⁵⁸. Еще в период политического оформления губернаторства Гитлер

⁵⁴ «Deutsche Forschung im Osten», 1941 г., N 6, стр. 18.

⁵⁵ Там же, стр. 21.

⁵⁶ R. Lang. Swastyka nad Polską. Moskwa, 1944, str. 24.

⁵⁷ H. Radandt. Deutsche Monopole raubten polisches Erdöl. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Bd 2, Berlin, 1960, S. 310—311.

⁵⁸ «Deutsche Forschung im Osten», 1943, N 5, S. 170.

говорил о превращении его в гигантский трудовой лагерь, резервуар свободных рабочих рук. В ходе оккупации Польша действительно была превращена в такой лагерь — сотни трудовых лагерей и бесчисленное количество концентрационных покрывали небольшую территорию губернаторства. Безжалостная эксплуатация заключенных лишь способствовала биологическому уничтожению поляков и евреев.

Помимо этого, с затягиванием войны германская экономика постоянно требовала пополнения рабочих рук. Оккупированная Польша превратилась в, казалось бы, неиссякаемый источник таких рабочих. Массовый принудительный (Заукель говорил, что из нескольких миллионов иностранных рабочих, находившихся в годы войны в Германии, едва ли 200 тыс. человек приехали сюда добровольно⁵⁹) вывоз польских рабочих и крестьян достиг к концу войны гигантской цифры в 1,5 млн. угищных⁶⁰.

Вопросы дешевой рабочей силы для широко запланированного хозяйства «Великой Германии» приобретали для гитлеровцев исключительно важное значение и в будущем. В связи с тем, что в «будущее десятилетие, оправившись от военных потерь, число немецкой рабочей силы не будет существенно расти»⁶¹, немецкие экономисты предусматривали самое целое использование и мобилизацию трудовых сил чужестраных пародов. В этом отношении губернаторству придавалась особая роль резервуара, богатого источника дешевой рабочей силы. Так, нацист Мейхольд утверждал, что «недостаток рабочей силы в Германии все-таки требует так же настоятельно, как и охарактеризованное положение в самом генерал-губернаторстве, чтобы был мобилизован тот резервуар рабочей силы, который может быть высвобожден улучшением организации работы»⁶².

Безжалостные планы ограбления человеческих резервов страны наряду с экономическим грабежом и политическим уничтожением, которые начали осуществляться уже во время войны, привели не только к гибели миллионов человеческих жизней на фашистской каторге, но и к полному экономическому разорению и опустошению страны.

Основой этих планов были разбойничьи намерения нацизма, сводившиеся по отношению к народам Восточной Европы к безжалостной эксплуатации и постепенному физическому уничтожению.

⁵⁹ «Der deutsche Imperialismus und der Zweite Weltkrieg», B. 4, Berlin, 1960, S. 44.

⁶⁰ K. M. P o s p i e z a l s k i. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce, cz. II. Poznań, 1958, str. 285. В дневнике Г. Франка называна более высокая цифра — 2 млн. человек. См.: S. P i o t r o w s k i. Dziennik Franka. Warszawa, 1957, str. 519.

⁶¹ «Die Burg», 1942, N 3, S. 288.

⁶² Там же, S. 277.

Поражение Германии в войне явилось причиной ликвидации всех планируемых нацистами «преобразований Востока» и одного из «научных» центров гитлеровского остифоршунга в Польше, т. п. Краковского германского института.

Подводя итоги деятельности Краковского института, можно сказать, что все его проекты были основаны на песке и не имели никаких реальных оснований в объективной действительности. Наукообразная оболочка работ института имела своей целью создать прикрытие для планов ограбления польской экономики и для превращения Польши в колонию немецких монополистов.

С разгромом гитлеровской Германии рассыпались нацистские бредни о превосходстве «арийской» расы, расы «господ» и «покровителей», о мнимой неподобненности славянских народов, обреченных якобы на рабский труд и физическое уничтожение.

В Европе возникли и существуют на новых социально-экономических и политических началах свободные народно-демократические государства — Польская Народная Республика и Германская Демократическая Республика. Польский и немецкий народы строят новую, счастливую жизнь в едином социалистическом лагере, где законом являются свобода, мир на земле, дружба и равенство народов всех стран и континентов, их светлое будущее.

*Академик Э. В и н т е р
(ГДР)*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СЛАВИСТИКА»

Какой путь должна избрать современная славистика, если она хочет достойным образом служить общественным задачам, — путь сужения и изоляции научных исследований или путь объединения научных усилий и комплексных исследований?

Подобно другим отраслям науки, практика славистических исследований в последние годы показывает, что сложность изучаемых проблем влечет за собой большие трудности при попытке их разрешения силами отдельных исследователей, а также в пределах отдельных научных дисциплин. Комплексные формы научной работы во все большей степени становятся необходимыми. Применение комплексных форм работы требует преодоления расчленения, отрыва друг от друга родственных дисциплин в одной отрасли науки, произвольного сужения тематики, упрощения и эмпиризма. Комплексное изучение требует также не только сотрудничества отдельных ученых, но и создания предпосылок для исчерпывающего изучения тематики научных исследований и установления общих пунктов исследования.

В этой связи особое значение приобретает правильное определение содержания славистики. Во втором издании БСЭ область славистики определяется как «изучение языков, истории, а также культуры и литературы славянских народов»¹.

В немецком словоупотреблении часто различают славистику в широком смысле и славистику в узком смысле слова. Но даже славистика в узком смысле не ограничивается только изучением языков и литературы славянских народов, а включает также изучение их правов и обычаяев. Славистика же в широком смысле определяется как «комплексная наука о славянских народах, исследуемых в историческом, историко-культурном, лингвистическом и этнографическом аспектах»².

¹ БСЭ, т. 39. М., 1956, стр. 296—302.

² См.: В. Д. Королюк, Н. И. Толстой, И. А. Храпов, И. М. Шептулов, С. В. Шерлаймова. Советское славяноведение.

Уже самое начало и последующие этапы развития славистики дают возможность проследить, что требование комплексного исследования в этой области не является случайным, а имеет свою традицию. Так, например, Шафарик выступал за то, чтобы в лекциях по истории славянских литератур затрагивать одновременно и проблемы истории славянских культур, древнюю историю и этнографию, чтобы таким образом способствовать искоренению укоренившихся предрассудков о славянах.

В последней четверти XVIII в. славистика оформилась в самостоятельную научную дисциплину. Уже тогда своими систематическими исследованиями языка, литературы, истории и обычаяев славянских народов славистика оказала большое влияние на национальное возрождение западных и южных славян, на усиление чувства славянской общности, а также на рост широкого интереса других народов к славянам. Неоценимые заслуги принадлежат здесь основателям и первым представителям славистики во главе с Добровским, Палацким, Шафариком, Востоковым, Линде, Копитаром, Караджичем и др.

Уже на раннем этапе становления славистики особое значение имело критическое преодоление взглядов некоторых представителей историографии и славистики, занимавших историческую роль славян. Этот фактор недооценивают лишь люди, стоящие на узкофилологических или литературоведческих позициях.

Во второй половине XIX в. интерес к славистике значительно возрос, что проявилось прежде всего в расширении научных исследований и в дифференциации славистики на ряд отдельных дисциплин: история, археология, языкознание, фольклористика, этнография и литературоведение. Этот процесс был в то время научно-прогрессивным.

В период общего кризиса капитализма после первой мировой войны лицо немецкой славистики резко изменилось. Во все большей степени среди немецких славистов проявляется идеологическая дифференциация. В то время, как одни слависты стремились псевдонаучными аргументами обосновать захватническую восточную политику немецкого империализма, другие ученыe ограничивались разработкой узких языковедческих тем, что в некоторых случаях было пассивным протестом против превращения науки в орудие агрессивной политики германского фашизма.

Падение фашизма в 1945 г. дало немецкой славистике возможность, опираясь па прогрессивное наследство основателей и первых представителей славистики как науки, заложить основу для создания всесторонней, активной, ориентирующейся на дружбу со славянскими народами славистики. Это стремление отличает славистику в ГДР от большинства представителей буржуазной славистики в ФРГ.

ние. Краткий обзор литературы, 1945—1963. В Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 11.

Сама немецкая славистика имеет богатые прогрессивные национальные традиции. Здесь надо особенно упомянуть славяно-ведческие работы таких ученых, как А. Л. Шлецер и К. Г. Антон.

Большое значение имели созданные в 1843—1848 гг. лужичанином Иоганом Петером Иорданом в Лейпциге, центре немецко-славянских контактов, «Ежегодники славянской литературы, искусства и науки». В этих ежегодниках славянская филология служила целям дружбы со славянскими народами. Здесь надо также упомянуть Ягича, без которого развитие немецкой славистики было бы немыслимо. Особо следует отметить его отношение к славянским языкам и литературам, которые он считал органическим средством выражения жизни народа. По его мнению, славянская филология является сложным организмом, включающим в себя разные области, образующие единое целое.

Эта точка зрения особенно четко проявилась в издаваемом Ягичем и Барнекером в 1875—1913 гг. «Архиве славянской филологии», который по праву считается лучшим специальным славистическим журналом второй половины XIX в. Отношение империалистической Германии к своим славянским соседям заставляло прогрессивных буржуазных славистов, в частности Р. Траутмана, резко критиковать недостаточное внимание к культурным ценностям славянского мира. Такой немецкий славист и историк, как Георг Закке, недвусмысленно отмечал в своих лекциях жалкое положение этой отрасли науки в тогдашней Германии и выступал против бесстыдного извращения славистики всем немецким остфоршунгом. Он выступал за гуманистическую славистику как за всестороннюю науку, ведущую последовательную борьбу за исследование истории славянских народов в духе дружбы.

Из всего этого становится понятным, что славистика в ГДР, по сравнению с другими филологическими дисциплинами, сразу после 1945 г. должна была встать на совершенно новый путь развития. Уже из самой постановки задач немецкой славистики после падения фашизма, задач, которые заключались в том, чтобы славистика стала наукой, которая принимала бы участие в воспитании немецкого народа и служила бы целям дружбы со славянскими народами, ведя постоянную борьбу с империалистическим остфоршунгом, вновь возродившимся в ФРГ, следует, что сужение славистики, ее расчленение на мелкие, слабо связанные между собой дисциплины является неправомерным и научно беспроспективным.

Только в форме комплексных исследований возможно всестороннее изучение истории и культуры, языков и литератур славянских народов. Только таким образом славистика ГДР может полностью выполнить свою миссию моста немецко-славянской дружбы.

Большая заслуга журнала «Цайтшифт фюр славистик», издаваемого с 1956 г. Бильфельдтом, Фишером, Ливером и Винтером под маркой Немецкой Академии наук, состоит в том, что он, продолжая прогрессивные традиции подлинно гуманистической немецкой славистики, учитывает новые важные задачи германских славистических исследований. Изданые номера журнала наглядно показывают плодотворность тесного сотрудничества языкоизучания и литературоведения, а также истории, фольклористики и ономастики в славистике. В доказательство можно было бы привести много примеров.

Тесное сотрудничество отдельных дисциплин внутри славистики ощущается не только в «Цайтшифт фюр славистик». Комплексное исследование предмета в славистике ГДР находит свое выражение также в выходящих с 1951 г. «Публикациях Института славистики». Если описания праздников и обычаяев сербов-лузичан интересны в первую очередь для историка и лингвиста, то изучение Галле как колыбели немецкого россиеведения в XVIII в. и исследования о занятиях западно- и южнославянскими языками в Галле в XVIII в., проведенные историком, чрезвычайно важны для лингвистов и литературоведов.

Много интересного для исследователя славянских литератур содержат также опубликованные в серии «Источники и исследования по истории Восточной Европы» 14 монографий, сборников и публикаций источников.

Новые аспекты для исторических и археологических исследований имеются в «Немецко-славянских исследованиях по ономастике и истории миграций».

Тесная связь языкоизучания и литературоведения, истории, фольклористики, ономастики и других дисциплин в славистике проявляется и в таких органах, соответствующих по своему характеру журналу «Цайтшифт фюр славистик», как, например, «Славия» и «Ческословенска руссистика» в ЧССР и «Студия славика» в Венгрии. Не случайно, что в этих органах работы по истории науки и культуры славянских народов рассматриваются как неотъемлемая часть славистики.

Однако было бы неверным закрывать глаза на другие тенденции в развитии современной немецкой славистики. Речь идет о стремлении к изоляции языковедческих исследований. Примером такого развития может служить односторонний профиль издающегося теперь в Висбадене западногерманского журнала «Цайтшифт фюр славистику филологии» или же некоторые, сформулированные недавно Р. Ягодичем тезисы, направленные на сужение славистики. Подобное произвольное сужение поля зрения не может не оказаться роковым для науки, ибо будущее принадлежит лишь той научной концепции, которая решает поставленные перед нею задачи в их совокупности.

Г. Э. С а н ч у к

ПРОБЛЕМА ИМПЕРИИ И ЧЕШСКО-НЕМЕЦКИХ
ОТНОШЕНИЙ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА (Х—ХII вв.)
В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Проблема немецко-славянских отношений раппенфедального периода привлекла большое внимание немецких историков в послевоенное время. Несмотря на давность исторических событий этого периода, их изучение приобрело научную и политическую актуальность, на что обращено внимание в немецкой¹, польской² и чешской³ марксистской историографии.

Особенно остро эта проблема встала в связи с активизацией западногерманского остфоршунга, поставившего исследование немецко-славянских отношений на службу политической доктрине «Запада» («Абендлянда») и идеи «интеграции Европы»⁴. В советской историографии было обращено также внимание на политическую тенденциозность послевоенной западногерманской историографии в освещении истории империи Оттонов⁵.

¹ G. Koch. Die mittelalterliche Kaiserpolitik im Spiegel der bürgerlichen deutschen Historiographie des 19. und 20. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», N. 8, 1962, S. 1837 (далее — ZfG).

² J. Baszkieciz. Uwagi o uniwersalizmie i koncepcji suwerenności państwownej w feudalnej teorii politycznej (do pocz. XIV w.) «Czasopismo prawno-historyczne», t. VII, Zesz. 2, 1955, str. 9—51; t. VIII, zesz. 1, 1956, S. 9—52.

³ Z. Fiála. Wilhelm Wegener. Böhmen, Mähren und das Reich im Hochmittelalter. «Československý časopis historický», 1960, d. VIII, zeš. 2, S. 176.

⁴ Об идее «интеграции Европы» и «Абендлянда» в современной западногерманской историографии см.: М. Р. Тульчикский. Адвокаты реванша. М., 1963; L. Stegner. Die Klerikalimperialistische Abendlandideologie in Dienste des deutschen Imperialismus. ZfG, N. 2, 1962, S. 386.

⁵ Н. Ф. Колесников. «Священная Римская империя» в освещении современной западногерманской историографии. «Средние века», вып. XIV. М., 1959, стр. 154—164. Автор справедливо замечает, что «ряд ли найдется другая проблема средневековой германской истории, в освещении которой проявилось бы столько политической тенденциозности, сколько ее проявляется в трактовке «Священной Римской империи» (там же, стр. 154). Критикуя концепцию Вальтера Гольцмана, автор констатирует, что «она обусловлена идеей так называемой западной солидарности» (там же, стр. 163).

Проблема освещения истории империи и немецко-славянских, в частности немецко-чешских, отношений остается особенно актуальной в связи с тем повышенным интересом, который проявился к этой проблеме в буржуазной немецкой и австрийской исторической литературе, приуроченной к тысячелетнему юбилею имперской коронации Оттона⁶.

Для освещения чешско-немецких отношений раннефеодального периода в буржуазной немецкой историографии решающую роль играли ее исходные методологические позиции, определившие весь подход к изучению немецко-славянских отношений. Об исходной концепции дают представление и некоторые общие работы, вышедшие в послевоенное время.

Симптоматичным явилось неоднократное издание обобщающей работы Роберта Гольцмана по истории Германии саксонской династии⁷.

Обширный труд Р. Гольцмана отличается обилием фактического материала по политической и культурной истории Германии X—XII вв., привлечением всех известных письменных источников и историографии вопроса. Однако концепция исторического процесса, лежащая в основе освещения раннефеодального периода истории Германии и ее отношения к славянским народам — полностью идеалистична. Именно поэтому труд Р. Гольцмана получил особое признание у западнопротестантских историков⁸. Он стал... связующим звеном между националистической историографией довоенного периода и концепцией современных западнопротестантских историков. Взгляды Р. Гольцмана оказались приемлемыми для последних уже в силу того, что существование исторического процесса сводится автором к политической истории. Освещение социально-экономической основы этого процесса, характеристика классовой борьбы, материалистический подход к истории немецко-славянских отношений в работе Р. Гольцмана отсутствуют. Приципиальной критике работы подверглась только в немецкой марксистской историографии⁹, где справедливо было подчеркнуто, что главная характерная черта этого труда — национализм. Освещение политической истории насквозь идеали-

Ср. О н ж е. Исследование по истории феодального государства в Германии. Москва, 1959, стр. 175, сл.; А. И. Данилов. Современное состояние немецкой буржуазной историографии раннего средневековья. «Средние века», вып. V. М., 1954, стр. 351, сл.

⁶ Об этом подробнее см. ниже.

⁷ R. Holtzmann. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit (960—1024). München, 1941. Эта работа была трижды переиздана в послевоенный период: в 1955 (München), 1957 (Berlin), 1962 (Berlin).

⁸ H. Zatschek. Robert Holtzmann. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit Mitteilungen des Instituts für Geschichtsforschung und Archivwissenschaft, Bd 55, Wien, 1944, S. 488.

⁹ W. Bleiberg. Robert Holtzmann. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit. ZfG, H. 4, 1963, S. 804—809.

стично: творцами исторического процесса, по Р. Гольцману, являются немецкие короли и императоры, представители господствующего класса. Решающие факторы образования раннефеодальной немецкой государственности — мифическое «немецкое патиональное чувство» и «историкообразующая функция» немецкой аристократии. История раннефеодального Немецкого государства преподносится в сугубо идеалистическом виде, так называемая I империя предстает как величайшее завоевание немецкой истории, а Оттон Великий — как создатель этой империи и «отец» немецкого народа. Крайне шовинистически показана внешняя политика раннефеодального Немецкого государства, особенно немецко-славянские отношения. Агрессивная внешняя политика Оттонов, в изображении Р. Гольцмана, служила укреплению Немецкого государства, а восточная политика немецких королей и императоров выполняла якобы великую прогрессивную миссию. Ограбление и порабощение славянских народов немецкими феодалами, таким образом, оправдываются¹⁰. Как правильно отметил немецкий историк В. Блейбер, независимо от оппозиционного отношения Р. Гольцмана к гитлеровскому режиму, концепция автора оправдывала немецкий империализм и его стремление к господству в Европе. Для нас особенно важно отметить, что дооценная немецкая буржуазная историография видела в истории так называемой I немецкой империи историческое оправдание немецкому национализму новейшего времени. И тезис этот был на вооружении не только у откровенных профашистских историков, но и у таких «либеральных» и «академических» ученых, каким был Р. Гольцман, который оставил свою концепцию в последние современной буржуазной историографии¹¹.

Концепция Р. Гольцмана, как пекий итог буржуазной патриотической историографии, оставила глубокий след в послевоенных работах немецких буржуазных историков, а в некоторых из них нашла дальнейшее развитие применительно к новым историческим условиям.

В первую очередь здесь надо назвать работы таких западно-германских историков и остфоршеров, как Г. Людата, Т. Мейера, В. Гольцмана и Г. Аубина. Каждая из этих работ, по нашему мнению, сыграла свою роль в формировании методологической позиции, которая определила интерпретацию фактического историче-

¹⁰ R. Holtzman. *Geschichte...*, S. 15, ff.; S. 175, ff.; S. 184, ff.; S. 327, ff.; S. 395, ff.

¹¹ Наиболее четко идеально-историческое обоснование своей концепции Р. Гольцман дал еще до войны в докладе «Идея мирового господства средневековой империи и суверенитет европейских народов» на Международном конгрессе историков в Цюрихе в 1938 г. (R. Holtzman. *Der Welt herrschaftsgedanke des mittelalterlichen Kaisertums und die Souveränität der europäischen Staaten*. «Historische Zeitschrift», Bd 159, N. 3, 1939; S. 255. (Далее — HZ); см. Н. Ф. Колесников. Указ. соч., стр. 155; W. Bleiberg. Указ. соч., стр. 489 и сл.

ского материала, относящегося к истории империй и чешско-немецких отношений X—XII вв.

Из большого количества работ немецкого историка профессора Г. Людата особенное внимание заслуживает статья «Славяне и средневековые»¹².

Работа Г. Людата была знаменательной, так как автор начнал ее с декларации о пересмотре традиционной точки зрения на немецко-славянские отношения.

Эта декларация отражала изменения обстановки в послевоенной Европе: возникновение стран народной демократии в Центральной и Юго-Восточной Европе, с одной стороны, и рост реваншистских настроений в Западной Германии, с другой. Основным отличием этой декларации Г. Людата был его призыв к пересмотру традиционной буржуазной концепции истории Европы, идущей от Ранке¹³. Согласно концепции последнего, историческую роль в образовании европейской культуры играли только романо-германские народы. Славянские народы, по мнению Ранке, были вне исторического процесса средневековья и по самой своей «особой природе» являлись якобы «молодыми и неисторическими». Людат отмечает антиисторический характер этой концепции, игнорирующей тысячелетнюю традицию восточноевропейских народов¹⁴. Людат поддержкал тезис о необходимости истиинной оценки раннего периода истории славянских народов¹⁵. По замечанию Г. Людата, несмотря на пресловутые успехи немецкого остфорштинга, в области изучения славянского мира немецкая наука изобилует еще «экзотическими представлениями» об истории славян X—XII вв. Людат пишет, что немецкие историки иногда связывали с именами Болеслава Храброго, Св. Владимира или Стефана Душана меньше конкретных представлений, чем с именами восточных или египетских династий¹⁶.

Ключом к изучению раннесредневекового периода славянских народов должны быть, по Людату, не случайно выхваченные детали и эпизоды из их жизни, а широкое сравнительно-историческое изучение славянских народов с целью выяснения своеобразия их истории¹⁷.

¹² H. L u d a t. Die Slaven und das Mittelalter. «Die Welt als Geschichte», II. 12, Stuttgart, 1952, S. 69—84.

¹³ L. R a n k e. Geschichte der romanischen und germanischen Völker. Leipzig, 1824.

¹⁴ H. L u d a t. Указ. соч., стр. 69.

¹⁵ Там же, стр. 71.

¹⁶ Там же, стр. 72.

¹⁷ Там же, стр. 78. Как отметили историки ГДР, Г. Людат вынужден отдать должное успехам исторической польской науки и принять ряд ее выводов по вопросу истории западных славян X—XII вв. (J. B r a n k a č k. Zur Frühgeschichte der feudalen Staaten auf westslawischen Boden. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität». Leipzig, 1957/58, N 14, Heft 1/2, S. 155).

Однако в своих рассуждениях Г. Людат крайне непоследовательен и противоречив. Заявив, с одной стороны, о необходимости пересмотра традиционной точки зрения буржуазной историографии, автор в конечном итоге освещает проблему Империи и немецко-славянских отношений в духе традиционного остфоршунга. Делая отдельные правильные замечания по частным вопросам, Г. Людат в своих конечных выводах фактически подводит теоретическую базу под притязания современных реваншистов ФРГ. В основе его рассуждений лежит тезис о том, что начало политической жизни славянских народов можно датировать лишь с момента приобщения их к христианскому «западному миру». Только это приобщение сыграло решающую роль в истории славян и явилось якобы эпохальным мировым событием. Таким образом, не внутренние социально-экономические процессы, имевшие место у славянских народов, а принятие последними христианства и приобщение их к «западному миру», к «Абенцдлянцу», обусловило стабилизацию их государственности в X в. и их активную роль в европейских событиях последующего времени.

Так идеалистический подход к историческим фактам привел автора к идее «Абенцдлянца» в истории славян и идеалистическому объяснению славяно-немецких и, в частности, чешско-немецких отношений X—XII вв. На протяжении X—XII вв. происходит, по мнению автора, включение славянских народов в «западный мир», в «мир превосходящих и опытных наставников». X—XII вв. — это эпоха «миссионской работы христианской империи». Отсюда следует вывод о прогрессивности имперской универсальной идеи Оттонов. «Имперская идея являлась выражением европейски направленной имперской политики, которая отдавала отчет в своих возможностях и в своей ответственности по отопщению к новой группе славянских народов»¹⁸.

Тенденциозный идеалистический подход к проблеме продиктован был политическими мотивами. Проблема германо-славянских отношений, говорит автор, приобрела особую актуальность благодаря политическим изменениям последних десятилетий¹⁹. Суть этих изменений заключается, по его мнению, в том, что «катастрофа 1945 г.» поколебала основы антично-христианско-европейской цивилизации у восточноевропейских народов. «Катастрофа католической Европы, существовавшей более тысячи лет», заключается в отрыве славянских стран от христианского Запада, который якобы только и мог гарантировать славянским народам их существование и государственное развитие²⁰.

«Новый» подход Г. Людата к проблеме в действительности свелся к защите реакционного направления буржуазной немец-

¹⁸ Н. Людат. Указ. соч., стр. 83.

¹⁹ Там же, стр. 84.

²⁰ Там же, стр. 72.

кой историографии. Автор враждебен социалистическим преобразованиям в славянских странах. Вопреки историческим фактам он утверждает, что послевоенные преобразования в Восточной Европе уменьшили историческую роль славянских народов²¹.

Еще более откровенно, чем Людат, высказывается Т. Мейер. В обширной рецензии на книгу Ф. Геера²² он дал по существу развернутое изложение своих взглядов на раннефеодальное Немецкое государство и немецкую империю X—XII вв.²³

Автор пытается доказать, что немецкая империя явилась решающим фактором в образовании и сохранении христианского Запада, а само Немецкое государство стояло якобы на защите последнего. По Т. Мейеру, немецкая империя была призвана выполнить миссию — вовлечь соседние славянские народы в сферу Запада. Концепция Т. Мейера отражает, как видим, реакционные устремления буржуазной медиевистики Западной Германии²⁴. Значение империи X—XII вв., по Мейеру, состоит якобы в том, что именно тогда ею были заложены принципы современной государственности и только под ее якобы защитой могли быть созданы основы национальных государств в Европе. Империи обязаны европейские государства своей внутренней консолидацией. Только благодаря ей они достигли своего значения в общеевропейской системе²⁵.

Так, Т. Мейер теоретически обобщил свои взгляды, высказанные еще ранее²⁶, развивая далее свою теорию о моральном авторитете (*auctoritas*) немецких императоров X—XII вв. и о добровольном подчинении этому авторитету европейских государей²⁷.

Т. Мейер наиболее откровенно и последовательно ставит свои исторические изыскания на службу современной политической доктрины европейской интеграции. Утверждения автора находятся в вопиющем противоречии с историческими фактами. Марксистская наука доказала, что имперско-универсалистские планы германских императоров идеально подготавливали агрессию немецких феодалов, освящая кровавый «Дранг нах Остен»²⁸.

²¹ H. Ludat. Указ. соч., стр. 70.

²² F. Heeg. Die Tragödie des heiligen Reiches. Stuttgart, 1952.

²³ T. Mauer. Größe und Untergang des heiligen Reiches. HZ, Bd. 178, N. 3, 1954, S. 471—492.

²⁴ А. И. Данилов. Современное состояние немецкой буржуазной историографии раннего средневековья. «Средние века», вып. V, М., 1954, стр. 354.

²⁵ T. Mauer. Указ. соч., стр. 475.

²⁶ T. Mauer. Deutschland und Europa. Marburg—Lahn, 1940; о ж е. Das Königtum und sein Wirkungsbereich. «Das Reich und Europa». Leipzig, 1941.

²⁷ T. Mauer, J. A. von Haydte. Geburtsstunde des Souveränen Staates; «Zeitschrift der Savigny Stiftung, germanische Abteilung», Bd. 70, 1953, S. 50 (рецензия).

²⁸ См. А. И. Несухин. Исторический миф третьей империи. «Ученые записки МГУ», вып. 18, М., 1945, стр. 76; Н. Ф. Колесников.

Аналогичную идею «Абендерланда» как историческое оправдание современной империалистической программы западной интеграции развел другой представитель немецкой историографии Г. Аубин. Выступив с апологией средневековой немецкой империи еще при нацистах²⁹, автор и в наши дни продолжает отстаивать эти взгляды, переиздав свои старые труды по германо-славянским отношениям³⁰. Согласно концепции Г. Аубина в ее послевоенном издании, восточная граница немецкого государства была бастionом «западного мира».

Аубин тщится доказать, будто немецкое государство X—XII вв., подчиняя себе славянские земли и тем самым якобы «приобщая их к Западу», решало вместе с тем две важные задачи: 1) расширение собственного «жизненного пространства», 2) защиту идеи христианского миссионизма, идею империи³¹.

Г. Аубин продолжает оставаться наиболее последовательным апологетом Империи и свою старую концепцию стремится приспособить к новой международной политической обстановке. Наиболее отчетливо это можно проследить на примере его новой работы, посвященной «организации Запада» в средние века³². Основной тезис совпадает с концепцией Т. Мейера: немецкая империя X—XII вв. сформировала и защитила «западный мир», а немецкая государственность якобы имеет величайшую историческую заслугу. Культ духовно-религиозной «избранности Запада» во главе с Германией, стремление любой ценой доказать прогрессивность немецкой империи X—XII вв. в истории Западной Европы — таков основной тезис ведущих западнопнемецких историков.

Исследование по истории феодального государства в Германии. М., 1959, стр. 183. О характере немецкой феодальной агрессии X—XII вв. см. Н. П. Грацианский. Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу. «Ученые записки МГУ», вып. 18, М., 1945, стр. 134. Об антиславянской направленности концепции имперского универсализма см. J. B a s z k i e w i c z. Указ. соч., т. VIII, тетрадь 1, 1956, стр. 11.

²⁹ H. A u b i n. Vom Aufbau des mittelalterlichen Deutschen Reiches. IIZ, Bd 162, N. 3, 1940, S. 486, ff.

³⁰ H. A u b i n. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches. Entstehung und staatsrechtlicher Charakter. Darmstadt, 1959 (первые издания этой работы относятся к 1932 и 1939 гг.).

³¹ H. A u b i n. Die Ostgrenze ..., S. 477, ff. Критику реакционной концепции Г. Аубина по вопросу немецко-славянских отношений X—XII вв. в его довоенных работах см. Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 116. На послевоенное переиздание некоторых работ Г. Аубина и их политическую установку обратил внимание советский медевиалист А. И. Данилов, подчеркнувший, что смысл рассуждений Г. Аубина «сводится к утверждению, что подобно тому, как германцы на заре средневековья спасли гибнущий «западный мир», воссоздав и развив его на новых началах, так и теперь германским реваншистам предстоит выступить в роли призванных спасителей этого пресловутого «западного мира». А. И. Данилов. Указ. соч., стр. 356.

³² H. A u b i n. Der Aufbau des Abendlandes im Mittelalter. Grundlagen — Strömungen — Wandlungen. HZ, Bd 187, N. 2, 1959, S. 200.

Сжатым и последовательным изложением основных положений официальной западнонемецкой историографии в области изучения истории империи X—XII вв. и ее отношения к славянским народам можно считать доклад Вальтера Гольцмана на X Международном съезде историков³³.

Автор доклада выступил с идеалистической концепцией немецкой империи X—XII вв. и с оправданием ее восточной экспансионистской политики. Хотя В. Гольцман и обратился к ученым с призывом «оставаться верными исключительно научным побуждениям»³⁴, тем не менее сам он подчиняет это изучение определенной современной политической доктрине — империалистической идее интеграции Европы.

Недостатком предшествующей историографии, говорит автор, было изучение империи X—XII вв. с точки зрения развития современных национальных государств. Существо империи X—XII вв., по В. Гольцману, состояло в том, что имперское достоинство немецких государей — Оттона I и его преемников — отождествлялось с попытием Немецкого королевства³⁵, а сама империя «была прежде всего духовной величиной и принадлежала прежде всего к сфере церкви и религии»³⁶. Исторической заслугой Оттона III явилось попытание им империи как духовно-церковной категории и дуалистическое представление о мировом порядке. В. Гольцман исходит из идеалистического представления о высокой духовно-правственной природе империи, которая якобы возышала ее над другими государствами и давала немецким императорам моральное право бороться за вовлечение других народов в сферу высшей западной христианской культуры. В основе государственной доктрины автор, подобно другим западногерманским остфоршерам, видит понятие правственного авторитета (*auctoritas*), которое и давало возможность немецким императорам, не нарушая суверенитет славянских государств, утверждать высшую власть над ними³⁷. Империя X—XII вв. играла будто бы величайшую прогрессивную роль в истории Европы, ибо вовлекала отсталые языческие народы в сферу «более высокой» культуры Запада («Абенцдлянда»)³⁸. Следовательно, и восточная политика Оттона I и его преемников носила прогрессивный характер, так как была средством приобщения славянских народов к пресловутой «высшей» христианской цивилизации. Войны, военные экспедиции против славян были якобы оправданы, ибо были выражением

³³ W. Holtzman n. Imperium und Nationen. «Relationi del X Congresso Internationale de Scienze Storiche», v. III, Firenze, 1955, S. 275—303.

³⁴ Там же, стр. 275.

³⁵ Там же, стр. 279.

³⁶ Там же, стр. 281.

³⁷ Там же, стр. 290 и сл.

³⁸ Там же, стр. 292.

борьбы христианства с язычеством³⁹. «Оттоны... действовали с ясным сознанием своей культурной задачи... в высшем историческом смысле... несмотря на применение таких средств, которые наше гуманистическое время не может одобрить»⁴⁰.

За последние годы в западногерманской и австрийской исторической литературе, публицистике и прессе вновь большое внимание стало уделяться проблеме I Германской империи, в частности, времен правления императора Оттона I.

В ряде докладов и публицистических выступлений видных западногерманских ученых тысячелетний юбилей имперской коронации Оттона I послужил поводом для развития основных положений «абендзляндской» концепции империи и ее отождествления с славянским странам.

Герман Аубин в своей речи, произнесенной на собрании Исторического общества в Майнце⁴¹, много говорил об историческом значении имперской коронации Оттона I, о той «общезападной» миссии империи Оттонов X в., которая, по его мнению, до сих пор еще не нашла должной оценки в историографии⁴².

Остановившись на особом значении личности Оттона I, подчеркнув исключительную силу воли, упорство, терпение⁴³, которые были свойственны, по мнению Г. Аубина, Оттону I в достижении будто бы сознательно поставленной им цели, в продолжении каролингской традиции⁴⁴, в восстановлении единства Запада⁴⁵ и в следовании идеальному образцу правителя государства⁴⁶, Г. Аубин в данном случае конкретизирует свою общую концепцию на примере империи Оттонов. Власть Оттона I, по Аубину, коренилась в трансцендентной основе⁴⁷, в представлении о сверхъестественной силе короля, что было якобы свойственно людям X в.⁴⁸ Итак, перед нами опять попытка обосновать мнимое единство «западного мира» в X в. «политической религиозностью» людей того времени⁴⁹. Указав на «величайшую» историческую роль Оттона I в новом объединении Запада, Г. Аубин делает «логические заключения» о претворении идеи «западного мира»

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 284; Н. Ф. Колесников (Указ. соч., стр. 155 и сл.) справедливо указал, что доклад Вальтера Гольцмана по существу повторяет идеи доклада Роберта Гольцмана в 1938 г.

⁴¹ Н. Аубин. Otto der Große und die Erneuerung des abendländischen Kaisertums im Jahre 962. Ansprache am 2. Februar in der Feierstunde der Ranke-Gesellschaft in Mainz. «Studien zum Geschichtsbild», N. 9, Göttingen, 1963, S. 1–25.

⁴² Там же, стр. 3.

⁴³ Там же, стр. 4.

⁴⁴ Там же, стр. 31.

⁴⁵ Там же, стр. 61.

⁴⁶ Там же, стр. 12–13.

⁴⁷ Там же, стр. 14.

⁴⁸ Там же, стр. 15.

⁴⁹ См. об этом: Н. Ф. Колесников. Указ. соч., стр. 156.

(«Абенцдлянда») в политике Оттона I. Оказывается, объединение немецких герцогов, коронация Оттона I, вся его внутренняя политика призваны были служить великой задаче немцев на востоке — отвратить угрозу от своей родины и тем самым защищать весь Запад⁵⁰. Как и во времена Карла Великого, Оттон I должен был решить проблему расширения западного жизненного пространства за счет Венгрии, Чехии и Польши⁵¹. Величайшее значение имперской коронации Оттона I, по Г. Аубину, состоит в том, что благодаря ей немецкий государь обрел «высший суверенитет» на Западе и тем закрепил «единство Запада»⁵².

Тысячелетнему юбилею имперской коронации Оттона I посвятили свои доклады такие западнонемецкие историки, как Г. Бейман⁵³, Г. Бёттнер⁵⁴ и Г. Грундманн⁵⁵. В основном авторы обратили внимание на доказательство преемственности государственной идеи Карла Великого у Оттона I и на последствия каролингской традиции для «объединения Запада» в X в.⁵⁶ Характерно, что изданию докладов Г. Беймана и Г. Биттнера предпослано предисловие Т. Майера. Последний подчеркивает европейские черты великодержавного образования Оттонов⁵⁷.

Взгляды современной западноевропейской буржуазной историографии по интересующему нас вопросу нашли выражение в трудах Института по исследованию австрийской истории, посвященных тысячелетию имперской коронации Оттона I⁵⁸. Названное издание подвело итоги юбилейной сессии, посвященной тысячелетию «основания» Германской империи. Сессия была организована Австрийским институтом истории и состоялась в феврале 1962 г. в Венском университете в обстановке большой торжественности. На период заседаний сессии в актовом зале университета были экспонированы имперская корона Оттона I и другие имперские регалии, у которых был выставлен почетный караул.

⁵⁰ И. Аубин. Указ. соч., стр. 13.

⁵¹ Там же, стр. 15.

⁵² Там же, стр. 17.

⁵³ Н. Беманн. Das Kaisertum Ottos des Großen. Ein Rückblick nach Tausendjahren. «Das Kaisertum Ottos des Großen. Zwei Vorträge von Helmut Beumann und Heinrich Büttner», München, 1964, S. 7—54.

⁵⁴ Н. Бюттнер. Der Weg Ottos des Großen zum Kaisertum. «Das Kaisertum Ottos des Großen. Zwei Vorträge von Helmut Beumann und Heinrich Büttner», München, 1964, S. 57—80.

⁵⁵ Г. Грундманн. Betrachtungen zur Kaiserkrönung Ottos I. München, 1962.

⁵⁶ И. Беманн. Указ. соч., стр. 11—13, 40—42.

⁵⁷ На это обратил внимание Е. Мюллер-Мертенс в своей рецензии: «H. Beumann. H. Büttner. Das Kaisertum Ottos des Großen». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», II. 5, 1964, S. 880.

⁵⁸ «Festschrift zur Jahrtausend und Kaiserkrönung Ottos des Großen». В кн.: «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», Ergänzungsband XX, Teil I, II, III, Graz — Köln, 1962—1963 (далее — «Festschrift...»).

Западногерманская пресса поместила ряд статей, посвященных тысячелетию имперской коронации Оттона I и итогам работы венской сессии Австрийского института истории⁵⁹. Труды Австрийского института истории, посвященные тысячелетнему юбилею имперской коронации Оттона I, обращают на себя внимание, во-первых, с точки зрения интерпретации исторических фактов в духе современной буржуазной историографии и, во-вторых, обилием фактического материала, который содержится в научных докладах. Об этом свидетельствует уже первое знакомство с трудаами сессии. Часть I содержит подробный отчет о составе сессии⁶⁰, торжественные и приветственные речи ректора Венского университета Франца Арнольда⁶¹, федерального министра просвещения Г. Дриммеля⁶², руководителя Института австрийской истории Лео Сантифаллера⁶³ и основные научные доклады, посвященные проблеме государственной символики императоров (профессор Геттингенского университета П. Е. Шрам)⁶⁴, вопросу отношения Оттона I к Италии (профессор Болонского университета Е. Донре)⁶⁵ и восточным соседям (венский профессор Г. Ф. Шмид)⁶⁶, Византии (гапповерский профессор В. Охсорге)⁶⁷ и др. Часть II посвящена публикации «Жизнеописания императрицы Адельгейды», составленного Одило Клюпийским (вводная статья, подготовка текста и комментарии Г. Паулгарта)⁶⁸. В III части Гервиг Вольфрам рассматривает вопрос о «добродетели и благе» имперской власти⁶⁹.

Научные доклады, посвященные отдельным проблемам, несомненно, представляют интерес уже потому, что в них дают, можно сказать, исчерпывающий историографический обзор по каждой проблеме. Интересна источниковедческая часть этого издания, которая может быть предметом специального рассмотрения.

В данном обзоре нас интересуют прежде всего отправные методологические положения материалов венской сессии Института австрийской истории. Они были сформулированы в торжественных речах и основных научных докладах. Тенденциозной явилась речь

⁵⁹ Особенno следует отметить статьи: Н. D r e s s l e r . Zum Millennium der Kaiserkrönung Otto I (см.: «Südetendeutsche Zeitung», 2. II 1962); «Griff in die Geschichte» (см.: «Die Welt», 3. II 1962); «Im Mittelpunkt die Kaiserkröne» (см.: «Frankfurter Allgemeine Zeitung für Deutschland», 1. II 1962); «Alpträum vom tausendjährigen Reich» (см.: «Vorwärts», 7. II 1962).

⁶⁰ «Festschrift...», Teil I, S. 5—14.

⁶¹ Там же, стр. 14—15.

⁶² Там же, стр. 15—19.

⁶³ Там же, стр. 19—31.

⁶⁴ Там же, стр. 31—53.

⁶⁵ Там же, стр. 53—70.

⁶⁶ Там же, стр. 70—107.

⁶⁷ Там же, стр. 107—122.

⁶⁸ Там же, ч. II, стр. 5—64.

⁶⁹ Н. W o l f g a m . Splendor Imperii. «Festschrift...», Teil III, S. 1—199.

австрийского министра просвещения Г. Дриммеля⁷⁰, сформулировавшего методологические установки сессии в духе антиисторической, космополитической концепции исторического процесса. Взгляды Г. Дриммеля по существу призваны оправдать реваншистские планы империалистических кругов ФРГ. Именно поэтому выступление это нашло живой отклик в западногерманской прессе, с удовлетворением отметившей, что отправные тезисы Г. Дриммеля «пaloжили отпечаток на последующие научные доклады»⁷¹. Идейное наследие раннего средневековья, говорит Г. Дриммель, оказывает определяющее воздействие на жизнь современной Европы. Его надо изучать прежде всего потому, что Оттонам удалось, по мнению австрийского министра, объединить «Запад». В этой «удачной попытке» докладчик видит историческое оправдание «новых усилий, направленных на объединение Европы в наше время»⁷². Империя Оттонов недвусмысленно в данном случае рассматривается как эталон и исторический предшественник желаемой «интеграции Европы»⁷³, т. е. Дриммель опять повторяет тезис о великой цивилизаторской роли империи Оттонов, во времена которой началось включение обширного пространства Европы (имеется в виду Центральная и Восточная Европа) в сферу «культурного роста». Тезисы Дриммеля действительно стали отправными для основных докладов сессии и прежде всего для доклада профессора Г. Шмида⁷⁴, который дал положительную оценку восточной политике империи Оттонов, пытаясь представить империю как «мирный и дружественный союз князей»⁷⁵. Идеи Дриммеля нашли живой отклик в западногерманской прессе, отметившей тысячелетний юбилей коронации Оттона I⁷⁶. Идеей «общевернойской истории», т. е. концепцией интеграции Европы как закономерного исторического процесса, было проникнуто также выступление руководителя Института австрийской истории профессора Лео

⁷⁰ «Festschrift . . .», Teil I, S. 15—16.

⁷¹ F. A b e n d r o t h. Im Angesicht der Krone. Die Wiener Tausendjahrfeier der Kronung Otto des Grossen. «Rheinische Merkur», 8. II 1962, 6/9.

⁷² «Festschrift . . .», Teil I, S. 16.

⁷³ Марксистскую критику этого тезиса дал Е. Мюллер-Мертенс. См.: E. M ü l l e r - M e r t e n s. Festschrift zur Jahrtausendfeier der Kaiserkrönung Ottos des Großen, H. 5, 1964, S. 879.

⁷⁴ H. F. S c h i m i d. Otto I. und der Osten. «Festschrift . . .», Teil I, S. 70, ff.

⁷⁵ Там же, стр. 85, сл.

⁷⁶ Из многих положительных откликов отметим характерную статью Г. Дресслера (Указ. соч.). Согласно автору, империя Оттонов образовала «защитное пространство», на территории которого вызревали культурные силы Запада (там же, стр. 6). Современный немец, по словам автора, ищет поддержки в «общевернойской идеи» и получает подкрепление своей веры в историю империи (Оттонов): «Wenn der deutsche Mensch von heute einen sicheren Rückhalt sucht im gemeineeuropäischen Denken, so wird er in diesem Bestreben durch die Geschichte des Reiches bestätigt» (там же).

Сантифаллера⁷⁷. Империю Оттонов автор рассматривает как одно из звеньев исторической тенденции интеграции Европы. В Европе были, по мнению Л. Сантифаллера, периоды, когда тенденция к ее объединению проявлялась особенно ярко. Так было и в эпоху Римской империи и во времена Каролингов, при Максимилиане I, Карле V (XVI в.) и, наконец, в период австрийской монархии. В отличие от этих «положительных» и «плодотворных» усилий история знает, по мнению автора, и «неудачные попытки» во времена империи Наполеона I и гитлеровского рейха, имевшего автором туманно как «события 1933—1945 гг.»⁷⁸ Абстрактное обобщение разнородных исторических событий, отвлечение от конкретной исторической обстановки и социально-экономических предпосылок приводит автора к антиисторическим выводам. Как справедливо заметил Мюллер-Мертенс, каждое из перечисленных событий имело свои экономические, политические и духовные предпосылки. Стремление подвести их под общий знаменатель объединения Европы создает ложное представление об историческом процессе, вносит анахронизмы⁷⁹. Анахронистические параллели нужны были Л. Сантифаллеру для того, чтобы найти исторические предпосылки для объяснения попыток нового объединения Европы в наши дни⁸⁰.

Прозвучала на венской сессии и другая, весьма характернаяnota. Ректор Венского университета профессор Ф. Арпольд в своей речи⁸¹ представил Оттона I как «отца» Австрии, ибо последняя-де возникла из основанного Оттомом I маркграфства. Таким образом, австрийская монархия выступает будто бы преемницей «лучших традиций» так называемой I Германской империи, а современная Австрия — хранительницей не только имперских инсигний Оттона I, но и духовных «абенцльцловских» ценностей.

Подробный анализ материалов венской сессии Института австрийской истории — предмет специального исследования. Для нас же важно подчеркнуть, что она явилась логическим развитием концепции буржуазной западноевропейской историографии по вопросу империи Оттонов, а некоторые доклады, сделанные на сессии, прямо основаны на старых реакционных взглядах.

В самом деле, ведь уже романтическая историография подняла на щит идею имперского универсализма X—XII вв., увидев в нем духовное единство «Запада». Такой взгляд на историю Германии развивал, например, Ф. Шлегель⁸². Можно указать затем

⁷⁷ L. Santifaller. Otto I, das Imperium und Europa. «Festschrift . . .», Teil I, S. 19—31.

⁷⁸ Там же, стр. 29.

⁷⁹ E. Müller-Mertens. Festschrift zur Jahrtausendfeier. . ., ZfG, H. 5, 1964, S. 880.

⁸⁰ «Festschrift . . .», Teil I, S. 30.

⁸¹ F. Arnold. Begrüßungssprache. «Festschrift . . .», Teil I, S. 14.

⁸² F. Schlegel. Philosophische Vorlesungen aus den Jahren 1804—1806. Leipzig, 1836. Об этом см.: Г. Коcч. Указ. соч., стр. 1841.

и на другой источник исторических построений авторов упомянутых работ. Известно, что в немецкой историографии 1859—1862 гг. развернулась большая дискуссия по проблеме имперского универсализма X—XII вв. Против Г. Зибеля — представителя «малонемецкой» или «прусской» точки зрения, критиковавшего имперский универсализм X—XII вв. за то, что последний, вследствие своей итальянской политики, тормозил продвижение Германии на восток⁸³, выступил Юлиус Фикер — проповедник великолепных стремлений австрийской монархии⁸⁴. Он дал безоговорочно положительную оценку немецкой империи X—XII вв. и ее восточной политики. Великое значение немецкой империи X—XII вв., согласно Ю. Фикеру, состояло в том, что, с одной стороны, она была удобной формой реализации национальных интересов Германии, с другой — соответствовала интересам всего «западного мира»⁸⁵. Экспансионистскую политику Немецкого государства на востоке Фикер брал под защиту: только власть над чужими территориями, говорил он, могла обеспечить национальное развитие Германии⁸⁶. Австрофил Ю. Фикер полностью оправдывал экспансионистскую политику Оттонов, их стремление к утверждению немецкой гегемонии в Европе и к широкой завоевательной восточной политике. Реакционная концепция немецкой империи X—XII вв. Ю. Фикера служила интересам австрийского многонационального государства, которое изображалось в качестве гаранта национальных и универсальных интересов Германии⁸⁷. Несмотря на кажущееся различие мнений Зибеля и Фикера, оба они по существу выступали с националистических позиций и лишь в разной форме стремились исторически мотивировать план создания «Великой Германии». Тем не менее именно антидемократическая, реакционная концепция Ю. Фикера получила, как мы видим, особое признание в современной буржуазной историографии, ибо апологетическая концепция империи X—XII вв. с акцентом на минимум величайшую прогрессивную миссию австрийской монархии особенно импонирует современным историкам, рассматривающим имперскую политику X—XII вв. с точки зрения «европейской интеграции»⁸⁸.

Остается, наконец, сказать, что в концепции немецко-славянских отношений современных западнонемецких историков много

⁸³ H. S y b e l. Über die neueren Darstellung der deutschen Kaiserzeit. «Universalstaat und Nationalstaat». Hrsg. F. Schneider, Innsbruck, 1941, S. 15, ff. (далее — «Universalstaat»); о н же. Die deutsche Nation und das Kaiserreich. «Universalstaat...», S. 159, ff.

⁸⁴ J. F i c k e r. Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen. «Universalstaat...», S. 19—57; о н же. Deutsches Königstum und Kaisertum. «Universalstaat...», S. 267—365.

⁸⁵ J. F i c k e r. Deutsches Königstum und Kaisertum, S. 294, ff.

⁸⁶ Там же, S. 294, ff.

⁸⁷ См.: G. К o с h. Указ. соч., стр. 1843.

⁸⁸ Там же, стр. 1851.

общего и с немецкой историографией фашистского периода. Историография третьего рейха пыталась связать имперский универсализм X—XII вв. с идеалами Запада и европейской культуры, утверждая, что немецкая империя X—XII вв. символизировала единство средневекового христианского «западного мира», была основана на моральном авторитете, «добровольно» признанным народами Европы⁸⁹. Представители фашистской историографии стремились «доказать» прогрессивную роль имперского универсализма X—XII вв. в истории Европы. Империя X—XII вв. стояла, по их утверждению, на защите интересов мира и справедливости в Европе и являлась выражением великой прогрессивной немецкой миссии, направленной на установление «порядка» в Европе⁹⁰. Поэтому целью было якобы говорить об экспансии Германии в славянские страны, ибо восточная политика немецких государей диктовалась не узкими националистическими интересами, а интересами универсальной империи. Политику империи X—XII вв., утверждали они, надо оценивать не с точки зрения отдельного народа, а с точки зрения универсальной идеи и общеевропейских отношений⁹¹.

Западнопемецкая историография послевоенного времени в своих общих работах по истории Немецкого государства и немецко-славянских отношений X—XII вв. характерна отрицанием закономерности исторического процесса, стремлением идеологически и исторически обосновать идею «западного единства Европы»⁹².

Обратимся теперь к тем работам западнопемецких историков, которые пытаются обосновать общую концепцию немецкой империи и немецко-славянских отношений X—XII вв. на основе конкретного материала чешско-немецких отношений того времени.

Виднейшим исследователем немецко-чешских отношений раннефеодального периода является в современной западнопемецкой историографии Вильгельм Вегенер. Свои предварительные наблюдения автор высказал уже в источниковедческих статьях, посвященных Чехии времен Св. Вацлава и ее связи с империей⁹³,

⁸⁹ R. Scholz. Germanischer und römischer Kaisergedanke im Mittelalter. «Zeitschrift für deutsche Geisteswissenschaft». Hrsg. F. Knorr, H. 2, Jg. 3, 1940, Jena, S. 116—129.

⁹⁰ F. Kiennast. Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit. Leipzig, 1943.

⁹¹ A. Brackmann. Gesammelte Aufsätze. Weimar, 1941, S. 188, ff.; он же. Die Ostpolitik Ottos der Grossen. HZ, Bd 134, II. 2, 1926, S. 242, ff. К вопросу о марксистской критике фашистской концепции так называемой I Германской империи см.: А. Н. Несухин. Исторический миф Третьей империи. «Уч. зап. Московского гос. ун-та», вып. 81, 1945, стр. 90 и сл.

⁹² G. Koch. Указ. соч., стр. 1840.

⁹³ W. Wegener. Die Lanze des heiligen Wenzel. «Zeitschrift für Rechtsgeschichte (Savigny—Stiftung), germanische Abteilung», Bd 72, Weimar, 1955, S. 56—82.

сопоставлению положения чешских князей и королей с имперскими герцогами (на основании изучения формуляров грамот)⁹⁴ и обзору генеалогических таблиц княжеского чешского рода Пржемыслидов⁹⁵. Затем Вегенер обобщил, дополнил и развил свои взгляды в монографии о Чехии, Моравии и империи X — первой половины XIII в.⁹⁶

Главную задачу своих исследований автор видит в пересмотре вопроса об отношении Чехии и Моравии к Немецкому королевству, с одной стороны, и к империи — с другой. Наиболее развернутую аргументацию и систему своих взглядов Вегенер дает в последней из указанных работ, которую и целесообразно рассмотреть подробнее.

Посвятив вводные замечания характеристике географического положения Чехии и Моравии⁹⁷ и вопросу употребления географических терминов по отношению к Чехии и Моравии⁹⁸, автор переходит к исследованию существа проблемы. Он выделяет следующие вопросы: о статуте немецкого короля и императора как «верховного господина над Чехией»⁹⁹, вопрос о лениной зависимости чешского князя¹⁰⁰, проблему «военной повинности» чешских князей по отношению к Немецкому королевству и их участия в королевских немецких съездах («гофтагах»)¹⁰¹, сравнительное сопоставление положения чешских князей с положением немецких герцогов¹⁰², вопрос о правомочии немецкого короля как «судьи над чешским князем»¹⁰³, проблему государственно-правового строя Моравии¹⁰⁴ и, наконец, вопрос о положении церкви в Чехии и Моравии и их отношении к немецкой имперской церкви¹⁰⁵. Итог исследования Вегенер резюмирует в «Заключении»¹⁰⁶.

Автор исходит из того, что уже к моменту сложения Немецкого государства (что он относит ко времени правления немецкого короля Генриха I) Чехия являлась его составной частью. По мне-

⁹⁴ W. W e g e n e r. Zeugnisse deutsches Königs- und Kaiserurkunden als Quellen für die Stellung der Herzöge und Könige von Böhmen im deutschen Königreich des hohen Mittelalters. «Zeitschrift für Ostforschung», II, 2, Jg. 6, Marburg, 1957, S. 223, 245.

⁹⁵ W. W e g e n e r. Die Przemyslidischen Stammtafeln des nationalen böhmischen Herzogshauses 850—1306 mit einer Einführung. Göttingen, 1952.

⁹⁶ W. W e g e n e r. Böhmen Mähren und das Reich im Hochmittelalter. Untersuchungen zur staatstrechlichen Stellung Böhmens und Mährens im Deutschen Reich des Mittelalters 919—1253. Köln—Graz, 1959.

⁹⁷ W. W e g e n e r. Böhmen..., S. 1—27.

⁹⁸ Там же, стр. 27—33.

⁹⁹ Там же, стр. 33—49.

¹⁰⁰ Там же, стр. 49—112.

¹⁰¹ Там же, стр. 113—155.

¹⁰² Там же, стр. 156—164.

¹⁰³ Там же, стр. 165—183.

¹⁰⁴ Там же, стр. 183—199.

¹⁰⁵ Там же, стр. 200—230.

¹⁰⁶ Там же, стр. 231—234.

нию Вегенера, это было следствием исторической традиции, идущей от Карла Великого¹⁰⁷. Автор старается доказать преемственность подчинения Чехии империи Каролингов и Немецкому государству¹⁰⁸. Ко времени Карла Великого, согласно его схеме, Чехия существовала лишь как географическое понятие, а территория ее уже тогда была включена в систему «западного мира», ибо население ее платило Франкской империи систематическую подать (так называемый «трибут»). Особую роль в сохранении традиционной связи Чехии с «западным миром» сыграли превращение Зальцбургского епископства в архиепископство (798 г.) и подчинение последнего Регенсбургу. Регенсбург стал церковным центром Баварии по отношению к Чехии, а именно Бавария — связующим звеном между Чехией и «западным миром». Представление о власти франкского императора чехи спачала перенесли на восточнофранкских королей и затем на баварских герцогов. Вегенер считает, что борьба Великоморавского государства с Восточнофранкским королевством не прервала связей этих двух раннефеодальных государств. Только кратковременно, при Ростиславе Моравском (869 г.), Чехия выступила на стороне Моравии, однако уже при разделе империи (876 г.) восточнофранкские короли восстанавливают свою традиционную верховную власть (суверенитет) над Чехией. Даже во время временного вовлечения Чехии в сферу влияния Великоморавского государства восточнофранкские короли продолжали якобы сохранять свои законные права в Чехии¹⁰⁹, а после распада Великой Моравии чешские князья окончательно подчиняются Восточнофранкскому королевству (коммендация 895 г.) и именно поэтому в период внутренней консолидации Чехии в конце IX в. они искали опоры у баварских герцогов, олицетворявших Восточнофранкское королевство. Важнейшим событием было, по Вегенеру, принятие восточнофранкским королем Арпульфом после разгрома им венгров (907 г.) звания чешского короля. Это знаменовало торжество восточнофранкского суверенитета над Чехией как традиционное продолжение власти, воспринятой от времен империи Карла Великого и было исходным моментом подчинения Чехии уже новому государственному организму — Немецкому королевству, образовавшемуся при Генрихе I (919 г.) и явившемуся законным преемником прав и традиций Восточнофранкского королевства, а следовательно, и империи Карла Великого. Согласно Вегенеру, можно говорить, таким образом, о постоянном, традиционном включении Чехии в государственный организм «западного мира» с конца VIII — начала IX в. В основе включения лежали податная форма зависимости (трибут) и подчинение Чехии

¹⁰⁷ Там же, стр. 7, 8.

¹⁰⁸ Там же, стр. 1—27.

¹⁰⁹ Там же, стр. 24.

западной церкви (Регенсбург) и Баварии. Исходя из этих, как дальние увидим, необоснованных посылок, автор делает антиисторический и тенденциозный вывод о том, что Бавария, якобы, принадлежит особая заслуга в сохранении преемственности, связи Чехии с «западным миром», в активизации миссионеров Западной церкви среди чехов. Чтобы окончательно «доказать» исконную принадлежность чешской территории к «западному миру», Вегенер пытается привести в доказательство географическую терминологию, употребляемую различными авторами исторических произведений. У Птоломея, например, Чехия — это центр «великой Германии» — Германии от Рейна и до Вислы¹¹⁰. Чехия находилась в центре передвижения германских племен, представление о Чехии как о средоточении среднеевропейского комплекса народов, подчиненного Германии, проходит как бы красной нитью у всех авторов средневековья и переходит в новое время¹¹¹. Будучи по своему этническому составу частью славянского мира (*Sclavonia*), Чехия в то же время была якобы составной частью Германии наравне с «Тевтонией».

В подтверждение своей схемы автор старается привлечь сообщения различных авторов, в частности Страбона, Птоломея, Эйнгарда, Павла Диакона, Региона, Гумпольда, Оттона Фрейзингенского. Использование противоречивых источников, относящихся к разным эпохам для доказательства спекулятивной исторической схемы, свидетельствует об идеалистической концепции автора.

Вегенер, однако, считает доказанным, что Чехия была исконной интегральной частью «западного мира», что она с момента образования Немецкого государства (начало X в.) была его неотъемлемой областью. Автор ставит затем второй, по его мнению, первостепенной вопрос: в качестве кого выступал немецкий государь как верховный господин над Чехией — в качестве немецкого короля или немецкого императора? Иначе говоря, — как относилась Чехия к немецким государям с начала их имперской коронации (962 г.). Если признать, что подчинение Чехии немецким королям началось только с момента их имперской коронации, тогда, по мнению Вегенера, нужно согласиться с теми чешскими историками (Ф. Палацким и др.), которые говорили о подчинении Чехии только императорам и считали, что претензии на власть со стороны немецких королей были неосновательны. Полемизируя с ними, Вегенер стремится доказать, что верховная власть немецкого государя над Чехией и до и после 962 г. основывалась на каролингской традиции, потому что немецкие короли были единственными законными преемниками Восточнофранкского королевства. Немецкий государь выступал

¹¹⁰ W. W e g e n e r. Böhmen. . . S. 27.

¹¹¹ Там же.

в качестве верховного господина над Чехией прежде всего как король, и в основе этого лежало изначальное древнее право (*jus antiquum*). Сторонники концепции линий зависимости Чехии только от императоров ссылались на известное сообщение хрониста Видукинда о подчинении чешского князя императору¹¹².

Упомянутое свидетельство «Хроники» Видукинда Вегенер относит не ко времени правления Оттона I, как пришто в историографии, а ко времени его предшественника — Генриха I, который в глазах Видукинда был некоронованным императором, «повелителем многих народов» (*imperator multorum populorum*)¹¹³.

Отвлекаясь, как мы дальше покажем, от внутренней социально-экономической истории Чехии X—XII вв., автор делает тенденциозный и недоказанный вывод о том, что власть немецких государей в X—XII вв. простиралась якобы на Чехию. Такая посылка нужна Вегенеру для того, чтобы доказать шовинистический тезис западнонемецкой буржуазной историографии о том, что на протяжении всего этого периода чешский князь являлся всего лишь одним из князей Немецкого королевства (*princeps regni*) и в состав империи Чехия входила только как часть Германии¹¹⁴. Об ослаблении власти немецких королей над Чехией можно говорить только для времени Штауфеновской династии (конец XII—начало XIII в.).

«Доказав» исключную и непрерывную власть немецких государей над Чехией в качестве королей¹¹⁵, Вегенер переходит к исследованию третьей проблемы: какова была природа власти немецких королей над Чехией, в чем выражалась эта власть? Выяснению этого вопроса автор посвящает центральные главы своего исследования.

Основной и изначальной формой подчинения Чехии западной государственности Вегенер считает подать (дань), появившуюся будто бы во времена Каролингской империи и существовавшую непрерывно на протяжении IX—XII вв. В доказательство автор приводит сообщение Эйнгардта об установлении Карлом Великим подати для Чехии¹¹⁶, и слова Козьмы Пражского, что чешская подать восходит к каролингским временам¹¹⁷. Данные позднейшего источника о подати, относящейся ко времени Генриха I

¹¹² W i d u k i n d i. *Rerum gestarum saxoniarum*, I, 35. «Monumenta Germaniae historica». SS in usum Scholarum. Ed. K. A. Kehr, lib. I, 1904, S. 43; (чешский князь) . . . «imperatori fidelis ut utili mansit».

¹¹³ W. W e g e n e r. *Böhmen* . . . , S. 37.

¹¹⁴ Там же, стр. 45.

¹¹⁵ Там же, стр. 48.

¹¹⁶ E i n h a r d i. *Vita Caroli Magni*. Cap. 15. Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1911, S. 15, 18.

¹¹⁷ «Cosmae Chronica Boemorum», I, 33; II, 2.—«Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova Series», t. II, Berlin, 1923.

(929 г.)¹¹⁸, Вегенер интерпретирует как факт восстановления франкской дати, а показания источников об уплате чехами подати различным немецким государям в последующие годы (991, 1004, 1041 и др.)¹¹⁹ он считает доказательством систематического и непрерывного взимания немецкими королями подати франкского происхождения¹²⁰.

Вторая форма подчинения Чехии западным государям, по мнению Вегенера, — ленное отношение Чехии к последним, что находило свое выражение, по-видимому, в акте коммендации или ленной присяги. Установление ленной зависимости в форме коммендации Вегенер также относит ко временам Франкской империи.

Для доказательства преемственности автор подчеркивает роль Баварии, которая была «связующим звеном» между властью франкских и немецких королей. К сожалению, автор здесь прибегает к гипотезам, которым читатель вовсе не обязан верить. Вегенер признает, что историк не может доказать, каким образом была установлена государственная власть Баварии над Чехией¹²¹. Автор лишь предполагает, что после падения Великой Моравии чешские князья вынуждены были искать защиты у баварского герцога, выражением чего и явилась коммендация.

Вплоть до смерти чешского князя Св. Вацлава, Чехия находилась в двойной зависимости: в вассальной — от баварского герцога и в далической — от немецкого короля¹²². Лишь присяга чешского князя Болеслава II в 973 г. в Кведлибурге означала установление безраздельной власти немецкого короля¹²³.

Победа Саксонии над Баварией обеспечила немецкому королю власть над Чехией. Времена Оттона II, Оттона III, Генриха II были развитием и закреплением этой власти. По утверждению Вегенера, власть чешского князя получала законную силу только с момента поклонения Чехии в лен.

Таким образом, начиная с 929 г. чешские князья и короли находились в постоянной податной, а затем вассальной зависимости от немецких королей, которым только Оттокар Пржемысл II в 1254 г. впервые смог противопоставить свою собственную политическую программу¹²⁴. Основой чешской княжеской власти была конфирмация (подтверждение) чешского князя немецким королем. Одной из форм проявления верховной власти немецкого короля в Чехии было, по мнению Вегенера, право немецкого короля возводить чешского князя в короли. Как известно, такое

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ W. Wegener. Böhmen..., S. 49 (там же указаны источники).

¹²⁰ Там же, стр. 50.

¹²¹ Там же, стр. 56.

¹²² Там же, стр. 60.

¹²³ W i d u k i n d i. Rerum..., III, 8, p. 83.

¹²⁴ W. Wegener. Böhmen..., S. 81.

возведение состоялось в 1086, 1158 и 1198 гг. Эти события, по Вегенеру, сыграли решающую роль в формировании государственного организма Чехии. В результате этих «возвышений» в королевское достоинство» Чехия достигла высшей точки в своем государственном развитии: именно «королевскому возвышению» 1198 г. она якобы обязана тем, что впервые появляется понятие «*regnum Boemiae*» с ее границами. Чехия стала имперским княжеством и только поэтому превратилась в «*regnum Boemiae*». Именно это обстоятельство освободило ее от суверенного пемецкого короля¹²⁵.

Весь ход рассуждений автора должен, по его мнению, доказать космополитический тезис буржуазной историографии о том, что Чешское государство раннефеодального периода являлось продуктом государственно-правовых отношений Чехии с Немецким государством, что уже первыми элементами своей государственности Чехия обязана включению ее в систему «западного мира», точнее говоря, в Немецкое государство.

Об этом как будто свидетельствуют и другие формы повинностей чешских князей немецкому королю: так называемая «военная повинность» или повинность «военного сопровождения» и обязанность чешских князей посещать немецкие королевские съезды (гофтахи).

Все эти рассуждения, как мы увидим, уводят нас от воссоздания действительной картины того времени, они спекулятивны и конкретизируют лишь общую космополитическую, остфориеровскую концепцию немецко-славянских отношений X—XII вв.

Военная повинность рассматривается автором как этап оформления ленных чешско-немецких отношений: если в 929 г. была оформлена податная форма зависимости, в 950 г. — личная зависимость чешского князя, то в 955 г. к этому присоединилась военная. За этим последовала еще одна повинность — обязанность чешских князей посещать немецкие королевские съезды. Обязательное несение этой повинности начинается, по Вегенеру, с 973 г., с посещения чешским князем Болеславом II гофтага в Кверлишбурге. Военная повинность и обязанность посещать гофтаги говорят якобы об органическом врастании Чехии в пемецкий государственный аппарат. Автор прибегает к специальному сравнению положения Чехии и немецких герцогств и, ссылаясь на вышеустановленные факты, приходит к выводу, что чешский князь, собственно, мало чем отличался от других немецких герцогов. Вегенер даже считает, что ему удалось доказать функции верховного судьи пемецкого короля над чешскими князьями. Немецкий король выносил решения по обвинению чешского князя «в оскорблении величества» и имел решающий голос в ленных тяжбах чешских князей¹²⁶.

¹²⁵ Там же, стр. 111.

¹²⁶ Там же, стр. 165—173.

В специальную главу выделен вопрос о положении Моравии в системе отношений Чехии, Моравии и Немецкого государства. Основная посылка здесь — Моравия никогда не входила в состав Чешского государства. Будучи с самого начала образованием, независимым от Чехии, она затем стала объектом завоевания венгров (разгромивших Баварию в 907 г.) и удержавших ее, по-видимому, даже после своего поражения в 955 г. Завоевание Моравии чехами, по Вегенеру, относится к 1018—1021 гг., причем сделано это было чешским князем Бржетиславом при поддержке восточного маркграфа и, возможно, на лепких условиях от немецкого короля. Для последующего времени, по мнению исследователя, вероятнее всего предположить, что чешский князь получил Моравию в лен от немецкого короля.

Концепция мораво-чешских и мораво-немецких отношений так же тенденциозна, как и все построение Вегенера, ибо выдержана в духе все той же надуманной идеи «исконного» единства Чехии и Моравии с «западным миром».

В заключение автор рассматривает вопрос о положении церкви в Чехии и исходит опять-таки из утверждения, что на протяжении всего раннего периода существовала непрерывная связь Чехии и Моравии с регенсбургской церковью¹²⁷. Важнейший этап миссионерской деятельности баварской церкви в Чехии был ознаменован коммандацией чешских князей в Регенсбурге в 895 г.

Влияние баварской церкви в Чехии было результатом включения Чехии в Восточнофранкское королевство, имевшее свою резиденцию в Регенсбурге. Регенсбургский епископ вместе с немецким королем сыграли решающую роль в основании Пражского епископства (973 г.), что было важнейшей вехой в процессе вовлечения Чехии в «христианский западный мир каролингской традиции».

С коронацией Оттона I императором (962 г.) церковная политика Немецкого королевства в Чехии получает уже санкцию имперской концепции Оттонов, ибо основные принципы последней — идея защиты Рима и церкви и идея Немецкого королевства в форме франкской власти (*imperator Romanorum et Francorum*). Создание Пражского епископства являлось одним из звеньев имперской системы Оттонов. Немецкий король был безраздельным хозяином в делах Пражского и Оломоуцкого епископств, а пражский и оломоуцкий епископы — всего лишь имперскими князьями¹²⁸.

Концепция чешско-немецких отношений раннефеодального периода в изложении Вегенера заслуживает подробного анализа, ибо, с одной стороны, она является наиболее полным и логическим развитием тезиса немецкой националистической историографии второй половины XIX — первой половины XX в., а с другой

¹²⁷ W. W e g e n e r . Böhmen. . . , S. 200, ff.

¹²⁸ Там же, стр. 224.

стороны, призвана научно, во всеоружии источников, «доказать» на примере Чехии истинность и жизненность концепции славяно-немецких отношений современных западногерманских и некоторых австрийских историков.

Для нас неприемлемы исходные позиции исследования Вегенера. Автор исследует историю чешско-немецких отношений с точки зрения юридической интерпретации различных сведений источников и полностью отвлекается от социально-экономического развития чешских земель. Уже в самом методе исследования Вегенер выступает преемником обширной не только немецкой, но и чешской историографии XIX—XX вв., для которой характерен идеалистический, формально юридический подход к указанной проблеме. Только современная чешская марксистская историография подвергла радикальному пересмотру вопрос о чешско-немецких отношениях X—XII вв. с материалистических позиций, дав при этом и критику националистической концепции Вегенера¹²⁹.

В. Вегенер полностью игнорировал результаты изучения раннефеодального Чешского государства современной чешской историографией. В работе мы не находим даже упоминания об исследованиях Неедлого, Грауса, Раткоша, Турека и других чешских историков¹³⁰. Вегенер проходит мимо важнейшего позитивного вывода современной чешской исторической науки: образование раннефеодального Чешского государства явилось результатом длительного и сложного социально-экономического развития чешских земель. Знакомство с обширными археологическими исследованиями, накопленными чешскими историками, и с работами по социально-экономическому развитию Чехии X—XII вв. показывает, насколько изжило себя представление о Чешском государстве X—XII вв. как продукте заимствования норм Франкского или Немецкого государств.

Настаивая на своей концепции, Вегенер стремится обосновать ее конкретными свидетельствами всех известных источников. Однако метод интерпретации исторических источников, применяемый автором, формален и спекулятивен, ибо отдельные свидетельства источников абстрагируются, абсолютизируются и отрываются от реальной исторической действительности. В результате применения такого метода разрозненные сообщения совершенно различных авторов, относящиеся к разным историческим эпохам, должны представить, по замыслу автора, звенья одной цепи. Получается, таким образом, идеалистическая, тенденциозная картина

¹²⁹ Z. Fiala. Vztah českého statu k německé říši do počátku 13 stol. «Sborník historický», VI, Praha, 1959; о н же. Wegener W. . . , str. 176 a. d.

¹³⁰ Z. Nejedlý. Dějiny narodu českého, díl. I. Praha, 1955; II. Praha, 1959; F. Graus. Dějiný věnkovského lidu v Čechách v době předhusitské, I. Praha, 1953; R. Turek. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete im Böhmen. Praha, 1957.

исторического процесса в духе западнонемецкого остефортунга.

В результате такие различные авторы, как, например, Эйнгард, Регипон, Видукинд, Титмар Мерзебургский, Козьма Пражский трактуются как выразители одной неизменной идеи — идеи включения Чехии в государственную и религиозно-нравственную систему «западного мира». Очевидно, что указанные авторы не могли быть идентичными идеологами, т. к. жили в различных конкретно-исторических условиях и поэтому являлись выразителями интересов различных классов на различных стадиях развития государственности.

Формально-юридический подход к отдельным историческим свидетельствам и абстрактное сопоставление по внешности аналогичных формулировок может создать иллюзию непрерывного развития отдельных институтов. Следует иметь в виду, что каждое из этих сообщений было продиктовано конкретно-историческими обстоятельствами, и поэтому реальное содержание подчас аналогичных терминов могло быть различным. Рассмотрение каждого сообщения источника вне исторической обстановки своего времени ведет к идеалистическому, тенденциозному освещению исторического процесса. Чешский историк З. Фиала убедительно доказал, что каждый исторический факт из истории чешско-немецких отношений X—XII вв., каждое изменение в этих отношениях надо исследовать с точки зрения конкретно-исторической обстановки, с точки зрения развития как Немецкого, так и Чешского государства¹³¹.

Вегенер же исходит из навязчивой идеи о том, что Чехия якобы испокон веков входила в состав Германии и отсылает при этом к различным сообщениям письменных источников. Многообразная и сложная история чешских земель до нашей эры, в эпоху Римской империи, величайшее культурное наследие, наследующее свою трансформацию в раннефеодальный период, проблема генезиса феодального общества на территории чешских земель — все это автором игнорируется.

Отправным моментом в доказательстве Вегенера государственной зависимости Чехии от западных государственных образований является так называемая «трибутарная повинность» чехов, т. е. уплата ими подати (*tributum*). Он анализирует все сведения о чешской подати и при этом отождествляет такие разнородные сообщения оней, как слова Эйнгарда¹³² и объяснение Козьмы Пражского¹³³. Формальное сопоставление данных Эйнгарда и Козьмы Пражского неправомерно. Этих авторов разделяет большая историческая эпоха, и поэтому термин «подать» не может выражать одно и то же. Сообщение Эйнгарда к тому же не может рассматриваться как бесспорное и ясное. Эйнгард, например,

¹³¹ Z. Fiala. Vztahy..., str. 30 a. d.

¹³² Einhardi. Vita Caroli Magni, Cap. 15, S. 18.

¹³³ «Cosmac...», I, 33.

товорит о чехах, плативших подать, но остается неясно, какие племена он имел в виду под этим названием. «Чехи» Эйнгарда не могли населять всю территорию Чехии¹³⁴. Наконец, и Чехия и «западный мир» находились на столь различных уровнях развития во времена Эйнгарда и Козьмы, что отношения между этими странами не могут быть выражены одинаковыми терминами.

Весьма сомнительна и третья отправная позиция концепции Вегенера. Автор исходит из идеалистического представления о западноевропейской государственности. Франкскую империю, Восточнофранкское королевство, Немецкое государство Оттонов, Салическую и Штауфеновскую династии он преподносит нам как носителей и выразителей одной и той же абстрагированной идеи государственности. Создается впечатление о мифической право-преемственности этих государственных образований, а на основе этого возникает концепция о юридическом основании постоянного суверенитета «западного мира» по отношению к Чехии. Западная государственность представляется посительницей высших форм жизни человеческого общества, высших форм правственности в виде христианского мировоззрения. Славянский мир и часть его — Чехия — на протяжении всего исторического периода рассматриваются в качестве пассивной стороны, как объект, а не субъект исторического процесса. Такая концепция Вегенера не подтверждается конкретно-историческим материалом. Чешские историки доказали, что еще до образования западноевропейской государственности территория чешских земель паравне с территорией других позднейших европейских государств была ареной больших исторических процессов, а чешский народ играл в них самостоятельную и большую роль¹³⁵. Нет никаких оснований говорить об исконной зависимости чешских земель от империи франков еще до Карла Великого, так как свидетельств этого в источниках нет¹³⁶.

Что касается отношений чешских и моравских племен с франками, а затем с баварцами и немецким государством, то они складывались при активном и решающем участии моравской и чешской сторон. Посагательство на территорию и права моравских и чешских племен встречало непрерывное и возрастающее сопротивление. Военные походы франкских и немецких королей против Моравии и Чехии кончались поражениями. В то же время моравские и чешские племена играли самостоятельную политическую роль. Историческая роль Великоморавского государства общеизвестна. Самостоятельно внутри своей территории и вне ее выступали чехи. Внутри Чехии шел процесс государственной консолидации, все этапы этого процесса завершались независимо от воли западных государств (подчинение Славниковцев чешскими

¹³⁴ Z. Fiala. Vztah..., str. 43.

¹³⁵ Z. Nejedlý. Указ. соч., стр. 60 и сл.

¹³⁶ Z. Fiala. Vztah..., S. 33 a. d.

князьями, объединение чешских и моравских племен в одно государство¹³⁷). В отношениях с другими народами, в том числе с франками, чехи выступали как суверенная сторона: самостоятельно устраивали военные походы, суверенно вели дипломатические переговоры и самостоятельную политику по отношению к Польше, Венгрии и немецкому государству. Во времена Великой Моравии был момент, когда саксы оказались в подчинении чехов¹³⁸, в 915 г. чехи воевали с венграми и саксами¹³⁹.

При анализе природы зависимости Чехии от франков и немецкого государства Вегенер придерживается традиционной аргументации немецких буржуазных историков: автор выделяет пресловутые формы так называемой повинности чехов: подать, посещение немецких королевских съездов, подтверждение чешских королей (лестное отпопление), военная повинность. Однако анализ тех же проблем не с формально-юридической точки зрения, а на основании исторического развития чешских земель в раннефеодальный период, так же, как и самих немецких племенных княжеств, как убедительно показали работы чешских историков последнего времени и особенно источниковедческий анализ З. Фиала¹⁴⁰, не подтверждает выводов Вегенера. Прежде всего это касается краеугольной проблемы Вегенера — вопроса о чешской подати, которая якобы со времен Карла Великого была основой государственного подчинения Чехии франкам, а затем немцам. Следует согласиться с З. Фиалой, что в тех случаях, когда чешская сторона вынуждена была платить подать тому или иному иноzemному государю, это было не признаком вхождения ее в состав другого государства, а, наоборот, знаменовало завершение успешной борьбы за независимость, ибо борьба копчалась по подчинением Чехии порядкам и законам другой страны, а своеобразным выкупом за мир. Подать была той крайней уступкой, на которую или иногда чехи после решительной и ожесточенной борьбы. Причем, соглашаясь на подать, чехи выступали как равноправная сторона, так как добивались от другой стороны (франков, немцев) не менее существенного обязательства — прекращения военных действий против Чехии и отказа от завоевания этой страны.

З. Фиала убедительно доказал не менее существенный факт, связанный с уплатой подати чехами: уплата чешской подати отнюдь не была непрерывным, традиционным явлением. Сообщения источников о чешской подати крайне отрывочны, эпизодичны и ни в коем случае не говорят о преемственной традиции от франков

¹³⁷ H. Fiala. Vztah..., S. 33 a. d.

¹³⁸ Tietmari. Chronicon. «Monumenta Germaniae». SS in usu Scholarum. Ed. F. Kurze, lib. VII, 1889, S. 190—191.

¹³⁹ Z. Fiala. Vztah...

¹⁴⁰ Там же, стр. 26 и сл.

и немцев. Каждый случай уплаты чехами подати был связан с конкретными историческими обстоятельствами, не представляя ничего экстраординарного и не дает оснований для тех выводов, которые сделал Вегенер.

Претензии на постоянную чешскую подать могли возникнуть у немецких государей только в позднейшее время. Идея немецких императоров о мировом господстве осталась лишь миражем в умах ее апологетов — императоров и их идеологов: поэтов, юристов, царедворцев. Она не имела ничего общего с реальной действительностью¹⁴¹.

Несостоятельна и вегенеровская интерпретация сведений исторических источников о действительно имевших место фактах присутствия чешских князей на немецких королевских съездах (гофтагах) и о получении чешскими князьями подтверждения со стороны немецких государей. Дело в том, что каждый из таких случаев был продиктован реально сложившимся соотношением двух борющихся сил — раппфеодального Чешского государства (княжества) и немецкого королевства. Так, например, известное «подписание» Вацлава чешского в 929 г. было отнюдь не возобновлением положения, существовавшего при Арнульфе Баварском в 895 г., а всего лишь формулировкой мирного договора чехов и немцев. Мир этот, в свою очередь, оказался непрочным и уже при преемнике Вацлава — Болеславе I перерос в длительную войну чехов с Оттоном I. О каком же непрерывном подчинении чехов может быть речь? Каждый факт присутствия чешского князя на немецком королевском съезде (973, 978, 984 гг. — и др.) как и каждое «подтверждение» немецким государем факта избрания чешского князя чешской знатью были обусловлены конкретно сложившейся международной ситуацией. Так называемые «подтверждения» вообще нельзя рассматривать как выражение господства немецких государей в Чехии, ибо факт «подтверждения» ничего не менял во внутренней жизни Чехии и сводился к формальному акту. Для самих чешских князей он приобретал значение лишь постольку, поскольку укреплял международные позиции чешской княжеской власти, фактическая и юридическая сила которой определялись соотношением сил внутри Чехии и чешскими обычаями и законами (чешский порядок наследования княжеского престола Пржемыслидов: избрание чешского князя чешской знатью. Не известно ни одного случая, чтобы власть иноzemного государя смогла нарушить эти принципы). Действительно, были случаи, когда «подтверждение» посило характер пожалования Чехии в лен, по они относятся лишь к началу XI в. и имели место в условиях иноzemной (польской) оккупации (обстоятельства покорения Владивоя, Болеслава Храброго, Яромира).

¹⁴¹ J. Baszkiewicz. Указ. соч., т. VII, тетрадь 2, 1955, стр. 9 и сл.; т. VIII, тетрадь 1, 1956, стр. 9—52.

Что касается «пожалования» королевского титула чешскому князю (1085, 1158, 1198 гг.), то оно не меняло существа чешско-немецких отношений, не вносило никаких существенных изменений во внутренний строй и жизнь Чешского государства и скорее говорило о международном признании силы и могущества Чешского государства, чем о его подчинении Немецкому государству.

Основание Пражского епископства логичнее и естественнее рассматривать как свидетельство консолидации и роста чешской государственности. Несомненным инициатором здесь мог быть только чешский князь, и участие немецкого короля и Майнцского архиепископа в акте основания Пражского епископства было естественной данью сложившейся практики того времени.

Непосредственное подчинение пражского епископа немецкому императору продолжалось очень короткое время (1187—1197 гг.) и объяснялось борьбой духовных и светских феодалов внутри Чехии, следствием чего было значительное ухудшение международного положения Чехии¹⁴². Это был лишь эпизод в длительной истории чешской церкви. Пражский епископ являлся не «имперским князем», а служащим чешского короля и ему был подчинен оломоуцкий епископ.

Положение Чешского княжества принципиально отличалось от положения немецких герцогств. Чешское княжество X—XII вв. — это рагищефеодальное государство, прошедшее самостоятельный путь развития, имевшее свое собственное обычное право, законы. Собственно, этот бесспорный исторический факт вынужден признать и сам Вегенер, когда говорит, что Чехия имела «пекоторые черты, развившиеся независимо от франко-немецкого образца»¹⁴³. Он же признает, что чешский князь мог занять престол только на основании чешского земского права (чешский закон престолонаследия, участие чешской знати в выборе чешского князя), а немецкий король не располагал теми правами в Чехии, какие имел в немецких герцогствах (право объезда герцогских земель, право на королевские владения в каждом из них). Вопреки логике и в ущерб объективности, Вегенер в развитии чешской рагищефеодальной государственности видит «не завершение естественной линии развития и укрепления древнечешского племенного устройства»¹⁴⁴, а результат восприятия французской и немецкой государственности.

Такой вывод автора — яркое доказательство его полной солидарности с основными положениями разобранных выше общих работ современных западнопемецких историков. Этот вывод является тщетной попыткой мотивировать притязания «Запада» на чешские земли.

¹⁴² Z. Fiala. Vztahy..., S. 33.

¹⁴³ W. Wegener. Böhmen..., S. 233.

¹⁴⁴ Там же, стр. 233.

Как Великоморавское государство, так и раппенфесадальское Чешское государство Пржемыслидов возникли и окончательно сформировались независимо от так называемого «западного мира» и его христианских идей. Западные государи (франкские и пемецкие короли), действительно, уже в IX в. делали постоянные попытки подчинить моравов и чехов. Можно говорить о некоторых успехах этой экспансиистской восточной политики, например, в конце IX и начале X в. Именно тогда, в условиях ухудшения международного положения Чехии в период захвата чешских земель польскими феодалами, и возникли некоторые юридические precedents расширения влияния пемецкой королевской власти на некоторые стороны государственной жизни Чехии («подтверждение» избрания чешского князя, «пожалование» Чехии). Но и тогда эти юридические акты не меняли существа чешского государственного устройства, ибо в основе последнего было реальное соотношение классовых сил внутри самой страны.

Концепция чешско-немецких отношений X—XII вв., основанная на идеи «Абенделланда» во главе с Немецким королевством, получила широкое признание в западнопемецкой историографии в наши дни. С понятным энтузиазмом работу Вегенера встретил, например, Т. Мейер. В своей программной статье «Чехия и Европа»¹⁴⁵ Т. Мейер прямо ссылается на работу Вегенера как на фундированное исследование, на основании которого якобы можно уверенно воссоздать картину пемецко-чешских отношений¹⁴⁶. Франкская империя, говорит он, была решающим фактором в формировании государственности в Европе (паряду с Византийской империей), и Чехия была с самого начала включена в систему франкской государственности, причем особенно прогрессивную роль в этом процессе сыграла якобы Бавария¹⁴⁷. Именно этот факт позволяет Т. Мейеру считать Чехию интегральной частью «западного мира», который определял ее исторические судьбы на протяжении будто бы всей истории и призван определять судьбу этой страны в настоящее время.

Считая, вслед за Вегенером, что именно Баварии принадлежала решающая роль в христианской миссии среди славян и сводя поэтому всю деятельность Кирилла и Мефодия к краткому и малоизначительному эпизоду, Т. Мейер утверждает, что вслед за разгромом Великой Моравии окончательно сложился тот «новый порядок» в Средней Европе, который стал характерным для Восточнофранкского королевства, а затем для его единственного правопреемника — Немецкого королевства.

¹⁴⁵ T. M a u e r g. Böhmen und Europa. Bohemia. «Jahrbuch des Collegium Carolinum», B. I. München, 1960, S. 9—22.

¹⁴⁶ T. M a u e r g. Böhmen und Europa, S. 10, ff.

¹⁴⁷ Там же, стр. 12 и сл.

Важнейшую роль в этом сложившемся средневековом «новом порядке» автор отводит Чехии того времени, которая в силу своеобразия своих границ (защита горами с трех сторон, лесной хребет на границе Чехии с Баварией) могла претендовать на некую «геополитическую индивидуальность».

Для Европы, говорит Т. Мейер, всегда имело первостепенное значение, кому принадлежит Чехия — западной или восточной европейской государственной системе. Чехия, по мнению автора, всегда имела решающее стратегическое значение в Европе, и поэтому на нее было обращено особое внимание. При всей своей «государственной индивидуальности» Чехия якобы никогда не могла быть самостоятельной, а лишь является интегральной частью немецкой государственности, «придатком с весьма самостоятельным управлением». Все это не давало ей возможности располагать суверенитетом в международных отношениях.

Благодаря Немецкому королевству Чехия, согласно фальсифицированной, тенденциозной концепции Т. Мейера, стала постоянной составной частью империи и «западного мира» в широком смысле, что принесло, якобы, чешскому народу величайшее благо, ибо Чехия, получив защиту от внешнего врага, в то же время могла плодотворно совершенствовать свое государственное устройство. Для Т. Мейера «функционирование исследования» Вегенера является основанием для более широких обобщений, выходящих уже за рамки X—XII вв. Именно успехи немецкой государственности в Чехии X—XII вв. обусловили «прогрессивность» немецкой колонизации в Чехии, которая решающим образом якобы укрепила экономику этой страны. Мнимая принадлежность Чехии к Немецкому государству X—XII вв. способствовала, по мнению Мейера, приобщению этой страны к западной культуре, к системе западноевропейского хозяйства¹⁴⁸.

Т. Мейер намечает основные этапы в истории Чехии как составной части «западного мира», останавливаясь, в частности, на «великих идеях европейской державы» Отокара II и Карла IV. Эти идеи должны были служить консолидации «западного мира», стоять на защите его универсалистской и христианской концепции. Автор, паконец, приходит к выводу о великом прогрессивном значении включения Чехии в систему Габсбургской империи (1526 г.), которая уже в других исторических условиях смогла продолжить «великие традиции» Немецкой империи X—XII вв.: она гарантировала Чехии защиту от внешнего врага (защищала от турецкой опасности) и сохранила Чехию в качестве интегральной части христианского «западного мира». Габсбургская империя исторически закрепила связь Чехии с немецкой государственностью. Поэтому, продолжает Т. Мейер, распад австро-венгер-

¹⁴⁸ T. Mayer. Böhmen und Europa..., S. 15, ff.

ской монархии после первой мировой войны был одним из тяжелых последствий не только для «западного мира» в целом, но, в частности, и для Чехии. Именно в результате распада габсбургской системы создались исторические предпосылки для превращения Чехии из интегральной части христианского «Запада» в «бастион Востока»¹⁴⁹. Так, исходя из концепции Вегенера и развивая свои собственные взгляды на чешско-немецкие отношения, автор приходит к формулировке откровенно реваншистского вывода о необходимости включения Чехии в систему «западного мира». Место Чехии в европейском развитии, резюмирует Т. Мейер, предопределено ее двухтысячелетней историей: Чехия — это интегральная часть так называемого «западного мира». Только в качестве таковой она может играть историческую роль. Этот тезис Т. Мейера выдает его антисоветские, антикоммунистические позиции. Идеалистическая интерпретация источников, тенденциозное освещение исторического процесса в духе буржуазной концепции «Лебендлянда» («Запада») смыкается здесь с пресловутой басней о «коммунистической опасности»¹⁵⁰.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на некоторые различия в подходе к частным вопросам, вопреки декларации о «пересмотре» старых взглядов (Людат), для западногерманских историков характерна крайняя идеализация Немецкого государства X—XII вв. Немецкую империю этого времени они представляют как надгосударственное образование, носителя высшей культуры, которому славянские народы должны быть «благодарны» за привлечение их к исторической жизни, за включение в государственную систему христианского «западного мира». Эти взгляды, по существу, означают возврат к старой католической доктрине, основанной на пресловутой мифической западной или европейской идее.

* * *

Западнонемецкая историческая литература послевоенного периода по вопросу империи и славяно-немецких отношений X—XII вв. весьма обширна. Мы остановились на наиболее характерных работах. Авторы их, на словах отказываясь от националистической демагогии, берут на вооружение старую католическую и романтическую «западную» или «европейскую» идею (Abendlandidee). Эта идея стала ширмой для реваншистских планов империалистических кругов ФРГ. С целью «исторического оправдания» западной идеи ведущие историки ФРГ обратились к раннему средневековью. И здесь они представляют немецкую империю X—XII вв. как «национальную историческую модель» («supernational-

¹⁴⁹ Там же, стр. 19.

¹⁵⁰ Там же, стр. 21.

tionalen Geschichtsmodelle»)¹⁵¹. Но в данном случае они не оригинальны: их взгляды удивительным образом переплетаются со взглядами фашистских теоретиков.

Более того, современные западнопемецкие историки пытаются воскресить фашистскую концепцию средневековой империи X—XII вв. и поставить ее на службу интеграции Западной Европы и планов НАТО.

¹⁵¹ Критику исторической «европейской» идеи западнопемецких историков дали историки-марксисты ГДР. См. L. S t e r n . Die Klerikalimperialistische Abendlandideologie im Dienste des deutschen Imperialismus. Z. f. G., II. 2, 1962, S. 286 f. G. K o s h. Указ. соч., стр. 1865.

РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ

T. A. Воздвиженская

КНИГА О НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКО-ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Связи культурной и духовной жизни славянских народов с Германией многосторонние, глубоки и часто противоречивы. Некоторые из них, как, например, связи западнославянской и немецкой культур, уходят корнями в далекое прошлое и успешно продолжаются и сейчас.

Изучение различных сторон этих связей, в частности литературных, чрезвычайно важно для понимания пути развития каждой национальной культуры, ее места в процессе формирования и развития европейской культуры в целом.

Исследованию одной из значительных составных частей этих связей — связям чешской, австрийской и немецкой литературы посвящена книга видного чешского ученого Пауля Реймана «От Гердера до Киша»¹.

Советскому читателю хорошо известна его более ранняя большая работа «Основные течения в немецкой литературе 1750—1848 г.»². Уже в этой работе, исследуя с позиций марксистского литературоведения творчество великих немецких писателей, П. Рейман отмечает интерес, который проявляли не только такие корифеи немецкой культуры, как Гете, но и менее значительные писатели, как, например, Карл Варнгаген к соседним славянским народам, их истории, фольклору, литературе.

Его новый труд «От Гердера до Киша» отражает конкретные факты и явления взаимосвязей этих литератур. Книга уже получила высокую оценку на страницах немецкой и советской печати³.

¹ P. Reimann. Von Herder bis Kisch. Studien zur Geschichte der deutsche österreichisch-tschechischen Literaturbeziehungen. Berlin, 1961, 292 S.

² П. Рейман. Основные течения в немецкой литературе 1750—1848 гг. М., 1959.

³ См.: «Zeitschrift für Slavistik», Bd VII, f. 5, 1962, S. 804; В. Неде-л и п. Традиция дружбы. «Иностранная литература», № 6, 1963, стр. 264.

Работа представляет собой сборник произведений, созданных Н. Рейманом в разные годы. Это и статьи общего характера типа «Шиллер в Чехословакии», «Гете и чешская литература» и очерки о творчестве отдельных писателей (Карла Эмиля Францоза, Карла Крауса, Якоба Юлиуса Давида и др.). В книгу включены также публикации интересных материалов — письма чешского поэта, автора «Силезских песен» Петра Безруча к его переводчику, немецкому поэту Рудольфу Фуксу. П. Рейман приводит здесь впервые переписку Э. Э. Киша с Антонином Мацеком, переводчиком его произведений на чешский язык, относящуюся к 1914—1917 гг. и дающую новые данные о раннем периоде творчества Киша. И, наконец, он делится своими воспоминаниями о некоторых деятелях чешской и немецкой культуры, с которыми его связывала тесная дружба (мемуары о Луise Фюрберге и др.).

Во введении к сборнику автор излагает свою концепцию литературных связей. Он рассматривает взаимодействие чешской и немецкой литератур как проявление глубокого процесса роста взаимопонимания между этими народами, усиливавшегося с развитием социальных и народно-освободительных движений. Напоминает, что дружественные связи между ними «основываются на значительных (исторических. — Т. В.) традициях», относящихся еще ко времени движения гуситов.

Рейман отмечает, что каждая национальная литература имеет свой собственный путь развития, свое неизменное национальное своеобразие. Вместе с тем он подчеркивает взаимовлияние немецкой и славянских литератур. И если, например, произведения классической немецкой литературы — Лессинга, Гете, Шиллера, Гердера, Гейне, Маша и Фейхтвангера — постоянно находили отзвук в чешской литературе, то музыка Сметаны, Дворжака, произведения Неруды, Чапека, Гашека, стихи Безруча и Ст. К. Неймана навсегда списывали себе права гражданства в Германии.

Одной из основных, ярко проявленных в книге, тенденций является положение о том, что демократической линии литературы, в рамках которой развивались немецко-австрийско-чешские литературные связи, противостояла в XIX и XX вв. волна пангерманского плювипизма и чешского национализма. Выразители этих демократических связей — представители австрийской, немецкой и чешской культуры — выступали за дружественные связи между народами, против выдвинутого еще в XIX в. немецкими и австрийскими националистами «тезиса», будто малые народы нуждаются в «немецких учителях».

Анализируя факты литературной истории, П. Рейман приходит к выводу, что, за исключением Гердера, ни один немецкий писатель не имел такого влияния на чешскую литературу, как Гейне. Обращение чешских писателей к творчеству этого пламенного поэта и сатирика проходит несколько этапов и совпадает

с важнейшими революционными моментами развития самой чешской литературы. Оно связано с именами Б. Немцовой, К. Махи, с творчеством Неруды, приобретает новое звучание на рубеже XIX—XX вв. и продолжается во времена фашизма, когда С. К. Нейман издает сборник с посвящением Гейне (в то время это звучало как смелый вызов).

Любопытные данные о переводах Шиллера содержатся в очерке о чествовании Шиллера в ЧССР.

Исследование об австрийской писательнице Аде Христен, демократизм творчества которой вызывал злобные нападки со стороны филистеров, открывает новые моменты в творчестве великого чешского поэта Яна Неруды как переводчика ее произведений.

В яркой статье о писателе и журналисте Эмиле Францозе автор книги показывает, какое живое участие принимала передовая австрийская литература в судьбах славянских народов Австро-Венгрии и ее соседей.

Разбирая произведения писателя, особенно его сборник «От Дона до Дуная» (1848 г.), П. Рейман пишет, что в творчестве Францоза, выходца из Галиции, большое место занимает вопрос о национальной свободе и равноправии народов Восточной Европы. Автор справедливо подчеркивает, что Францоз выступал «не против поляков как пации, но против их господства в Галиции, не против русских, но против тиарии России, против угнетателей за угнетенных». На примере творчества Францоза, охарактеризованного как борца за правдивую, жизненную, тепленициозную литературу, Рейман раскрывает всю сложность понимания для писателя того времени проблем национальной культуры. Францоз, старательно изучавший славянские литературы (у него можно найти ссылки на Гоголя, Герцена, Тургенева, работы по болгарской литературе и о Шевченко), в то же время был не свободен от буржуазной ограниченности, переоценивал порой значение немецкой культуры для народов Австро-Венгрии.

Рассматривая в историческом плане чешско-немецкие литературные связи, Рейман дает ясное понимание того, что лишь развитие революционного движения, выступление на сцену немецкого, чешского и австрийского революционного пролетариата, вооруженного марксистской теорией, несло правильное понимание и разрешение национального вопроса. Поэтому большая часть книги посвящена роли писателей — представителей рабочего класса, революционной литературы в развитии культурных связей этих народов.

Исследования о Зефе, Фуксе, Випдере, Вейсконфе, Кише, Фюрнберге и др. дают широкое представление об их творчестве и революционной деятельности, рисуя в известной мере картину развития критики и публицистики, раскрывают роль реализма и социалистических идей в становлении этих литератур и в укрепле-

нии связей между ними. Очень богата по материалу и интересна по постановке проблемы статья «Шиллер Зеф и начало рабочего движения в Северной Чехии», в которой с большим знанием дела описаны личность и творчество этого первого австрийского рабочего-поэта, трибуна и публициста, дана картина развития революционной борьбы австрийских и чешских рабочих, затронута позиция немецких и чешских социал-демократов в области культуры.

Охватывая различные периоды из истории немецко-австрийско-чешских литературных связей, книга в силу своего жанра — сборник статей — не все их освещает с одинаковой полнотой. Тем не менее, она — важный шаг в деле изучения славяно-германских литературных связей. Ее отличает богатство фактического материала, живое яркое изложение. Она еще раз характеризует П. Реймана как серьезного историка литературы, публициста, внимательного исследователя художественной специфики произведений.

Работа П. Реймана актуальна, она направлена против реакционных буржуазных концепций славяно-германских культурных связей, против современных их защитников — представителей западного остфоршупга.

B. D. K o r o l o k

ПОДПОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ В 1940—1945 гг.

Книга, о которой речь пойдет ниже¹, является дополненным и переработанным изданием исследования на эту же тему профессора В. Коваленко, которое вышло в свет в Познани еще в 1946 г.² Второе издание книги появилось в публикуемой Западным институтом серии трудов под названием «Исследования по немецкой оккупации в Польше» в качестве седьмого тома этой серии³.

В новом издании своей монографии автор учел некоторый дополнительный материал воспоминаний, воспользовался замечаниями критики и расширил хронологически свое исследование, доведя его до полного освобождения страны от гитлеровской оккупации в 1945 г.

Рецензируемая работа состоит из краткого «Предисловия», где автор останавливается на характеристике источников главным образом воспоминаний, и пяти глав: 1) «Возникновение подпольного Университета Западных земель»; 2) «Организация и ход занятий»; 3) «Обзор деятельности факультетов»; 4) «Университетские курсы»; 5) «Общий баланс деятельности и потери». Далее следует резюме на английском языке и ряд приложений.

¹ Wł. Kowaleńko. Tajny Uniwersytet Ziemi Zachodnich—Uniwersytet Poznański. 1940—1945. Poznań. Instytut Zachodni, 1961, 240 str.

² Wł. Kowaleńko. Tajny Uniwersytet Ziemi Zachodnich w latach 1940—1945. Poznań, 1946.

³ В серии «Badania nad okupacją niemiecką w Polsce», помимо труда Вл. Коваленко, вышли следующие работы: т. I. — K. M. Pospieszałski. Polska pod niemieckim prawem 1939—1945 (Ziemie Zachodnie). Poznań, 1946 и A. Kłofkowskij. Okupacja niemiecka w Polsce w świetle prawa narodów. Poznań, 1946; т. II. — T. Kłosiński. Polityka przemysłowa okupanta w «Generalnym Gubernatorstwie». Poznań, 1947 и Cz. Łuczański, Z. Piasezyk, Cz. Wasiełek. Przyczynki do gospodarski niemieckiej w latach 1939—1945. Poznań, 1949; т. III — W. Rusiński. Położenie robotników polskich w czasie wojny 1939 do 1945 na terenie Rzeszy i «obszarów wcielonych», cz. 1. Poznań, 1949, cz. 2. Poznań, 1955; т. IV — J. Derezewicz. Okupacja niemiecka na ziemiach polskich włączonych do Rzeszy (1939—1945). Poznań, 1950; т. V. Z. Janowicz. Ustrój administracyjny ziem polskich wcielonych do Rzeszy. Niemieckiej. Poznań, 1951; т. VI. — L. Pietrzykowski. Hitlerowcy w Częstochowie w latach 1939—1945. Poznań, 1959.

Они включают воспоминания бывшей студентки подпольного университета, затем секретаря морского института Г. Коваленко — «Из воспоминаний о подпольном Университете Западных земель», бывшей студентки З. Ковальской-Стегавской «Воспоминания об учебе на медицинском факультете подпольного Университета Западных земель в Варшаве в 1942—1944 г.», бывшего секретаря юридического факультета А. Сымоновича «Воспоминания о юридическом факультете подпольного Университета Западных земель» и бывшего доцента университета М. Ваховского «Воспоминания о подпольном обучении в период оккупации». Раздел этот завершается пространным письмом бывшего студента Морского института Е. Весоловского об учебной деятельности института.

В приложениях также публикуются список профессоров, доцентов, преподавателей, административных работников и сотрудников комитета взаимопомощи — 323 фамилии и список студентов по факультетам. Последний список неполный, так как не сохранились данные о студентах по некоторым факультетам и группам (социология, философский, юридический и сельскохозяйственно-лесной факультеты, факультет теологии и др.). Всего в списке фигурирует 1235. фамилий.

Книга открывается эмоционально написанным вступительным словом бывшего ректора подпольного Университета профессора Р. Поллака.

Что касается монографии В. Коваленко, бывшего одним из организаторов Университета, и все время участвовавшего в работе его сената, то для нее характерен скорее сухой и деловой тон, напоминающий тон скрупулезного отчета. Автор явно избегал эмоциональных оборотов, не искал красноречивых фраз, не подбирал эпитетов. Книга В. Коваленко меньше всего напоминает мемуары, хотя автору, конечно, многое приходилось восспоминать по памяти. Точный и деловой язык книги сразу же сигнализирует читателю, что перед ним исследование, где взвешен и подвергнут всестороннему анализу каждый приводимый факт и каждая итоговая цифра.

Подпольный Университет Западных земель возник в 1940 г., «в период наибольших военных успехов Германии» (стр. 17), что само по себе чрезвычайно знаменательно. Деятельность подпольного польского Университета в условиях, когда гитлеровские оккупационные власти закрыли для польской молодежи двери средних и высших учебных заведений, обрекая польский народ в лучшем случае на положение рабов, говорящих орудий, обслуживающих Herrenvolk (парод господ), если не просто на физическое уничтожение в ближайшем будущем, была актом высокого патриотизма, героическим подвигом, совершающим во имя сохранения нации. Надо было действительно верить в бессмертие своего народа, надо было действительно верить в неизбежность победы сил прогресса над варварством, быть настоящим опти-

мистом и энтузиастом, чтобы в условиях оккупационной почвы, с риском для жизни, под самым посом у гестапо, в неотоцленных комнатах частных квартир собираться на лекции и семинарские занятия, издавать лекционные курсы, комплектовать библиотеки, готовиться, сдавать и принимать экзамены. И все это делалось в то самое время, когда по улицам раздавались гулкие шаги кованых сапог немецких патрулей, звучали выстрелы и крики, производились обыски, аресты и облавы, и сотни поляков вызывались на каторжные работы в Германию.

Именно в этих условиях, сохранив полную конспирацию, приходилось налаживать регулярные занятия, собирать плату за обучение, наименее обеспеченным студентам назначать стипендии, создавать систему взаимопомощи.

Университет Западных земель функционировал в Варшаве, опираясь на кадры выселенного из Познани профессорско-преподавательского состава Познанского университета, научные силы Варшавского университета и некоторых других высших учебных заведений столицы. Важно, однако, что именно Университет Западных земель был одним из самых крупных центров в системе подпольного высшего образования в Польше. Тем самым патриотические силы польского народа заявляли о своем твердом намерении вернуться на исконно польские земли, захваченные «третьим рейхом», демонстрировали свою несгибаемую волю и веру в победу над оккупантами.

Это была, по словам профессора Р. Поллака, «вера в себя, в человека, в свое общество» (стр. 7). «Что из того, — говорится в воспоминаниях А. Сымоновича, публикуемых в приложении, — что уничтожалась интеллигенция, скрывались книги, вывозилась научная аппаратура. Люди оставались, а их моральные качества определяли то, что нация продолжала существовать, подготавливаясь к новым лучшим временам, к лучшему будущему» (стр. 196).

Перелистывая страницы монографии профессора В. Коваленко, поражаешься громадным объемом деятельности этого своеобразного вуза, сумевшего организовать в почти довоенных масштабах процесс университетского образования. В 1940—1944 гг. функционировали гуманитарный и юридический факультеты, в 1942—1944 гг. — фармацевтический, в 1942—1945 гг. — медицинский, в 1941—1944 г. — экономический, в 1943—1944 г. — естественно-математический и теологический, а в 1942—1944 гг. — Морской институт, подготавливавший в условиях войны и оккупации кадры для будущей польской морской службы. Проф. Коваленко, организатор и директор Морского института, пишет о царившей в Польше надежде, что после войны «откроются новые перспективы перед польским народом на Балтийском побережье. Оптимизм в этом отношении был распространен в значительной части

общества, особенно среди молодежи» (стр. 70). Несомненно, что это факт сам по себе замечательный.

Помимо того, подпольные университетские курсы читались в Кельцах, Енджеёве, Ченстохове, Милановке, Гродзиске Мазовецком, Островице Свентокшиском и Радомске. Всего в работе подпольного университета в 1940—1944 гг. принимало участие 296 профессоров и преподавателей, а число слушателей достигало 2181 человека⁴. Большинство студентов было на медицинском, фармацевтическом и юридическом факультетах.

Публикуемые в приложениях воспоминания о деятельности этого уникального в своем роде университета в 1940—1944 гг. воскрешают удивительную атмосферу приподнятости, царившую на закопченных от оккупантов занятиях, когда надо было соблюдать не только самые крайние меры предосторожности, но и полное присутствие духа, идти на жертвы, быть героем.

И если оккупационным властям, несмотря на имеющиеся у них сведения, не удалось все же открыть сеть подпольного образования в Польше, в которой исключительное место занимал Университет Западных земель, то это было результатом стечения ряда обстоятельств. С одной стороны, безукоризненно действовала дисциплина и администрация подпольного обучения, с другой — размах деятельности подпольного обучения был столь беспрецедентным в истории, что не мог уложиться в гестаповских мозгах. Это было невероятно, немыслимо, невозможно и непонятно гитлеровским «сверхчеловекам».

Страшный удар университету был нанесен только в период Варшавского восстания, когда на баррикадах и от рук гитлеровских палачей погибли многие профессора, преподаватели и студенты университета. В разгромленной и сожженной Варшаве не было больше возможности продолжать университетские занятия.

Профессор В. Коваленко и авторы воспоминаний совершенно правы, подчеркивая большое воспитательное для нового поколения значение воскрешенного в книге опыта подпольного обучения в Университете Западных земель, той атмосфера безусловной преданности Родине, бескорыстного служения науке и безграничной веры в правоту освободительной борьбы, которая там безраздельно господствовала. Книга В. Коваленко является замечательным документом, именно документом, героической борьбы польского народа за свободу. Она анализирует один из самых ярких в истории второй мировой войны примеров силы и стойкости национальной культуры и прогрессивных национальных традиций, которые пытались растоптать нацисты.

⁴ Фамилии многих студентов установить не удалось. В первом издании книги была дана цифра — 2237 студентов. Профессор Т. Мантейфель в своей рецензии на первое издание книги подверг критике, как сильно завышеннюю, эту цифру (см.: «Kwartalnik Pamięci Narodowej», t. I, cz. 2, 0000, str. 351—354). Разобрав аргументы рецензента, профессор В. Коваленко остановился на цифре 2181, близкой к цифре, указанной в первом издании книги.

И. И. Поп

**ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛЬСКОГО ЗАПАДНОГО ИНСТИТУТА¹**

Исследование проблемы заселения воссоединенных земель имеет важное значение для правильного освещения истории Народной Польши. Сразу же после войны появился ряд работ польских историков, изучавших вопрос непосредственно в процессе заселения этих земель и сразу же после его окончания. Но все они касались только отдельных сторон этой проблемы. Поэтому появление обобщающего труда С. Банасяка вызывает большой интерес.

Предметом исследования С. Банасяка является процесс заселения воссоединенных земель, деятельность польского государственного управления по репатриации (ПУР) в 1945—1947 гг. В этот период развернулась репатриация поляков из СССР, Германии и других стран и поселение их на воссоединенных землях, завершено переселение туда же части населения из центральных областей Польши, а большинства немцев — в Германию.

Работа написана на основании документов центрального управления ПУР, находящихся в архиве Лодзинского воеводства, документов генерального уполномоченного по делам репатриации, отчетов воеводских секретарей Польской рабочей партии (ППР) и документов, принадлежавших бывшему директору центрального управления ПУР М. Олехновичу. Использованы также стереографические отчеты заседания Крайовой Рады Народовой (КРН) и других государственных учреждений.

Политическая и экономическая обстановка, как подчеркивает автор, требовала заселения воссоединенных земель в кратчайшие сроки. Это необходимо было для быстрого восстановления народного хозяйства Польши, разрушенного войной. Кроме того, в конце 1944 г. началась репатриация поляков из СССР, и возникла проблема их расселения. Поэтому декретом Польского

¹ S. Banasiak. Działalność osadnicza Państwowego urzędu repatriacyjnego na ziemiach odzyskanych w latach 1945—1947. Instytut Zachodni. Poznań, 1963, 243 str.

комитета национального освобождения (ПКНО) от 7 октября 1944 г. был создан ПУР, непосредственно подчиненный президенту ПКНО, а в июле 1945 г. на XI сессии КРН — министерство воссоединенных земель во главе с В. Гомулкой. В первый период из-за отсутствия разграничения компетенции различных учреждений имели место ведомственные споры о праве распоряжения бывшим немецким имуществом, на которое претендовали свыше 10 учреждений. Поэтому В. Гомулка, выступая на I сессии КРН в декабре 1945 г., отметил необходимость реорганизации администрации воссоединенных земель, которая и была проведена в мае 1946 г. Был ликвидирован институт уполномоченных правительства на воссоединенных землях и образованы воеводства — Ольштынское, Щецинское и Вроцлавское. Со второй половины 1945 г. в полном объеме развернула свою деятельность ПУР. В его задачи входило репатрирование польского населения из других государств на территорию Польши, обеспечение переселенцев во время переезда продовольствием и медикаментами, прием на работу в городах и сельской местности.

Анализируя экономическое положение воссоединенных земель, автор указывает, что вследствие военных бомбардировок и демонтажа оборудования отступавшими гитлеровцами было разрушено более 70% промышленных предприятий, в сельской местности — 15% хозяйственных построек. 80% пахотной земли с весны 1945 г. не засевалось, часть ее была заминирована, 120 тыс. га залито водой. Пути сообщения, средства связи уничтожены на 63%.

Сразу же после освобождения и образования на воссоединенных землях польской администрации, как показывает С. Банасяк, началось их массовое заселение. Автор подчеркивает, что в 1945 г. заселение шло в основном стихийно. Возникли вопросы расселения различных групп населения: реэмигрантов из стран Западной Европы, репатриантов из восточных областей Польши, коренного польского населения, жившего ранее на территории воссоединенных земель, а также проблема изменения экономической структуры сельского хозяйства. Для этого в июне 1945 г., параллельно с ПУР, было создано Бюро по изучению вопросов поселения, а при нем организован научный совет. Большое место в деятельности последнего занимал вопрос структуры сельского хозяйства. Совет разработал проект раздела пригодной к обработке земли (парцелляции) на участки по 10—15 га, а также план заселения воссоединенных земель, по которому поселенцы должны были находиться в климатических условиях, схожих с теми, откуда они прибыли. Своей работой научный совет стремился придать стихийному процессу заселения некоторую планомерность.

С. Банасяк рассматривает также различные категории переселенцев. В основном исследуются категории сельских поселенцев. Они делились на поселенцев в индивидуальных хозяйствах,

оставшихся после депортации немцев, на фольварочных землях с последующим их разделением на отдельные крестьянские хозяйства, в государственных хозяйствах и военные поселения в пограничных районах по Одеру—Нейсе и в Поморье, куда направлялись только участники различных военных формирований движения Сопротивления. Они должны были не только восстанавливать хозяйства, но и защищать западные и северные границы Польши. Наиболее устойчивой категорией поселенцев были депортанты из СССР и других стран. Переселенцы, приехавшие в первую половину 1945 г., получили лучшие хозяйства; приехавшие же осенью 1945 г. часто получали полуразрушенные хозяйства, и зачастую возвращались обратно. С весны 1946 г. ПУР начал осуществлять переселение в кооперативно-парцеляционные хозяйства в фольварках, где было свыше 100 га пахотной земли. Целью организации таких хозяйств было помочь крестьянам, не имеющим возможности вести самостоятельное хозяйство, объединиться в кооператив, на первых порах без раздела инвентаря и хозяйственных построек. Только впоследствии, с улучшением материального положения, предполагалось наделять желающих участками земли в 10 га. Однако процент этих хозяйств на воссоединенных землях был незначителен.

В связи с депортацией немцев из Польши возник также вопрос определения национальной принадлежности коренного населения новых областей. В течение 1946—1947 гг. специальные государственные комиссии провели эту работу. За основу брался не только язык, но и отношение определяемого к польской нации и польской культуре вообще. Результаты определения показали, что на территории воссоединенных земель проживало свыше одного млн. коренных жителей-поляков. Наличие такого количества поляков во времени, когда Западные земли, Поморье и Восточная Пруссия перешли к Польше, подчеркивало, как указывает автор, что Польша получила исконно польские земли.

В заключение С. Банасяк кратко рассматривает вопрос о закреплении за поселенцами имущества.

Книга не лишена и недостатков. В частности, польский историк недостаточно показал работу ПУР по восстановлению экономики воссоединенных земель, особенно по восстановлению промышленных предприятий в городах. Слабо показан и сам процесс переселения в города Западных земель. Мало места удалено роли ППР в заселении воссоединенных земель.

Вместе с тем книга С. Банасяка вводит в научный оборот многие ценные данные из архивов Народной Польши и создает общую картину процессов, происходивших на воссоединенных землях в 1945—1947 гг. Автор объективно оценивает обстановку тех лет, не обходя молчанием некоторых ошибок в деятельности ПУР и других государственных учреждений на воссоединенных землях.

M. A. Б и р м а н

ЦЕННАЯ МОНОГРАФИЯ О БОРЬБЕ БОЛГАРСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИЗМА¹

Проблемы истории второй мировой войны, истории отдельных стран, являвшихся активными ее участниками (а к их числу несомненно относятся Балканские страны и, в частности, Болгария), — актуальны как в научном, так и в политическом отношении. Недаром вопросам истории второй мировой войны, истории отдельных народов (в том числе балканских) этого периода посвящено большое количество работ в западноевропейской и в американской литературе. Число этих работ, фальсифицирующих значительной своей части истинный ход и смысл событий, происходивших на Балканах, с каждым годом все увеличивается. Тема, избранная автором, тем более важна, что она выходит за рамки чисто болгарской проблематики, ибо на примере Болгарии можно ставить и решать многие важнейшие проблемы истории второй мировой войны.

Междуд тем в марксистской историографии (как в советской, так и в историографии Народно-Демократической Болгарии) ощущается недостаток исследовательских монографических работ па темы, посвященные истории Болгарии периода второй мировой войны, истории борьбы болгарского народа против фашизма. Марксистская историография ограничивается пока монографиями и статьями, посвященными главным образом партизанскому движению в Болгарии, политическому кризису в стране в 1943—1944 гг., да несколькими статьями (часть из них написана автором рецензируемой работы), рассматривающими некоторые отдельные стороны исторического развития Болгарии накануне войны и в ее начальный период. Обобщающего же исследования па эту тему до сих пор не было, и данную монографию в связи с этим можно только приветствовать.

Рецензируемый труд является результатом многолетних и плодотворных исследований автора. Им проделана большая предварительная работа по изысканию ценного материала в со-

¹ Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, 372 стр.

ветских (Архив внешней политики СССР) и в болгарских архивах (автор привлек материалы из пяти центральных архивов Народной Республики Болгарии и из одицнадцати местных архивов). Значительное число документов, разысканных автором в болгарских архивах, впервые вводится в научный оборот. Некоторые из них уникальны и проливают свет на многие важные стороны и явления развития болгарского государства рассматриваемого времени. В частности, многое чрезвычайно интересных документов приведено автором по вопросам внешней политики правящих кругов Болгарии. Автор мобилизовал также большую фактический материал из различного рода советских, болгарских и других зарубежных публикаций, из стenографических отчетов болгарского парламента и других официальных изданий. Использована также советская, болгарская и другая зарубежная печать, мемуары и воспоминания, а также и литература.

На основе этого создано большое и глубокое обобщающее исследование социально-экономического и общественно-политического развития Болгарии накануне и в начальный период второй мировой войны, борьбы болгарского народа против фашизма.

Содержание работы несколько шире ее названия. В работе в трех хронологически следующих друг за другом больших главах (по существу, частях), разделенных на параграфы по проблемам, в исторической последовательности рассматриваются разные стороны и явления развития болгарского государства накануне и в начальный период войны: исследуются международное положение Болгарии и внешняя политика ее правящих кругов, изменения в экономике, показывается усиленное проникновение в страну германского империализма. Автор вводит в научный оборот много нового, свежего материала (в частности в разделах, посвященных клиринговым соглашениям) и на основе этого делает ценные наблюдения и выводы, раскрывающие механизму того, как Болгария втягивалась в систему фашистских вассалов в Юго-Восточной Европе. Чрезвычайно интересные факты и документы приводят автор о том, как германские империалисты разжигали шовинистические настроения и реваншистские аппетиты болгарских правящих кругов. При этом, подталкивая болгарские правящие круги к окончательному вступлению в лагерь держав оси, правительства фашистской Германии, как показывает автор, соблазняли болгар перспективой присоединения к Болгарии части югославской и греческой территории, плацами воссоздания «Великой Болгарии» времен царя Симеона.

В то же время автор показывает отрицательное отношение прогрессивных и революционных кругов Болгарии к прогерманской политике правящего лагеря. Особенно детально нарисована в работе картина положения и борьбы рабочего класса Болгарии, возглавлявшегося болгарскими коммунистами. Автор характеризует стратегию и тактику БРП — руководящей силы болгарского

революционного и демократического движения, исследует процесс активизации патриотических сил Болгарии в их борьбе против гитлеровских захватчиков и их болгарских приспешников, борьбе, опиравшейся на Советский Союз. Автор показывает, как под руководством БРП развернулась в 1940 г. борьба трудящихся Болгарии за заключение пакта о дружбе и взаимопомощи с СССР.

Это движение с момента приезда в ноябре 1940 г. представителя НКИД СССР в Болгарию, вторично сделавшего официальное предложение о заключении между СССР и Болгарией пакта о дружбе и взаимопомощи, приняло форму подлинно народного плебисцита за дружбу с СССР. В адрес болгарского правительства поступило около 340 тыс. документов с требованиями заключить договор, под которыми подписалось 1,5 млн. человек. Массовое движение заставило, как отмечает автор, болгарское правительство отложить подписание фашистского пакта на целых пять месяцев. Этот факт, делает вывод автор, имел немаловажное значение и для укрепления среди пейтранальных держав (в частности Швеции) духа сопротивления германскому патиску. В заключение автор делает важный вывод, подчеркнув, что огромная организаторская и пропагандистская работа БРП помогла широким массам Болгарии правильно сориентироваться в сложной обстановке, освободиться от влияния шовинизма и подготовиться к новому этапу антифашистской народно-освободительной борьбы.

Структура работы логична и в целом не вызывает замечаний. Однако глава II, по нашему мнению, все же слишком громоздка и сложна (она охватывает большой хронологический отрезок времени, с сентября 1939 по март 1941 г.) и насчитывает свыше 140 страниц, разделенных на 4 параграфа. Ее, вероятно, можно было бы разделить на две самостоятельные главы. Рубежом могло бы служить лето 1940 г., когда после поражения Франции обстановка в Европе в целом и на Балканах в частности резко изменилась (с сентября 1940 г., после подписания пакта З держав, усиливается втягивание Болгарии в лагерь фашистских держав). При разделении главы II, кроме того, можно было бы избежать и отдельных структурных неудобств, например, большого разрыва в освещении движения трудящихся Болгарии за пакт с СССР в конце 1940—начале 1941 гг.—о его внешнеполитическом аспекте говорится в § 1 главы II (см. стр. 178—179), а о его внутренполитическом аспекте — в § 4 той же главы (см. стр. 254—261).

Не все разделы работы, по нашему мнению, в одинаковой степени удачны. Хотелось бы, в частности, получить более детальные сведения о перегруппировках в лагере реакции осенью 1939 г., о некоторых кликах и группах в фашистском лагере. Остается, к примеру, не вполне ясным политическое лицо групп Христо Калфова и И. Робева.

Желательно было бы также получить более полные и конкретные представления о важнейших персоналиях. Многие из заслуживающих специального внимания активных политических деятелей разных направлений лишь упоминаются. Помещенный в краице книги аннотированный указатель имен, правда, восполняет этот пробел, но лишь частично.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что рецензируемая монография является глубоким исследованием, крупным вкладом в разработку истории Болгарии новейшего времени.

ХРОНИКА

В. Д. К о р о л ю к, П. Д. Р а т н е р

ПОЗНАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

7—9 мая 1964 г. в Познани проходила организованная польским Западным институтом конференция историков, посвященная вопросам славяно-германских отношений. В работе конференции, паряду с польскими исследователями, приняли участие ученые из Германской Демократической Республики (Р. Гогуэль и Г. Фойгт — Университет им. Гумбольдта), Чехословакии (А. Шнейдерек и Й. Коржалка — Институт истории Чехословацкой Академии наук) и Советского Союза (В. Д. Королюк, В. К. Волков, П. Д. Ратнер — Институт славяноведения АН СССР). Познанская конференция продолжила работу по координации исследований в области германо-славянской проблематики ученых социалистического лагеря, которая была начата в Москве на совместной научной сессии Института славяноведения АН СССР и Западного института (Познань) в мае 1963 г.*

Конференция в Познани привлекла внимание не только научных кругов Польши, но и широкой общественности. Работа ее освещалась печатью и радио **. Актуальность обсуждавшихся на конференции проблем была усугублена двумя обстоятельствами. Во-первых, работа конференции совпала с педелей Западных земель, ежегодно отмечаемой в Польской Народной Республике. С другой стороны, как раз в то же самое время в Западной Германии в Кельне проходил слет так называемого Померанского землячества, имевший явно антипольский характер.

Конференция открылась вступительным словом директора Западного института проф. М. Счапецкого, который подчеркнул не только научное значение настоящей конференции, но и ее политическую актуальность, напомнив о Кельцком слете. Вслед за тем по поручению всех иностранных делегаций обратился с приветствием к собравшимся В. Д. Королюк.

Научные доклады, прочитанные на конференции, охватывали как общие проблемы славяно-германских отношений, так и некоторые отдельные, более частные и конкретные проблемы. Так, ректор Познанского университета Г. Лябuda посвятил свой доклад анализу процессов интеграции и дезинтеграции германского государства на всем протяжении его истории, рассматривая одновременно эти процессы применительно к будущему современной Германии. Особенно большой интерес вызвала та часть доклада, в которой содержался анализ постановки этих вопросов в старой и современной германской историографии.

* Материалы научной сессии советских и польских историков в мае 1963 г. опубликованы в сборнике «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 3—62.

** См.: «Gazeta Poznańska», 6.V, 8.V 1964; «Kultura», 24.V 1964.

Второй доклад «Была ли Австро-Венгрия моделью интегрированного многонационального государства в Европе?» сделал В. Д. Королюк, который остановился на сложной и широко обсуждающейся проблеме распада многонациональной Австро-Венгерской монархии ***.

Вопросам развития пангерманизма, критике теории «Срединной Европы» были посвящены доклады Я. Паевского (ПНР) «Немецкие концепции организации „Срединной Европы“ в период первой мировой войны», Й. Коржалки (ЧССР) «Чехословацкий вопрос в политике и общественном мнении Германии в XIX в.», В. Якубчика (ПНР) «Прусская политика по отношению к полякам в 1815—1914 гг.» и Н. Д. Ратнер (СССР) (Идеологическая программа австрийского пангерманизма), (Липецкая программа 1882 г.).

Присутствующие с интересом выслушали доклады, освещавшие вопросы германской экспансии между двумя мировыми войнами и в послевоенный период: Е. Красуского (ПНР) «Немецкая экспансия против Польши в период между двумя мировыми войнами», В. К. Волкова (СССР) «Экспансия германского империализма на Балканах накануне второй мировой войны» и З. Новака (ПНР) «Экономические основы германской экспансии после второй мировой войны». В докладе В. Донерала (ПНР) разбирались вопросы торговой политики Польши и ее экономических связей с дупайскими странами в период между двумя мировыми войнами.

Восточной политике германского империализма и историографии «остфоршупга» посвятил свой доклад «Концепция восточной политики ФРГ; ее преемственность и изменения» глава делегации ГДР Р. Гогузель. Анализ «остфоршупга» в Веймарской республике сделал в своем докладе пемецкий историк Г. Фойт. Историографический характер посыпал доклад чехословацкого историка А. Шнейдерека «История Чехословакии в пемецкой историографии от первой мировой войны до наших дней».

Для конференции в Познани была характерна оживленная дискуссия, в которой принимали участие представители научных учреждений Варшавы, Krakova, Katowic и др. Выступавшие отмечали научную значимость докладов, их политическую заостренность. Особый интерес вызывала проблематика, связанная с теорией европейской интеграции, развитием германской государственности, идеологией пангерманизма, вопросы историографии. Ход дискуссии показал единство мнений историков ПНР, ГДР и СССР по вопросам историографии западногерманского «остфоршупга».

Вместе с тем в выступлениях было обращено внимание участников конференции на необходимость всестороннего изучения вопросов демократических и революционных связей и сотрудничества пемецкого парода с пародами славянских стран.

Закрывая конференцию, проф. М. Счапецкий выразил надежду, что сотрудничество историков социалистических стран, так успешно начатое в Москве и продолженное в Познани, будет успешно развиваться и впредь. По предложению чехословацких историков следующую конференцию по истории славяно-германских отношений предполагается созвать летом 1965 г. в Чехословакии. Было выражено пожелание привлечь к работе конференции 1965 г. также и югославских историков, а ее основной проблематикой считать вопросы славяно-германских прогрессивных связей и отношения к политике Германии общественности славянских стран.

Конференция в Познани показала серьезные достижения марксистской историографии в области изучения славяно-германской проблематики, еще раз продемонстрировала важность делового обмена мнениями между историками социалистических стран по актуальным вопросам ведущихся исследований. Оценивая итоги конференции, один из ее участников, Е. Красуский, писал: «Сильный акцент на австрийской и балканской проблематике был результатом прежде всего сотрудничества советских историков. Иссле-

*** Доклад был подготовлен совместно В. Д. Королюком и В. М. Туруком.

дования по этой проблематике получили всестороннее развитие в СССР, в то время как в Польше мы видим известное сужение изучения славяно-германской проблематики, ограничение ее вопросами польско-немецких отношений. Это обогащение картины и расширение горизонта явилось одним из важнейших достижений сессии. Той же цели служили два доклада чехословацких ученых****. Материалы Познанской конференции будут опубликованы в изданиях Западного института. После окончания работ конференции по любезной инициативе дирекции Западного института советская делегация имела возможность познакомиться с работой организованного в Щецине Западнопоморского института и побывать на месте археологических раскопок в Кампе Поморском и древнейшем в Польше портовом городе — Волине.

**** «Kultura», 24.V 1964.

T. A. В о з д е и ж е н с к а я

В ГРУППЕ СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ Института славяноведения АП СССР

В конце 1963 г., в течение всего 1964 г., деятельность группы славяно-германских отношений характеризовалась расширением тематики научных исследований, дальнейшим укреплением связей и контактов с родственными научными учреждениями и отдельными учеными, как советскими, так и зарубежными.

Работа группы продолжалась по трем основным направлениям: во-первых, коллектив группы много сил и внимания отдавал публикаторской работе, прежде всего — подготовке тематических сборников: «Славяно-германские отношения», вышедшего в мае 1964 г. (т. II), данного — «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения» (т. III) и подготовке к печати следующего — «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и вопросы их историографии» (т. IV).

Важным событием было также окончание В. Д. Королюком работы над монографией «Западные славяне и Киевская Русь», являющейся результатом обобщения многолетнего труда. Монография вышла в свет и представлена к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Во-вторых, это участие сотрудников группы в работе различных научных конференций и сессий. В. Д. Королюк, Н. Д. Ратнер, В. К. Волков выступили с интересными докладами на Познанской конференции по проблемам истории славяно-германских отношений, организованной польскими историками * как продолжение совместной сессии Западного института (Познань) и группы славяно-германских отношений Института славяноведения в мае 1963 г. в Москве. Кроме того, в работе конференции историков, специалистов по Австро-Венгрии, принял участие специально выезжавший в Будапешт В. М. Турок-Попов, сделавший там сообщение.

Помимо этого, большинство сотрудников группы приняло участие в научной сессии Комиссии историков СССР и ГДР, посвященной вопросам критики остефоршунга.

И, наконец, третьим важным направлением работы группы являлось обсуждение на заседаниях группы научных докладов и сообщений.

Тематика этих докладов отличается разнообразием и стремлением отразить важные стороны славяно-германских отношений. Обращает на себя внимание также и тот факт, что за истекшее время, безусловно, увеличилось число докладов и сообщений по историографии остефоршунга и смежных с ним проблем. Это прежде всего доклад В. М. Турока «Национальный вопрос в Австро-Венгрии в освещении современной западноевропейской и американской историографии», сообщение В. Г. Сироткина (издательство «Наука») «Некоторые проблемы интеграции Европы во французской буржуазной историографии». В историографическом плане были построены сообщения И. Г. Сенкевич (Институт истории) «Западногерманский юдостфоршунг»

* Подробнее о ней см.: Н. Д. Ратнер. «Познанская конференция по истории славяно-германских отношений» в данном сборнике.

и Г. Э. Санчука «Чешско-немецкие отношения X—XII в. в западногерманской историографии».

Одной из центральных проблем этих обсуждений был вопрос об агрессивных устремлениях германского империализма в отношении славянских народов и о его «теоретическом обосновании» в различные периоды. Ему был посвящен доклад Н. Д. Ратцер «Возникновение пангерманизма в Австрии в 70—начале 80-х годов XIX в. (к вопросу об идеологии юнкерства)», работа В. К. Волкова «Экспансия германского империализма на Балканах накануне II мировой войны» и аспирантка Института славяноведения А. Ф. Носковой «Немецкие планы оккупации Польши». В октябре 1964 г. была обсуждена и ее диссертация «Гитлеровская оккупационная экономическая политика в генерал-губернаторстве в 1939—1944 гг.».

По-прежнему большое внимание группы уделялось современному положению ФРГ и Западной Европы в целом. С большим интересом были встречены доклады М. С. Восленского (ИМЭМО) «Политические итоги „эры Аденауера“» и «Современная западногерманская трактовка вопросов интеграции», М. Р. Тульчинского «Неонацистские организации в ФРГ и их идеология», В. М. Мишаева (АОН при ЦК КПСС) «Европейская интеграция и национальный вопрос». В декабре 1964 г. состоялось обсуждение обширной работы М. С. Восленского «Проблемы восточной политики в ФРГ», представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Новым в работе группы явилась постановка проблем славяно-германских культурных и экономических связей. Здесь, правда, сделаны лишь первые шаги. Группа заслушала и обсудила доклады А. И. Рогова «Австро-русские культурные связи XVII в.», Б. Н. Флори «Из истории экономических связей России со славянскими землями Австро-Венгрии», Т. А. Воздвиженской «Из истории болгаро-немецких литературных связей конца XIX—начала XX в.» и подробную информацию Г. Моора (ГДР) «Состояние изучения славяно-германских культурных связей в настоящее время в ГДР». В ноябре 1963 г. состоялась встреча с сотрудником Института истории (Берлин) профессором Фр. Клейном. В ходе беседы профессор и работники группы обменялись информацией.

В октябре 1964 г. Т. Цесляк (ПНР) сделал в группе сообщение «О состоянии изучения советско-польских и польско-немецких отношений в Польше».

И, наконец, на своих заседаниях группа по изучению славяно-германских отношений обсуждала проспекты тематических сборников, вопросы перспективного пятилетнего плана, отчеты и сообщения сотрудников, выезжавших в заграниценные командировки (например, А. И. Рогова о Варшавской школе славистов и Г. И. Санчука о командировке в ГДР).

А. Б. Ч е р н о в

**ГРУППА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ
ПРИ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АИ СССР В 1964 г.**

В 1964 г. главное внимание группы по изучению истории Германии уделяла разработке проблем новейшей истории Германии и особенно актуальных политических и социальных проблем двух германских государств, возникших в послевоенный период — ГДР и ФРГ.

Большое место в работе группы занимает изучение современного этапа возрождения западногерманского милитаризма и его реваншистской политики. В феврале этого года доклад «О новых тенденциях в политике ФРГ» прочитал на заседании группы А. А. Галкин. Докладчик подчеркнул, что опасная для дела мира сущность германского империализма осталась прежней, его агрессивность растет. Наряду с этим в Западной Германии начинают пробивать себе дорогу новые тенденции, которые еще не в силах пока изменить ни внутреннего, ни внешнего курса боинских правителей, но которые нельзя не учитывать при изучении истории ФРГ последних лет. Они находят свое выражение, в частности, в постепенном возвращении экономики Западной Германии к нормальной конъюнктуре, росте заинтересованности определенных кругов западногерманской буржуазии в укреплении торговых отношений со странами социалистического лагеря, в развертывающейся в ФРГ дискуссии о внешнеполитической ориентации. Живой, построенный на конкретных фактах доклад А. А. Галкина, вызвал большую дискуссию, в которой приняли участие Е. Л. Хмельницкая, Ф. И. Папкович, С. Н. Ростовский, Н. М. Блисковицкий, Е. А. Гнедип, Б. И. Шванебах, А. Ф. Залетный.

На другом заседании с докладом «Западная Германия сегодня» выступил внешнеполитический обозреватель «Правды» П. А. Наумов. Докладчик в составе делегации советских журналистов побывал в апреле 1964 г. в ряде городов ФРГ, где вместе с другими членами делегации имел многочисленные встречи и беседы с представителями различных общественных слоев Западной Германии. Собравшиеся с большим интересом прослушали его личные впечатления о некоторых особенностях новейшей обстановки в ФРГ. Особое внимание П. А. Наумов уделил политической борьбе внутри правящих кругов Бонна, и в частности борьбе между группировками Штрауса и Шредера, а также факта проявления все более реалистического подхода к актуальным проблемам современности у представителей самых различных слоев населения ФРГ. В заключение П. А. Наумов ответил на многочисленные вопросы.

Продолжая укреплять контакты с учеными из ГДР, группа по изучению истории Германии провела в начале июня совместно с Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС большое заседание. На нем были обсуждены разработанные Институтом истории Германской Академии наук общая концепция четырехтомного труда «Германия в период второй мировой войны» и проспект первого тома. В заседании участвовали Гюнтер Паульс, руководитель созданной для подготовки павшиной работы рабочей группы «Вторая мировая война», и Герхардт Хаас, автор проспекта первого

тома. Г. Хаас сообщил, что историки ГДР намереваются при написании труда использовать опыт авторских коллективов, работающих над шеститомной «Историей Великой Отечественной войны» и другими коллективными изданиями. Цель их поездки — ознакомление с этим опытом.

Е. А. Болтин от имени сотрудников руководимого им Отдела истории Великой Отечественной войны обещал всяческую помощь немецким друзьям. Не может быть никаких методологических отличий в работах историков СССР и ГДР — подчеркнул Е. А. Болтин. Отличие лишь в том, что у немецких историков будет ярче выражена внутригерманская позиция, немецкая марксистская точка зрения на события. Если в «Истории Великой Отечественной войны» основное внимание уделяется вопросам вооруженной борьбы, то в подготовляемой работе главное место займет не военная, а гражданская история. Большое значение для объективного освещения истории Германии будет иметь правильное ревизие вопроса о соотношении двух Германий во время второй мировой войны — нацистской и прогрессивной, антифашистской.

Эту важную проблему в различных аспектах затрагивало большинство выступающих. Правильность методологической основы концепции всего труда отметил Б. С. Тельпухонский. Основная идея проспекта — это закономерность поражения фашистской Германии во второй мировой войне. Вместе с тем, по мнению выступающего, в концепции нужно было бы подчеркнуть также закономерность победы Советского Союза. Важных вопросов коснулся в своем выступлении Я. С. Драбкин. Он отметил в частности большое значение диалектического подхода к решению сложного и очень спорного для мировой общественности вопроса о характере второй мировой войны.

А. С. Ерусалимский остановился на политической и научной важности стоящей перед историками ГДР задачи — создать национальную концепцию истории Германии во второй мировой войне. Немцы обеих Германий должны получить убедительные ответы на все волнующие их вопросы. Так, например, исключительно важно правильно освещение живо обсуждаемой в кругах немецкой интеллигенции проблемы о моральной ответственности немецкого народа в минувшей войне. Нельзя обойти молчанием вопрос о судьбах немецкой культуры и ее отдельных представителей.

Н. И. Саморуков указал на необходимость тщательного анализа расположения классовых сил и развития классовой борьбы в Германии в рассматриваемый период. Ряд важных вопросов был поднят в выступлениях Г. Ф. Заставенко, В. Д. Кульбакина, Г. А. Бродского, Е. Л. Рабкина, М. Г. Брагина, А. Ф. Залетного. Гости из ГДР, со своей стороны, высказались по большинству обсуждаемых вопросов. В заключение д-р Г. Хаас заявил, что результаты обсуждения советскими историками подготовленных Германской Академией наук материалов окажут большую помощь ученым ГДР в их дальнейшей работе.

Группа приняла активное участие в проходившей 9—11 июня в Москве научной сессии Комиссии историков СССР и ГДР, посвященной критике западногерманской литературы «по изучению Востока» («Остфоршинг»). На сессии с докладами и сообщениями выступили В. И. Салов, М. С. Вослепский, М. Р. Тульчинский, В. М. Турок, И. С. Кремер, А. М. Филитов.

После сессии состоялось заседание группы, на которой присутствовали члены делегации историков ГДР. Проф. Лейпцигского университета Ф. Г. Гентцен сделал доклад «Комитет „Свободная Германия“ в борьбе против фашизма». Опираясь на личные воспоминания, докладчик нарисовал живую картину настойчивой, последней деятельности представителей комитета «Свободная Германия» среди военнопленных. На том же заседании Л. А. Безыменский прочитал интересный, основанный на большом документальном материале, доклад «К вопросу о политической роли и судьбе Мартина Бормана». В сентябре 1964 г. Д. Е. Мельников прочитал на заседании группы доклад, посвященный новым материалам о заговоре 20 июля 1944 г. против

Гитлера и обсуждению этой проблемы в ГДР и в ФРГ в связи с 20-летием событий.

В декабре группа заслушала сообщение руководителя группы А. С. Ерусалимского и Я. С. Драбкина о встречах с историками ГДР. А. С. Ерусалимский рассказал о работе в архивах ГДР и обнаруженных там интересных материалах по внешней политике Германии периода империализма. Большое внимание он уделил новейшим историческим исследованиям ученых ГДР. Я. С. Драбкин, сообщив о своей работе в архивах и библиотеках ГДР, остался новился на некоторых дискуссионных вопросах, представляющих интерес для историков обеих стран.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Б. Н. Флоря. Из истории экономических связей России с западнославянскими землями Габсбургской монархии в XVI в.	3
А. И. Рогов. Русско-австрийские культурные связи в XVII в.	16
В. И. Фрейдзон. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии	36
И. Г. Сенкевич. Реакционная политика Австро-Венгрии на Балканах в 60—70-х гг. XIX в.	74
Н. Д. Ратнер. Возникновение пангерманизма в Австрии	88

Публикации, сообщения

В. М. Туров. Страницы истории рабочего движения в Австрии и на Балканах (из книги «Улица Комптерн...»)	146
Н. Б. Шеламапова. К вопросу о поселении пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в.	180
В. Д. Королюк и А. И. Рогов. Битва под Вепой 1683 г. и русско-польские отношения	183
В. И. Кондратьева. Документы о положении славян под властью Австрии в начале 60-х годов XIX в.	200
Л. Ф. Носкова. «Институт» гитлеровских оккупантов в Кракове	205
Академик Э. Винтер (ГДР). К вопросу об объеме и содержании понятия «славистика»	223
Г. Э. Сапчук. Проблема империи и чешско-немецких отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) в западногерманской историографии послевоенного времени	227

Рецензии и заметки

Т. А. Воздвиженская. Книга о немецко-австрийско-чешских литературных связях	259
В. Д. Королюк. Подпольный университет Западных Земель в 1940—1945 гг.	263

И. И. Поп. Полезное издание польского Западного института	267
М. А. Бирман. Цепкая монография о борьбе болгарского народа против фашизма	270

Хроника

В. Д. Королюк, Н. Д. Ратнер. Познанская конференция по истории славяно-германских отношений	274
Т. А. Воздвиженская. В группе славяно-германских отно- шений Института славяноведения АН СССР	277
А. Б. Черицов. Группа по изучению истории Германии при Ин- ституте истории АН СССР в 1964 г.	279

**Австро-Венгрия
и славяно-германские отношения**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР*

Редактор издательства *В. Г. Сироткин*
Технический редактор *Л. В. Каскова*

Сдано в набор 14/I 1965 г. Подписано к печати 29/III 1965 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 17³/₄. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 1000 экз. Темпилан 1965 г. № 119. Т-05241.
Изд. № 4339/04. Тип. зак. № 26.

Цена 1 р. 30 к.

Изд-во «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. изд. «Наука», Ленинград, В-34, 9 л., д. 12

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	3 сн.	ф. 79	ф. 32
90	14 св.	в 1867 г. тем уста- новлением	в 1867 г. установ- лением
181	15 сн.	литовцев	ливоицев
216	13 сн.	могли бы	планировали

На стр. 26 и 27 под рисунками перепутаны подписи.
 Подпись под рисунком на стр. 26 относится к рисунку
 стр. 27, а подпись под рисунком на стр. 27 относится
 к рисунку стр. 26.

Австро-Венгрия и славяно-германские отношения

Австро-венгрия и славяно-германские отношения

45.301.